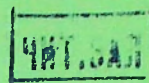

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

3/90

Советские и китайские
экономисты о реформе

Корейский узел

Путешествие в
«королевство пуговиц»

Прав ли советник
Трифонов!

Макс Вебер о Китае

Покушение на Сталина

«Дао дэ дзин»
в поэтическом переводе

Школа каратэ

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Научный и общественно политический журнал
выходит шесть раз в год на русском,
английском, японском и испанском языках

Издается с марта 1972 г.
Москва.
Издательство «Прогресс»

СОДЕРЖАНИЕ

Каком быть реформе?

Симпозиум советских и китайских ученых 3

ПУЛЬС РЕГИОНА

КИМ ЧХОЛЬ СИК (КНДР). Межкорейские отношения: взгляд из Пхеньяна 14

ХО ГВАН (Южная Корея). Трудный путь к разоружению и разрядке 16

Ю. ШАОХУА (КНР). Зигзаги сеульской политики 23

А. А. СОЛОВЬЕВА. США и перспективы тихоокеанского регионализма 26

Диалог и дискуссии

А. А. МУРАДЯН. Безопасность и интеграция: взаимосвязь и взаимовлияние 31

Шаги китайской реформы

В. Я. ПОРТЯКОВ. В поисках модели хозяйствования 39

А. И. АЛЕКСАХИНА. Путешествие в вьньчжоуское «королевство пуговиц» 48

Е. Ф. АВДОКУШИН. Аренда на селе: сбыт и снабжение 58

Точка зрения ученого

Е. Д. СТЕПАНОВ. Понятие «интересы» во внешней политике 63

Профили

К 100-летию Хо Ши Мина

Е. В. КОБЕЛЕВ. Революционер и человек 73

Н. С. ХРУЩЕВ. Хо Ши Мин и война во Вьетнаме 78

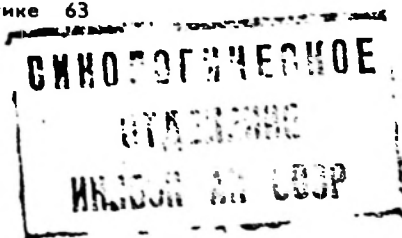
Н. Т. ФЕДОРЕНКО. В хижине президента 81

История и современность

Н. Б. АДЫРХАЕВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ. Дипломатическая уловка или дипломатический феномен?
(Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г.) 84

Ю. Н. ГРАДОВ. Караван на перевале (продолжение) 92

В. Г. ГУЗАНОВ. Всех поименно назвать (русский некрополь в Японии) 100

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ИСТОРИИ

Из китайского архива В. А. Трифонова (Предисловие Ф. Ф. Лаппо) 110

КЛУБ КОНФУЦИЯ

Э. С. КУЛЬПИН. Макс Вебер и Китай: что и почему не увидел великий ученый? 124

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

И. ХИЯМА. Японские планы покушения на Сталина 135

АНТОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ КЛАССИКИ

ЛАО-ЦЗЫ. Дао дэ цзин (Опыт поэтического перевода Валерия Перелешина) 144

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

Г. В. МЕЛИХОВ. Зарисовки старого Харбина (продолжение) 162

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

П. И. ПРИХОДЬКО. Вернуть Земле земную красоту (китайский дворик и европейский дом) 170

А. Г. ЮРКЕВИЧ. Секреты древних врачевателей и востоковедение 178

Ю. Е. БУГАЕВ. Школа каратэ 186

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

ГАО МАН. Память сердца (Анна Ахматова и Китай) 190

С. Р. БЕЛОУСОВ, Л. С. ПЕРЕЛОМОВ, В. Ф. ФЕОКТИСТОВ. Учитель десяти тысяч поколений 197

В. Т. ФЕДЯИНОВ. Японские профсоюзы: второе дыхание 202

Ю. М. ЧЕРЕВКО. НИС Азии: углубление интеграции 208

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

И. Е. КОВЫНЕВА. Любителям ушу: упражнения серии «тигр» 216

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

В. Б. ВОРОНЦОВ. Китай и внешний мир 218

Н. П. РУСАНОВ. От дигао до «Жэньминь жибао» 219

Е. А. БРАГИНА. Опыт промышленного развития КНР 221

Памяти В. Д. Тихомирова 224

Памяти Б. Г. Гребенникова 224

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале, не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции:
Москва, 117848,
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН, А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Н. КАШИН, И. И. КОВАЛЕНКО, А. И. КРУШАНОВ, А. П. МОРОЗОВ, С. Н. МОРОЗОВ, В. С. МЯСНИКОВ, Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ, Б. Л. РИФТИН, Г. С. САДВАКАСОВ, А. И. СЕНАТОРОВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора), В. Ф. СОРОКИН, Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО, Н. С. ТИХОНОВ (ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы Дальнего Востока,
1990

В округ этой проблемы идут дебаты в производственных коллективах и учреждениях, на съездах народных депутатов, сессиях Верховного Совета СССР и на многочисленных митингах и, конечно же, среди ученых, в академической среде. В этой связи особый интерес представляет конкретный опыт, положительный и отрицательный, всех социалистических стран, в особенности тех, которые раньше нас приступили к реформациям народного хозяйства. Такой страной является Китай. Его экономические реформы динамично развивались до 1989 г. Когда же инфляция захлестнула страну, покупательная способность населения стала стремительно снижаться, КПК вынуждена была пойти на чрезвычайные меры по оздоровлению экономической ситуации.

Как известно, наша экономика находится в состоянии стагнации и также оказалась в тисках жестокой инфляции. Чрезвычайные меры, к которым мы вынуждены были прибегнуть, пока не дали ожидаемого эффекта. Первый советско-китайский симпозиум по проблемам экономических реформ, организованный по инициативе Отделения экономики АН СССР и Отделения экономики Академии общественных наук Китая, оказался очень актуальным и полезным. Симпозиум проходил в Москве с 13 по 15 февраля 1990 г. Возглавляли делегации и вели поочередно заседания известные ученые-экономисты — и. о. академика-секретаря отделения экономики АН СССР академик Шаталин С. С. и вице-президент Академии общественных наук Китая Лю Гоуан.

Участников симпозиума тепло приветствовал президент Академии наук СССР академик Г. И. Марчук. В марте 1989 г., сказал президент, группа ученых и специалистов Академии наук СССР побывала в Китае, был установлен тесный контакт с Академией общественных наук Китая. Преобразования в СССР и Китае заложили новую основу для развития наших отношений во всех сферах деятельности, включая академическую науку.

Радикальные преобразования экономической и политической систем в СССР ставят перед наукой чрезвычайно важную задачу — непрерывное генерирование научных идей перестройки. Очень трудной оказалась задача перевода народного хозяйства с административно-командных методов управления к экономическим, в которых сочетались бы плановость, государственное регулирование и действие законов товарно-денежных отношений. В Китае накоплен большой опыт, и нам есть чему поучиться. Настоящий симпозиум позволит ученым наших стран обменяться опытом проведения экономических реформ, углубиться в сложные теоретические и практические проблемы перестройки, будет способствовать дальнейшему развитию сотрудничества ученых наших стран.

Симпозиум открыл академик С. С. Шаталин. Он призвал ученых к открытости в обсуждении проблем экономической реформы, к высокому профессиональному анализу — куда и как вести развитие наших экономик. Это требование кризисного состояния, переживаемого экономикой обеих стран.

Одна из многих проблем — определение планово-рыночной экономики и переход к ней наиболее целесообразным и безболезненным путем, к естественной интеграции со всеми социалистическими и другими странами мира.

Состояние и перспективы развития хозяйственной реформы

Эти проблемы стали темой доклада ректора Академии народного хозяйства СССР академика А. Г. Аганбегяна. Состояние нашей экономики докладчик оценил «как весьма тяжелое, но безнадёжное». Имеет место острый кризис потреби-

тельского рынка, денежного обращения и финансовой системы. Он обострился в последние 2—3 года, особенно в 1989 г., в результате следующих серьезных ошибок в ходе проведения экономической реформы:

1) Неправильное бюджетное планирование — дефицит бюджета вырос почти в три раза и составил 10 % ВВП.

2) Несмотря на протесты ученых, введенный в строительство хозяйственный механизм — заработная плата выплачивалась от объема работ. Объем незавершенного строительства вырос на 60 млрд. рублей, строителям было выплачено лишних (за несданные объекты) 30 млрд. рублей заработной платы.

3) Внедрены нерациональные нормативы в формировании фонда заработной платы. Стало возможным увеличивать ее за счет ценностных, ассортиментных сдвигов и т. п. Зарплата стала расти ежемесячно по 10—12 % (в один месяц — на 19 %), а производство товаров — всего на 3—4, 5—6 % (с учетом повышения цен). Перерасход зарплаты составил в 1988 г. 15, а в 1989 г. — 25 млрд. рублей. Как следствие — эмиссия денег составила в 1988 г. 10, а в 1989 г. 18 млрд. рублей.

Рост денежных доходов не покрывается ростом товарооборота и услуг на 40 млрд. рублей, еще больше — отложенный спрос — 165 млрд. рублей. На руках у населения 100 млрд. рублей, из них, видимо, 60 млрд. избыточных. В сбербанках — 330 млрд. рублей.

Эта огромная масса денег давит на цены, идет «подавленная» инфляция — вымываются дешевые товары, растут средние государственные цены, особенно кооперативные и на колхозных рынках. На «черный» рынок, скажем в Москве, приходится примерно 7—8 млрд. рублей. По статистике инфляция в 1989 г. оценивалась в 7,5 %, с учетом «черного» рынка, надо полагать, — 10 %.

Главная задача — выйти из этого кризиса. Правительственная программа оздоровления экономики в основном правильна — сократить дефицит бюджета с 92 до 60 млрд. рублей. С этой целью предполагается сократить в 1990 г. централизованные капитальные вложения на 27 млрд. рублей, военные расходы, дотации убыточным предприятиям, расходы на содержание аппарата управления, а также сдержать рост денежных доходов введением прогрессивного налогообложения на прирост фонда зарплаты. Однако давление снизу увеличивается, и последняя мера вряд ли даст весомый эффект.

Предпринимаются усилия с целью расширения производства потребительских товаров. Взят кредит около 3 млрд. долл. в ФРГ, Италии и других странах и закуплено оборудование для легкой и пищевой промышленности. Производители этих товаров освобождены от уплаты на прирост фонда зарплаты. Импорт товаров увеличен на 19 %, или на 8 млрд. рублей в розничных ценах.

Товарооборот и сфера услуг увеличатся в этом году примерно на 40 млрд. рублей.

Правительство пытается «связать» излишнюю денежную массу — выпускает заем с более высоким процентом годовых, намерено повысить процент за вклады в сбербанк, выпустило заем на 10 млрд. рублей под приобретение в перспективе дефицитных товаров, собирается расширить продажу квартир.

Предпринимаются меры и командно-приказного плана — ужесточаются условия хозяйствования — расширяется госзаказ на потребительские товары, ограничивается экспорт товаров и сырья, используемого для производства потребительских товаров, отменены индексы на товары «Н» и «Д» и т. д.

Академик А. Г. Аганбегян считает, что эта программа недостаточна для радикального изменения ситуации. Она нуждается в дополнениях. Следовало бы резко расширить продажу жилья, направив на дополнительное его строительство 12 млрд. рублей (из 27, высвобождаемых в результате сокращения капстроительства). Ежегодно можно было бы строить для продажи 2—3 млн. гаражей по 2—3 тыс. рублей. Аналогичным образом можно направить средства на обустройство садовых и огородных участков.

1991 год будет особенно тяжелым для государства. Новый Закон о пенсиях потребует 29 млрд. рублей, закон об отпусках — 9 млрд. рублей. Обещано повышение стипендий студентам, надо переходить к 80-рублевому минимуму пенсий, увеличить необлагаемый налогами минимум зарплаты...

Нормализация потребительского рынка — неотложная задача. Нам необходим рынок, стимулирующий заинтересованность в производительном труде. Для этого

надо провести денежную реформу, перейти к рыночной системе цен, кроме цен на жизненно важные блага, коренным образом изменить всю систему торговли — перейти на реальную многоканальную систему оптовых баз, к которым будут прикреплены магазины. Вводится новый хозяйственный механизм, с 1 января 1991 г. намечается провести реформу оптовых и сельскохозяйственных цен. Постепенно будет создан рынок продуктов и товаров, будет введена нормальная таможенная система. Давление внешнего рынка будет полезным для потребителей.

Наши цены, по мнению академика Аганбеяна, должны быть приближены к мировым ценам. Банки надо перевести на коммерческие основы.

Разрабатываются антимонопольные меры, а также меры, стимулирующие конкуренцию, меры для борьбы с диктатом производителя.

Разрабатываются программы внедрения рынка денег и инвестиций, рынка рабочей силы. Надо избежать значительной безработицы, укрепить органы трудоустройства, наладить систему переподготовки кадров за государственный счет. Разработать законы о социальной защищенности в условиях развивающегося рынка. Надо создать внутренний рынок конвертируемой валюты.

Следующая пятилетка должна заложить основы нового хозяйственного механизма, нового типа экономики — плано-рыночной.

Нужны крупные структурные изменения. Фонд потребления и расходы на социальную сферу составляют 50 % ВВП, задача заключается в том, чтобы перестроить экономику, повернуть ее на удовлетворение нужд человека. Нормальная структура производственного фонда, военных расходов и фонда потребления должна иметь отношение 30:70, 20:80, как в других странах. Фонд потребления возрастет за пять лет на 35 %, в полтора раза увеличатся капиталовложения в социальную сферу, в полтора — два раза — на развитие легкой и пищевой промышленности и других отраслей группы «Б».

В докладе Лю Гогуана было изложено общее направление реформ и нынешнее упорядочение. Наш журнал систематически освещал вопросы экономической реформы в Китае в период 1978—1988 г., поэтому остановимся на причинах неблагоприятных процессов, развившихся к 1989 г. По мнению докладчика, прежде руководство ЦК КПК, рассчитывая на легкий и быстрый эффект, стремилось резко увеличивать темпы промышленного развития, что привело к общему дисбалансу и диспропорциям в народном хозяйстве, сказались трудности переходного периода хозяйственной системы к плано-рыночной экономике. Задача оздоровления экономической ситуации сводится к снижению темпов прироста промышленного производства (в 1989 г. он составил около 11 % против почти 21 % в 1988 г.), к жесткой политике финансирования и кредитования на макроуровне и к максимальному снижению совокупного общественного спроса. Оздоровление с помощью административных методов, отметил Лю Гогуан, не может продолжаться длительное время, поэтому необходимо по возможности переходить к экономическим методам, углублять реформу.

Социальная направленность планирования в СССР

Этой проблеме был посвящен доклад директора Института экономики при Госплане СССР, доктора экономических наук В. Г. Костакова. По мнению докладчика, прежде объектом планирования и благодетения государства рассматривалось население страны. Ему предписывалось, как работать и жить, разрабатывались соответствующие нормы. Между тем идее социальной направленности планирования отвечает изучение потребностей людей, а учесть их может только рынок. Увеличение доли потребления, реальных доходов, развитие социальной инфраструктуры (строительство школ, больниц, жилья) и т. д. — это всего лишь средства реализации целей социального развития. Смысл же социальной направленности планирования докладчик видит в том, чтобы выявить социальные проблемы, наметить цели социального развития и средства их осуществления. Такими проблемами являются:

1) Продолжительность жизни и здоровье людей — глобальный показатель уровня социально-экономического развития. За последние 25 лет она у нас снизилась с 70,4 года в 1970 г. до 69,5 лет в 1988 г. В то же время национальный доход вырос в 3 с лишним раза, а реальные доходы населения — более чем в 2 раза.

К сожалению, в соответствующих плановых документах этот вопрос практически даже не ставится.

2) Проблема занятости. Мы не уделяли ей внимания, и она стала одной из причин напряженности в обществе. У нас разрабатывается проект закона о занятости населения, предусматривающий, по мнению докладчика, революционные способы решения проблемы. Прежде всего необходимо энергично создавать рынок труда, который предполагает свободный выбор каждым трудящимся профессии, вида и места труда, а также возможность безработицы.

3) Трудовая мотивация населения. Сейчас она крайне низка. Дело вовсе не в ленивости людей, этим тезисом подводится база под командно-административные методы. Главная причина низкой заинтересованности работать интенсивно и качественно — в крайне оскудевшем потребительском рынке, в условиях труда, в положении человека в производстве и в обществе, когда «все — для человека», но — в последнюю очередь и когда от него мало что зависит в производстве и в обществе.

Прежде всего надо улучшить положение на потребительском рынке, а без эффективного сельского хозяйства эту проблему решить невозможно.

Докладчик особо подчеркнул чрезвычайную важность создания в обществе благоприятной психологической обстановки для осуществления этих преобразований. За 70 лет у населения сложились стереотипы об активном использовании рынка, о безработице, о динамике цен как явлениях, которые якобы непременно ведут к бедствию трудящихся.

Макроуправление экономикой Китая

С докладом на эту тему выступил профессор Дай Юаньчэнь. Остановившись на формах сочетания плана и рынка (механическое, взаимопроникающее сочетание и органическое единство), с чем наши читатели имели возможность познакомиться в наших публикациях, профессор Дай отметил такие направления реформы на макроуровне, как уменьшение прямого контроля за экономической деятельностью (планово распределяется только 22 вида материальных ресурсов, в области управления финансами предприятиям оставляется часть прибыли в собственное распоряжение, предоставление кредита осуществляется на возвратной основе с увязкой его с эффективностью работы), обновление форм макроконтроля — с помощью более чем 20 видов налогов (на продукцию, приращение стоимости, промысловый налог, подоходный налог вместо отчисления прибыли, индивидуальный налог и т. д.), с разных сторон регулируется экономическая деятельность, финансовые потребности секторов экономики регулируются через различного рода структуры денежного обращения. Тем не менее за десятилетие совокупный общественный спрос чрезвычайно увеличился, и правительство вынуждено было усилить контроль. Практика показала, что в условиях неурегулированности цен, налогов, процентных ставок, курсов валют и заработной платы нельзя резко отказываться от прямого административного контроля: возникает хаос из-за вакуума управления.

Конверсия — важнейшая часть структурной перестройки в СССР

Неуспехи нашей хозяйственной реформы, считает директор Института экономического прогнозирования научно-технического прогресса член-корреспондент АН СССР Ю. В. Яременко, в немалой степени объясняются громадной внеэкономической нагрузкой на нашу экономику со стороны военного производства. Машиностроение на 50 % работает на военное производство, а 50 % — на воспроизводство основных фондов народного хозяйства, причем значительная часть мощностей машиностроения используется на свое собственное воспроизводство.

Дело не только в отвлечении лучших материальных и людских ресурсов, но и в том, что такая структура не позволяет сформировать в стране нормальный процесс хозяйствования. Административная система управления — не выдумка бюрократов, а следствие сложившейся структуры.

Как снизить это давление? Разумеется, темпы во многом определяются процессами разоружения, политикой. Пока высвобождается недостаточная масса ресурсов. Если конверсия пойдет по пути наращивания военным ведомством производства потреби-

тельских товаров, то есть опасность, что эта перспективная часть товарного производства будет отдана на откуп военным ведомствам. Они имеют современное оборудование, располагают дефицитными материальными ресурсами и квалифицированными кадрами, и, следовательно, все экономические и научно-технические выгоды такого производства не будут обогащать технологию и экономику гражданской экономики.

Опасность состоит также в том, что может сохраниться непропорциональное распределение ресурсов между военным и гражданским производством. Относительно самостоятельные элементы рынка, скажем кооперативы, будут избегать производства потребительских товаров, что уже имеет место, и будут тяготеть к «большим» деньгам в иной сфере — строительные кооперативы с удовольствием будут отделять кабинеты руководителей тех же богатых ведомств и т. д. И новые формы хозяйствования будут работать не на наше будущее, а на наше прошлое. Нельзя забывать, что сила богатых ведомств — следствие слабости нашей экономики, чем сильнее несбалансированность экономики, тем сильнее монополия ресурсопроизводящих министерств.

Необходимо уйти от отраслевого принципа планирования, нужна реконструкция Госплана.

План и рынок: опыт Китая

Необходимость сочетания плана и рынка предъявляет новые требования к централизованному планированию. О результатах реформы системы планирования в Китае рассказал директор Института эконометрии и технико-экономических исследований АОН Китая профессор Ли Цзиньвэнь. Госплан КНР планирует производство 60 наименований продукции — прежде всего угля, нефти, стали, цветных металлов, древесины, цемента и т. д.

Преобразуется система производства капитальных вложений в основные фонды. В экспериментальном порядке осуществляется переход от бюджетного финансирования к банковскому кредитованию, за исключением научных исследований, образования, здравоохранения, административных органов.

Утвержденные Госпланом объекты производственного строительства (стоимостью до 50 млн. юаней в энергетике, сырьевой промышленности и на транспорте и до 30 млн. юаней в других отраслях), объекты непромышленного назначения утверждаются на уровне провинций и городов.

Финансовые ресурсы сконцентрированы на строительстве в энергетике и транспорте.

Внедрена конкурсная система подряда в строительстве.

Усилено планирование через показатели экономической эффективности. Установлены плановые показатели, исчисляющие совокупную общественную экономическую эффективность (национальный доход на душу населения и его динамика, эффективность общественного накопления), эффективность отраслей (норма рентабельности, экономия энергоресурсов) и эффективность предприятий (коэффициент качества продукции, коэффициент ввода новых видов продукции).

Планирование остается несовершенным. Не урегулированы отношения между оживлением микроуровня и усилением управления на макроуровне. Пока не найдены способы регуляции конкуренции — сказывается неразвитость рынка, нерациональные цены, отсутствие правового обеспечения. Не найден еще механизм регулирования направления капитальных вложений в основные фонды с помощью налоговых рычагов.

Передача прав хозяйственного управления низовым органам необходима, однако еще не отработан механизм управления на всех уровнях. Это привело к погоне на местах за развитием высокоприбыльной обрабатывающей промышленности.

В настоящее время усилия направлены на совершенствование системы комплексного балансирования народного хозяйства, создание эффективной системы макроконтроля. Директивное планирование должно стать важным фактором стабилизации экономики, необходимо совершенствовать формы направляющего планирования, которые при всей его гибкости не может не выполняться без веских на то причин. В директивный план включены обязательные закупки зерновых, хлопка и некоторые другие культуры, остальные культуры включены в направляющий план.

Центр тяжести в плановой работе переносится с определения показателей плана и разверстки капитальных вложений и материальных ресурсов на выработку стратегии социально-экономического развития, отраслевой политики, обеспечение сбалансированности совокупного спроса и предложения.

Ход и результаты реформы в промышленности Китая

Эти вопросы были рассмотрены в докладе директора Института экономики промышленности АОН Китая Чжоу Шуляня. Для нас, видимо, особый интерес представляет опыт весьма успешного применения системы экономической ответственности на предприятиях с 1987 г. до настоящего времени. Коренной особенностью этой системы, считает профессор Чжоу, является полная гарантия базовых сумм, четкая система отчисления средств — при большем доходе оставляется большая часть средств предприятию, недовыплаты покрываются из собственных средств накопления. Надо заметить, что профессор Чжоу — активный сторонник именно данной формы хозяйственной деятельности. Он полагает, что для внедрения акционерной системы еще не созрели условия, поэтому результаты могут оказаться непредсказуемыми; учитывая, что ведущая роль в экономике отводится общенародной собственности, о приватизации нет и речи. Кстати, он считает также, что реформа ценообразования, будучи ключевой проблемой, не может быть проведена сегодня как рычаг углубления реформы: ситуация на предприятиях, рынке, в области финансов, соотношение спроса и предложения, инфляция, способность населения воспринять ее — все это моменты неготовности к решению столь ответственной задачи.

Докладчик назвал десять преимуществ системы ответственности, правда, в форме возможности: можно воспользоваться расширенными правами, неплохой механизм мотивации, повышение финансовой ответственности, возможность самонакопления, саморазвития, улучшение управления, внедряются обязательства руководящих ведомств, появляются стимулы выйти на рынок, возможность улучшения макроуправления, воспитание социалистических предпринимателей, гарантия поступлений в госбюджет.

Профессор Чжоу привел ряд ярких примеров действия, как у нас считается, подрядной системы на предприятиях. В частности, на подрядных предприятиях провинции Цзилинь в 1988 г. сумма фактической прибыли и налогов увеличилась в 4,4 раза против 1981 г., сумма выплат в виде отчислений налога и прибыли — в 3 раза, темпы развития производства ежегодно выражались двузначными числами.

К «устойчивым недостаткам» подряда докладчик отнес трудности установления рациональной базовой суммы: существует тенденция занижить ее, ставки прироста величины отчисляемой прибыли (при занижении ее величины превышения базовой суммы прибыли государству отчисляется меньше, чем предприятию), явления коллективного эгоизма, отсутствие строгого контроля за фондом потребления, завышение доли премиальных и фонда коллективного благосостояния в величине отчисляемой прибыли, завышение доходов административно-хозяйственного персонала. Естественно, что пути совершенствования подрядной системы профессор Чжоу видит в сокращении сферы действия названных недостатков. Нетрудно видеть, что эти пути субъективные — административно-командные.

Докладчик не считает, что подрядная система — идеал реформы на предприятиях. Идеал он видит в формировании действительных товаропроизводителей и субъектов хозяйствования, что нельзя достичь с помощью даже усовершенствованной подрядной системы. Она предполагает относительную самостоятельность, такие предприятия не могут нести всю ответственность за свои доходы и убытки, лишены саморегуляции. Коренное противоречие подрядной системы состоит в том, что она положила начало разделению административных и хозяйственных функций, но не может завершить этот процесс. Все дело в том, что право собственности остается за государством, а предприятие пользуется только правом хозяйствования. «Эти рамки», — считает докладчик, — должны быть сохранены», хотя и признает, что при этом полной хозяйственной самостоятельности нет. Докладчик полагает, что, как минимум, государство может сохранить за собой «конечное право собственности», которое сродни праву акционера в компаниях на Западе. Однако оно не может напрямую обладать имуществом предприятия — им распоряжается само предприятие, как юридическое лицо.

Необходимо также найти формы разграничения права собственности и права хозяйствования внутри предприятия — уточнить права, ответственность и интересы государственной и предприятия. Такой организационной формой может стать со временем акционерная компания. Некоторые предприятия могут использовать ее соответствующим образом уже сегодня.

Хозяйственная самостоятельность предприятий в СССР

Положительным, считает зам. директора ИЭМСС доктор экономических наук Р. Н. Евстигнеев, является превращение предприятия в товаропроизводителя как ступени в замене командной системы экономической. Если же эта замена затягивается и не происходит изменений в системах ценообразования, налогообложения, финансово-кредитной системе, тогда такое расширение самостоятельности может привести к утрате управляемости экономикой. Приходится ужесточать централизованное управление. Такие колебания вредны. Надо менять всю хозяйственную систему.

Далее докладчик остановился на ступенях развития самостоятельности. Началось с внедрения хозрасчета, самофинансирования, а затем и самоуправления (Закон о госпредприятии 1987 года). В 1989 г. были внесены дополнения — предоставлено право выбора модели и хозрасчета, перехода на аренду, выбора структуры предприятия, даже выхода из министерства, расширение самостоятельности в экспортно-импортной деятельности.

Однако к концу 1989 г. вследствие некомпетентности проведения реформ экономическая обстановка серьезно осложнилась. Введено жесткое налогообложение прироста фонда зарплаты, ограничена экспортно-импортная деятельность и другие чрезвычайные меры. Но остановить движение к самостоятельности не удастся. Логика дела ведет, если не к системе присвоения, то к системе владения. Пока это происходит в форме аренды, схожей с системой подрядно-хозяйственной ответственности в Китае. Есть формула — «государство — собственник, предприятие — хозяин». Это — промежуточная стадия, которая, видимо, будет существовать еще длительное время. От разделения собственника и хозяина процесс пойдет к их соединению в лице коллектива. Исключение составят предприятия энергетики, связи, транспорта, обороны, которые останутся государственными.

Аренда распространяется бурно. На начало 1990 г. на аренду перешли 1332 предприятия промышленности, 731 строительная организация, 4911 колхозов и совхозов, 988 предприятий розничной торговли, 1043 предприятия общественного питания. Министерства, местные Советы неохотно отпускают в аренду предприятия, колхозы навязывают арендаторам кабальные условия.

Дальнейшее развитие аренды — выкуп предприятия, создание кооперативов, народных (коллективных) форм хозяйствования. К началу 1990 г. их насчитывалось около 200 тысяч. В них занято 4,2 млн. человек, объем продаж составляет 33 млрд. рублей, или 6 % ВВП. Этот процесс встречает упорное сопротивление.

В перспективе наиболее прогрессивной формой станут акционерные общества.

Наряду с этими формами идет процесс создания межотраслевых государственных объединений, или концернов, которые также работают самостоятельно.

Многообразие форм хозяйствования

«Собственность — не только имущество, но и власть в хозяйстве», — подчеркнул в своем докладе профессор Б. В. Ракитский (ЦЭМИ). Высокий уровень обобществления оказался губительным единообразием хозяйствования.

В том, что требование разгосударствления (денационализации) собственности сопровождается требованием усилить налоговое обложение, финансовые рычаги, то есть государственное регулирование, докладчик видит парадокс. Государство к тому же требует обеспечения всем формам хозяйствования равных условий.

На госпредприятиях норма эксплуатации оказалась очень высокой, а уровень организации производства очень низким. Стоило новым формам хозяйствования (кооперативы, аренда и т. д.) чуть улучшить организацию, как они сразу же стали более эффективными, чем госпредприятия. Для них опасен не хозяйственный риск, а нестабильные подходы государства, в частности в налоговой политике. Избавление

от такого произвола они видят в частной собственности, в выкупе предприятия. Это — конечно, своего рода перевернутое сознание. Настоящую защиту от произвола может дать твердая государственная власть, демократическая власть, надлежащие законы. Частная собственность, выкуп предприятий не популярны у трудящихся: при высокой норме эксплуатации они не имеют средств для этого.

Перспективы реформы в китайской деревне

Успехи этой реформы в первой половине 80-х годов хорошо известны. Они достигнуты благодаря внедрению семейного подряда. Коллективному хозяйству принадлежат земля, природные ресурсы, ирригационные сооружения, другие средства производства. Крестьянский двор заключает договор с коллективным хозяйством на подряд.

После 1985 г. в китайской деревне возникли серьезные проблемы. Директор Института развития деревни АОН Китая Чэнь Цзюань считает, что «некоторые товарищи, ослепленные успехами» решили, что теперь сельское хозяйство может развиваться на собственной основе, что зерновая проблема разрешена, следовательно-де, можно использовать зерно для увеличения производства мяса. Политика цен и капиталовложений ударила по активности крестьян. Производство зерна, хлопка, масличных культур оказалось в застое. Как поднять хозяйство?

1) Необходимо увеличить вложения в сельское хозяйство, темпы прироста промышленности и сельского хозяйства характеризовались следующим соотношением: в 1979—1984 гг.—1,5:1,0 в 1985—1987 гг.—4:1, в 1988 г.—6,7:1; нормальная пропорция — 2:1.

2) Надо повышать закупочные цены на основные культуры, сокращая разрыв между контрактными и договорными, с одной стороны, и рыночными ценами — с другой.

3) Приостановить чрезмерный рост цен на средства производства.

4) Устанавливая все цены, надо исходить из интересов всего народного хозяйства.

5) Укрепляя подрядную систему, надо укреплять экономические возможности коллективного хозяйства, чтобы они лучше выполняли допроизводственные, производственные и послепроизводственные услуги для арендаторов.

6) Там, где есть условия, оптимизировать масштабы хозяйствования.

7) Надо вводить товаризацию права пользования землей, чтобы стимулировать крестьян на вложение средств в повышение плодородия почвы.

8) В деле развития деревни большую роль играют предприятия местной промышленности. Они вбирают в себя 50 % излишней рабочей силы деревни, укрепляют финансовое положение деревни, производят для деревни уголь, цемент, бумагу, одежду.

Реформа сельской экономики в СССР

Академик И. И. Лукинов начал свой доклад с диагноза «экономической болезни» нашей деревни. В течение многих десятилетий хозяйственный механизм был направлен не на развитие аграрного сектора и успешное решение продовольственной проблемы. Аграрный сектор служил своего рода инвестиционным донором для развивающейся промышленности и для растущих городов. К тому же шел отток людских ресурсов в город. Цены на сельхозпродукцию не покрывали и трети издержек производства. Продукция, по существу, реквизировалась.

Только с 1953 г. положение начало улучшаться. Но и сегодня мы имеем дело с неэквивалентным обменом между городом и деревней. Нет оснований, считает академик Лукинов, фетишизировать новые хозяйственные формы, хотя, несомненно, они должны быть динамичными. Необходим действенный хозяйственный механизм регулирования, хорошая технология, интенсивность ведения хозяйства.

Нерациональна система закупок пшеницы. Крестьянам платим за тонну 94 рубля, а за рубежом — 200 долларов. Ни американский, ни европейский, ни японский фермер или китайский крестьянин не смог бы вынести такое бремя, в первый же год разорился бы.

Пути улучшения положения в сельском хозяйстве:

- 1) пересмотр цен на сельхозпродукцию и средства производства;
- 2) изменение финансово-кредитной системы в пользу деревни;
- 3) реконструкция перерабатывающей промышленности;
- 4) внедрение многообразных форм хозяйствования с равными условиями конкуренции;
- 5) отсутствие диктата сверху в выборе этих форм, развитие интегрированных форм хозяйства;
- 6) реализация на деле сильной социальной программы.

Реформа цен — самая важная и трудная задача

Таково мнение директора Института экономики финансов, торговли и материальных ресурсов профессора Чжан Чжоюаня. Реформа была начата в 1979 г. и до 1988 г. проходила весьма успешно. Доля цен на продукцию материального производства и услуг, устанавливаемых государством, снизилась до 50 %, в отношении остальных товаров и услуг применялись индикативные цены и цены рынка. В сельском хозяйстве — соответственно цены на 24 % продукции устанавливались государством, цена на 19 % продукции регулировалась государством, 57 % продукции постоянно реализовались на рынке.

Улучшена структура цен. Закупочные цены на сельхозпродукцию повышены на 144,5 %, на продукцию тяжелой промышленности — на 64,5 % (добывающей — в 2 раза, перерабатывающей — на 72 %).

Со второй половины 1984 г. вследствие ошибочных решений (погоня за темпами развития промышленности, сверхнормативное распределение национального дохода и т. д.) резко ухудшились условия реформы. Розничные цены ежегодно росли на 6—20 % (результат инфляции, а не изменения соотношения цен). Уровень жизни 21 % жителей города (а в 1988 г. — 34,5 %) снизился. Закупочные цены на зерно оказались у основания пирамиды цен. Нарушилась структура цен.

С сентября 1988 г. осуществляется оздоровление экономики. В январе 1989 г. розничные цены повысились на 27 %, в первую половину года — на 25,5, в августе — на 15, в сентябре — на 12, в октябре — на 8,7 %. Предпринимаются меры к постепенному повышению закупочных цен на зерно, хлопок и масличные культуры, чтобы преодолеть спад производства, к повышению цен на нефть и уголь, на некоторые виды сырья, к улучшению структуры цен.

В Китае сложился открытый потребительский рынок. В 1987 г. под контролем Министерства торговли находилось всего 22 вида товаров (в 1979 г. — 188), 50 % продукции предприятий реализуется самостоятельно, предприятия торговли закупают сами до 80 % товаров. Развивается рынок средств производства. В 1987 г. централизованно распределялось 27 видов средств производства (в 1978 г. — 689). Примерно половина сырья закупается крупными и средними предприятиями на рынке. Формируется первичный рынок капитала, рынок долгосрочных денежных средств. Появились зачатки рынка трудовых услуг. Развивается рынок техники. В крупных городах появляются рынки недвижимости.

Цены и ценообразование в СССР

Этой острейшей проблеме нашей экономики был посвящен доклад зам. директора ЦЭМИ члена-корреспондента АН СССР Н. Я. Петракова. В концепции реформы системы цен, которая была разработана в 1987 г., по мнению докладчика, формально было заложено стремление не только пересмотреть уровни цен, но и изменить механизм ценообразования. Причем государству отводилась роль частичного регулирования. К сожалению, этот новый момент не был разработан соответствующими органами. Работа проведена по старой схеме. При этом не учитывалось, как новые цены будут влиять на баланс спроса и предложения, на ликвидацию искусственного дефицита товаров и продуктов, вызванного несбалансированностью денежной массы, находящейся в руках предприятий и населения, с товарными ресурсами. Использовался принцип неизменности цен, борьба с инфляцией сводилась к контролю за ценами вне контроля за доходами.

Что же делать? Можно установить две цены — на плановую и сверхплановую продукцию. Второй вариант — на небольшую группу наиболее важных товаров цены жестко контролируются государством, а на остальные — частично.

Докладчик полагает, что цены надо регулировать в плановом порядке, но не путем установления цен, а путем планового воздействия на факторы спроса и предложения, то есть путем рациональной инвестиционной политики и контроля над доходами. Цены будут равнодействующей в этой политике, показателем степени рациональности политики цен. Сейчас необходимо жестко отобрать наиболее важные товары и четко контролировать цены на них.

Развитие экономической реформы возможно только при условии включения в систему международного разделения труда, надо выходить на мировой технологический уровень, ориентироваться на мировые цены.

Шанхай как центр торговли, финансов, информации, туризма

Директор Института отраслевой экономики АОН Шанхая Ли Фань отметил, что Шанхай исторически формировался как центр торговли и финансов, благодаря этому оказывал большое влияние на распространение экономики, техники и культуры. После 1949 г. город стал индустриальным центром. За 40 лет промышленный комплекс увеличился в 49 раз. Его финансовые поступления государству составили $\frac{1}{6}$ часть доходов бюджета страны. Одностороннее развитие нанесло урон всему народному хозяйству.

В ходе реформы акцент делается на развитие города как многофункционального экономического центра страны, важного финансового и торгового центра западной части Тихоокеанского региона. За 10 лет пропорции между первой, второй (промышленность, сельское хозяйство) и третьей сферами (торговля, услуги) изменились с 4:7,74, 4:18,6 в 1978 г. до 3,8:6,6, 6:29,6 в 1988 г., в экспериментальном порядке открыты финансовый рынок, рынок оптовой торговли, средств производства, недвижимости (жилье, гостиницы, торговые площади, многофункциональные здания), технологии, информации и т. д., укрепилась инфраструктура (сообщение, связь, водо- и электроснабжение, газификация), сумма вложений в нее в 2,6 раза больше, чем за первые 30 лет после революции, укрепилась горизонтальные связи — с другими городами и районами страны (в городе создано 6 тыс. объектов горизонтального сотрудничества, 1200 магазинов и предприятий других городов), а также с другими 170 странами и территориями (экспорт составил в 1988 г. $\frac{1}{10}$ общего объема экспорта страны).

К сожалению, Шанхай по-прежнему остается городом с самым большим удельным весом директивного плана, с самой высокой концентрацией госпредприятий. Усилия направлены на введение дифференциальных налогов вместо «местного финансового подряда», замыкающего город административными границами, ограничивая обращение с другими районами; на стабилизацию цен, установление рационального соотношения с ценами других крупных городов, на товаризацию жилья и другой недвижимости, на расширение внешнеэкономических связей.

Обращение материальных ресурсов в Китае

Этой теме был посвящен доклад ученого секретаря отделения экономики АОН Китая Цинь И. В 1986 г. предприятия металлургии самостоятельно реализовали 32,1 % произведенной в стране стали, угольные шахты — 25 % угля, цементные заводы — 48 %. Развитые провинции на 40 % удовлетворяют свои потребности в ресурсах самостоятельно.

Цены на продукцию, исключенную из планового распределения, в 1984 г. не должны были превышать плановые на 20 %, а с 1985 г. и это ограничение снято. Общий уровень цен на средства производства повысился весьма значительно. В 1988 г. в стране было 700 рынков средств производства, 180 рынков стали.

Плановое распределение означает стабильность поставок. Однако в условиях дефицита ресурсов и двойных цен (на фондируемые и рыночные ресурсы) между ведомствами идет борьба за фонды, которые затем могут продаваться по рыночным ценам, — в этом коренная трудность переходного периода.

Несовершенство рынка, дефицит ведут к тому, что предприятия просто обменивают продукцию, предназначенную для свободной реализации. Приходится постоянно усиливать планирование и централизацию.

Перспективы экономического сотрудничества СССР и Китая

Директор Института Дальнего Востока АН СССР доктор философских наук М. Л. Титаренко выразил уверенность, что по мере углубления реформ в СССР и Китае будут расширяться возможности нашего сотрудничества. Рассказав о реформе управления внешнеэкономической деятельности в СССР, докладчик отметил высокую степень взаимодополнения народнохозяйственных комплексов СССР и Китая. Китай в наибольшей степени заинтересован в поставках продукции тяжелой промышленности (машин и оборудования, черных и цветных металлов, химических продуктов, строительных и лесоматериалов), Советский Союз — в импорте из КНР продукции сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, некоторых видов полезных ископаемых.

Докладчик полагает, что полезным могло бы стать сотрудничество в деле использования труда китайских рабочих в различных отраслях экономики Советского Союза.

Выгодно обеим странам было бы расширение научно-технического сотрудничества, сооружение предприятий на компенсационной основе, совместное предпринимательство, производственная кооперация, есть неиспользованные возможности в развитии приграничных районов. Призыв правительства КНР (ноябрь 1989 г.) об активизации взаимной открытости приграничных районов нашел положительный отклик в нашей стране.

СИС: СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

С помощью китайских строителей

Коллектив Приморского строительного объединения заключил контракт на 1990 г. со строителями пров. Хэйлунцзян, работа которых на производственных и жилых объектах Владивостока, Спасска-Дальнего, Находки и Лесозаводска в прошлом году отличалась высоким качеством. Китайские строители приступают, в частности, к возведению учебного комплекса для Высшего инженерного морского училища во Владивостоке стоимостью 15 млн. руб.

Хорошие вести из Сингапура

По оценке местных специалистов, в 1989 г. советско-сингапурский товарооборот увеличился на 7% по сравнению с предыдущим годом, с двух до пяти выросло число совместных компаний. Видутся переговоры о создании еще нескольких. Только в 1989 г. в порт Сингапура зашло 1400 советских судов.

В настоящем разделе мы знакомим читателя с подходами ряда заинтересованных сторон к вопросам урегулирования корейской проблемы. На наш взгляд, несмотря на значительные прогрессивные перемены в международном климате, свидетелями которых мы стали в течение последних нескольких лет, позитивная тенденция, к сожалению, пока не находит своего достаточно полного отражения в развитии ситуации на Корейском полуострове. Безусловно, не так-то легко развязать корейский узел, поскольку в нем сплетены интересы не только корейцев, находящихся на Севере и Юге, а также СССР, КНР, США и Японии. Вполне очевидно, что без урегулирования этой проблемы трудно рассчитывать на установление атмосферы доверия, сотрудничества и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе. Поэтому, по нашему мнению, развязке тугого узла в Корее могут содействовать реальные усилия как политиков, так и ученых в направлении поиска путей выхода из пока существующей здесь тупиковой ситуации. Мы думаем, что этим целям может в определенной степени послужить обмен мнениями на страницах нашего журнала. В этом номере читателю предлагаются три материала, отражающие различные точки зрения.

Своими суждениями по проблеме объединения и диалога между Севером и Югом в интервью с корреспондентом «ПДВ» делится вице-президент Академии общественных наук КНДР КИМ ЧХОЛЬ СИК

Корр.: Общеизвестно, что КНДР и Южная Корея выступили с многочисленными инициативами по корейской проблеме. В чем, на Ваш взгляд, основная причина отсутствия каких-либо позитивных сдвигов в диалоге между Севером и Югом?

Ким Чхоль Сик: По моему мнению, для того, чтобы понять весь комплекс проблем, связанных с объединением Кореи и с диалогом, необходимо дать правильную оценку ситуации на Корейском полуострове. Если за последнее время наблюдается смягчение международной обстановки в мире в целом, что достигнуто благодаря усилиям СССР, то на Корейском полуострове такие изменения не ощущаются. Мне кажется, что причина здесь кроется в политике США в отношении Кореи.

С момента окончания второй мировой войны и оккупации Соединенными Штатами Юга полуострова прошло уже сорок пять лет. Почему же американцы до сих пор отказываются вывести свои войска из Кореи? Дело в том, что они используют этот район Северо-Восточной Азии в качестве плацдарма для агрессии против КНДР и соседних с ней социалистических стран. А южнокорейские власти являются проводниками такой политики Вашингтона. Именно поэтому ни в США, ни в Южной Корее не заинтересованы в объединении Кореи.

Одним словом, основную причину отсутствия сдвигов в диалоге между Севером и Югом я вижу в непрекращающейся оккупации США Юга Корейского полуострова.

Корр.: Находите ли Вы рациональные, позитивные моменты в подходе Южной Кореи к внутрикорейскому диалогу?

Ким Чхоль Сик: Ответ на поставленный Вами вопрос вытекает из сказанного мною выше. Наряду с этим я хочу сказать следующее. Подход южнокорейских властей к диалогу коренным образом отличается от нашей позиции в этом вопросе. На словах они

говорят о необходимости ведения переговоров и об объединении, а на практике все делают для того, чтобы добиться создания на полуострове «двух Корей». К увековечению раскола корейской нации ведут и попытки Сеула в одностороннем порядке вступить в ООН. Эти же цели преследует проводимая им «северная политика».

Как известно, в последнее время усилилось стремление южнокорейского народа к объединению родины, что получает широкую поддержку мировой общественности. С учетом складывающейся ситуации на Корейском полуострове товарищ Ким Ир Сен в своей новогодней речи выдвинул новые инициативы, направленные на ускорение решения проблемы объединения. Руководитель КНДР, в частности, предложил южнокорейским властям разрушить железобетонную стену, отгораживающую Юг от Севера страны и наладить свободное передвижение между двумя частями Корейского полуострова.

На мой взгляд, отношение к этим инициативам является своего рода лакмусом, с помощью которого можно определить занимаемую позицию по проблеме объединения Кореи. Однако, как видно по реакции Сеула, там не только не собираются разрушить упомянутую стену, но даже не признают факта ее существования. На одном этом примере можно убедиться в сущности позиции Юга. А если вспомнить, с какой настойчивостью южнокорейские власти из года в год проводят вместе с американцами военные маневры «Тим спирит» и что они сделали со студенткой Лим Су Гён, приговоренной к длительному тюремному заключению за поездку в Пхеньян на фестиваль, то вряд ли можно говорить о наличии каких-либо позитивных моментов в подходе Сеула к диалогу с КНДР.

Корр.: Какую роль, на Ваш взгляд, могут сыграть внешние факторы в ослаблении напряженности на Корейском полуострове; как Вы относитесь к идее созыва международной конференции по корейской проблеме?

Ким Чхоль Сик: «Хозяином» решения этой проблемы является корейский народ. Только его усилия могут привести к самостоятельному объединению. Вместе с тем мы придаем важное значение международной поддержке предпринимаемых нами усилий к объединению корейской нации. Мне хотелось бы подчеркнуть, что Советский Союз неизменно поддерживает нас в данном вопросе. Это воодушевляет корейский народ и вызывает у него чувство благодарности и признательности. Мы верим, что СССР и впредь будет занимать такую же позицию.

Что касается идеи о созыве международной конференции по корейской проблеме, то ее не назовешь плохой. Однако вопрос заключается в том, достижению каких целей она послужит. Мы считаем, что пользу международная конференция может принести в случае, если на ней будет выражена поддержка самостоятельному объединению Кореи. Одновременно она должна способствовать выводу американских войск и ядерного оружия из Южной Кореи, созданию на Корейском полуострове безъядерной мирной зоны. Сейчас трудно говорить о том, кто мог бы принять участие в такой конференции. Ведь до настоящего времени остается безответным наше предложение о проведении трехсторонних переговоров с участием КНДР, США и представителей южнокорейских властей.

Корр.: Каковы, по Вашему мнению, перспективы межкорейского диалога?

Ким Чхоль Сик: Как известно, КНДР ведет переговоры с Югом, основываясь на принципах, согласованных между сторонами еще в начале 70-х годов, а именно: самостоятельности, мирного объединения и национальной консолидации. На первом этапе диалог велся между обществами Красного Креста. Постепенно были расширены рамки контактов. В настоящее время наша сторона добивается проведения военно-политических переговоров с целью ослабления напряженности на Корейском полуострове. КНДР также пытается реализовать идею о созыве консультативного совещания представителей властей, всех партий и общественных организаций Севера и Юга. На столе переговоров лежат и другие конструктивные предложения, выдвинутые нашей стороной.

Однако южнокорейские власти создают преграды на пути реализации этих инициатив. Я вновь повторю, что такими препятствиями служат железобетонная стена, ежегодные маневры «Тим спирит» и действия, подобные тем, которые были предприняты Сеулом в отношении Лим Су Гён. Но несмотря на эти трудности, КНДР будет стремиться к достижению прогресса в межкорейском диалоге с целью осуществления национального чаяния нашего народа — объединения родины. Нас воодушевляет то, что сейчас, как никогда ранее, активизируются выступления южнокорейского населения за воссоединение нации и во всем мире ширится движение в поддержку объединения Кореи.

Интервью взял С. КУДАСОВ

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К РАЗОРУЖЕНИЮ И РАЗРЯДКЕ

ХО ГВАН

Новые шаги на пути сокращения вооружений

На пороге 90-х годов начинают дуть жаркие ветры, растопляющие ледники «холодной войны». Своим зарождением они обязаны инициативам М. С. Горбачева, провозглашенным на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1988 г. о сокращении советских вооруженных сил. С аналогичными инициативами выступили правительства РП, ГДР и КНР. Западноевропейские союзники США по НАТО внесли на обсуждение вопрос о выводе американских военных баз со своих территорий. Начавшиеся в феврале — марте 1989 г. в Вене переговоры об укреплении мер доверия и о сокращении обычных вооружений в Европе вселяют надежду на продолжение процесса разрядки 70-х годов.

Вслед за Европой процессы, направленные на снижение уровня военного противостояния, распространяются на Азию. М. С. Горбачев в июле 1986 г. во Владивостоке высказал предложение о проведении встречи по вопросам создания системы безопасности в АТР, аналогичной уже созданной в Европе. Особое значение имеет выступление советского руководителя в Красноярске в сентябре 1988 г., в котором вместе с предложениями по ослаблению напряженности в АТР прозвучали слова о возможности улучшения отношений Советского Союза с Южной Кореей.

Сегодня на Корейском полуострове, который по-прежнему остается «островком холодной войны», появляются признаки активизации процесса поиска путей к ослаблению напряженности. Это стало возможным благодаря, в частности, переменам во внешнеполитическом курсе южнокорейского правительства.

Правительство Ро Дэ У до последнего времени в качестве предварительного условия установления доверия между Севером и Югом рассматривало достижение прогресса в диалоге сторон в рамках Военной комиссии по перемирию, которая занимается лишь военными аспектами двусторонних отношений. Поэтому все предложения Сеула по объединению Кореи не избежали критики на том основании, что они являются «инициативами малых шагов».

Однако 18 октября 1988 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Ро Дэ У заявил: «Предстоит обсудить и достичь договоренности по всем поднимаемым сторонами вопросам, касающимся сотрудничества, взаимобмена, сокращения вооружений и других военных аспектов. ...Можно будет также разработать конкретный план перехода от соглашения о перемирии к мирному договору во время встречи на высшем уровне между Севером и Югом». Впервые вновь избранный президент выразил готовность обсудить военные вопросы в рамках диалога Север — Юг.

Отношения Север — Юг: начало долгого пути

На протяжении длительного периода времени, предшествовавшего вышеупомянутым переменам во внешней политике Сеула, южнокорейское правительство уходило от решения военного вопроса как центрального в проблеме мирного урегулирования, демонстрировало нереалистичный подход к неоднократно выдвигаемым Северной Кореей инициативам относительно сокращения вооружений, контроля над военными расходами, мирного договора и др.

В правительственных кругах придерживались мнения, что эти инициативы сподятся

Хо Гван, исследователь Института общественных наук Южной Кореи.

лишь к попыткам Севера сохранить военное превосходство, к стремлению любыми способами добиться «ассимиляции» и объединения с Югом.

Южнокорейская сторона, касаясь требований Севера о создании «безъядерной зоны», «выводе войск», утверждала, что США являются очень надежным союзником, который способен защитить Юг от вторжения с Севера, а отсутствие американского ядерного оружия не сможет препятствовать принятию Севером опротестившего решения.

Относительно инициативы о двустороннем сокращении вооруженных сил до уровня 100 тыс. военнослужащих выдвигался следующий аргумент: существующая в Северной Корее система позволяет в случае военной необходимости провести всеобщую мобилизацию, поэтому Южная Корея нуждается в большей по численности регулярной армии.

Что касается предложения Севера заключить договор о запрещении ввоза оружия на Корейский полуостров из-за рубежа, то оно, по мнению Сеула, создает преимущества для военно-промышленного комплекса Северной Кореи. По этим причинам правительство Сеула не откликнулось на данную инициативу. По мнению южнокорейского руководства, если не достичь баланса вооруженных сил и не восстановить взаимного доверия, то решение вопроса о сокращении вооружений и контроле над военными расходами будет труднодостижимым.

Однако по проблемам восстановления доверия Северная Корея в качестве приоритетного выдвинула предложение изменить нынешнюю ситуацию в военном противостоянии и проявить добрую волю. Только с начала 80-х годов в рамках ранее декларированных позиций Пхеньяна произошло несколько важных подвижек.

Первой из них явилась январская инициатива 1984 г. о проведении трехсторонних переговоров. В соответствии с ней вывод американских войск, который до этого был предварительным условием переговоров, стал их предметом. Второй инициативой была идея о проведении военных переговоров Севера и Юга, которые начались в 1986 г.

Было также пересмотрено мнение о том, что Южная Корея, военные органы оперативного управления которой контролируются США, не может самостоятельно решать военные вопросы.

Третьей инициативой явилась выдвинутая в ноябре 1988 г. «Комплексная программа мирного урегулирования». Эта программа рассматривает трехсторонние переговоры в рамках Север — Юг — США, посвященные вопросам сохранения мира, отдельно от военно-политических переговоров Севера и Юга на высшем уровне, предметом которых является снижение военно-политической конфронтации, а также включает в себя налаживание прерванного до этого внутрикорейского диалога.

Таким образом, эти инициативы, учитывающие позицию США, акцентируют внимание на принципах переговоров между Севером и Югом, а также отражают необходимость параллельного развития неполитических контактов.

В тот же период времени, в июле 1987 г. Пхеньяном была выдвинута инициатива о проведении переговоров по всему комплексу военных вопросов, открывшая новый этап в решении проблемы вывода американских войск и сокращения вооруженных сил Севера и Юга. В ходе первого раунда предварительных консультаций 8 февраля 1989 г. была продемонстрирована готовность сторон действовать в соответствии с «Комплексом мирных предложений», выдвинутых Севером сразу после речи президента Ро Дэ У на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, и инициативой «О военно-политических переговорах Север — Юг на высшем уровне». На первом раунде предварительных консультаций развернулась дискуссия о повестке дня и названии переговоров. Северокорейская сторона отстаивала название «военно-политические переговоры на высоком уровне», а южане — «переговоры на высшем уровне», в чем и проявились различие мнений.

Переговоры вызвали огромный интерес, поскольку это были первые контакты военных представителей Севера и Юга. К тому же повестка дня, включавшая в себя обсуждение проектов «О поисках мер доверия в военной области» и «О снижении военно-политической напряженности», позволяла надеяться на продвижение переговоров на пути создания зоны мира, свободной от ядерного оружия, установления прямой телефонной линии между Сеулом и Пхеньяном и др.

Однако на первом раунде предварительных консультаций произошло столкновение двух позиций. Север требовал прекратить военные маневры, а Юг отверг это и предложил направлять инспекторов на военные учения. В результате каких-либо результатов не было.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ

ОТДЕЛЕНИЕ 17

HINSON AN CORP

Основные барьеры на пути военных переговоров

Несмотря на изменения в позиции правительства Южной Кореи, американо-южнокорейские учения «Тим спирит», по существу, блокируют путь, который может привести к конструктивным переговорам по военным вопросам. Хотя американцы утверждают, что это — оборонительные маневры, но, судя по тому, как ежегодно расширяются их масштабы и меняется содержание, все выглядит совсем не так.

На начальном этапе учений «Тим спирит», проводившихся с 1976 г. уже 14 раз, отработывалась тактика быстрой переброски сил по воздуху и ведения наступательно-оборонительных действий войсками США в случае обострения обстановки. Однако на рубеже 80-х годов в содержание маневров были внесены многочисленные изменения. С 1980 г. сроки маневров увеличили до 70—90 суток, численность войск выросла с 50 тыс. в 1976 г. до 200 тыс. в 1983 г. «Тим спирит» стали самыми крупными учениями западного блока. Расширение масштабов явилось следствием включения в сценарий маневров отработки действий по схеме: развертывание сухопутных сил — боевое взаимодействие — отход.

Значительные изменения произошли также и с точки зрения систем вооружений, применяемых на маневрах. Вслед за подключением к учениям стратегического бомбардировщика В-52, истребителя-бомбардировщика F-111, авианосцев «Мидуэй» и «Интерпрайз» приступили к практической отработке действий по применению ядерного оружия. На учениях 1987 г. появился даже летающий пункт управления Е-4 — призрак ядерной войны.

Последнее время к участию в маневрах стали привлекаться десантные и диверсионно-штурмовые подразделения. Использование в десантных операциях морской пехоты, штурмовых самолетов, а главное — авианосцев вызывает сомнение в оборонительном характере учений.

О действительном характере маневров свидетельствует также тактика ведения боевых действий, отработываемая с 1983 г. в соответствии с доктриной «сокрушительного удара». Согласно этой доктрине, в ходе боевых действий удары наносятся одновременно по первому и второму эшелонам, а также по тылам «наступающего противника».

Учения включают в себя организуемые в тылу «противника» диверсионные акты силами диверсионно-штурмовых подразделений, оснащенных носимыми за спиной компактными ядерными боеприпасами. Не исключается также применение в подобных операциях ядерных зарядов, размещенных на территории Южной Кореи.

Начиная с 1985 г. утвердилась практика привлечения к участию в маневрах «зеленых беретов», дислоцируемых на Окинаве. Но из-за предположений, что Север мог помешать проведению Сеульской Олимпиады, с 1988 г. развертываются крупномасштабные учения войск спецназначения. Освещавшая содержание этих учений японская газета «Санкэй симбун» сообщала: «Вместе с задачами по оказанию поддержки в ведении наземных боевых действий были развернуты специальные боевые действия с целью нанесения во взаимодействии упреждающего удара по наступающим войскам и дезорганизации тыла».

Такое расширение масштабов учений «Тим спирит» министр обороны США объяснил следующим образом: «В случае интервенции со стороны СССР на Среднем Востоке США в соответствии с принятой стратегией нанесут совместно с союзниками в Восточной Азии удар по советскому Приморью и... ядерные удары с воздуха по Северной Корее. Такой стратегией и продиктовано привлечение к участию в учениях «Тим спирит — 83» американского авианосца».

По поводу обстановки прошедших учений в Южной Корее сообщалось: «Нынешние учения являются отработкой боевых действий в трех средах, сочетающих в себе как применение обычных вооружений, так и ядерных средств, предназначение которых в стратегии «полutorной войны» изменилось. Принимая во внимание тот факт, что масштабы учений «Тим спирит» вышли за пределы Корейского полуострова и на маневрах отработывается стратегия нанесения ответного удара по Советскому Союзу, вопрос о прекращении или изменении характера этих учений нельзя решить в ходе диалога «Юг — Север»».

Пока американская стратегия «полutorной войны» остается без изменений, пока намерения США поставить Южную Корею и Японию под единое военное командование остаются прежними, нельзя сделать ничего, кроме ограничения масштабов участия Южной Кореи в маневрах. Успех военных переговоров между Югом и Севером

зависит от того, в какой степени Южной Корее будет предоставлено право по этому вопросу.

Реальный предмет гонки вооружений между Югом и Севером

Отрабатываемую в ходе учений «Тим спирт» доктрину «сокрушительного удара» называют также доктриной «расширенного театра военных действий» (ТВД). Такое название она носит потому, что при вступлении в бой с противником частей первого эшелона ТВД одновременно распространяется на второй эшелон и резерв. Другими словами ТВД становится не район расположения наших войск, а район дислокации войск противника.

С этой точки зрения, доктрина «сокрушительного удара» оценивается как в высшей степени наступательная.

В развернувшейся в начале 80-х годов между Севером и Югом гонке вооружений, наращивании вооруженных сил есть много аспектов, которые можно рассматривать только в контексте доктрины «сокрушительного удара». Именно взяв на вооружение такую доктрину наступательного характера применительно к условиям Кореи, Южная Корея стала наращивать военные приготовления, а Северная Корея принимала ответные меры, граничившие с пределом возможностей.

Достаточно уже обсуждавшееся тактическое расположение боевых порядков северокорейской армии исключает возможность нанесения ударов по ее тылам, как это предусматривает доктрина «сокрушительного удара», а в реальной боевой обстановке позволяет значительно наращивать эффективность боевого применения. Кроме того, с точки зрения численности личного состава в отличие от общей тенденции к сокращению вооруженных сил относительно уровня 1978 г. армия Южной Кореи увеличилась на 10 тыс., а Северная — на 300 тыс. военнослужащих. Это говорит о том, что КНДР, столкнувшись с южнокорейской тактикой применения оружия, соответствующей доктрине «сокрушительного удара», принимает меры к увеличению численного состава армии.

То обстоятельство, что, несмотря на наращивание вооруженных сил Северной Кореи, Южная Корея проводит относительное сокращение численности своей армии, является выражением уверенности в себе, основывающимся на ультрасовременном оружии и экономической базе.

Например, в области систем вооружений на рубеже 80-х годов Южная Корея приступила к быстрому наращиванию бронетанковой техники, и в этой сфере развернулась наиболее острая конкуренция с Северной Кореей. В то время как Север в 1980 г. имел 2500 тяжелых танков, Южная Корея за период с 1980 по 1983 г., увеличив число своих танков на 400 единиц, достигла уровня в 1200 тяжелых танков.

Однако к 1985 г. Северная Корея приняла на вооружение еще 600 машин, а после модернизации 800 танков в 1986 г. добилась значительного наращивания боевой мощи.

С другой стороны, с увеличением численности легких танков, боевое применение которых особенно эффективно в условиях рельефа Корейского полуострова с его многочисленными холмами и узкими дорогами, Южная Корея в апреле 1981 г. заказала 1 тыс. американских легких десантных танков, а в период с 1983 по 1984 г. приняла на вооружение 1089 легких танков. Северная Корея с 1984 г. дополнительно ввела более 300 аналогичных машин.

В области ВВС обнаруживается явное отставание Северной Кореи по количественным и качественным показателям, которое увеличивается быстрыми темпами. В начале 80-х годов Южная Корея дополнительно приняла на вооружение 100 самолетов F-16. В этот период Северная Корея продолжала наращивать количество самолетов МИГ-21 и других истребителей-перехватчиков для ПВО, а в 1985 г., предоставив СССР право пролета через свое воздушное пространство, включая право пользования своими аэродромами, приняла на вооружение самолеты МИГ-23.

Британский институт международных стратегических исследований считает, что в 1987 г. после нескольких отсрочек Южная Корея получила 20 самолетов F-16. Превосходство Южной Кореи в скоростных самолетах ПВО означает потерю Северной Кореей своего контроля в воздухе.

Следовательно, лишаются прикрытия с воздуха северокорейские сухопутные войска, которым отводится основная роль в ведении маневренных механизированных операций.

ВВС Северной Кореи уступают южнокорейским в возможности ведения воздушного

боя, но наиболее велика разница в возможностях нанесения ударов с воздуха по наземным целям.

Это особенно важно, если рассматривать обстановку в контексте доктрины «сокрушительного удара», когда авиация применяется для нанесения ударов по тылам противника и воздушного прикрытия своей армии. С 1982 г. Южная Корея закупает штурмовики А-10 и другие самолеты, а Северная Корея в 1985 г. приняла на вооружение 45 тяжелых вертолетов огневой поддержки МИ-24. После этого и Южная Корея в 1986 г. заказала в США 21 вертолет огневой поддержки.

Сообщалось, что Северная Корея в 1988 г. вновь закупила в СССР самолеты Су-25, аналогичные штурмовикам А-10, из чего можно сделать вывод, что и в этой сфере разворачивается острая гонка вооружений.

Что касается ВМС, то, хотя Северная Корея и имеет системы оружия большой огневой мощи, у нее нет возможностей контролировать положение на море или осуществлять крупномасштабные десантные операции. На рубеже 80-х годов тенденция к быстрому росту и модернизации южнокорейских ВМС достигла уровня, представляющего опасность для Северной Кореи, которая в свою очередь также сочла необходимым провести модернизацию ВМС.

До конца 70-х годов в наращивании национальных вооруженных сил Север удерживал преимущество, но с середины 80-х годов Южная Корея резко выходит вперед. В качестве ответной реакции Северная Корея с 1985 г. приступает к закупкам советской военной техники. На примере каждого отдельного вида вооружений можно наблюдать тенденцию развития гонки вооружений на полуострове. Можно предположить, что в дальнейшем эта тенденция сохранится: в Южной Корее — в направлении наращивания систем оружия для «сокрушительного удара», в Северной — в направлении модернизации относительно неэффективного оружия. В результате бремя военных расходов Южной Кореи в 1988 г. достигло 8,3 млрд. долл.

Официальные представители министерства обороны заявляют, что если размеры военных расходов сохранятся на современном уровне, то в последующие 5 лет они составят 52,8 млрд. долл. (в Северной Корее — 51,3 млрд. долл.).

Идея и модель контроля над вооружениями

На рубеже 80-х годов произошло сужение корейского вопроса до чисто военных аспектов. Поэтому учения «Тим спирит» вновь привлекли к себе внимание, неоднократно выдвигались проекты контроля над вооружениями и конкретные планы сокращения военных расходов Севера и Юга.

Однако если все это рассмотреть в контексте изложенных выше тенденций противостояния, то в высшей степени сомнительной остается возможность достижения результатов как на военно-политических переговорах, где усилия концентрируются на прекращении военных учений и вопросах контроля над военными расходами и разоружением, так и на политических переговорах, где рассматриваются декларация о ненападении и мирное соглашение.

Источником противостояния является основанная на страхе теория «сдерживания», утверждающая, что безопасность обеспечивается превосходством в силе.

Конечно, можно констатировать, что Юг и Север благодаря балансу сил и угрозе войны самой войны до сих пор не допустили. Однако безопасность, основанная на страхе, отнюдь не может обеспечить мир. Оправдывание гонки вооружений логикой баланса сил и бесконечное повышение уровня напряженности — это реальность сегодняшнего дня. Конечно, поддержание баланса вооруженных сил — очень важный аспект, от которого, как и раньше, ни одна сторона не откажется.

Однако если рассмотреть ситуацию в Европе, где звучат инициативы об одностороннем сокращении вооруженных сил, то можно убедиться, что появляются новые подходы на пути обеспечения мира на основе теории «взаимной безопасности».

Теория «баланса сил», основанная на запугивании противника, внушает страх и своей стороне. А теория «обеспечения взаимной безопасности» состоит в том, что, давая противнику возможность почувствовать себя в безопасности, тем самым повышаешь свою собственную. И в этом контексте крупномасштабное сокращение и уничтожение наступательного оружия, особенно «первого удара», способствуют реализации такой теории. Кроме того, происходит замена наступательной структуры вооруженных сил

на оборонительную. Согласно этой теории, установление доверия в военной области возможно, и оно обеспечивается только при помощи вышеупомянутых мер. Общее понятие о «взаимной безопасности» впервые было изложено на второй Специальной сессии ГА ООН в докладе Специального комитета по разоружению и безопасности, который в 1982 г. возглавил премьер-министр Швеции У. Пальме.

Европейские исследователи по военным вопросам называли это понятие «непровоцирующей обороной», «оборонительной безопасностью», «превосходством взаимной обороны» и т. д., но все эти названия исходили из общей идеи обеспечения «взаимной безопасности»; они рассматривают принятые СССР односторонние меры по сокращению наступательных вооружений как реализацию концепции «взаимной безопасности».

В последнее время СССР, неоднократно заявляя о придании структуре вооруженных сил оборонительного характера, настаивает на пересмотре военных доктрин Востока и Запада. Предлагается, чтобы стороны имели вооруженные силы, минимальные по численности и достаточные для отражения внезапного удара, но недостаточные для ведения наступательных действий, и через взаимный контроль добивались поддержания их оборонительного характера.

Безотлагательность установления безопасности, основанной на доверии

Вопрос о том, как эта теория может быть применена на Корейском полуострове, требует реалистических подходов к изучению и четкого анализа. Однако вполне очевидно, что невозможно при выработке плана ослабления конфронтации и обеспечения мира между Югом и Севером опираться на безопасность, основанную на взаимном страхе и угрозах применения силы, как это происходит сейчас.

Само по себе понятие «взаимной безопасности» является концепцией установления надежных мер доверия в военной области. Такой подход создает условия для отказа от способа мышления, согласно которому «лучшая оборона — это наступление», а также для постепенного сокращения уровней оборонительных возможностей по мере взаимных сокращений наступательных систем вооружений.

В выпущенном в прошлом году докладе «Корейско-тихоокеанский пороховой погреб» исследователи из одного американского института стратегических исследований, анализируя военную стратегию США в контексте концепции «взаимной безопасности», выдвигают более конкретный план обеспечения мира на Корейском полуострове. В форме совета они предлагают администрации США следующий план установления доверия на Корейском полуострове.

Прежде всего для превращения Корейского полуострова в безъядерную зону необходимо заключение соглашения между США, КНР и СССР о запрещении применения первыми ядерного оружия. После этого необходимо провести сокращение наступательных вооружений Северной Кореи и заключить пятистороннее соглашение с участием Юга и Севера о создании безъядерной зоны. В докладе также указывается, что если Северная Корея заявляет, что наступательные силы необходимы ей как противовес угрозе ядерного нападения с Юга, то вывод ядерного оружия из Кореи устранил этот источник недоверия. Эта мера приблизит возможность достижения в дальнейшем соглашений по ограничению вооружений. На следующем этапе необходимо провести сокращение наступательных вооружений, по которым у Юга и Севера существуют дисбалансы. На первой стадии следует отказаться от проведения крупномасштабных военных маневров, предпринять меры по недопущению поставок оружия великими державами на Корейский полуостров и т. д.

В ходе выполнения соглашения о сокращении наступательных вооружений контрольные функции будут выполняться представителями сил по поддержанию мира из нейтральных государств. Возможно использование контрольной системы, применявшейся в ходе конфликта на Ближнем Востоке.

США уже имеют в Корее аналогичную контрольную систему. Система (REMBASS), установленная американцами с целью автоматизации ведения боевых действий, позволяет точно определять наличие и направление движения живой силы и техники на всем Корейском полуострове. Если эта система слежения будет задействована, то контроль над вооружениями Севера и Юга будет обеспечиваться в совершенстве.

Первоочередным объектом контроля должна стать маневренная сеть ПВО, прикрывающая наступающие войска. В силу потенциальной возможности применения этой сети при

нанесении первого удара нужно отказаться от принятия ее на вооружение.

Вывод американских войск в контексте сокращения вооружений Севера и Юга и оказания помощи следует осуществлять постепенно, так как в противном случае это вызвало бы озабоченность южнокорейцев.

На заключительном этапе надо согласовать вопросы контроля за ядерными вооружениями и ВМС в северной части Тихого океана, провести двусторонние и многосторонние переговоры по сокращению вооружений, обсудить вопросы нейтралитета Кореи и международные гарантии этого положения.

Вопросы о том, при каких условиях и какими методами, вышеизложенный проект обеспечения мира может быть реализован, являются задачей, которую правительства Юга и Севера должны будут изучить со всей ответственностью. Однако если эти усилия не будут основаны на принципе «обеспечения взаимной безопасности на основе доверия», а будут базироваться на принципах «сохранения мира с помощью силы» и военных союзов, то они не достигнут своей цели.

*Перевод с корейского языка
А. ШИРЯЕВА*

Послесловие

В публикуемой статье (перевод сделан с незначительными сокращениями) редакция знакомит читателя с мнением южнокорейского ученого по актуальным проблемам обеспечения безопасности на Корейском полуострове. Материал взят нами из четвертого номера за 1989 г. ежемесячного южнокорейского журнала «Уольган чунган».

Материал, на наш взгляд, привлекает внимание не только своей актуальностью, но и достаточно объективным анализом основных факторов, влияющих на всю систему межкорейских отношений. Трудно не согласиться с мнением автора о том, что военные аспекты разрядки в отношениях между Севером и Югом являются ключевым вопросом, без решения которого вряд ли можно ожидать каких-либо подвижек в деле урегулирования корейской проблемы.

Весьма реалистичными кажутся параллели, проведенные автором между инициативами, конкретными шагами СССР и других социалистических стран в направлении снижения уровня военного противостояния в Европе и Азии и пока неизменными подходами сторон, непосредственно вовлеченных в конфликтную ситуацию на Корейском полуострове.

Важными и, можно сказать, новаторскими в сравнении с официальной позицией Сеула являются аргументированные выводы, касающиеся наступательного характера ежегодно проводимых американо-южнокорейских маневров «Тим спирит». Интересен и созвучен тенденциям, происходящим в мире, предлагаемый в статье подход к поиску путей разблокирования конфликтной ситуации на Корейском полуострове, не прибегая к силе и угрозам, а исходя из принципа обеспечения «взаимной безопасности» на основе доверия.

Мы хотели бы напомнить читателям, что страницы нашего журнала открыты для обмена мнениями по актуальным вопросам, касающимся урегулирования корейской проблемы.

С. КУДАСОВ

ЗИГЗАГИ СЕУЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ю ШАОХУА

С момента прихода Ро Дэ У к власти и по сей день в Южной Корее не прекращаются требования о его отставке. В предстоящие годы положение Ро станет еще труднее. Сумеет ли он удержаться зависит от его подхода к решению как нынешних, так и будущих проблем.

Когда два года назад Ро, сменив Чон Ду Хвана, пришел к власти в Южной Корее, он обещал открыть новую эру в истории страны. Дела, однако, пошли отнюдь не так, как ему хотелось бы. Реальности сегодняшнего дня свидетельствуют, что он оказался в трудном положении.

Проблема Чон Ду Хвана

Осенью 1988 г., после окончания Олимпийских игр, по Южной Корее прокатилась политическая буря. Еще за шесть месяцев до Олимпиады общественность страны потребовала провести тщательное расследование незаконных действий Чона и членов его семьи в период, когда он находился у власти. Имея большинство в Национальном собрании, оппозиционные партии организовали парламентское расследование. Его результаты показали, что некоторые члены семьи Чон Ду Хвана виновны во взяточничестве.

В то время как специальный комитет Национального собрания заслушивал свидетелей по этому делу, общественность сосредоточила внимание на самом Чоне. Для Ро Дэ У, поскольку он был тесно связан с режимом Чон Ду Хвана, это весьма болезненная проблема. Полагают, что Ро причастен к некоторым незаконным действиям прежнего режима, в частности к подавлению демократии и преследованиям невинных людей. Некоторые министры Чона до сих пор остаются в кабинете Ро Дэ У.

Ро хорошо знает цели борьбы. Он хочет оградить собственную власть и в то же время уберечь Чон Ду Хвана от тягот тюремного заключения. Если бы Чона посадили, это привело бы в ярость близких ему людей в кабинете Ро и сторонников жесткой линии в военных кругах, что в свою очередь имело бы катастрофические последствия для режима Ро Дэ У.

По этим причинам Ро разработал план из трех действий. Прежде всего он имел получасовую беседу по телефону с Чоном и убедил его согласиться принести извинения обществу, вернуть незаконно присвоенную собственность и жить уединенно в сельской местности. Затем сам Ро выступил с предложением о политическом помиловании Чон Ду Хвана. И, наконец, чтобы успокоить возмущенную общественность, он произвел перестановки в своем кабинете, уволив при этом семь министров, входивших прежде в кабинет Чона.

Ро обещал, что после амнистии Чон Ду Хвана будет объявлено общее помилование арестованных при Чоне политическим заключенным, а жертвам подавления восстания в Кванчжу будет выплачена компенсация. При этом он обещал внести изменения в законы о национальной безопасности и социальном обеспечении, а также ввести законодательное регулирование использования средств, предназначенных на политические цели, и публика-

* Beijing Review.— 1989.— Vol. 32.— № 44.— 30 October — 5 November.

ию данных о них. Желаемых результатов он, однако, не добился. Оппозиционные партии заявили, что не прекратят расследования, а общественность отмечала, что предоставление Чону политической амнистии никак не будет содействовать расследованию незаконного использования средств, предназначенных на политические цели в период «пятой республики» Чон Ду Хвана. 31 января 1989 г. полицейское управление Южной Кореи опубликовало результаты расследования совершенных Чоном нарушений. Эти результаты в целом не удовлетворили общественность. Все оппозиционные партии и неправительственные группы выступили в этой связи с заявлениями, а некоторые из них даже потребовали возобновления расследования злоупотреблений Чона.

После 25 февраля 1989 г., год спустя после прихода Ро Дэ У к власти, требования о расследовании нарушений, совершенных в период «пятой республики», и выявления тех, кто несет ответственность за убийства людей во время восстания в Кванчжу, быстро переросли в широкомасштабную борьбу за свержение Ро. В ходе своей президентской кампании он обещал общественности, что народ сможет дать ему «промежуточную оценку» в ходе опроса через год после избрания, и он по результатам опроса решит, остаться ему у власти или уйти в отставку. Народ, однако, был разочарован деятельностью Ро Дэ У за полтора года пребывания у власти, и он оказался в незавидном положении. Ро понимал, что данное ранее обещание не дает ему шансов уцелеть в этой борьбе, а потому вынужден был заявить, что «промежуточная оценка» вовсе не вотум недоверия, а просто — выражение мнения о его политике. Этот вызов общественному мнению, цель которого — сохранить за собой пост президента, естественно, вызвал в народе резкое возмущение и протест. В считанные дни накал борьбы за отстранение Ро, принявшей форму массовых выступлений, забастовок и студенческих демонстраций, резко возрос. 16 марта 1989 г. 4 тыс. работников сеульского метро объявили забастовку, парализовав работу всей системы подземного транспорта, которая перевозит 2,4 млн. человек в день. В тот же день по приказу премьер-министра против бастующих были брошены 15 тыс. полицейских. Около 2800 рабочих были арестованы. 20 марта 1989 г. в выступлении по телевидению Ро заявил, что откладывает «промежуточную оценку» на неопределенный срок под предлогом необходимости избежать запутанного положения вроде того, что возникло в ходе президентских выборов год назад. Эта смена позиций Ро Дэ У означает, что после неудачи «мягкой» линии он перейдет к жесткой и не пожалеет усилий, чтобы удержать власть путем подавления выступлений общественности и ареста их участников. Однако такие действия поставят Ро в еще более трудное положение и усугубят нестабильность в Южной Корее.

Национальное примирение

За неполных два года после прихода Ро Дэ У к власти позиция Южной Кореи по вопросу о воссоединении страны претерпела немалые изменения. Это нашло выражение прежде всего в переориентации ее политики по отношению к Северу, опубликовании Декларации от 7 июля 1988 г. о пересмотре этой политики, в торможении процесса примирения и даже в бесцеремонном аресте тех демократически настроенных лиц, которые посетили Корейскую Народно-Демократическую Республику. Одновременно было объявлено о намерении Южной Кореи сепаратно вступить в ООН. Действия южнокорейских властей в этот период противоречивы и свидетельствуют о том, что они использовали вопрос о воссоединении лишь в качестве уловки с целью получить поддержку народа и что при разработке и пересмотре своей политики они не учитывают коренные интересы всего корейского народа.

Воссоединение Кореи — дело всей нации, и усилия народа по его осуществлению правомерны и законны. Южнокорейские власти, однако, стремятся взять дело воссоединения под свой контроль и не позволяют кому-либо выражать собственное мнение или предпринимать какие бы то ни было действия. Вот два типичных примера.

Во-первых, дело священника Мун Ик Хвана. Этот священник является консультантом Союза за национально-демократическое движение, деятельности которого он себя посвятил, и пользуется большим авторитетом. С 25 марта по 3 апреля 1989 г. он побывал в Пхеньяне с частным визитом с целью содействовать воссоединению. По возвращении он был арестован прямо у трапа самолета южнокорейскими властями за нарушение Закона о государственной безопасности. Преследование этого человека режимом Ро Дэ У не только вызвало протесты среди широких кругов населения, в том числе среди студентов, но и было осуждено мировой общественностью как акция, не содействующая смирению на-

пряженности на Корейском полуострове. Оппозиционные партии подвергли южнокорейские власти критике как за применение закона о безопасности, так и за непослушабельную политику в отношении Севера. 31 мая местный суд в Сеуле публично слушал дело Мун Ик Хвана. Адвокат Муна отметил, что обвинение не только противоречит духу времени, но и идет вразрез с духом конституции. В результате под дружные протесты всех слоев населения дело тут же закрыли. Однако этот случай ничему не научил южнокорейские власти. Напротив, используя дело Мун Ик Хвана в качестве предлога, они объявили, что впредь Южная Корея будет действовать более осторожно, поскольку де северная сторона не предприняла соответствующих действий в ответ на инициативы Сеула. На самом же деле именно КНДР выдвинула ранее в том же году свои предложения и проекты различного содержания для обсуждения на различных уровнях. Для обеспечения прогресса начатого в прошлом году диалога КНДР была готова продолжать этот диалог по ряду вопросов даже тогда, когда Южная Корея и США проводили совместные военные маневры. Тем не менее, несмотря на протесты населения как на Севере, так и на Юге, южнокорейские власти продолжали военные маневры «Тим спирт-89» и создали неблагоприятную для переговоров атмосферу. Правительство Южной Кореи создало инцидент с Мун Ик Хваном, выступило с осуждением Севера и неоднократно заявляло о своем отказе возобновить диалог. Все это доказывает, что южнокорейские власти не остановились перед намеренным созданием трудностей с целью сорвать диалог с Севером и не допустить воссоединения.

Во-вторых, дело студентки Лим Су Гён. С 1 по 18 июля 1989 г. в Пхеньяне проходил XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Для подготовки к участию в пхеньянском фестивале Южнокорейский национальный союз студенческих представителей (Чондэхёр) учредил подготовительный комитет, который в феврале приступил к работе. Однако южнокорейские власти сорвали исполнение желания народа и отвергли полученное приглашение. При этом они объявили, что каждый, кто нарушит это решение, будет преследоваться в судебном порядке. В этих обстоятельствах Чондэхёр решил нелегально направить своего представителя в Пхеньян. Лим Су Гён, студентка четвертого курса Сеульского университета иностранных языков, представлявшая 1 млн южнокорейских студентов, в течение десяти дней добиралась до Пхеньяна через четыре страны, преодолевая множество трудностей. 28 июля она готова была перейти границу в Пханмынчжоме, чтобы вернуться в Сеул. Южнокорейские власти бесцеременно объявили, что по возвращении Лим Су Гён будет арестована. Она объявила голодовку в Пханмынчжоме в знак протеста против этих возмутительных действий южнокорейских властей. Вместе с ней голодали свыше ста представителей студентов разных стран, выразив ей этим свою поддержку, а также осуждение южнокорейских властей. Когда 15 августа Лим Су Гён возвратилась в Сеул, ее отправили в тюрьму и даже пытались убить. Движимая искренними патриотическими чувствами, она действовала сознательно с целью способствовать воссоединению страны. В глазах южнокорейских властей эта благородная девушка — преступница. С их точки зрения, простые люди не смеют требовать воссоединения Родины или содействовать ему, в противном случае их действия рассматриваются как некое непростительное злодеяние. И слова и дела южнокорейских властей в отношении Мун Ик Хвана и Лим Су Гён разочаровали народ Южной Кореи и тех представителей международной общественности, которые выступают в поддержку воссоединения Кореи. Во время своего недавнего визита в США южнокорейский министр иностранных дел Цой Хо Чжун заявил в одном из выступлений, что Южная Корея готова ходатайствовать о сепаратном принятии ее в Организацию Объединенных Наций. Это свидетельствует, что Южная Корея отступила от позиции, которой придерживалась в прошлом относительно одновременного вступления в ООН Юга и Севера, против чего возражает Север. Кроме того, это говорит о том, что по вопросам диалога между Севером и Югом и воссоединения страны южнокорейские власти действуют вопреки коренным интересам нации. По сути дела, Южная Корея продолжает политику «двух Корей», политику сохранения напряженности и конфронтации. На словах выступая за диалог и обмены, она на деле стремится увековечить раздел страны.

Официально срок президентства Ро Дэ У — четыре года. В течение всего времени, что он находится у власти, не прекращаются требования его отставки. В оставшееся время его положение еще более усложнится. Обострятся все противоречия. Удастся ли Ро Дэ У выйти из этого критического положения, зависит от его подхода к этим противоречиям.

*Перевод с английского языка
А. Б. РАБИНОВИЧА*

США И ПЕРСПЕКТИВЫ ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

А. СОЛОВЬЕВА

Будущее США как тихоокеанской державы неразрывно связано с объективными тенденциями развития региона, прежде всего — с развивающимся в бассейне Тихого океана движением к регионализму. Идеи создания в той или иной форме объединения тихоокеанских государств зародились еще в 50-е годы и, несмотря на радикальные перемены в балансе сил и интересов на мировой арене, просуществовали, соответственно изменяясь, до настоящего времени, демонстрируя поразительную живучесть. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что в АТР налицо долговременная устойчивая тенденция к регионализму, которая по мере развития мирового сообщества будет продолжать укрепляться, принимая, разумеется, новые формы, которые сейчас трудно прогнозировать. В настоящее время представляется возможным говорить лишь о начальной ступени этого процесса — экономической интеграции.

Экономическое взаимодействие и взаимозависимость являются необходимыми, но не достаточными условиями для характеристики региона как единого целого, как сообщества государств. Необходимым и достаточным условием служит наличие более глубоких связей, как правило основывающихся на культурных, религиозных, языковых и исторических факторах. В случае чрезвычайно обширного и столь разнопланово развитого тихоокеанского региона эти факторы отсутствуют. В связи с этим, естественное формирование сообщества этих государств представляется сомнительным или же крайне длительным процессом. Это означает, что формирование сообщества может носить лишь сознательный характер: путем развития иных факторов, способных заместить отсутствующие культурные основы.

Однако какими должны быть эти вновь создаваемые факторы — этот вопрос не получает до сих пор развернутого ответа. Каждый из предлагаемых вариантов является лишь шагом на пути к решению этого вопроса. Так, одним из путей является создание «телекоммуникационной общности», т. е. общности, базирующейся на развитии современных средств связи и коммуникаций, которые облегчают и существенно расширяют круг взаимодействия. Другим — служит расширение гуманитарных контактов, среди которых присутствуют немаловажные проекты как по вовлечению будущей политической элиты, так и в рамках «народной дипломатии». Каждый из этих путей, таким образом, обеспечивает вызревание предпосылок для создания более тесных связей в определенных, четко ограниченных рамках, в то время как какого-либо рода общая система, покрывающая все типы связей, отсутствует.

В настоящее время и в краткосрочной перспективе процесс формирования региональной общности остается на начальной стадии — стадии развития экономического взаимодействия, в ходе которого, однако, государства приобретают навыки общения друг с другом и умение выработать общие платформы независимо от разделяющих их разногласий. Эти навыки в дальнейшем могут быть перенесены на решение спорных политических, военных и других проблем.

На настоящем этапе продуктивно, по мнению автора, говорить о возможности первоначального появления экономического сообщества, а не более широкого сообщества государств. Об этом свидетельствует в том числе опыт такой высокоинтегрированной системы, как ЕЭС, которая также до сих пор является сообществом лишь в экономическом плане.

Соловьева Алла Алексеевна, научный сотрудник ИСК АН СССР.

Процесс роста регионализма в АТР носит объективный характер и в этом контексте происходит относительно независимо от США, хотя США и являются основным необходимым звеном в его развитии. Такого рода двойственность оказывает и будет оказывать двойное воздействие на положение США в системе внутрирегиональных связей.

С одной стороны, США в меньшей степени, чем другие тихоокеанские государства, вовлечены в интеграционные процессы, т. к. они не сориентированы преимущественно на АТР, а являясь державой с глобальным характером внешнеполитической деятельности, вынуждены вести активную политику на многих региональных направлениях параллельно.

С другой стороны, относительное ослабление (в сравнении с послевоенным периодом) доминирования США в АТР до настоящего времени может расцениваться как имеющее лишь краткосрочное негативное воздействие на состояние и перспективы развития международных отношений в тихоокеанском регионе. В долгосрочной же перспективе позиции США как лидера и основной направляющей силы в АТР имеют очевидную тенденцию к сохранению. Этот вывод обуславливается тем, что общие позиции США по комплексу экономических, военных и политических аспектов остаются по-прежнему недосыгаемы для остальных участвующих сторон.

Военный и политический аспект этой проблемы не вызывает сомнения. В экономической области этот вывод может быть в наиболее кратком виде проиллюстрирован тем, что всего лишь две страны (США и Япония) занимают главенствующие позиции в системе международного разделения труда в АТР, удерживая верхнее звено в отраслевом «вертикальном» разграничении, которое — необходимо отметить — является наиболее перспективным с точки зрения долгосрочного экономического развития. Япония является, таким образом, единственным конкурентом США в верхней структуре вертикального разделения труда: эти страны соперничают в микроэлектронной технологии, комплексной автоматизации и роботизации, биотехнологии и конструировании новых материалов, однако практически в каждой из этих областей сохраняются «белые пятна», в которых Япония еще не может конкурировать на равных правах с США. Таким образом, свидетельства относительного ослабления доминирования США в АТР не означают в долгосрочной перспективе «опускания» Америки до уровня других менее развитых государств тихоокеанского бассейна, хотя возможности реализации американских национальных интересов в краткосрочной перспективе могут быть затруднены.

Учитывая отмеченную выше двойственность положения США в региональных связях, правящие круги США не могут не уделять первостепенного внимания интеграционным процессам, развивающимся в регионе.

К настоящему времени очевидной стала неизбежность объединения тихоокеанских государств в той или иной форме интеграционного механизма; вопрос о возможностях такого рода объединения уже не дискутируется в США ни на правительственном, ни на академическом уровне. Однако наряду с этим очевидным стало также и то, что характер интеграционных процессов в краткосрочной перспективе может ограничиться только экономическими рамками: прежде всего — действующими в регионе на протяжении ряда лет международной Конференции по Тихоокеанской Торговле и Развитию (КТТР), Экономического Совета Тихоокеанского Бассейна (ЭСТБ), Конференции по Тихоокеанскому Экономическому Сотрудничеству (КТЭС). Последняя из них — в связи с наличием более четкой и принципиально по-новому разработанной структуры — является, безусловно, наиболее отвечающей требованиям регионального механизма.

Создание в АТР широкого организационного объединения расположенных в нем государств явилось бы одной из форм долгосрочной политической, экономической и военной стратегии правящих кругов США, т. к. посредством такого механизма правящим кругам США удалось бы с достаточной степенью оптимальности обеспечить реализацию национальных и социальных интересов. Создание на настоящем этапе экономической группировки предоставляет им, например, возможность воздействия на развивающиеся и социалистические государства путем оказания согласованного экономического давления со стороны всех развитых государств; одновременно посредством единого интеграционного механизма можно добиться решения многих частных вопросов: ослабления потока товаров из стран АТР на американский рынок, урегулирования протекционистских тенденций и т. д. Таким образом, выступая с позиций одного из лидеров в рамках единого интеграционного механизма, США сохраняют возможность той или иной степени

контроля над развитием экономической обстановки в АТР. Данное обстоятельство приобретает особое значение и в связи с прогнозами ускоренного развития региона в ближайшие десятилетия.

Однако в вопросе о подходе США к участию в тихоокеанской интеграции всегда будет присутствовать также группа негативно действующих факторов, т. к. любой рост вовлеченности США в интегрированную систему связей на Тихом океане ослабит их способность свободного маневрирования и усложнит взаимодействие в рамках другой интегрированной системы — в Западной Европе. Однако в ближайшие десятилетия соотношение между позитивными и негативными воздействиями этого участия на позиции США в АТР будет, как и сейчас, оцениваться в пользу первых.

Вместе с тем, в настоящее время в США на различных уровнях отмечается некоторый спад «тихоокеанского бума», и существовавшая в середине 80-х гг. эйфория по поводу создания «тихоокеанского сообщества» уступает место более спокойным, взвешенным подходам, которые сопровождаются в ряде случаев некоторым падением интереса к этим проектам со стороны политической элиты. Сформировавшийся к настоящему моменту подход явился результатом действия ряда долгосрочных факторов, и в этой связи он также может быть охарактеризован как долговременный.

К числу такого рода долгосрочных факторов принадлежит, в частности, отнесение в рамках КТЭС вопросов военно-политического характера на неопределенную перспективу, невозможность полностью исключить из сотрудничества социалистические государства, вынужденные уступки государствам АСЕАН в отношении ряда организационных механизмов деятельности КТЭС и т. д.

Таким образом, настоящую позицию США определяют, с одной стороны, не отложенный окончательно идеальный вариант создания в АТР подконтрольной организации и превращения ее в одну из основных форм своей стратегии на тихоокеанском направлении, с другой стороны — трудности реализации этой идеи на практике. Реально оценивая последнее, в США не могут не понимать, что эти трудности могут быть преодолены лишь в ограниченной степени, в связи с чем возможна лишь ограниченная реализация американского варианта, как: во-первых, регулятора экономической интеграции в бассейне Тихого океана в направлении улаживания разногласий с развитыми странами, удержания в сфере своей деятельности развивающихся государств региона, сдерживания процесса подключения социалистических стран к региональному экономическому сотрудничеству; во-вторых, как фактора, призванного обеспечить в перспективе создание той или иной формы политического объединения. Вместе с тем, этот «полувариант» также устраивает правящие круги США, т. к. предоставляет хотя и ограниченные, но реальные пути воздействия на развитие обстановки в АТР в благоприятном для себя направлении.

Дальнейшие подходы США к проектам тихоокеанского объединения, прежде всего к КТЭС, определяются также перспективами развития самой идеи КТЭС. В краткосрочной перспективе очевидным представляется возможность, желательность и необходимость действия в АТР не ограниченного жесткими рамками механизма для проведения экономических консультаций и урегулирования существующих в этой области разногласий. Вместе с тем, завершение дискуссий по процедурным вопросам (структуры, членства, целей и задач организации и т. д.) и переход к практической деятельности КТЭС в определенной степени снизили интерес правящих кругов США к этому проекту, т. к. на некоторое время закрыли возможность трансформации его целей, задач, сферы деятельности и т. д. С началом практической работы КТЭС превратилась в еще одну действующую в регионе организацию, которая в определенной мере отражает потребности стран региона, но которая, однако, так же как и другие, не покрывает полностью тот спектр полномочий, который бы ей хотели придать в США. Исходя из этого, с определенной долей вероятности можно прогнозировать некоторое падение краткосрочного интереса к идее КТЭС внутри страны при сохранении неизменной позиции в отношении необходимости использования любых возможностей для реализации посредством механизмов интеграции региональных и глобальных задач внешнеполитической стратегии.

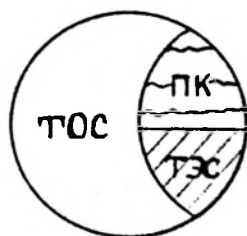
В связи с ограниченными возможностями использования в своих интересах существующих в АТР региональных институтов, вероятно ожидать корректировку как отдельных теоретических положений концепции тихоокеанского экономического сотрудни-

чества (ТЭС), так и практической линии по ее осуществлению — т. е. реальным представляется поиск американской внешнеполитической элитой новых форм организации регионального сотрудничества. Их целью на настоящий момент может стать не только задача укрепления американских позиций как тихоокеанской державы в экономическом плане и не только задача укрепления собственных национальных интересов, но и общесоциальных в рамках «союзнических» связей капиталистических государств в противовес участию в региональных процессах социалистических стран.

Механизм действующей ныне организации КТЭС безусловно, отправным пунктом для создания на его основе как минимум одной из возможных в будущем форм тихоокеанского сотрудничества. Отличительной чертой КТЭС является, в частности, то, что она вовлекает в свою деятельность правительственные круги и может выступать промежуточным звеном к созданию на региональной основе организации на уровне правительств, в круг полномочий которой вошло бы не только решение вопросов экономического, но и политического характера. Заинтересованность правящих кругов США в развитии этого направления проявилась уже в настоящее время — в активном лоббировании предложения о создании в АТР правительственного Форума по экономическим вопросам, поступившего параллельно от Японии, Австралии и США в 1988—1989 гг. Это предложение вступило в стадию реализации после встречи на уровне министров 12 тихоокеанских государств, прошедшей в ноябре 1989 г. в Австралии.

В целом же, следует отметить общую «неудовлетворенность» правящих кругов США в существующем в настоящий момент состоянии дел в реализации проектов тихоокеанской интеграции в связи с тем, что им не удалось максимально поставить под контроль развитие интеграционных тенденций. Реалии существующего международного политического и экономического климата усиливают обеспокоенность США дальнейшими перспективами развития региональных процессов, которые потенциально могут иметь своим центром уже не Соединенные Штаты. В краткосрочной перспективе вероятно ожидать появления принципиально новых форм организационного оформления, причем преимущественно инициатируемых со стороны США, т. к. их инициативы любого рода по-прежнему вызывают недоверие со стороны развивающихся государств. Таким образом, американской администрации предстоит преодолеть (провести или приспособиться с минимальными потерями) новый виток развития данной концепции, исходные параметры которого закладываются именно в настоящее время.

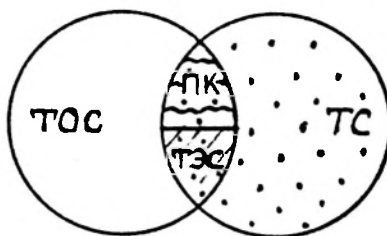
Существующее в настоящее время в АТР концептуальное развитие идей регионального объединения может быть, на взгляд автора, проиллюстрировано при помощи математической теории «пересекающихся множеств». Схематически это построение будет выглядеть следующим образом:

В этом построении множество «ТОС» — это существовавшие на начало 80-х годов теории регионального объединения с вовлечением вопросов военно-политического характера, с исключением социалистических государств и т. д. В настоящий момент развитие концепций этого множества идет за счет тех аспектов, которые сконцентрированы в подмножествах «ТЭС» — т. е. экономическое сотрудничество, и в последний год — в множестве «Правительственные консультации» (ПК).

В дальнейшем развитие концепций тихоокеанской интеграции может идти как за счет возврата к первоначально существовавшему множеству «ТОС», что однако представляется мало вероятным в условиях современных международных отношений, так и

за счет развития на базе обозначенных выше подмножеств «ТЭС» и «ПК», новых множеств, например, «ТС» — тихоокеанского сотрудничества, куда могут войти вопросы сотрудничества государств тихоокеанского региона по самому широкому спектру проблем.

Предложенные выше схематические построения в самом общем виде демонстрируют современное состояние развития региональных процессов и возможные направления этих изменений. Их окончательная конфигурация будет в значительной степени зависеть от подходов к этим вопросам всех участвующих сторон, и настоящий момент является отправным как для их осмысления, так и для начала практической деятельности по выведению на базе подмножеств «ТЭС» и «ПК» новых множеств концептуального решения этих проблем.

СИС: СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Мировой лидер по количеству самоубийств

Сеульская газета «Чосон ильбо» опубликовала данные исследований, проведенных психиатрами госпиталя при университете Йонсе. По этим данным, на 100 тысяч населения в 1989 г. было зарегистрировано 48 самоубийств, что составляет самый высокий уровень в мире. В 1986 г. Южная Корея, по статистике ООН, находилась на 6-м месте в мире по числу самоубийств.

А. МУРАДЯН

Продолжая обмен мнениями по теме «Безопасность в АТР: концепции и реальность», хочу высказать несколько соображений. Мне представляется, что самым важным методологическим принципом в начатой дискуссии является рассмотрение проблем безопасности в регионе сквозь призму единства ее военно-политических и экономических аспектов. Разрыв этого естественного единства, на мой взгляд, ведет к неточностям, недоговоренностям и неубедительным прогнозам. Именно с позиций принципа единства безопасности и интеграции хочу высказаться по вопросу о разработке общезначимых понятий — языка теории и инструмента дискуссий. Всем ясно, что диспутанты должны пользоваться единой терминологией. Здесь нам предстоит совместно поработать. Иначе не избежать ситуаций из известной сказки «Приключения Алисы в стране чудес»: персонажи Льюиса Кэрролла не могут понять друг друга, так как во время беседы каждый из спорящих вкладывает в слово свой собственный смысл. Интересные публикации Р. Ш.— А. Алиева («ПДВ», 1990, № 2) и др. дают обильную пищу для размышлений в этом направлении.

Ключевым элементом в нашей дискуссии является понятие безопасность. Суть проблемы, на мой взгляд, в том, что в современных условиях безопасность (национальная, региональная, всеобщая) не может быть правильно определена и понята вне связи с региональными и глобальными процессами интернационализации производства, политики, культуры, всей общественной жизни. Между тем мы до сих пор обедняем (и поэтому искажаем) содержание этого понятия, ограничивая его требованием обеспечения лишь национальных интересов в узком смысле слова. Налицо отставание теории от темпов развития общественной жизни. Наука явно испытывает нехватку обновленных дефиниций для описания новых процессов мирового развития.

Дефицит дефиниций

*«Коль скоро недочет в понятиях случится,
Их можно словом заменить».*

И. В. Геге

Заменять точные научные понятия многозначными «словами» — вот что советовал делать нерадивому «ученику» гетевский Мефистофель. Коварный замысел князя тьмы был совершенно прозрачен — придать «ученым» диспутам схоластический, затяжной и бесплодный характер. Именно это и происходит в современной международно-политической науке, «зациклившейся» на трактовке национального (внешнеполитического) интереса как выражении потребностей развития того или иного государства (или общества) и безопасности как способа обеспечения этого интереса соответствующими средствами и методами. С позиций такой трактовки понятий «национальные интересы» и «безопасность» можно бесконечно и бесплодно спорить о правомерности и обоснованности любой внешнеполитической акции любого государства как в прошлом, так

Мурадян Артур Андраникович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИЭМСС АН СССР.

и в условиях современности. История международных отношений дает нам массу примеров подобных споров.

Р. Ш.— А. Алиев утверждает, что внешнеполитический интерес (то есть национальный интерес, направленный вовне) есть «выражение общих и частных потребностей государства или общества, вытекающих из их социально-политической природы, а также их места и роли в системе международных отношений». Эта традиционная формулировка, благодаря своей абстрактности, может быть применима к внешней политике любой страны в любую эпоху. Ссылкой на такую трактовку можно оправдать весьма широкий набор внешнеполитических курсов. Разве не «выражением общих и частных потребностей» западных государств и обществ явилась политика «умиротворения» германского нацизма и японского милитаризма в 30—40-е годы? Но можем ли мы утверждать, что она отвечала их подлинным национальным интересам?

Далее, Р. Ш.— А. Алиев считает, что национальная безопасность означает «способы, средства и формы обеспечения национальных интересов государства как внутри страны, так и в системе международных отношений». С точки зрения этой дефиниции, упомянутая политика «умиротворения» была вполне обоснованным и логичным курсом. Почему же она привела указанные государства на грань катастрофы?

Ошибка в формулировании рассматриваемых понятий национальных интересов и национальной безопасности в том, что они отрываются от доминирующих тенденций и закономерностей мирового развития. Так можно было поступать в течение многих столетий в прошлом. Однако уже первая мировая война «посигналила» о появлении новых реальностей. Итоги войны подсказывали, что социальное и научно-техническое развитие человечества требует иной постановки вопросов о содержании категорий «национальные интересы» и «национальная безопасность». Опыт второй мировой войны однозначно свидетельствует о том, что национальные интересы Советского Союза и демократических стран Запада совпали в противостоянии агрессии Германии и Японии. Это означает, что они объективно совпадали и в стремлении предотвращения агрессии. Иными словами, наиболее глубокие национальные интересы и соображения национальной безопасности советской и западной внешней политики должны были сводиться к сохранению мира в Европе и Азии, а не к попыткам направить германские и японские вооруженные силы в противоположном направлении.

Этот аспект совершенно новый в международной жизни — в понятие национальных интересов отдельных государств начинают властно включаться соображения безопасности всех государств, недопустимости военно-силовых средств в целях обеспечения собственных национальных интересов. Особенности мирового развития в 20 веке требуют от международной политики ориентации на соблюдение приоритета общечеловеческих ценностей над любыми другими — национальными, классовыми, идеологическими; на сбалансирование интересов как способа вычленения общечеловеческого знаменателя во взаимоотношениях государств, на гарантирование свободы выбора как важнейшего права народа, вытекающего из идеи суверенного равенства. Такова закономерность. Отсюда вывод: критерием истинности или ложности национальных интересов и основанной на них политики безопасности любого государства является их соответствие наиболее перспективной закономерности международной политики и международных отношений современности. Другого критерия нет. Формулировки Р. Ш.— А. Алиева ничем не хуже десятков, если не сотен, аналогичных дефиниций, известных науке. Они полезны для анализа международных отношений прошлого. Сейчас они выглядят несколько архаичными и малопродуктивными.

Теперь о следующем возражении Р. Ш.— А. Алиеву. Он утверждает, что «сбалансировать» интересы невозможно, так как «они объективны по своей сущности». В политике, пишет он, мы имеем дело с целями, которые суть интересы в действии. И далее заявляет, что формула о соотношении «баланса сил» и «баланса интересов» означает соотношение между «средствами и целями, которые находятся в неразрывной связи и потому не могут быть взаимозаменены или сменены». Почему же так? Ведь общеизвестно, что как в природе, так и в обществе нет таких явлений, между которыми существовали бы непроницаемые перегородки. Тем более между теми, которые находятся «в неразрывной связи». Р. Ш.— А. Алиев аргументирует: «Иначе мы вынуждены были бы возвестить, что происходит смена форм безопасности: от средств к целям? Именно этот парадокс звучит из уст политиков и эмпириков здравого смысла».

Начнем разбираться. В политической теории, как и во всякой иной, есть свои

элементарные истины. К их числу относится тезис о том, что в политике (как внутренней, так и внешней) цели и средства могут «взаимозаменяться». Как в любой сфере общественной жизни постоянно происходит «смена мест» содержания и формы, так и в политике цель и средство способны меняться местами. Никакого «парадокса» в этом нет. Это азбука диалектики. Впрочем, это самоочевидная вещь и без всякой диалектики. Один из крупнейших американских теоретиков международной политики Ганс Моргентау пишет, что, с одной стороны «сила» есть средство внешней политики, преследующей определенные «национальные интересы», а с другой — она способна переходить в понятие «национальный интерес». И наоборот, утверждает Г. Моргентау, «национальный интерес», то есть цель внешней политики, может переходить в понятие «сила».

Я полностью разделяю взгляд профессора Чикагского университета на этот предмет. В самом деле, если предположить, как это делает Р. Ш.—А. Алиев, существование непроходимой грани между средствами и целями политики, то мы должны логически прийти к выводу, что ради достижения благородных целей можно применить низменные средства — ведь органической связи между ними нет. Но это не так. Вспомним, у Маркса: цель, для достижения которой требуются неправые средства, не есть правая цель. Почему? Да потому, что цель и средство есть взаимопроникающее, взаимопереходящее единство. Вспомним недавнее Постановление Совета народных депутатов СССР о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г. Политика Сталина в конце 30-х годов подверглась на съезде критике. Почему? Ведь сама по себе политическая цель отвести от СССР угрозу надвигающейся войны ни у кого протеста не вызвала. Тень на эту цель бросили средства внешней политики Сталина — секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939—1941 гг. Эти документы подверглись осуждению Съездом как отход от ленинских принципов советской внешней политики, поскольку в них были приняты такие постулаты, как «сфера интересов», «территориально-политическое переустройство» и прочее, что до сих пор являлось детищем политики империалистических разделов и переделов мира. Стало быть, тезис Р. Ш.—А. Алиева неверен теоретически. Он опровергается и практикой: средства и цели в политике взаимосвязаны и взаимозаменяемы.

Продолжая дискуссию по вопросу о содержании понятия безопасность, хочу остановиться еще на одной фактической неточности в рассуждениях Р. Ш.-А. Алиева. Он полагает, что «классические определения категории безопасности давно отброшены ведущими буржуазными теоретиками». При этом Р. Ш.-А. Алиев ссылается на Г. Моргентау и Г. Киссинджера, правда, не уточняя, в каких работах указанных авторов он обнаружил «свежую» идею о том, что «безопасность не сводится только к военному компоненту». В этих констатациях недоумение вызывают два момента. Во-первых, от тезиса о том, что безопасность и сила могут быть целиком сведены к военному фактору, западная общественная мысль в целом отказалась еще в прошлом столетии. Во-вторых, «классические определения» категории безопасности отнюдь не отброшены «ведущими буржуазными теоретиками», включая и двух вышеупомянутых.

Что это за определения? Еще в античной литературе, прежде всего в «Диалогах» Платона, началось размежевание двух подходов к сущности политики, включая и внешнюю. Часть мыслителей полагали, что в ее основе лежат морально-идеологические факторы, их оппоненты отводили решающую роль «силовым» действиям, способности насильственного навязывания своих интересов как внутри страны, так и за ее пределами. В рамках этой традиции происходили раньше и совершаются сейчас подвижки в трактовке самого понятия «сила». Еще в XVI в. один из родоначальников современной западной политической теории Н. Макиавелли стал включать в понятие «сила» государства не только войско, но и моральный дух народа, из которого оно рекрутируется. В понятие «сила», как главный инструмент обеспечения безопасности, включали также географическое положение страны, экономику, организацию и эффективность производства и т. п.

В рамках этой классической традиции целиком вписываются взгляды Моргентау и Киссинджера. Здесь нет места для обильного цитирования, поэтому приведу лишь два высказывания Г. Киссинджера, с периодом в 30 лет, но похожих, как две капли воды. В конце 50-х годов в монографии «Ядерное оружие и внешняя политика» он писал: «Неспособность применить силу не только не приведет к устранению разногласий, но, наоборот, может увековечить все споры...». В этой работе

американский теоретик выступает за сохранение во внешней политике фактора военной силы, включая ядерную. Другой вопрос — как, в каких формах и какими «дозами» ее применять. В 1988 г. Г. Киссинджер в соавторстве с другими крупными специалистами-международниками подготовил для правительственных ведомств доклад под названием «Выборочное устрашение», в котором была разработана идея ведения Соединенными Штатами ядерной войны путем «взвешенных», «хирургических» ударов по строго обозначенным советским объектам. Разумеется, такая тщательно «дозированная» ядерная стратегия будет, по словам авторов, применяться только в ответ на «советскую агрессию», а не по инициативе Вашингтона.

Обращают на себя внимание следующие два обстоятельства. Во-первых, время, выбранное для активизации и популяризации подобных изысканий, то есть период, когда были сделаны принципиальные шаги в направлении ядерного разоружения, подписан Договор о ликвидации РСМД. Во-вторых, весьма многозначителен подзаголовок доклада, поясняющий, что речь идет о «долгосрочной интегрированной стратегии», а отнюдь не об эпизоде или временной тактике. Все это сочинение проникнуто мыслью о необходимости ориентации внешней политики США именно на длительную перспективу ядерного противостояния: «В течение обозримого будущего, — гласит доклад, — Соединенные Штаты в военном отношении будут соперничать с Советским Союзом». Это соперничество должно опираться на американское «технологическое превосходство».

Спрашивается, можно ли утверждать, что на Западе «давно отброшены» классические подходы к проблеме безопасности? Нет, к сожалению, подвижки в рамках классической традиции пока еще идут медленно и осторожно*. Бесспорно, заметен сдвиг в оценке удельного веса чисто военного компонента в понятии «сила» в сторону его относительного уменьшения и, наоборот, роста значения экономических, технологических, научных факторов, обуславливающих политический вес и авторитет государства в международных делах. Однако указанные тенденции, на мой взгляд, пока еще не дают оснований для категоричного однозначного вывода, сделанного Р. Ш.-А. Алиевым в отношении понятия сила, которая якобы уже в настоящее время «не является военной категорией, а представляет собой политическую категорию». Если бы так. Думается, что эта констатация является красноречивым образчиком «теоретической приписки», то есть явного забегания вперед. На самом деле мы являемся свидетелями мощной тенденции, но еще не окончательного ее результата. Военный компонент пока входит в понятие сила, но уже не как ее ведущая характеристика.

Важно подчеркнуть, что темпы развития указанной позитивной тенденции в области безопасности прямо и неразрывно связаны с другой тенденцией современного мирового процесса к региональной и межрегиональной интеграции, глобальной взаимозависимости. Начнем, однако, опять с уточнения терминологии.

Интернационализация и интеграция — соотношение содержания и формы

«Объединительные тенденции, обусловленные интернационализацией производства, в последние десятилетия привели к развитию экономической интеграции...»

Б. М. Пугачев

Профессор Б. М. Пугачев посвятил несколько крупных работ, включая свою докторскую диссертацию, анализу проблемы соотношения понятий интернационали-

* Конечно, в широком спектре западной общественной мысли заметны тенденции к разрыву с этой традицией. В либеральных, лейбористских, социал-демократических и пацифистских кругах на Западе в течение ряда лет разрабатываются концепции ненаступательной обороны, «оборонного устрашения», вооруженного нейтралитета и т. п. Широко известны, к примеру, идеи «невооруженного нейтралитета», выдвинутые крупным деятелем социалистической партии Японии Масаси Исигаси. Все это так, но мы ведем речь о господствующем направлении западной политической мысли!

зация производства и экономическая интеграция. Суть его подхода сводится к тому, что интернационализация общественного производства есть объективный общемировой закономерный процесс, лежащий в основе его региональных интеграционных форм. Эта плодотворная идея широко распространена в нашей литературе. Она позволяет рассматривать интернационализацию производства, начавшуюся еще в прошлом столетии, как объективную основу, как «содержание», которое в зависимости от зрелости процесса обобществления производства, принимает те или иные конкретно-исторические «формы».

Так, на более ранних этапах интернационализация выступала в основном в виде торговли, на более зрелых ступенях своего развития она принимает формы интеграции и транснационализации. В последних случаях простая взаимодополняемость национальных экономик сменяется образованием структурных взаимосвязей между самими воспроизводственными процессами в различных странах.

Этот экскурс в историю становления терминологии потребовался в связи с попыткой Р. Ш.-А. Алиева трактовать интернационализацию и интеграцию как однопорядковые категории, отличающиеся друг от друга лишь характером связей. Интернационализация имеет место, когда они менее интенсивны, например, между Японией и Западной Европой. Интеграция — когда «все циклы производственного и обменного процесса взаимообусловлены и взаимосвязаны», например, в рамках ЕЭС. Здесь автор себе противоречит, так как «Общий рынок» в основном пока еще остается не более чем таможенным союзом, которому весьма далеко до взаимообусловленности «всех циклов» производства. Далее, легко обнаруживается более тесная связь и взаимодействие экономик «интернационализирующихся» (!), по мнению Р. Ш.-А. Алиева, Сингапура или Южной Кореи с японским и американским транснациональным капиталом, чем аналогичные взаимосвязи между «интегрированными» (!) Ирландией и Грецией в рамках европейского «Общего рынка».

Но это к вопросу о необходимости пользоваться корректными исходными понятиями во избежание путаницы и недоразумений. Спор, в принципе, о другом: о направлении и последствиях интеграционных процессов в мире. Р. Ш.-А. Алиев предлагает в качестве стратегического направления развития наших восточных регионов следующий вариант: «полнейшая экономическая автономия советского Дальнего Востока от центральных регионов СССР, гарантированная специальными законами». Известная логика в этом подходе есть: коль скоро современный мир охвачен процессом экономической, политической и культурной интернационализации, чаще всего принимающей форму региональной интеграции, почему бы не подключить наш Дальний Восток к азиатско-тихоокеанскому интеграционному полю притяжения. Конечно, такой подход потребует радикальной переориентации всей экономической политики в этом регионе. «Это означает, — подчеркивает Р. Ш.-А. Алиев, — перевертывание существующей модели на 180 градусов, то есть разрыв интеграционных экономических связей с западом Союза при одновременном вхождении в интеграционную сеть экономических отношений со странами АТР».

Мне нравится смелость постановки проблемы. Автор не лукавит, он прямо называет «цену» предлагаемого курса — «разрыв» производственного взаимодействия с «западом Союза». Он открыто говорит о необходимой предпосылке для вхождения в капиталистическую интеграцию АТР — утверждение многоукладного хозяйства на советском Дальнем Востоке «с упором на экономику рыночную». Не уходит автор рассматриваемой концепции и от признания неизбежного обострения противоречия между указанным экономическим курсом и политическим строем нашей страны, но считает, что оно будет успешно сниматься «формулой Дэн Сяопина: одна страна (или одно государство) — две системы, предназначенной для решения взаимоотношений [Китая.— А. М.] с Гонконгом (Сянганом) и с Тайванем».

Откровенность постановки вопроса требует столь же открытого его обсуждения и недвусмысленных возражений. Мне кажется, что предлагаемый вариант недостаточно просчитан в двух отношениях. Во-первых, экономически. Целиком поддерживая идею упрочения автономии региона в его стремлении подключиться к интеграции в АТР, считаю, что «разрыв интеграционных экономических связей» с европейским центром России поставит советский Дальний Восток с его отсталым в технологическом и экономическом отношении народным хозяйством в совершенно беспомощное положение перед могучим и технологически передовым партнером-соперником.

В ряду азбучных политэкономических истин есть и такая: отсталая в технологическом отношении страна, вступающая на базе законов рынка в систему международного капиталистического разделения труда, будет всегда «переплачивать» на производстве своих товаров в виде общественно необходимых затрат труда по сравнению с передовой в указанном отношении нацией (или регионом). Эти «переплаты» тем больше, чем больше разрыв в уровнях производительности труда. О таких случаях К. Маркс говорил, что страна, находящаяся в благоприятных, с точки зрения технологии, условиях, «при обмене получает больше труда за меньшее количество труда...»¹.

В итоге в передовых странах постоянно происходит накопление импортируемого овеществленного труда. Богатая нация автоматически обогащается на основе действия указанного объективного рыночного механизма. Поясняя его действие, К. Маркс констатирует далее, что «более богатая нация может расходовать на отдельный продукт больше, чем нация победнее, и при этом не беднеть...». Об этом свидетельствует, по мысли Маркса, «растущая цена непродуцируемых видов труда»², связанных с культурой, искусством и т. д. Мы к числу таких расходов можем добавить затраты на вооружение, содержание многомиллионных армий безработных, сохранение огромных незагруженных мощностей и т. п. Словом, механизм «глобального перераспределения дохода» объективно существует. Советские экономисты писали об этом³. Этот механизм в значительной степени компенсирует гигантские непродуцируемые затраты богатых, технологически развитых стран, позволяя сохранять высокий уровень благосостояния.

Помнить об этом надо не для того, чтобы обосновать отказ неразвитой страны вступать в контакт с развитой, а во имя избежания потерь труда. Ничего подобного К. Маркс не имел в виду. Наоборот, он указывал на важность приобщения отсталых наций к достижениям передовой цивилизации, подчеркивал в известном смысле выгодность обменов плодами производственной деятельности с развитой экономикой и для технической отсталой страны. Однако для того чтобы сократить период технологического отставания и уменьшить крупные потери общественного труда, неизбежные в процессе включения нашего Дальнего Востока в азиатско-тихоокеанскую интеграцию, этому советскому региону надо не рвать экономические связи с европейской частью России, а наоборот, углублять и наращивать их. Только отсюда Дальний Восток и Приморье смогут получить в перспективе новейшие технологии, наукоемкое производство и квалифицированные научные и производственные кадры. Самостоятельно решить эти проблемы Дальний Восток не сможет, а значит на немалый срок будет обречен на статус отсталой сырьевой периферии азиатско-тихоокеанского промышленно развитого центра. Возьмем вопрос с кадрами. Даже сравнительно благополучная, с точки зрения уровня жизни и климатических условий, Венгрия в прошлом году потеряла 12 % своих ученых и специалистов, выехавших на работу в западные страны. Можно представить, какими будут потери в этой области в нашем дальневосточном регионе в условиях господства рынка и «вхождения в интеграционную сеть» АТР.

Далее, практика показывает, что выход на мировые рынки наших слабосильных и неопытных предприятий и объединений заканчивается для них необоснованной конкуренцией друг с другом и крупными материальными потерями. Их неопытность и беспомощность уже входят в поговорку. Недавно один крупный и преуспевающий американский бизнесмен в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды» высказал на первый взгляд совершенно парадоксальную мысль о том, что американских партнеров «пугает и останавливает ваше стремление отдать все буквально бесплатно»⁴.

Как же нейтрализовать указанные негативные последствия включения недоразвитой экономики дальневосточного региона в азиатско-тихоокеанскую интеграцию? Разумеется, не за счет отказа от интеграции как таковой по принципу «лучшее средство от головной боли — гильотина». Но и не на путях «разрыва» интеграционных экономических связей с «западом Союза» и «полнейшей» автономии, как предлагает Р. Ш.-А. Алиев. Наоборот, надо укреплять и углублять связи с российскими центрами передовой науки и современного производства, где бы они ни находились. Нужна общесоюзная программа радикального повышения технологического уровня производства в стране, включая и ее дальневосточный регион. Кроме того, необходима еще одна общесоюзная программа, имеющая целью координацию внешнеэкономической деятельности советских предприятий и объединений и охватывающая все регионы

страны. Она должна быть не бюрократической, государственной, а создаваться на основе вневедомственной, добровольной ассоциации самих производителей.

Второе возражение Р. Ш.-А. Алиеву касается военно-политического аспекта проблемы. Вариант, предлагаемый ученым, обострит проблему нашей национальной безопасности именно по причине ослабления, если не полного обрыва, экономических связей дальневосточного региона с основной территорией России. Р. Ш.-А. Алиев почему-то полагает, что «формула Дэн Сяопина» должна снять озабоченность в этом плане. Странная логика. Ведь указанная формула выдвинута не для решения проблем экономической интеграции Китая в систему АТР, а как политическая программа национального воссоединения. Она преследует цель преодолеть раскол нации, насильственно навязанный Китаю в прошлом. Получается, что в дополнение ко всем прочим проблемам мы хотим создать себе еще одну — проблему разделенной нации, чтобы в течение следующего столетия их героически преодолевать. Суть методологической ошибки Р. Ш.-А. Алиева — разрыв понятий интеграция и безопасность. В нашем взаимозависимом мире они должны восприниматься как органическое целое и в теоретическом анализе, и в практической политике.

Хочу высказать несколько соображений о понятии азиатско-тихоокеанский регион. Р. Ш.-А. Алиев, исходя «из наличия экономической интеграции и общих международных проблем», усомнился в существовании упомянутого региона. Он пишет: «Используя системный анализ этих данных, я пришел к выводу об отсутствии АТР как целостного региона». Как говорится, «вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Толкуем о фундаментальных процессах в регионе, а его-то самого, оказывается, и след простыл. Совсем как в «Стране чудес» у Кэрrolла.

К вопросу об улыбке Чеширского Кота.

«Первым исчез кончик его хвоста, а последней — улыбка; она долго парила в воздухе, когда все остальное уже пропало.

— Д-да! — подумала Алиса. — Видала я котов без улыбок, но улыбка без кота! Такого я в жизни еще не встречала».

Льюис Кэрролл

Мне кажется, что в самом феномене как бы «исчезновения» в определенных условиях тех или иных понятий ничего мистического нет. Подобное случается постоянно в тех случаях, когда сочинение подобных дефиниций превращается в самоцель. Иной раз такое происходит и с творцами разбираемого нами термина. Видимо, Р. Ш.-А. Алиев уловил этот момент, но его все же должен был насторожить тот факт, что по существу спор идет не о границах региона, а о таких, например, вполне реальных процессах в его рамках, как национальная и региональная безопасность, интеграция и т. п. Если нет региона в образе «Кота», то почему столь осязаема его «улыбка» в виде острых проблем региональной безопасности? Он утверждает, что моя позиция о расширительной трактовке границ региона необоснованна.

Не прибегая к «системному анализу», скажу о своем подходе несколько подробнее, остановившись лишь на двух моментах. Для меня проблема определения границ региона никакого самостоятельного значения не имеет, считаю ее в значительной мере искусственной и надуманной. В дискуссии с В. Б. Воронцовым главным был вопрос не о «четких границах» региона, а о безопасности в АТР и путях ее достижения. Именно с позиций решения этой задачи я считал расширительную трактовку границ региона более предпочтительной. Почему? Потому что непродуктивно обсуждать вопросы стабилизации военно-политической обстановки, скажем, в Восточной или Юго-Восточной Азии без учета позиции США, более того — не привлекая Вашингтон к самому активному участию в таком обсуждении. Я согласен с мнением австралийского ученого Тревора Финдли о том, что «непременным участником любых переговоров в АТР должны быть США в связи со статусом ядерной сверхдержавы, играющей здесь весьма значительную роль». И не только поэтому: Вашингтон имеет договорные обязательства в отношении обороны и с Японией, и с Южной Кореей.

Разве можно игнорировать в политическом анализе проблем региональной безопасности это обстоятельство? Вот почему с военно-политической точки зрения целесообразно «включенные» США в рамки АТР*.

Второй аспект этой же проблемы — экономический. И с экономической точки зрения «расширительная трактовка» имеет свои преимущества. В самом деле, разве можно объективно оценить перспективы и последствия интегрирования советского Дальнего Востока в азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество без учета того, что в регионе создается единое мощное суперинтеграционное образование, объединяющее североамериканский и восточноазиатский интеграционные центры? Как могучий вакуумный насос, оно «всосет» и Приморье, и Дальний Восток, если будут оборваны их производственные связи с европейской Россией. Так что «расширительная трактовка» — это не прихоть, она продиктована совершенно определенными обстоятельствами.

В заключение хочу высказать глубокое удовлетворение состоявшимся обменом мнениями на страницах журнала. Являясь его многолетним подписчиком, замечаю новые черты в политике редакции «ПДВ» — появление на страницах журнала дискуссий по злободневным общетеоретическим и политически-практическим темам. В последних его номерах имело место обсуждение вопросов собственности, уровня, качества и образа жизни в условиях социализма. Наконец дошла очередь и до международно-политических проблем. Хочется надеяться, что рубрика «Диалоги и дискуссии» прочно утвердится на страницах журнала, вызывая интерес и читателей, и авторов. Думаю, этому будет способствовать публикация материалов с мест. Пример — перепечатка статей Р. Ш.-А. Алиева из владивостокского журнала «Делии». Их главная ценность — не столько хладнокровное академическое проникновение в суть процесса тихоокеанской интеграции, сколько эмоциональное восприятие этой проблемы на местном уровне. Указанная публикация — это прежде всего важный «человеческий документ».

* Кстати, аналогична ситуация и в Европе. Хотя США и Канада не относятся к европейским государствам, их роль в становлении безопасности Европейского континента столь велика, что никому и в голову не приходит отсечь их от общеевропейского процесса. Между прочим, история свидетельствует, что общеевропейский процесс топтался на месте, пока США не сняли свои возражения против Хельсинкского совещания в начале 70-х годов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.— Т. 25.— ч. I, С. 262.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.— Т. 48.— С. 86.

³ См.: МЭиМО.— 1984.— № 10.— С. 80.

⁴ Комсомольская правда.— 1990.— 6 января. Весьма выразительный пример подобной убогой «коммерции» приведен в одном из выступлений на февральском (1990) Пленуме ЦК КПСС, когда наши «бизнесмены» продают западным партнерам двуокись титана по 1700 долл. за тонну, а другие покупают ее на том же Западе по 3,5 тыс. долл. за тонну.

В. ПОРТЯКОВ

«Мо шитоу го хэ» — «Переходить реку, нащупывая камни»... Каждый, кто изучает проблемы экономической реформы в Китае или просто интересуется ею, не раз встречал это выражение, широко используемое для характеристики особенностей реформенного процесса в КНР. Вероятно, не в последнюю очередь благодаря ему в китаеведческой среде бытует мнение, что в китайской экономической реформе эмпирическое начало, практика, эксперимент заметно превалируют над началом теоретическим, что в ней не столько практика реформы следовала за теми или иными теоретическими выкладками, сколько сами эти выкладки явились итогом и следствием практических преобразований.

Подобные суждения отчасти справедливы. В самом деле, целый ряд новаций был апробирован на практике существенно раньше, нежели подсказан и осмыслен в теории. Причем такая ситуация встречалась не только на начальном этапе реформы. Здесь можно упомянуть зарождение в начале 80-х годов полного подворного подряда в деревне («да баогань»), стихийное возникновение «рынка денег» в середине десятилетия, порожденные хозяйственной практикой во второй половине 80-х годов разновидности аренды и подряда в городской экономике с теми или иными вариантами имущественного залога, «рынок» распродажи мелких убыточных государственных предприятий.

И все же не стоит недооценивать то влияние, которое оказали на весь процесс экономической реформы в КНР теоретические поиски, постоянно шедшая работа по подготовке комплексных проектов реформы, уяснению ее целевой модели.

Ныне уже как-то стало подзабываться то обстоятельство, что начальный этап реформы в КНР был ознаменован не только политикой «послаблений» в деревне и «сычуаньским экспериментом» по расширению хозяйственных прав предприятий, но и скрупулезным теоретическим анализом различных «моделей социалистической экономики», активным поиском полнэкономической основы хозяйственной реформы в стране — вспомним хотя бы уникальную по масштабам и научной продуктивности конференцию по проблемам закона стоимости в городе Уси в апреле 1979 г.

Уже к концу 1979 г. в Финансово-экономическом комитете Госсовета КНР были подготовлены «Первоначальные мнения относительно комплексного проекта реформы системы хозяйственного управления». Этот документ, впервые опубликованный в открытой печати сравнительно недавно — в справочном издании «Десять лет реформы хозяйственной системы в Китае»¹, убедительно свидетельствует, на наш взгляд, что многие важные направления реформы, этапы преобразований были в принципиальном плане продуманы и намечены заранее, а вовсе не явились итогом некоего абсолютно спонтанного саморазвития. Примечательно требование авторов документа о необходимости подчинять первые шаги реформы ее общему направлению, не допускать разнобоя, действовать планомерно. Особо подчеркивалось, что «поспешность в проведении реформы при отсутствии ясности в ее направленности может завести на кривую дорожку».

Вполне естественно, что внесение такой «ясности», то есть выработка обобщенной целевой модели реформы, стало в 80-е годы одной из главных задач для

ученых-экономистов КНР. Видимо, они в этом достаточно преуспели — если судить по недавнему шутовскому замечанию Чжоу Сяочуаня о необходимости для Китая справиться с двумя «перегревами» — в экономическом росте и изобретении теорий реформы².

Ну, а если говорить серьезно, то следует признать, что «наработанный» в эти годы экономистами-теоретиками КНР концептуальный потенциал осмысления проблем экономической реформы, включая широкий спектр предложений относительно поэтапной реализации ее сущностных целей, далеко «не выбран» пока в практике ни самого Китая, ни других стран социализма. Можно без большого риска ошибиться утверждать, что и по сей день (по состоянию на начало 1990 г.) советская экономическая наука применительно к хозяйственной реформе не предложила еще ничего такого, что выходило бы за рамки исследований данного круга проблем учеными-экономистами КНР. Более того, огромный пласт сложнейших теоретических и практических вопросов, порождаемых первыми же попытками соединить в деле «план» и «рынок», — пласт, который у нас только начинает возникать — в Китае в какой-то степени уже осмыслен, причем не априори, а, что называется, апостериори, то есть на базе анализа плюсов и минусов реальных процессов в экономике, сопутствующих сосуществованию ликвидируемого старого и создаваемого нового хозяйственных механизмов. Все это, на наш взгляд, делает весьма актуальным ознакомление советских ученых-экономистов, да и практических работников сферы управления с соответствующими исследованиями китайских коллег.

К числу наиболее ценных в этом плане работ, пока еще не вошедших в должной мере в научный оборот советского китаеведения, следует безусловно отнести фундаментальную монографию «Исследование модели реформы хозяйственной системы в Китае»³.

Книга представляет собой комплексное, органичное по структуре и логике изложения исследование проблем выбора целевых ориентиров экономической реформы в КНР и путей перехода от старого хозяйственного механизма к новому. Работа подготовлена коллективом сотрудников Института экономики Академии общественных наук Китая, включающим таких известных ученых, как Юй Цзуюо, Тянь Цзяньхай, Чжао Жэньвэй (нынешний директор Института экономики), Дай Юаньчэнь, Шэнь Лижэнь, Хэ Цзячэн. Это своего рода созвездие ведущих экономистов страны венчает главный редактор книги — вице-президент АОН Китая Лю Гогуан. В данной работе уточнены, развиты и дополнены предыдущие исследования Лю Гогуаном проблемы «целевой модели» реформы, частично знакомые советскому читателю⁴.

Работа состоит из предисловия, двух базовых разделов — «Теория целевой модели реформы» и «Теория преобразования двухколейной системы»⁵ — и приложения, где вкратце показана поэтапная эволюция хозяйственной системы КНР в период 1949—1987 гг. Хотя труд носит по преимуществу теоретический характер, да и ставит перед собой главным образом теоретические цели, его вместе с тем характеризует постоянное соотношение теоретических выкладок с реалиями китайской реформы.

Обширное предисловие в традиционной для Лю Гогуана манере содержит как бы квинтэссенцию, выжимку всего последующего текста, то есть, по сути дела, носит характер выводов, предворяющих само исследование. Как декларирует ученый, определяя замысел работы, «дальнейшее исследование целевой модели реформы хозяйственной системы и путей перехода от старой системы к новой служит и необходимой теоретической подготовкой к продвижению реформы вперед, и практической мерой по обеспечению успешного хода реформы» (с. 1). Лю Гогуан уделяет особое внимание методологическим и категориальным аспектам проблемы. Понятие «модель» (хозяйственной системы) автор характеризует как инструмент анализа, исследования, как теоретическую абстракцию, обобщение основных закономерностей той или иной хозяйственной системы, совокупность ее главных контуров и принципов функционирования (с. 2).

К ранее выделявшимся им пяти типам моделей хозяйственной системы (военный коммунизм, традиционная модель централизованно планируемой экономики, усовершенствованная модель централизованно планируемой экономики, модель с органическим сочетанием плана и рынка, рыночный социализм) Лю Гогуан в данной работе добавляет еще один: экономика с косвенным административным контролем (с. 9). Суть ее в том, что традиционное управление предприятиями со стороны государства

через директивное планирование уже ликвидировано, а система косвенного управления через рынок и экономические рычаги еще по-настоящему не создана. Это, считают авторы, есть теоретическое обобщение послереформенной системы хозяйственного управления в Венгрии (с. 65).

Что касается Китая, то подходящей для него целевой моделью является, по мнению Лю Гогуана, модель органического сочетания планового и рыночного регулирования (с. 10).

В предисловии показан комплекс экономических проблем, воздействующих на процесс перехода от одной модели хозяйственной системы к другой. В их числе смена модели развития экономики, создание благоприятной экономической среды, урегулирование структуры народного хозяйства, открытая внешнеэкономическая политика, реформа политической системы страны.

Лю Гогуан, признавая долговременность, неизбежную поэтапность реализации целевой модели хозяйственной реформы — для него это вопрос не 3—5 и даже не 8—10 лет — одновременно выступает против попыток растянуть этот процесс на весь начальный этап социализма, а то и на исторический этап социализма в целом (с. 49).

В первом разделе работы рассматриваются проблемы выбора целевой модели реформы хозяйственной системы Китая, ее контуры (глава 1) и, более детально, главные структурообразующие факторы такой модели: структура собственности, система принятия экономических решений, система экономического стимулирования, система регулирования экономики и особенности использования конкретных экономических рычагов (цены, налоги, кредит, валютный курс, заработная плата), система организации экономики (главы 2—7). Методологически эти главы построены в одном ключе: анализируется или излагается теория вопроса, затем — ситуация в Китае с показом «традиционной системы», хода ее преобразований, достигнутых результатов и, наконец, «целевой модели» на будущее.

Авторы полагают, что экономическая реформа будет иметь шансы на успех только в том случае, если преобразование механизма движения, функционирования экономики будет увязано в обязательном порядке с преобразованием отношений собственности (с. 81). Общая архитектоника целевой модели структуры собственности в Китае видится такой: по своей структуре собственность должна быть открытой, плюралистической, причем как на макро-, так и на микроуровне. Ведущую роль при этом призваны играть госпредприятия и предприятия с контролируемым государством паем, общественное имущество является основой совокупного имущества общества. Вместе с тем сохраняется большое количество индивидуальных хозяйств, а также такие формы хозяйственной ответственности, как аренда (с. 131).

На наш взгляд, глава о реформе системы принятия хозяйственных решений (с. 132—181) является одной из наиболее ценных в работе прежде всего в силу слабой разработанности этого вопроса в экономической литературе — и не только у нас, но и в Китае, где ему стали уделять адекватное его значению внимание лишь в самые последние годы. Авторы рассматривают такой круг проблем, как особенности плановых решений в традиционной системе хозяйственных решений, корни формирования и недостатки данной системы. Анализируется возможное разграничение компетенции между государством, предприятиями, индивидами как основными субъектами принятия хозяйственных решений. При этом каждый уровень рассматривается в комплексе. Так, государство выступает в экономической жизни и как собственник, и как административная власть, индивид — одновременно и как производитель, и как потребитель, и как собственник.

Анализируя проблему экономических интересов (с. 182—222), китайские ученые высказывают мнение, что в условиях традиционной хозяйственной системы чрезмерный упор делался на единстве коренных интересов государства, предприятий, индивидов, на ведущей роли государственных интересов, тогда как различные интересы анализировались и учитывались недостаточно, внимание к интересам предприятий и отдельных работников было неадекватно мало.

Реформа принесла с собой умножение числа носителей самостоятельных интересов, ускорила и усилила процессы разграничения интересов различных субъектов. Одно из реальных противоречий реформы авторы видят в том, что данные ею стимулы оказались для разных субъектов неодинаковы по силе. Наибольший импульс получили отдельные работники, затем, по убывающей, предприятия, местные правительства, а

стимулируемой в наименьшей степени оказалась деятельность центра. При таком механизме стимулирования неизбежно нарушение каждым нижестоящим звеном и уровнем экономики интересов вышестоящего. Так, индивид покушается на интересы предприятия, предприятие вторгается в сферу интересов государства, места действуют вразрез с интересами центра. Серьезное негативное воздействие в этом плане оказывает и такой фактор, как отставание формирования механизма ограничения интересов субъектов хозяйственной жизни всех уровней. Целевая модель системы экономических интересов должна ориентироваться на множественность носителей и источников реализации интересов, монетаризацию форм реализации интересов, соединение долго- и краткосрочных интересов.

Проблемам регулирования экономики отведены две главы. Первая из них (с. 223—263) посвящена описанию функций системы регулирования экономики, сравнению различных типов таких систем, вопросам макрорегулирования, прежде всего с точки зрения соединения здесь плановых и рыночных начал.

По определению авторов, регулирование экономики общества представляет собой целостную систему, включающую экономические планы, механизм и рычаги регулирования, экономическую информацию, экономическую и научно-техническую политику, экономическое законодательство.

Среди функций системы регулирования экономики анализируются такие, как обеспечение баланса интересов, оптимизация соотношения темпов и эффективности, достижение комплексного и внутривидового баланса спроса и предложения, урегулирование противоречий между контролем на макроуровне и оживлением на микроуровне народного хозяйства.

При анализе изменений в системе организации экономики в процессе реформы авторы акцентируют внимание на соответствующих недостатках традиционного хозяйственного механизма (главный из них — неограниченность административных и хозяйственных функций), на желаемых и ожидаемых сдвигах в организационной структуре народного хозяйства на различных ее «этажах» — на уровне предприятий, промежуточных (посреднических и обслуживающих) организаций, в звеньях вертикального (отрасль) и горизонтального (регион) управления. Обосновывается идея центральной роли городов и организации экономической жизни как вытекающая из требований развития социалистического планового товарного хозяйства (с. 308—358).

Ценность второго раздела состоит в анализе широкого круга проблем перехода от демонтируемой в процессе реформы старой хозяйственной системы к создаваемой новой. Думается, что теоретическое обобщение китайского опыта в данной сфере имеет непосредственное практическое значение для советской экономики.

Весь процесс перехода от старой хозяйственной системы к новой можно разбить, как полагают авторы, на четыре этапа (с. 395—396).

1. Этап первоначального прорыва старой системы, на котором необходимо уяснить пороки традиционного механизма хозяйствования. В результате возникает ощущение неотвратимости реформы, но конкретное направление ее проведения еще не вполне ясно.

2. Этап одновременного существования новой и старой систем, посредине которого ныне находится Китай. Характеризуется непрерывным возникновением трений в рамках «двухколейной» системы, созреванием условий для выработки комплексного проекта реформы (как известно, девять конкурирующих вариантов такого проекта были подготовлены различными группами китайских ученых в 1988 г.).

3. Этап углубления реформы, на котором предприятия на деле становятся самостоятельными товаропроизводителями, в основном формируется система рынка, а рыночный механизм в процессе постепенного оздоровления выявляет свои регулирующие функции, главными в макрорегулировании наконец становятся косвенные методы контроля. В целом новая хозяйственная система к концу этого этапа занимает ведущее место; трения, присущие двухколейной системе, смягчаются и даже сходят на нет.

4. Этап реализации целевой модели.

Непредвзятый анализ хода реформы, трений и противоречий «двухколейной» системы обязателен для поступательного продвижения реформы вперед.

Сутью «двухколейной» системы авторы считают «триединство» «двухколейности»

систем планирования, обращения материальных ресурсов и ценообразования (с. 400). Двойственный характер действий в условиях «двухколейной» системы присущ и государству, и предприятиям. Так, предприятие, хотя и обрело определенную самостоятельность, но по-прежнему подвергается ограничениям административных команд и приказов, по сему оно неизбежно «смотрит одним глазом на рынок, другим — на вышестоящий орган». Государство регулирует деятельность предприятий и прямыми, и косвенными методами.

Авторы исходят из того, что возникновение «двухколейной» системы в большей степени есть результат действия объективных закономерностей, нежели чьих-то субъективных желаний. По их мнению, вариантами выхода из трений и противоречий этой системы могут стать: откат назад, «замораживание» «двухколейности» на неопределенно долгий срок с периодическими частными попытками сгладить наиболее острые трения (оба эти варианта крайне нежелательны), немедленный переход к послереформенной «одноколейности» (это нереалистично), наконец, подход к «двухколейности» как к переходному периоду, в рамках которого надо не пассивно ждать преобразования старой системы в новую, а активно создавать надлежащие содействующие условия для такого преобразования.

И все же приходится с сожалением констатировать, что внедрение «двухколейности» в Китае сопровождалось весьма крупными издержками. Теоретически привлекательная, «двухколейная» система в хозяйственной практике открыла, по признанию китайских экономистов, удобную лазейку и даже «широкие ворота» для использования разницы в ценах, валютных курсах и т. п. в корыстных целях, невольно способствовала нарастанию спекуляции и коррупции. По приведенным известным ученым У Цзинлянем расчетам, общий «навар» от разницы в ценах, так сказать, суммарный «зазор» между колеями составил в 1987 г. 200 млрд. юаней, то есть около 20 % национального дохода⁹.

В общем, возникает ситуация своего рода заколдованного круга: без «двухколейности», выступающей в качестве обязательного условия реализации на практике принципа расширения хозяйственных прав предприятий (он и «материализуется» в первую очередь в сбыте предприятием части продукции по ценам выше плановых), реформа невозможна, и одновременно сопутствующие «двухколейности» рост общего уровня цен, неизбежное падение дисциплины плановых поставок, тенденции к повышению себестоимости продукции и другие негативные явления порождают антиреформистские настроения, тормозят ход реформы. Китайский опыт здесь, не давая прямого ответа на вопрос о путях и способах преодоления данного противоречия без отказа от продвижения реформы вперед, все-таки позволяет, как нам представляется, нащупать реальную сферу поиска такого ответа. По-видимому, корень зла заключается в экспансионистской, то есть ориентированной на экстенсивный экономический рост, стратегии экономического развития, порождающей вечный дефицит любых видов материальных ресурсов.

На наш взгляд, один из полезнейших для советских специалистов фрагментов книги — это глава десятая (с. 425—467), рассматривающая взаимосвязь смены моделей развития экономики и хозяйственной системы.

Авторы указывают на необходимость синхронной смены системы хозяйствования и стратегии развития, коль скоро между ними есть достаточно тесное соподчинение. Экстенсивная, ориентированная на высокие темпы модель развития экономики требует высокоцентрализованной, непосредственно регулируемой директивным планом модели хозяйственной системы. Напротив, нацеленная на повышение эффективности интенсивная модель экономического развития требует системы хозяйствования с рассредоточенным принятием решений, преобладающим использованием косвенных, преимущественно экономических рычагов регулирования. Сложность проблемы, однако, в том, что «сменить» модель развития экономики, возможно, еще труднее, чем модель хозяйственной системы.

Поднимая проблемы создания благоприятствующей смене моделей хозяйственной системы экономической среды, китайские ученые анализируют возможные пути перехода от рынка продавца к рынку покупателя и достижения сбалансированности совокупного спроса и предложения, урегулирования экономической структуры. Работа «Исследование модели реформы хозяйственной системы в Китае» была завершена в 1987 г., когда в стране, при всех возможных оговорках, доминировал настрой на

ускорение экономической реформы, царил атмосфера всеобщей уверенности в ее конечном успехе. Однако нарастание во второй половине 80-х годов социально-экономических трудностей, таких, как перегрев экономики, обострение диспропорций между базовыми и перерабатывающими отраслями, раскручивание спирали инфляции, не могло не привести к сдвигу в поступательном ходе реформы. В стране росло понимание необходимости глубокого анализа и даже переосмысления некоторых ее теоретических принципов и практических шагов. Характерно, что идея возможности перехода к новому этапу активизации реформы лишь по истечении ряда лет, посвященных усвоению, отлаживанию, стыковке ранее проведенных преобразований, фигурирует во всех конкурентных проектах экономической реформы на период до 1995 г., подготовленных в 1988 г. различными группами ученых-экономистов страны.

Собственно, уже выдвинутый 3-м пленумом ЦК КПК 13-го созыва (сентябрь 1988 г.) курс на оздоровление и упорядочение экономики, переход в его рамках к ограничительной кредитно-финансовой политике предопределили известное сужение сферы хозяйственных реформ. Это нашло отражение в «Основных направлениях реформы хозяйственной системы в 1989 году», подготовленных Государственным комитетом КНР по хозяйственной реформе⁷.

Поставленные в данном документе задачи охватывали меньший, в сравнении с предыдущим годом⁸, диапазон реформ и были в значительной мере подчинены решению текущих хозяйственных проблем — сдерживанию инвестиционного и потребительского спроса, противодействию инфляции, преодолению перегрева экономики в целом. Вместе с тем не ставилась под сомнение общая ориентация реформы на усиление роли рыночного регулирования, широкое апробирование акционерной и паевой форм хозяйствования, более или менее последовательное внедрение в хозяйственный механизм других атрибутов товарной экономики.

Однако последовавшие вскоре события придали вопросу о дальнейшей судьбе экономической реформы в КНР гораздо более драматическую окраску. Развернувшаяся с июня 1989 г. резкая критика «поветрия буржуазной либерализации», смещение с поста Генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна, для многих в стране и за рубежом олицетворявшего собой курс реформ в целом и некоторые конкретные их направления, да и общая острота внутривнутриполитической ситуации в КНР, не могли не породить в китайском обществе и в мире сомнений, а то и неверия в возможность сохранения китайским руководством прежней политики реформ и расширения внешних связей. Показательно, например, признание газетой «Жэньминь жибао» от 19 июля 1989 г. распространения в ряде мест «в связи с критикой ошибок Чжао Цзыяна» сомнений в отношении системы ответственности директора за деятельность предприятия и системы подрядной хозяйственной ответственности в промышленности.

Руководство КНР предприняло значительные пропагандистские усилия, призванные подтвердить его приверженность курсу реформ, доказать беспочвенность обвинений в «антиреформаторских» поползновениях. В частности, печать подчеркивала, что залогом продолжения политики реформ является ее соответствие коренным интересам народа и объективным потребностям развития страны⁹. Особый акцент был сделан на роли «не кого-либо другого, но именно товарища Дэн Сяопина — инициатора и главного архитектора политики реформ и открытости в Китае»¹⁰. Положения о недопустимости повторного «закрытия» Китая, правильности политики реформ и расширения связей с внешним миром, необходимости их «твердого и последовательного осуществления и в дальнейшем» нашли отражение в выступлении Дэн Сяопина на встрече 9 июня с представителями войск, обеспечивающих военное положение в Пекине, в коммюнике 4-го пленума ЦК КПК 13-го созыва (июнь 1989 г.).

Позиция китайского руководства и не могла быть иной. Ведь именно ореол реформ в экономике привлек к Китаю в 80-е годы всеобщее внимание мирового сообщества, способствовал заметному росту его международного престижа, налаживанию интенсивных экономических и научно-технических обменов с большинством зарубежных стран. Важным фактором явилась и позиция Запада, однозначно высказавшегося за продолжение в Китае ориентированных на рынок реформ и поставившего в зависимость от этого обстоятельства возможную эволюцию своей позиции относительно отмены санкций, расширения обменов, активизации экономического сотрудничества с КНР и т. п. Хотя такого рода увязки, как и сами рестрикции, были весьма критически восприняты в КНР, в реальной политике они не могли не учитываться.

Наконец, и это, может быть, самое важное: независимо от споров о том, прошел ли реформенный процесс критическую точку, делающую его необратимым, действительные результаты реформ в КНР, на наш взгляд, достаточно велики, можно сказать, уже в такой степени материализованы в экономической жизни страны, чтобы с полной уверенностью прогнозировать невозможность возврата к дореформенной хозяйственной системе.

Тем не менее начиная с июня 1989 г. в прежнюю концепцию хозяйственной реформы в Китае стали вноситься определенные коррективы. Поначалу этот процесс имел преимущественно эмоционально-личностный оттенок и шел в русле выявления и критики «ошибок и упущений Чжао Цзыяна в экономической работе», негативных последствий непродуманного использования в Китае рецептов буржуазной экономической науки, проявлений «буржуазной либерализации» во взглядах ряда китайских ученых-экономистов и политологов. В частности, были отвергнуты призывы к приватизации экономики общенародной собственности, теории «всемогущества рынка», «безвредности бюджетного дефицита», «полезности ограниченной инфляции», «неизбежности разложения и коррупции кадров»¹¹, указано на ошибочность чрезмерного выпячивания роли волостных и поселковых предприятий¹². В последующем при сохранении элементов сугубо идеологизированной критики уклона в «маркетизацию» экономики, как якобы неизбежно ведущего к отрицанию планового хозяйства и общественной собственности, возобладал более конструктивный, на наш взгляд, анализ плюсов и, главное, минусов предшествующего этапа реформы, поиск на этой базе конкретных путей ее дальнейшего углубления.

Среди наиболее существенных просчетов отмечаются чрезмерный «крен» реформенных мероприятий в сторону перераспределительных процессов в ущерб собственно производству, опережающее «оживление» микроуровня экономики в отрыве от преобразований на макроуровне. По сути дела, как справедливо заметил Фань Маохуа в журнале «Гайгэ» («Реформа», 1989, № 6), реформа макроуправления была подменена его ослаблением, и именно это обстоятельство заставляет ныне вновь сплошь и рядом прибегать к старым административным методам усиления контроля за хозяйственной жизнью.

Современная, скорректированная во второй половине 1989 г. концепция реформы в Китае отличается рядом новых — в сравнении с недавними представлениями — особенностей.

Прежде всего безоговорочно постулируется «твердая ориентация политики реформ и расширения внешних связей на социализм». В связи с этим в основополагающем документе партии — в речи Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя по случаю 40-й годовщины образования КНР — основанное на общественной собственности плановое товарное хозяйство в Китае характеризуется как «по существу отличное от капиталистического товарного хозяйства, основанного на частной собственности и поддающегося в основном стихийному рыночному регулированию»¹³.

Соответственно меняется подход к проблеме соотношения плана и рынка. Еще совсем недавно она рассматривалась преимущественно как техническая (и план, и рынок квалифицировались как «нейтральные» экономические рычаги, индифферентные к характеру общественного строя). Теперь же вопрос заметно «идеологизируется», а прежний акцент на роль рынка сменяется на безусловный приоритет роли плана, по крайней мере на период «урегулирования» экономики, требующего более жесткой централизации хозяйственной деятельности.

Например, известный социолог Хэ Цзяньчжан подверг критике точку зрения о первичности рыночного спроса и вспомогательности планового регулирования, согласно которой «государство может прибегать к регулирующим мерам лишь тогда, когда с регулированием экономики не справляется рынок»¹⁴.

Премьер Госсовета КНР Ли Пэн в своих выступлениях в конце прошлого года неоднократно констатировал, что нельзя рассматривать долю рынка, степень маркетизации китайской экономики в качестве критерия продвижения реформы вперед или, напротив, ее отступления¹⁵. Вместе с тем взаимное соединение планового хозяйства и рыночного регулирования остается базовым принципом реформы, хотя, как подчеркнул премьер в речи на Всекитайском рабочем совещании по вопросам реформы (4—8 января 1990 г.), становление целостного механизма функционирования экономики на основе соединения плана и рынка требует сравнительно длительного периода и будет, воз-

можно, сопутствовать всему процессу социалистической модернизации Китая¹⁶. Пока же на ближайшие годы декларируется необходимость «усилить направляющую роль плана»¹⁷, «расширить применение директивного планирования, повысив его научность и усилить строгость»¹⁸. На 1990 г. поставлена конкретная задача укрепить плановое управление средствами производства, увеличить долю централизованного государственного распределения важнейших видов материальных ресурсов в целях обеспечения потребностей ключевого строительства¹⁹.

Наконец, прослеживается стремление к проведению реформы хозяйственного механизма не изолированно, а в более тесной увязке с оптимизацией структуры экономики и сменой модели экономического роста, то есть переориентацией его с погонии за темпами и валом на повышение эффективности производства, лучшее соответствие общественным потребностям. Реформа, как считает ректор Пекинского университета У Шуцин, нужна не ради реформы, а для обеспечения поступательного, устойчивого, скоординированного развития народного хозяйства²⁰.

После естественной заминки, вызванной обострением внутривнутриполитической ситуации и последовавшим переосмыслением концепции реформы, в китайской печати, на организованных Госсоветом КНР совещаниях по плановой и финансовой работе, было специально разъяснено, какие именно аспекты политики реформ и развития связей с внешним миром не меняются.

В этом перечне — семейный подряд в деревне, система ответственности директора и подряд предприятий и отраслей, политика развития многоукладной экономики при предпосылке выявления ведущей роли общественной собственности, развитие горизонтальных хозяйственных связей, система финансового подряда во взаимоотношениях мест с центром, весь комплекс мер по заимствованию передовой техники и привлечению средств из-за рубежа, включая развитие специальных экономических зон, приморских районов²¹.

Вместе с тем предусмотрено «пополнение и совершенствование» ранее проведенных преобразований. Так, предстоит, как объявил премьер Ли Пэн, «урегулирование существующей архитектоники интересов», для чего доля отчислений доходов ряда провинций в центральный бюджет будет повышена²².

Большое внимание уделяется совершенствованию подрядной системы на предприятиях — определению рациональной базы подряда, оздоровлению системы показателей, включаемых в подрядный контракт, и т. п. Показательно, что меняется представление о роли этого метода хозяйствования в целом. Если раньше он рассматривался в качестве сугубо переходной формы (например, к акционерным компаниям), то теперь подряд квалифицируется как «одна из базовых моделей социалистического предприятия», обеспечивающая и стабильный рост бюджетных доходов государства, и повышение жизнеспособности предприятий, и активность работников²³.

В конце 1989 г. — начале 1990 г. появились признаки оживления экономической реформы в Китае.

В их числе — общее увеличение публикаций по проблемам реформы в центральной печати, проведение в январе 1990 г. первого совещания по управлению государственным имуществом, подведение начальных результатов деятельности государственных инвестиционных компаний, созданных в 1988 г. в рамках реформы системы управления инвестициями.

Особенно обнадеживает курс на активизацию использования денежно-кредитных рычагов. Выступая на пленарном заседании Госсовета, премьер Ли Пэн призвал «учиться использовать деньги и кредит — этот важнейший экономический рычаг — для осуществления макрорегулирования, с тем чтобы поставить его на службу соединяющему плановое хозяйство и рыночное регулирование механизму функционирования экономики»²⁴. Руководитель Народного банка Китая Ли Гуйсянь подтвердил сохранение на 1990 г. в экспериментальном порядке задач оживления денежно-кредитного рынка и рынка акций и облигаций²⁵. Важное значение имело введение более реалистичного курса юаня к ведущим иностранным валютам (курс юаня снижен с 3,7 до 4,7 за доллар). Наряду с расширением рынка валютного регулирования в стране (в 1988 г. объем реализованной через этот канал инвалюты составил 6,6 млрд. долл. — то есть третью часть всей валюты, «заработанной» предприятиями и местными правительствами²⁶) эта мера призвана преодолеть в конечном счете разрыв между официальным и рыночным курсами юаня, обеспечить достижение его свободной конвертируемости.

Как добрый знак расценивается то обстоятельство, что урегулирование в 1989 г. контрактных цен на зерно и хлопок, а также цен на пищевую соль и тарифов на пассажирские перевозки не привело к неблагоприятной цепной реакции. По мнению вице-президента Академии общественных наук Китая Лю Гогуана, возникшее в условиях «вялости рынка» превышение предложения некоторых видов товаров над спросом на них делает возможным осуществление ряда реформ, ориентированных на дальнейшее совершенствование косвенных методов макроконтроля и структуры производства²⁷. В частности, среди задач на 1990 г., намеченных совещанием по реформе хозяйственной системы, фигурируют повышение жизнеспособности и выявление ключевой роли крупных и средних предприятий, дальнейшее стимулирование процессов слияния предприятий, создания их групп и блоков. Предполагается продолжить эксперименты: по комплексной реформе в провинциях Гуандун, Фуцзянь, Хайнань, по реформе на уровне уездов, по апробированию на предприятиях метода возвращения кредитов и заключения подряда после выплаты налогов, по реформе жилищной системы и созданию системы социального обеспечения²⁸.

Итак, процесс экономической реформы в КНР начинает вновь обретать утраченную на какое-то время динамичность. Вполне логично ожидать и дальнейшего углубления исследований всего комплекса проблем целевой модели реформы. Ведь — по удачному выражению Ян Цзяньмина — «через огромную бурную реку не перейти, не нащупывая камни»²⁹...

¹ См.: Чжунго цзинци тичжи гайгэ ши нянь.— Бэйцзин, 1988.— С. 826—834.

² China Daily.— 1989.— 8 October.

³ Чжунго цзинци тичжи гайгэ ды моши яньцзю.— Бэйцзин, 1988.

⁴ См.: КНР на путях реформ.— (Пер. с кит.).— М., 1989.— С. 5—39; 86—113; Реформа хозяйственной системы в КНР.— М., 1989.— С. 39—46.

⁵ Строго говоря, термин «шуанчун» буквально означает «двойственный», «двойной», «сдвоенный». Однако, на наш взгляд, экономически правильнее использовать здесь понятие «двухколейной системы», которым переводится близкий по смыслу китайский термин «шуангуй».

⁶ Гайгэ.— Чунцин, 1989.— № 3.— С. 56.

⁷ Жэньминь жибао.— 1989.— 11 апреля.

⁸ См.: Цзинци жибао.— 1988.— 20 апреля.

⁹ См.: Жэньминь жибао.— 1989.— 25 июня.

¹⁰ Гуанмин жибао.— 1989.— 19 июня.

¹¹ См. там же.— 1989.— 2 сентября.

¹² См. там же.— 1989.— 27 октября.

¹³ Жэньминь жибао.— 1989.— 30 сентября.

¹⁴ Гуанмин жибао.— 1989.— 27 октября.

¹⁵ См.: Жэньминь жибао. 1989.— 13 декабря; Гуанмин жибао.— 1990.— 5 января.

¹⁶ См.: Жэньминь жибао.— 1990.— 10 января.

¹⁷ Баньюэтань.— 1989.— № 20.— С. 4

¹⁸ Гуанмин жибао.— 1989.— 16 декабря.

¹⁹ См. там же.— 1989.— 27 декабря.

²⁰ См. там же.— 1989.— 24 ноября.

²¹ См.: Баньюэтань.— 1989.— № 19.— С. 13—14; Жэньминь жибао.— 1989.— 18 декабря.

²² См.: Гуанмин жибао.— 1989.— 27 декабря.

²³ См. там же.— 1990.— 12 января.

²⁴ Жэньминь жибао.— 1989.— 28 декабря.

²⁵ См. там же.— 1989.— 29 декабря.

²⁶ China Daily.— 1989.— 8 October.

²⁷ См.: Жэньминь жибао.— 1989.— 10 января.

²⁸ См.: Гуанмин жибао.— 1989.— 11 января.

²⁹ См.: Шинце цинци даобао.— Шанхай.— 1986.— 30 июня.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ВЭНЬЧЖОУСКОЕ «КОРОЛЕВСТВО ПУГОВИЦ»

С. АЛЕКСАХИНА

Вэньчжоу. Сейчас в Китае это слово становится весьма популярным: открытый порт Вэньчжоу — экспериментальный сельскохозяйственный район Вэньчжоу — «модель Вэньчжоу» — вот тот ассоциативный ряд, который возникает при его упоминании. Впервые оно мне встретилось и запомнилось еще в 1984 г., когда в «Жэньминь жибао» появилась серия статей о путях развития товарной экономики в китайской деревне, в которых часто ссылались на опыт развития района Вэньчжоу. И в том же году привлекла внимание информация об открытии для иностранного капитала 14 портовых городов, в числе которых был и Вэньчжоу¹. 12 мая 1985 г. в публикации шанхайской «Цзефан жибао» об опыте развития товарной экономики в районе Вэньчжоу впервые был применен термин «модель Вэньчжоу», и теперь этот термин прочно утвердился на страницах китайских газет и научных журналов². И наконец, осенью 1987 г. — вновь Вэньчжоу, но уже как экспериментальный сельскохозяйственный район³. Отныне мой научный взор, поскольку предмет исследования — сельское хозяйство КНР, был обращен к Вэньчжоу. И конечно, волей судьбы попав в научную командировку в Сельскохозяйственный университет города Ханчжоу — провинциальный центр провинции Чжэцзян, на юге которой и находится загадочный Вэньчжоу, — я задалась целью побывать в этом привлекавшем меня районе. Руководство в университете с большим пониманием отнеслось к моему интересу. Более того, мне сопутствовала еще одна удача — мой научный руководитель профессор Цзян Чжэншэн оказался уроженцем Вэньчжоу, где до сих пор живет его многочисленная родня и где он не был почти 20 лет. Таким образом, наши научные и личные интересы совпали, и в конце марта мы отправились в увлекательнейшее путешествие в Вэньчжоу. Я уже знала, что за последние три года Вэньчжоу посетили многие общественные и научные деятели Китая, в частности видный китайский ученый-социолог Фэй Сяотун, получивший всемирную известность еще в 30-е годы, опубликовав на английском языке книгу «Крестьянская жизнь в Китае»⁴. Фэй Сяотун побывал в Вэньчжоу в марте 1986 г., где в течение десяти дней он обследовал четыре уезда района, его статья под названием «Поездка в Вэньчжоу» вышла в 1986 г. в журнале «Ляован». Дорога в Вэньчжоу не так проста: до сих пор нет ни железнодорожного, ни авиасообщения. Из Ханчжоу в Вэньчжоу можно добраться трояким способом: либо автотранспортом по горным дорогам, либо поездом до города Нинбо (открытый порт провинции Чжэцзян), а затем — автотранспортом, либо поездом до Шанхая, а там сутки морем. Фэй Сяотун выбрал первый путь (наверное, у него был личный автомобиль), а я — третий, так как он более естествен для вэньчжоусца и интересен для путешественника: ведь морем — это значит прежде всего увидеть и ощутить знаменитый шанхайский порт, куда заходят океанские суда со всего света, а затем 320 морских миль (593 км) по Восточно-Китайскому морю мимо дивных островов и островков.

27 марта в час дня мы отчалили от шанхайского матоу (причала), два часа наш лайнер выбирался к морю, а на берегу, с двух сторон, сплошные причалы и предприятия, предприятия... Так уж случилось, что такого скопления промышленности я еще не видела — и была поражена. А навстречу нам все шли и шли сухогрузы, танкеры, баржи, и вдруг — наш флаг, советский, родные соотечественники проплыли мимо. А я — одна иностранка

Алексахина Светлана Никифоровна, младший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

на китайском пароходе, где сплошь почти вьетнамцы. Конечно, вызываю любопытство, но все почему-то думают, что я американка (или австралийка), и очень удивляются, что русская, и сразу же град вопросов, от которых некуда деться.

А вокруг — морские просторы, под нами — желтая вода, а впереди — неизвестность. Наутро море поголубело, вернее, посерело, пейзаж — дивный: острова, редкие китайские лодочки и близкий гористо-безлесный берег, и так до устья реки Оуцзян, а затем по самой реке, по берегам которой — сплошь трех-пятиэтажные крестьянские (как выяснилось) дома, и зелень, и желтизна полей на фоне подступающих гор. Наконец, появились причалы Вэньчжоу. Вэньчжоу — третий по значимости (после Ханчжоу и Нинбо) город провинции Чжэцзян, важный промышленный, культурный и торговый центр. На набережной — высокие здания новых гостиниц, построенных совместно с иностранными фирмами. Мы поселились в старой части города в гостинице «Хуацяо фаньдянь» и сразу же, воспользовавшись свободным временем, пошли рассматривать город. Он оказался невысок, узенькие улочки, буквально на каждом шагу харчевни и парикмахерские: они разные, от простеньких, которые расположились прямо на улице, где все на виду, до шикарных, в витринах, зеркалах, фонариках и цветах, и отовсюду гремит музыка. И конечно, лавочки, и лотки, и магазинчики, и магазины. Все сплошной чередой, все вразнобой, японская радио- и видеотехника, искусственные цветы, косметика, местная обувь, какое-то немислимое количество часов, от которых сверкают витрины, и местный идеал — холодильники, и чай, и кофточки, кофточки... И это все просто улица, где первые этажи — магазинчики, а вторые — жилые квартиры. А есть еще на этих просто улицах торговые переулки, то есть торговые ряды, типа наших провинциальных южных базарчиков, где размах торговли поражает: чего только нет и все так красочно. А цены? Ну, цены, конечно, тоже «кусаются». Они значительно выше, чем на подобных рынках Шанхая и даже Гуанчжоу. А может, это потому, что иностранцы здесь не такие частые гости, и в этом как бы проявляется вьетнамское гостеприимство наоборот? А может, просто надо уметь торговаться, ведь недаром издавна считается, что вьетнамцы имеют большую склонность к торговле.

Мои первые впечатления от города совпали с тем, что я уже знала о нем. Мне же предстояло прожить здесь десять дней, познакомиться не только с городом, но и уяснить, что же такое экспериментальный сельскохозяйственный район Вэньчжоу, что скрывается за словами «модель Вэньчжоу». Эти десять дней, проведенные в Вэньчжоу, навсегда останутся в моей памяти. В Вэньчжоу я в полной мере ощутила суть китайского характера: гостеприимство, трудолюбие, предприимчивость, любознательность. Я познакомилась с различными людьми: учеными, партийными деятелями, журналистами, хозяйственниками, директорами предприятий, торговцами и обыкновенными крестьянами и горожанами. Помогли мне в этом сотрудники научной лаборатории по изучению «модели Вэньчжоу» при городском партийном комитете города Вэньчжоу. Возглавляет эту лабораторию товарищ Чжэн Дацюань, автор многих статей об экономике Вэньчжоу. Наша маленькая научная группа, состоявшая из трех человек: моего научного руководителя профессора Цзян Чжэншэна, меня и еще одного из местных научных работников или партийных деятелей (каждый день — разного) — сумела побывать в шести приморских уездах округа Вэньчжоу, именно в тех, что и представляют «модель Вэньчжоу». Однако мы забирались и в горные районы, еще не охваченные экспериментом. Удалось побывать и на знаменитых специализированных рынках. Незабываемое впечатление оставил крестьянский город Лунган, где мы провели целые сутки и даже заночевали в местной, весьма шикарной гостинице. И конечно, поражали вьетнамские деревни с их семейными, коллективными, акционерными, частными предприятиями. Видели мы крупные фермы, где применяется наемный труд, разговаривали с наемными рабочими. Видели очень богатых людей, живущих в прекрасных особняках, и их мастерские, а также и не очень богатых, если не сказать что бедных. Все в Вэньчжоу неоднозначно и разнообразно, но при этом интересно, а многое видишь в первый раз. Итак, что же представляет собой этот знаменитый район?

Округ Вэньчжоу включает девять уездов, два района и сам город Вэньчжоу. Его территория составляет 11,8 тыс. км², проживает здесь 6,4 млн. человек, в основном сельские жители. Как и во всем восточно-китайском приморье, местное население страдает от малоземелья, на одного жителя здесь приходится менее трех соток пашни, то есть даже меньше, чем в пригородах Шанхая. Можно сравнить цифры средней плотности населения: в Вэньчжоу она составляет 534 чел/км², в Шанхайском районе — 382 чел/км².

До 1978 г. район Вэньчжоу, хотя и обладал благоприятными природно-географическими условиями (плодородные земли, мягкий климат, множество рек и выход в море), относился к бедным сельскохозяйственным районам: он расположен вдали от крупных городов, транспортная сеть развита очень слабо, его промышленная база до недавнего времени была весьма отсталой. Между тем местное население имеет богатые исторические традиции в кустарных ремеслах, издавна оно занималось отхожими промыслами, ремеслами и торговлей. Ежегодно сотни тысяч вэньчжоуских поваров, парикмахеров, торговцев, резчиков по камню, портных и прочих мастеров разъезжались по всей стране в поисках работы. Знаменитая китайская пословица «ба сянь го хай, гэ сянь ци нэн» (дословно «восемь мудрецов пересекли море, и каждый демонстрирует свои умения»), авторство которой оспаривают многие города в Китае, наверное, появилась именно в Вэньчжоу. По мнению Фэй Сяотуня, эта пословица как нельзя лучше характеризует особенности характера жителей Вэньчжоу. К такому выводу он пришел еще в далекие 30-е годы, когда в портах Европы ему довелось неоднократно встречать вездесущих вэньчжоусцев и их корабли, на одном из них Фэй Сяотун в 1938 г. вернулся в Китай³. После образования КНР в 1949 г. в Вэньчжоу началось возрождение кустарных промыслов и торговли, были созданы небольшие предприятия, но вскоре, особенно в конце 60-х — начале 70-х годов, под влиянием «левых взглядов» занятия ремеслами и торговлей стали характеризоваться как «капиталистический уклон» и поэтому были запрещены, а крестьяне вновь были вынуждены в поисках пропитания уходить в чужие края, так как лишние рабочие руки в условиях малоземелья не находили применения в родном Вэньчжоу.

Новая аграрная политика, начавшаяся после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.), внесла большие изменения в экономическую жизнь Вэньчжоу. Здесь раньше, чем в других районах Китая, начала активно осуществляться система производственной ответственности в такой ее форме, как семейный подряд. Интересным представляется тот факт, что первый опыт семейного подряда был осуществлен в округе Вэньчжоу еще в 1956 г.⁴ И вот вновь эта забытая форма организации производства стала быстро распространяться в растениеводстве, а затем и в других отраслях сельской экономики, началось бурное развитие семейной промышленности. Семейные предприятия играют главную роль в развитии товарной экономики Вэньчжоу, это одна из важнейших особенностей так называемой «модели Вэньчжоу».

Следует сразу же оговорить, что «модель Вэньчжоу» и округ Вэньчжоу — это не совсем различно, модель включает не всю территорию, а лишь шесть наиболее развитых приморских уездов: Юньцзя, Юэцин, Пиньян, Жуйань, Цаннань, Оухай; остальные три уезда и два района представляют в основном горные территории, и на них пока не распространяется понятие «модель Вэньчжоу», но и там, благодаря соседству развитых районов, крестьянская жизнь стала намного лучше.

К 1986 г. в Вэньчжоу насчитывалось 146,5 тыс. крестьянских дворов, образовавшихся различные семейные промышленные предприятия, их доля в общей численности крестьянских дворов округа составляла 11,1 %, в производстве участвовало 338,6 тыс. человек (12,6 % от общего количества занятых в деревне), их продукция составила 1,707 млрд. юаней, что в 1,9 раза больше, чем аналогичная продукция, произведенная на коллективных сельских предприятиях, и 2,1 раза больше, чем на государственных предприятиях⁵. В 1988 г. таких дворов насчитывалось уже 174 тыс. Бурное развитие семейной промышленности привело к тому, что за десять лет общая стоимость промышленной и сельскохозяйственной продукции округа Вэньчжоу увеличилась в 4 раза, а среднегодовой доход крестьянина возрос в 10 раз, с 85 до 853 юаней⁶.

Однако масштабы семейной промышленности невелики, технический уровень невысок, используемые материалы в основном низкого качества, а зачастую это просто отходы, поэтому такие предприятия специализируются чаще всего на производстве дешевых мелкосерийных товаров, к которым не проявляет интереса крупная промышленность, а также дефицитных товаров, кроме того, они занимаются переработкой продуктов аграрного сектора и изготовлением кустарных изделий.

В ходе развития семейных предприятий были выработаны две их основные формы. К первой принадлежат семейные предприятия, созданные на базе одной семьи или двора (так называемые «и цзя и ху ды цзятин цие»); ко второй — предприятия, которые фактически уже переросли семейные рамки, но по-прежнему они относятся к семейным предприятиям.

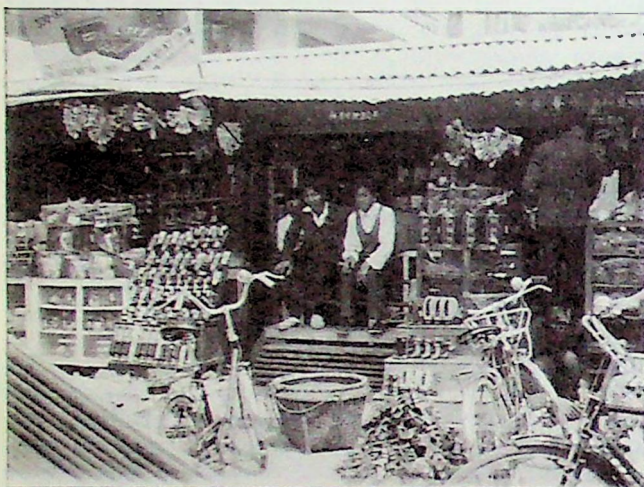
Первая группа предприятий также подразделяется на несколько разновидностей. Одни из них созданы на базе крестьянских дворов, которые не бросают земли и занятие растениеводством, но при этом также занимаются различными ремеслами и подсобным промыслом. При этом большая часть семьи трудится в кустарной промышленности. Кроме кустарных промыслов, эти семьи часто заключают договоры с другими семейными или коллективными предприятиями на исполнение каких-либо работ для этих предприятий. Так, в уезде Юэцин одна из обувных фабрик имеет договоры с 20 тыс. таких дворов, которые выполняют отдельные операции. Эта форма семейных предприятий широко распространена в Вэньчжоу. К первой группе относятся также и так называемые сезонные предприятия, которые, собственно, и не являются семейными предприятиями, но занимаются в рамках семьи отдельными сезонными работами или какой-либо другой временной деятельностью. Однако статистики по предприятиям этой группы обычно не имеется, хотя такого рода деятельностью занимаются порой целые деревни. К этой же группе относятся также семейные мастерские «цзятин гунчан», являющиеся классическим образцом развития деревенской семейной промышленности Вэньчжоу. Эти семьи (дворы), как правило, больше не занимаются растениеводством и свою землю или сдают в аренду крупным специализированным дворам, или же, используя наемную рабочую силу («гугун»), выступают лишь в роли управляющих на собственной земле. Главным же их занятием является производство различной традиционной кустарной продукции, при этом широко применяется ручной труд, но иногда используется и простейшая механизация. Наряду с традиционной кустарной продукцией эти семейные мастерские широко освоили новые виды деятельности, но при этом также используются ручной труд и простая механизация. Так, в уездах Жуйань и Пинъян множество мастерских заняты изготовлением домашней утвари из пластмассы, обуви из пластика и даже различной косметики. В таком производстве обычно участвуют все члены семьи, в том числе и дети. Такие предприятия есть во всех уголках Вэньчжоу. Мне удалось побывать в подобных семейных мастерских в городке Цяотоучжэнь, изготавливающих молнии и пуговицы. Поражает сам вид предприятий. Обычно это жилые помещения или первый этаж трех-пятиэтажных домов, где стоят несколько простых станков, специализирующихся на изготовлении отдельной детали (например, штамповке замка для молнии) или отдельной операции (нарезки лент), в основном заняты женщины и девушки, как правило, это наемные рабочие из числа дальних родственников. Мужчины заняты в основном наладкой оборудования. Предприятие работает ненормированно, пока хватает сил и сырья, сырье обычно дешевое, оборудование весьма примитивное, и весь облик этого предприятия действительно имеет какой-то домашний налет. Вместе с тем поражает обилие выпускаемой продукции. Каждый клочок земли во дворе семейного предприятия, изготавливающего пуговицы (всего двух видов), занят громадными коробами с этими пуговицами. Как выяснилось, эта копеечная продукция приносит значительные доходы благодаря низкой себестоимости, и хозяева этой домашней семейной фабрички сумели построить за четыре года трехэтажный, вполне солидный дом.

Ко второй группе семейных предприятий, которые переросли рамки семьи, относятся три вида предприятий. Прежде всего это предприятия, созданные на основе объединения рабочей силы и денежных средств нескольких дворов, находящихся в родственных или дружественных связях («ляньху цие»), поэтому производство, управление, распределение доходов осуществляется на этих предприятиях сообща. Наемный рабочий труд используется редко. По сути дела, это «родовые предприятия». Их появление связано с развитием специализированных рынков и возросших со стороны этих рынков требований к качеству и ассортименту продукции.

Небольшие семейные предприятия, располагая примитивным оборудованием и небольшими средствами, не смогли в должной мере удовлетворять запросы рынка, в результате стали возникать различного рода объединения на базе отдельных семейных предприятий. В 1984 г. в Вэньчжоу уже насчитывалось до 20 тыс. такого рода деревенских предприятий, созданных на основе объединения нескольких дворов⁹. Эти предприятия по сравнению с индивидуальными семейными предприятиями обладают большой подвижностью и большими возможностями к расширенному воспроизводству. Но объединение этих предприятий осуществляется не на экономической основе, а на родственных отношениях, поэтому они сохраняют все особенности семейного предприятия со всеми его недостатками. Такие предприятия — временная, промежуточная форма организации семейных предприятий, в будущем они, несомненно, распадутся, превратившись или в частные предприятия, использующие наемную рабочую силу, или же в различного рода акционерные предприятия.

Люйши.
Рынок электрооборудования

К этой же группе семейных предприятий относятся частные предприятия, использующие наемную рабочую силу («сыжэнь гугун цие»). Сейчас эта группа предприятий довольно широко распространена в Вэньчжоу, их создание явилось результатом развития семейной промышленности, когда в рамках семьи стали скапливаться значительные средства и появилась реальная возможность для расширения производства. В 1987 г. таких предприятий насчитывалось в Вэньчжоу около 10 тыс. с количеством наемных рабочих на каждом в среднем около десяти человек. Предприятий, где число наемных рабочих свыше 30, немного, поэтому наличие частных предприятий, использующих

наемный труд, в основном не изменило сложившуюся в Вэньчжоу систему семейных предприятий. Ограничителем для развития частных предприятий чаще всего служит то обстоятельство, что статус таких предприятий юридически пока не определен.

К семейным предприятиям относят в Вэньчжоу и акционерные предприятия («гуфэнь цие»), в 1987 г. их было 22 тыс., в том числе в промышленности — 13,5 тыс., на транспорте — 1,4 тыс., в растениеводстве — 2,4 тыс., в торговле — 4 тыс. Особенно активно акционерные предприятия создавались в 1988 г. Так, в уезде Юньцзя в 1987 г. насчитывалось 167 акционерных предприятий, а к июлю 1988 г. их количество возросло до 724¹⁰. Они создаются во всех отраслях экономики и весьма различаются по структуре и форме. Больше всего предприятий, где паевой взнос осуществляется в денежной форме, но есть и такие, где паевые взносы представляют собой технические средства и оборудование, земельные участки, трудовые услуги и т. д. Пайщиками могут выступать как отдельные лица, так и коллективы людей. На одних предприятиях акции выпускаются самим предприятием и их могут купить лишь работники этого предприятия. На других — акции выпускаются Народным банком или другим кредитным учреждением и их могут купить все желающие, даже не работающие на этом предприятии. Есть предприятия, где все работающие на нем являются пайщиками, но есть и такие, где разделяются служащие и пайщики (акционеры), и т. д.

Акционерные предприятия, как правило, по масштабам производства, численности занятых и доходам превышают обычные семейные и частные предприятия, число работающих на них в среднем составляет 60 человек. На акционерных предприятиях более широко используется техника, в том числе новейшая, производственный процесс механизирован или полумеханизирован. На них быстрее, чем на государственных, коллективных или семейных предприятиях, идет процесс накопления средств. Например, в уезде Оухай

на 2-м государственном предприятии легкой промышленности за 30 лет фонд накопления составил 40 млн. юаней, а на подобном акционерном предприятии за три года было накоплено 120 млн. юаней. Уезд Оухай является в Вэньчжоу своеобразным полигоном для опробования акционерной системы. Первые акционерные предприятия появились здесь в 1984 г., а к концу 1988 г. акционерной системой было охвачено уже 1743 предприятия, на долю акционерных предприятий в валовой продукции уезда приходилось 75 %, причем в общем объеме уездного экспорта их доля составила 82 %. Всего за считанные годы форма хозяйствования в уезде Оухай трансформировалась от кустарных мастерских до акционерных предприятий и компаний. Благодаря развитию акционерной системы валовая стоимость промышленной продукции уезда увеличилась за четыре года почти в 10 раз, составив в 1988 г. 800 млн. юаней¹¹.

Другой важнейшей особенностью «модели Вэньчжоу» наряду с семейными предприятиями является создание специализированных рынков. Сейчас в Вэньчжоу насчитывается около 420 рынков, из них треть — специализированные, преимущественно оптовые, наиболее известные из них 10 рынков, объем годовых сделок на которых превышает 80 млн. юаней: 1) пуговичный рынок в Цяотоучжэне, 2) рынок металлоизделий и низковольтной аппаратуры в Льюйши, 3) рынок медалей, значков и этикеток в Цзиньсянчжэне, 4) рынок текстильной продукции в Ишани, 5) рынок изделий из кроличьего меха и шерсти в Бэйгане, 6) рынок пластиковой обуви в Сяньцзяне, 7) рынок вязаных изделий из искусственных волокон в Танся, 8) рынок строительных материалов в Бэйсянчжэне, 9) продовольственный рынок в Танся, 10) рынок сумок, сеток из пластика в Сяоцзяне¹².

Каждый из специализированных рынков обладает широким и разнообразным ассортиментом. Мне удалось посетить четыре специализированных рынка: пуговичный рынок, рынок металлоизделий и низковольтного оборудования, рынок продовольственных товаров и рынок текстильной продукции. Самым знаменитым среди них по праву является пуговичный рынок в Цяотоучжэне (уезд Юньцзя), что примерно в 30 км от Вэньчжоу. Очень интересна история создания этого рынка, который возник, как говорят, случайно. В 1979 г. одна из жительниц Цяотоучжэня, закупив партию пуговиц в пров. Цзянси, сумела их выгодно продать. Через год продажей пуговиц в волости уже занимались 100 семей. В 1983 г. уездное начальство утвердило указ о создании пуговичного рынка в Цяотоучжэне. И сейчас здесь насчитывается 430 пуговичных предприятий, 300 из которых — семейные, а продают эти пуговицы свыше 700 магазинов и лавок. Ассортимент составляет свыше 1300 различных видов пуговиц¹³. Кроме пуговиц, производятся и продаются также молнии, ремни, ремешки для часов, тесьма и кружева, а также косметика. Сейчас более 50 % продаваемых пуговиц производится местными предприятиями. Рынок представляет собой новое двухэтажное здание, построенное два года назад на старой узкой волостной улочке, куда на машине можно проехать только чудом, так как велосипедные рикши здесь основной транспорт, но он не вмещает всех желающих, поэтому на противоположной стороне выстроены добавочные ряды. Ежедневно на рынке присутствуют 3—4 тыс. продавцов, ежемесячный оборот рынка составляет 330 тыс. юаней, в год продается несколько миллиардов пуговиц самых различных фасонов. Рынок имеет свои торговые точки почти во всех провинциях страны, я видела эти лавки в Ханчжоу, Шанхае, Гуйлине, Гуанчжоу. Пуговицы из Цяотоу экспортируются в Сянган, на Тайвань и даже во Францию и Голландию, о чем нам с гордостью поведал второй секретарь уездного парткома. Сейчас этот рынок называют «самым большим пуговичным рынком на Востоке». Не менее сильное впечатление оставил и рынок металлоизделий и низковольтного оборудования в Льюйши (уезд Юэцин). Этот городок находится на пути из Нинбо в Вэньчжоу. За последние годы благодаря своему знаменитому рынку он значительно расстроился и расширился. Сам рынок представляет собой несколько торговых улиц, сплошь заставленных немислимой по количеству и ассортименту электротехнической продукцией: от самых простых проводочков и выключателей до сложнейших трансформаторов, их ассортимент — 1200 различных видов продукции. Как сообщил нам генеральный директор одной из местных электротехнических фирм Ху Ваньхай, этот специализированный рынок обслуживают 10 тыс. семейных предприятий, а также 290 коллективных и кооперативных предприятий. Всего в электротехнической промышленности занято свыше 60 тыс. человек, 8 тыс. человек заняты непосредственно в торговле, а 1200 человек являются закупщиками и посредниками. Годовой оборот рынка составляет свыше 150 млн. юаней.

270 тыс. крестьян, доходы которых за последние несколько лет увеличились в несколько раз. Так, за три последних года в Цяотоучжэнь, где расположен пуговичный рынок, было построено 845 новых трех-пятиэтажных домов.

Рынки потребительских товаров в Вэньчжоу — важнейшая особенность «модели Вэньчжоу», но наряду с этими рынками появились четыре новых вида рынков: рынок капиталов, техники, информации и трудовых услуг. Каждый из этих видов рынка заслуживает отдельного серьезного исследования, мы же остановимся лишь на кратком их описании.

Рынок капиталов, его возникновение непосредственно связано как с историческими традициями (в Вэньчжоу и раньше, до 1949 г., были широко распространены всякого рода «общества взаимопомощи», где можно было взять в кредит определенную сумму денег), так и с новой аграрной политикой, направленной на развитие товарно-денежных отношений. Начиная с 1980 г., когда в Вэньчжоу стала быстрыми темпами развиваться сельская промышленность и возникли специализированные рынки, с одной стороны, появилась большая потребность в денежных средствах для дальнейшего развития производства, которую не могли удовлетворить государственные банки, а с другой — большие денежные средства стали скапливаться у отдельных производителей, дворов и предприятий. Так, за период 1980—1985 гг. количество денежных средств у населения возросло в 2,3 раза, составив 624,3 млн. юаней¹⁴. Все это привело к созданию в Вэньчжоу различного рода кредитных обществ, предприятий и организаций, как частных, так и коллективных и кооперативных.

Возник также рынок техники, который отличается от рынков, где можно непосредственно купить различные технические средства, машины и оборудование, это купля и продажа технических средств по договорам с посредниками и через фирменные магазины. В Вэньчжоу в каждом уезде, волости созданы специализированные центры, осуществляющие посреднические функции между предприятиями и отдельными частными лицами по передаче и продаже техники; имеются также центры и всякого рода объединения, занимающиеся разработкой, внедрением и распространением новых видов техники; образовались учебные центры, где можно получить рекомендации и помощь в освоении технических средств, и центры по техническому обслуживанию.

Особенностью всех специализированных рынков Вэньчжоу является то, что каждый из них имеет свою коронную «козырную» продукцию, так называемый мелкий товар («сяошаннинь»). Каждый специализированный рынок неразрывно связан с семейной промышленностью, зачастую торговля и производство здесь объединены. В Люйши мы наблюдали, как продавцы, не теряя времени, тут же за прилавками занимались изготовлением своей нехитрой продукции. Острая рыночная конкуренция побуждает к интенсивному поиску потребителей. Деловым центром специализированных рынков являются крестьянские дворы, осуществляющие закупку и сбыт товаров, так называемые «сяошоуюань» (коммивояжеры) заключают контракты на поставки продукции, закупают сырье, организуют отправку готовых изделий. Роль этих людей необычайно велика: в Вэньчжоу почти нет затоваривания продукции, так как контракты предшествуют производству. Именно эта черта «модели Вэньчжоу» — классический пример соединения производства и торговли. Рынок почти полностью поглотил избыточную местную рабочую силу, сбытом и закупкой товаров занимаются порядка

Большое значение в новых условиях хозяйствования приобретает рынок информации. Прежде всего каждый из десяти крупнейших специализированных рынков имеет своих знатоков, информационных корифеев. Целые специализированные дворы занимаются сбором, обработкой и выпуском различного рода информационных изданий, касающихся определенной продукции. Так, в Люйши есть свой «король информации», который издает каталог электротехнической продукции для специализированного рынка по продаже электротехнических товаров в Люйши. Таких дворов достаточно много при каждом специализированном рынке. Создаются также различные общества по изучению спроса и сбыта продукции, одно из них издает собственную газету «Шичан синьси бао» («Новости рынка»). Приобрело большую известность общество «Дун Фэн», оно состоит из 20 отделений, каждое из них публикует свои информационные материалы, касающиеся выпуска продукции, и снабжает ими заинтересованные предприятия и дворы.

Создание рынка трудовых услуг непосредственно связано с развитием семейной промышленности, созданием специализированных рынков, а также избытком трудовых ресурсов в деревнях Вэньчжоу. Рынок трудовых услуг имеет две основные формы: одна из них — типа биржи труда, где непосредственно нанимается рабочая сила как на коллективные предприятия, так и на индивидуальные, частные. Другой вид рынка трудовых услуг тесно связан с семейными предприятиями, нанимающими рабочих по рекомендации знакомых или родственников.

Как следствие быстрого развития семейной промышленности и специализированных рынков в Вэньчжоу явился рост доходов крестьян, который привел в свою очередь к созданию новых поселений — так называемых поселков городского типа или маленьких городов («сяо чэнчжэнь»), построенных исключительно на средства крестьян. Эти крестьянские поселения являются третьей особенностью «Модели Вэньчжоу». За десять лет их количество возросло с 26 до 114¹⁵. Многие десятки тысяч крестьян постепенно становятся жителями таких небольших городков или же приезжают сюда на работу, возвращаясь вечером в свои деревни; их интересы

тесно связаны с интересами городского населения. Нам удалось побывать в одном из самых знаменитых новых крестьянских поселений — Лунгане. Лунган — новый порт уезда Цаннань, находящийся в 5 милях от Восточно-Китайского моря. Этому городу пошел всего четвертый год, и на многих географических картах он еще не обозначен как важнейший портовый город провинции Чжэцзян, число жителей Лунгана составило 45,3 тыс. человек, увеличившись в 8 раз по сравнению с 1984 г., когда Лунган был еще небольшим рыбацким поселением; 70 % населения нынешнего Лунгана — приезжие крестьяне из других районов и даже провинций. Лунган в народе называют первым крестьянским городом, все его дома и прочие сооружения (школа, клубы, рыбный завод, рынок и другие общественные постройки) построены на средства самих крестьян. К 1987 г. здесь было построено новых жилых домов общей площадью 420 тыс. м², средняя стоимость одного трех-пятиэтажного дома составляет 20—40 тыс. юаней¹⁶. И в этих домах действительно живут бывшие крестьяне, бывшие — потому что ныне они уже не занимаются растениеводством или другим сельскохозяйственным трудом, а заняты торговлей, перевозками, работают в обслуживающих отраслях или имеют свои предприятия, производящие различную промышленную продукцию. Очень интересно устройство самих домов. Обычно семья (здесь она состоит в среднем из 4—6 человек) занимает одну трех-пятиэтажную секцию. Первый этаж обычно отведен под служебное помещение — магазин или мастерскую — или здесь размещается хозяин или хозяйка со

своей нехитрой бухгалтерией. Второй этаж также часто является рабоче-служебным помещением, где работают женщины и дети этой семьи, ну а выше — это жилые помещения. И в зависимости от достатка семьи здесь можно увидеть и японскую бытовую технику, и прекрасную современную мебель чуть ли не из Сянганя, и прочую роскошь, такую неожиданную в этом отдаленном крае. И что удивляет, здесь многие живут так, хотя ничего в этом удивительного нет: Лунган — город разбогатевших крестьян. Помнится, что, когда мы приехали в Лунган, нам прежде всего вместе с обязательным зеленым чаем был показан видеофильм о Лунгане, конечно же с помощью японской видеотехники, это поначалу насторожило, не показуха ли, но потом оказалось, что нет, просто естественное свидетельство достигнутого уровня и достатка. Лунган — не единственный в этом роде поселок-город, хотя он и самый большой из подобных городков, и самый красивый; здесь не только новые красивые дома, но и деревья посажены, и новые улицы замощены, и сравнительно чисто. Другие, виденные мной новые крестьянские поселения, которые как грибы растут в приморском Вэньчжоу, также поражают своим внешним видом. Запомнился один особняк в новом поселке возле уездного города Жуйань: четырехэтажный в четыре подъезда, где проживают две родственные семьи. Совершенно необычной архитектуры, такие, наверное, есть в США или Швеции, огорожен, правда, высоким забором, а во дворе — цветы, деревья. Хозяин сего дома — глава фирмы «Цзефан цичэ гунъе ляннин гуисы» семейного предприятия, которое работает по заказам 2-го автомобильного завода города Шанхай и выпускает запасные части для автомашин, годовой доход предприятия достигает около 1 млн юаней. Самое удивительное, что они выпускают запчасти и для нашей «Лады», о чем с большой гордостью поведал мне хозяин. Мастерские, кстати, также находятся в этом доме, но на первом этаже. Таких предприятий в Вэньчжоу не так уж и много, всего несколько десятков, однако их появление — свидетельство существования ряда серьезных социальных проблем, которые возникли в ходе формирования так называемой «модели Вэньчжоу», и прежде всего проблемы дифференциации доходов, громадной разницы уровня жизни разных категорий населения. Работники государственных предприятий значительно проигрывают по размерам дохода занятым на коллективных или частных предприятиях, поэтому зачастую наиболее способные покидают государственные предприятия и открывают собственное дело. Другой серьезной проблемой является постоянный рост использования наемной рабочей силы, значительную часть которой составляют молодежь и подростки. По-прежнему существует неравномерность развития восточных (богатых) и западных (бедных) районов, которая еще более углубляется. И наконец, проблема с зерном. С 1985 г. наметилась устойчивая тенденция снижения производства зерновых культур и их урожайности. Производство зерна в результате низких закупочных цен и малых масштабов производства по-прежнему невыгодно для крестьян, и они заменяют зерновые культуры более доходными, в частности фруктами и овощами. Вместе с тем в Вэньчжоу имеются и крупные специализированные дворы и фермы, обрабатывающие до 200 му (13,3 га) земли, использующие наемный труд, имеющие трактора и другие сельскохозяйственные машины и в результате получающие от производства зерновых большие доходы, сравнимые с доходами от семейной промышленности и торговли. Так, на ферме, где нам удалось побывать, месячный доход наемных рабочих составлял более 200 юаней, что больше месячного оклада университетского профессора. Но таких ферм мало.

Все эти проблемы хорошо осознают и в самом Вэньчжоу. И я надеюсь, что в процессе развития товарной экономики в китайской деревне они будут постепенно и своевременно отрегулированы. А пока опыт «модели Вэньчжоу», который предстает как образец активности, предприимчивости и деловой сметки китайского крестьянства, заслуживает пристального внимания и глубокого осмысления.

¹ Решение об открытии для иностранного капитала 14 портовых городов: Далинь, Циньхуандао, Тяньцзинь, Яньтай, Циндао, Ляньюаньган, Наньтун, Шанхай, Нинбо, Вэньчжоу, Фучжоу, Гуанчжоу, Чжаньцзян, Бэйхай — было принято в апреле 1984 г.

² В период 1985—1986 гг. было опубликовано множество статей и работ, посвященных исследованию «модели Вэньчжоу», среди них можно выделить следующие: «Вэньчжоу пушунь шанпинь

цзинци каоча юй чжунго, нунцунь сяньдайхуа даолу таньсо»-«Обследование сельской товарной экономики Вэньчжоу и поиски пути модернизации китайской деревни» // Цзинци яньцзю.— 1986.— № 6;

У Ся н. Луь фачжаньчжун ды Вэньчжоу нунцунь шанпинь цзинци-О развитии товарной экономики в деревнях Вэньчжоу // Жэньминь жибао.— 1986.— 4 августа; Чжан Гэншэн и др. Вэньчжоу моши юй жогань чжэньци вэньти-Модель Вэньчжоу и некоторые политические проблемы // Нунминь жибао.— 1986.— 11 октября.

³ В сентябре 1987 г. появилось сообщение о создании 14 экспериментальных сельскохозяйственных баз по углублению реформы в деревне: район Фуян провинции Аньхуэй, уезд Шанчжи провинции Хэйлуцзян, управление лесного хозяйства в Хэйхэ провинции Хэйлуцзян, совхоз Суйбинь провинции Хэйлуцзян, уезд Юйтянь провинции Хэбэй, уезд Лицюань провинции Шэньси, уезд Гуанхань провинции Сычуань, уезд Мэйтань провинции Гуйчжоу, уезд Наньхай провинции Гуандун, Усянь провинции Цзянсу, уезд Уси провинции Цзянсу, округ Чанша провинции Цзянсу, округ Вэньчжоу провинции Чжэцзян, округ Юйлинь Гуанси-Чжуанского автономного района // Жэньминь жибао.— 1987.— 12 сентября.

⁴ На китайском языке книга Фэй Сяотун была впервые опубликована в 1988 г. На русском языке под названием «Китайская деревня глазами этнографа» в переводе В. М. Крюкова она вышла в 1989 г.

⁵ Фэй Сяотун. Вэньчжоу син-Поездка в Вэньчжоу // Ляован.— 1986.— № 20.

⁶ Чжэцзян сюэкань.— 1986.— № 3.

⁷ Вэньчжоу цзинци гэцзюй // Чжэцзян жэньминь чубаньшэ.— 1987.— С. 20—21.

⁸ Вэньчжоу жибао.— 1989.— 1 апреля.

⁹ Вэньчжоу цзинци гэцзюй.— 1987.— С. 20.

¹⁰ Вэньчжоу жибао.— 1988.— 4 сентября.

¹¹ Быстрое развитие акционерной системы в уезде Оухай // Мост.— 1989.— № 1.— С. 10—11.

¹² Фэй Сяотун. Вэньчжоу син // Ляован.— 1986.— № 20.

¹³ Там же.

¹⁴ Вэньчжоу ды цюэци // Гуанси жэньминь нунье шэжухэйбань.— 1987.— С. 54.

¹⁵ Вэньчжоу жибао.— 1989.— 29 марта.

¹⁶ Данные взяты автором из материалов научного обследования Лунгана, проведенного в 1988 г. экономическим факультетом Пекинского университета.

СИС: СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Общественный транспорт для инвалидов и престарелых

В 1991 г. в Токио откроется первый автобусный маршрут для инвалидов и престарелых. Обслуживающие его автобусы будут иметь более низкую посадку и меньшее количество ступенек, а их задняя дверь оборудуется подъемной платформой для инвалидных колясок. Если эксперимент оправдает себя, весь автобусный парк столицы будет переведен на машины нового образца. Автобусная служба подобного рода будет первая в Японии и вторая в мире, после Парижа.

Инвалиды и престарелые ощутят заботу о себе и со стороны метрополитена. Специальные эскалаторы для перевозок инвалидных колясок с сопровождающими будут установлены на всех 38 станциях строящейся 12-й линии токинского метро, которая будет открыта в 1997 г. В марте будущего года подобными эскалаторами будут оборудованы 4 станции действующего метрополитена.

АРЕНДА НА СЕЛЕ: СБЫТ И СНАБЖЕНИЕ

Е. АВДОКУШИН

В экономике современного Китая важную роль играет кооперативный сектор (коллективная экономика). В его сфере весьма заметное место занимает снабженческо-сбытовая кооперация. Экономику снабженческо-сбытовой кооперации (ССК) китайские экономисты обычно относят к экономике коллективной собственности, возникшей при поддержке государства¹. Правда, среди специалистов идут споры о принадлежности накопленных за многие годы фондов ССК (неделимых фондов, фондов специального назначения, собственных остаточных сумм прибыли). Отдельные экономисты полагают, что эти фонды не являются коллективной собственностью, а примыкают к общенародной, большинство же твердо стоит на позиции принадлежности этих фондов к коллективной собственности². Некоторые специалисты высказывают суждение, что «экономика снабженческо-сбытовой кооперации не является простой коллективной экономикой», или «коллективной экономикой в общем смысле». По их мнению, это — собственность членов широкомасштабных, многоотраслевых, крестьянских кооперативов, а не только ответственность работников торговли и обслуживания³.

Развитие ССК, проходившее в весьма непростых условиях со времени образования КНР⁴, получило новый импульс с конца 70-х годов, когда стало осуществляться по законам проводимой в стране хозяйственной реформы. С этого времени ССК, как отмечают китайские специалисты, вступают в «новый исторический этап». Он характеризуется прежде всего тем, что было выдвинуто и стало последовательно реализовываться требование «восстановить и усилить массовость снабженческо-сбыточных кооперативов, демократизм в управлении и гибкость в хозяйствовании, способствуя тому, чтобы они играли еще большую роль в организации жизни деревни»⁵.

К середине 80-х годов китайские кооператоры предприняли целый ряд радикальных мер в преобразовании коллективной экономики и организации ССК. Было осуществлено, как отмечает китайский экономист Дэн Юйчэн, «пять прорывов» в функционировании ССК⁶. Реформа стала осуществляться в соответствии с характером коллективной собственности. Во-первых, членам кооперативов было разрешено вносить соответствующий пай при вступлении в кооператив; во-вторых, система назначения кадров была преобразована в выборочную систему, причем с использованием приглашения специалистов со стороны; а вместо пожизненного найма введена система трудовых договоров; в-третьих, сфера хозяйствования и обслуживания определяется исключительно нуждами и возможностями крестьян; в-четвертых, в системе распределения установлена прямая связь между вознаграждением и эффективностью предприятия; в-пятых, цены на продукцию формируются в соответствии с требованиями спроса и предложения.

К концу 80-х годов членами ССК стали 140 млн. дворов — 85 % китайского крестьянства. Совокупный паевой капитал в 1989 г. составил 2,5 млрд. юаней.

К концу 80-х годов у ССК насчитывалось более 700 тыс. предприятий и торговых точек ССК с числом занятых в них рабочих и служащих 4,5 млн. человек. В стране создано более 10 тыс. предприятий оптовой торговли, 2,5 тыс. торговых центров, 30 тыс. обрабатывающих предприятий.

Всекитайская федерация ССК включает в себя все провинциальные кооперативные союзы, 2,1 тыс. кооперативных союзов уездного уровня и 33 105 первичных ССК.

Авдокушин Евгений Федорович, доктор экономических наук.

Сфера деятельности ССК

ССК снабжают крестьян сельскохозяйственными машинами и оборудованием, химическими удобрениями (60--70 %), пестицидами, ядохимикатами и др., а также организуют сбыт сельскохозяйственной продукции. Доля ССК в заготовках сельскохозяйственной продукции достигает 70 %. Для реализации побочной сельскохозяйственной продукции к концу 1988 г. функционировало 11 454 оптовых рынка с общей суммой сделок на 12,109 млрд. юаней.

Важным направлением деятельности ССК является осуществление технического обслуживания крестьянских хозяйств. ССК располагает примерно 250 тыс. человек технического персонала, который передает свой опыт, технические знания крестьянам и снабжает их необходимой информацией.

Развитие сельскохозяйственной товарной экономики, повышение покупательной способности крестьян способствовало тому, что розничный товарооборот в сельской местности рос в 80-е годы довольно высокими темпами. Так, в 1988 г. он составил 121,1 млрд. юаней, увеличившись на 27,9 % по сравнению с 1987 г. Причем крестьяне все больше предъявляли спрос на такие товары, в которых еще в конце 70-х годов не испытывали ни малейшей потребности, — телевизоры, включая цветные, магнитофоны, холодильники, стиральные машины и др., а также мебель, модная одежда, украшения. Спрос крестьян на товары для сельскохозяйственного производства также заметно возрос. Так, продажа небольших тракторов за один только 1988 г. выросла на 23, средних и больших тракторов — на 9,2, электрооборудования — на 24,2, химудобрений — на 11,9, полиэтилена — на 18,4 %.

Отказавшись от традиционных представлений об основной функции ССК как купли-продажи, китайские кооператоры стремятся к развертыванию многоотраслевой деятельности. В этой связи в 80-е годы активно развивались межрайонные и межотраслевые агроторговые, промышленно-торговые, торговые, внешнеторговые и научно-технические хозяйственные объединения, в которых осуществлялись производство, сбыт, переработка продукции и предоставление услуг.

В системе ССК осуществляются единая закупка и раздельный сбыт промышленных товаров, раздельная закупка и единый сбыт сельскохозяйственной продукции. В ходе реформы постепенно образовывалась многоканальная, малоступенчатая, сравнительно быстрооборотная и низкокзатратная сфера обращения. В центральных поселках (райцентрах) создавались комплексные торговые ряды, торговые центры, оптовые рынки (базы) сельхозпродукции. В результате возросли торговый и сервисный потенциал, конкурентоспособность снабженческо-сбытовой кооперации (например, с частнопредпринимательским сектором).

В ходе экономической реформы на торговых предприятиях ССК нашли применение различные формы подрядной ответственности, практикуется внедрение системы ответственности директоров, установлен статус директора как юридического лица. Многие мелкие, убыточные предприятия сланы в аренду. В ходе осуществления системы производственной ответственности и арендного подряда внедрялся механизм конкуренции, хозяйственного риска и стимулирования. Конкуренция поощрялась, в частности, путем проведения открытого конкурса на получение в подряд торговых предприятий. Так, в провинции Гуандун 3125 торговых предприятий (8,8 % общего числа предприятий) перешли на подряд по конкурсу.

Механизм риска реализуется путем использования системы «трех залогов»: подрядчик вносит подрядный залог, управленческий персонал вносит «ответственный залог», а арендатор — арендный залог. Таким путем осуществлялась связь интересов рабочих, служащих и руководящих кадров с результатами деятельности предприятия. Стимулирование работников осуществляется путем использования различных форм распределения по труду. Организуется также трудовое соревнование, в ходе его выявляются передовые коллективы и отдельные передовики.

Реформа ССК поставила в повестку дня переход от простого хозяйственного типа к сложной системе хозяйствования, взаимоувязывающей торговлю, производство и обслуживание. В этой связи получила развитие так называемая «торговая промышленность», которая специализируется на переработке сельхозпродукции. К концу 80-х годов в ведении ССК находилось 30 тыс. обрабатывающих промышленных предприятий с числом занятых на них 618 тыс. человек. Объем продукции, произведенной этими пред-

приятиями (с более чем 1 тыс. наименований), в 1988 г. составил 19,29 млрд. юаней, а реализованная прибыль — 1,49 млрд. юаней. Фактически с 1980 г. производство и прибыль удвоились. Основные фонды этих предприятий в 1988 г. выросли до 6,2 млрд. юаней⁷. При наличии значительного числа небольших (в среднем 20 человек), технически слабо оснащенных предприятий ряд производств оснащен высокопроизводительным оборудованием на уровне мировых стандартов — производственные линии по изготовлению концентрированного сока в мягкой упаковке, полужакрытая система холодного консервирования и другое комплексное оборудование.

ССК имеют широкую сеть заготовительных пунктов — более 100 тысяч. Заготовленные сырье и материалы перерабатываются на 400 предприятиях.

Число центров общественного питания и бытового обслуживания ССК, расположенных в городе и деревне, достигает 90 тыс. с числом занятых 330 тыс. человек. Служба сервиса включает гостиницы, фотоателье, парикмахерские, общественные бани, швейные мастерские, прокат и др. Со второй половины 80-х годов ССК расширяют сферу услуг для китайских и зарубежных туристов.

Важным направлением деятельности ССК является финансовая помощь членам кооперативов. Ежегодно такая поддержка, согласно официальным данным, достигает 100 млн. юаней.

Производство продукции на экспорт

ССК в рамках проведения открытой внешнеэкономической политики вовлечены в широкие внешнеэкономические связи со многими странами и районами мира. Государственный экспорт чая, фруктов, хлопка, натурального лака, яиц, шерсти и др. товаров почти полностью организуется ССК. Особое внимание уделяется развитию связей с зарубежным кооперативным движением. В 1985 г. Федерация ССК КНР была принята в Международным кооперативный альянс.

Во второй половине 80-х годов ССК активизируют усилия по развитию экспортно ориентированной промышленной продукции. Так, промышленные предприятия ССК г. Янчжоу провинции Цзянсу в 1988 г. экспортировали 24 вида продукции — лекарства, спортивный инвентарь, трикотажные изделия, ковры, посуду и др. Объемы экспортной продукции ряда уездных предприятий ССК провинции Цзянсу довольно значительны. Например, фабрика по производству лекарств в уезде Баоин за год изготовила экспортных товаров на 15 млн. ам. долларов. Небольшая фабрика (персонал 20 чел.) по производству спортивного инвентаря, вступив в кооперацию с механическим заводом, сумела за год заработать 579 тыс. ам. долларов.

В целях продвижения своих товаров на внешний рынок предприятия ССК устанавливают многообразные кооперационные связи, организуют совместные предприятия по выпуску экспортной продукции. Так, в провинции Хэбэй уездный ССК создал объединение с местной внешнеторговой компанией по экспорту фруктов. Цель объединения — добиться, чтобы 80 % фруктов шли на экспорт, повысить качество экспортируемых плодов, увеличить доходы крестьян.

ССК стремятся вовлечь крестьянские хозяйства в производство экспортно ориентированной продукции. Особое место занимает переработка овощей и фруктов. В 1989 г. в провинции Ляонин $\frac{1}{3}$ всех перерабатывающих предприятий в системе ССК производили продукцию на экспорт. В 1988 г. было получено более 60 млн. ам. долларов за счет экспорта переработанного сырья⁸.

ССК поощряют крестьянские хозяйства на создание специализированных экспортных баз. Так, в системе ССК провинции Ляонин создано 155 таких баз. Для этой цели крестьянам предоставляют кредиты и технику, оказывают маркетинговые услуги и др.

ССК приморских районов используют капитал китайских эмигрантов в развитии сельскохозяйственных экспортных баз. В провинции Гуандун с участием хуацяо к 1989 г. было построено 67 перерабатывающих предприятий по экспорту продукции со стоимостью выпускаемой валовой продукции около 100 млн. юаней в год. Провинциальный и некоторые городские союзы ССК провинции Гуандун создали экспортно-импортные объединения, организовали 203 кооперативных предприятия на совместных началах, выручив в 1987 г. за экспортируемую продукцию 3,75 млн. ам. долларов.

Поощряется создание специализированных крестьянских кооперативов, ориентированных на экспорт. Специализированные кооперативы представляют собой доброволь-

ные объединения крестьян, организованные с помощью ССК (как каранта). Как правило, они организуются на базе первичного ССК путем вступления крестьянских дворов в совместное предприятие на паевых началах.

Закупая сельхозпродукцию у крестьянских дворов, ССК затем обрабатывают ее и реализуют на внешнем рынке. Эти операции осуществляются через государственные внешнеторговые фирмы или через ССК приграничных, прибрежных районов, имеющих право на приграничную торговлю. Некоторые предприятия (например, 5 предприятий ССК провинции Ляонин) добились непосредственного осуществления внешнеторговых сделок. Они организовали свои отделы в Шэньчжэне, провинции Хэйлуцзян и др., заключив торговые компенсационные соглашения с зарубежными партнерами. Кооператоры провинции Гуандун посылают своих представителей вести деловые переговоры непосредственно с зарубежными коммерсантами, развивают агентскую (через уполномоченных в Гонконге, Аомэне, Японии, Сингапуре и др.) торговлю.

В целях стимулирования внешнеэкономических связей при Всекитайской федерации ССК создана внешнеторговая корпорация — «ЧайнаКООП» с собственным капиталом 30 млн. юаней и персоналом в 80 человек. Корпорация установила связи со многими зарубежными кооперативными организациями, в том числе с европейскими социалистическими странами. Так, на 1989 г. «ЧайнаКООП» заключила договоры по бартерной торговле с ЧССР на сумму 10 млн. шв. франков, с НРБ — на 8 млн. шв. франков и др. На экспорт идут хлопок, трикотажные изделия, одежда, различная продукция легкой промышленности, электротовары, побочная продукция сельского хозяйства, а ввозят продукцию химической промышленности, в частности удобрения, мебель, игрушки, древесину, сталь, автомашины, холодильники и др. Торговля с социалистическими странами осуществляется на бартерной основе. Помимо внешнеторговых связей, китайские кооператоры стремятся развивать многообразную внешнеэкономическую деятельность, включая создание совместных предприятий, обработку сырья и материалов по требованию заказчика, производство готовой продукции на давальческой основе и др.

Заметный интерес «ЧайнаКООП» проявляет к сотрудничеству с советскими кооператорами. Связи между китайской стороной и Союзкоопвнешнеторгом Центросоюза были установлены в конце 1987 г., с МОСПО — осенью 1988 г. Определенную активность во внешней торговле с Китаем (но не с китайскими кооператорами) проявляют облпотребсоюзы Сибири и Дальнего Востока, некоторые среднеазиатские потребсоюзы.

* * *

Реформа ССК, активно проводимая с 1982 г., способствовала их развитию, высветив вместе с тем и ряд проблем в их деятельности, в перспективах поступательного движения вперед. Так, ССК стремятся избавиться от централизованного управления кооперативами сверху и перейти к самостоятельному управлению членами данного кооператива. Отмечая усилия китайских кооператоров по развитию внутрикооперативной демократии, самоуправления, следует признать, что этот процесс далек от своего завершения.

В ходе реформы системы ССК кооператоры к концу 80-х годов сделали заметный шаг к поставленной цели стать «центром комплексного обслуживания сельского населения», удовлетворять запросы рынка сельской товарной экономики, подсобных хозяйств крестьян, сельской промышленности. Реформа способствовала заметному усилению рыночных начал в деятельности ССК. За 8 лет реформы китайские кооператоры сумели, по утверждению китайской печати, в основном сформировать рациональную комплексную структуру.

Характеризуя практику реформы ССК за 10 лет, китайская печать единодушно отмечает, что идеология и путь реформы избраны правильно. Выражается уверенность, что кооперативная форма собственности имеет огромный внутренний потенциал, способный при его раскрытии привести к успеху в развитии ССК.

В целом реформа снабженческо-бытовой кооперации, проводившаяся в 80-е годы, способствовала превращению ССК в «непосредственную, решающую силу в деревенской торговле», привела к заметному оживлению товарооборота между городом и деревней, между различными районами страны. ССК все более активно, помимо торговых функций, используют собственные возможности расширения производства разнообразной продукции, наращивают техническое обслуживание крестьянских дворов, поселковых предприятий. Становится заметной роль ССК в развитии внешнеэкономических связей. В то же время, несмотря на неоспоримые успехи, реформа не носит комплексного характера.

В большинстве ССК не произошло решительного перехода к эффективному организационно-хозяйственному механизму. Не получили реализации требования передачи права управления ССК от верхнего эшелона кооперативного руководства «низам», все еще достаточно сильно вмешательство государственной администрации в дела кооператоров на разных уровнях.

Для решения стоящих перед ССК проблем, углубления реформы кооператорам требуются значительные усилия.

¹ До 1982 г. точка зрения о том, что собственность ССК относится к общенародной собственности, была преобладающей. Начиная с 1982 г. число сторонников такого подхода значительно уменьшилось, а к концу 80-х годов утвердилось мнение о принадлежности ССК к коллективной собственности.

² См.: Чжунго гуяняо хэцзошэ цзинцизи.—1988.—№ 12.—С. 28.

³ См.: Там же.—С. 46. Думается, что этот подход заслуживает внимания для использования в оценке характера собственности потребительской кооперации в СССР и требует специального рассмотрения.

⁴ В 1949—1957 гг. китайские исследователи проблем ССК, как правило, однозначно оценивают как «период расцвета». Начиная с 1958 г. и до декабря 1978 г. в судьбе ССК наступило смутное время — «период зигзагов». В это время ССК столкнулись с двумя основными искривлениями в их функционировании. Первое было допущено в 1958 г., когда кооперативная собственность стала третироваться как «отсталая» и было объявлено о переводе ССК в рамки общенародной. Второе — начиная с 1966 г., когда в ходе «культурной революции» ССК был нанесен огромный ущерб путем некомпетентного вмешательства в их деятельность, что ослабило их жизнеспособность, привело к отдалению от реализации потребностей крестьянства.

⁵ Крупные вехи в развитии снабженческо-сбытовой кооперации Китая (1949—1985).—Пекин, 1988.—С. 179 (на кит. яз.).

⁶ Нунмин жибао.—1989.—25 сентября.

⁷ Цзинцизи канькао.—1989.—20 июня.

⁸ Цзинцизи жибао.—1989.—26 мая.

Е. СТЕПАНОВ

Вопрос о внешнеполитических интересах в целом — наименее разработанный раздел теории международных отношений. В научных и публицистических статьях, разного рода выступлениях, затрагивающих темы внешней политики, встречаются такие понятия, как «государственные интересы», «национальные интересы», «классовые интересы», «общечеловеческие интересы». Все они используются для пояснения побудительных причин тех или иных действий, предпринимаемых государством на мировой арене. Но при всей, казалось бы, ясности каждого из этих словосочетаний какого-либо определения содержания указанных категорий нет.

Нет ясности и в вопросах взаимодействия различных категорий интересов, удельного веса, роли и места каждой из этих категорий в практическом осуществлении внешней политики, влияния на них интересов общечеловеческих, абсорбции общечеловеческими интересами отдельных аспектов национальных интересов различных стран, наконец, связи и влияния внутривнутриполитических интересов с интересами внешнеполитическими. Сложность заключается также и в том, что до недавнего времени указанные понятия использовались в полном отрыве и от науки, и от практики, то есть как нечто совершенно абстрактное.

Более того. На основе возникших ранее стереотипов и догм советская наука разработала теорию, нанесшую немалый ущерб позиции Советского Союза на мировой арене, согласно которой страны социализма осуществляют якобы в международных отношениях некую особую внешнюю политику. Эта «социалистическая внешняя политика» постоянно противопоставлялась политике несоциалистических стран, повышая тем самым и без того высокий уровень идеологизации межгосударственных отношений. Применительно к теме настоящей статьи следует, очевидно, упомянуть о предложенной некоторыми исследователями концепции существования «национально-государственных интересов социалистических стран», отличающихся будто бы от интересов прочих членов мирового сообщества.

Новое политическое мышление потребовало переосмысления многих подходов и переоценки ранее созданных теорий и концепций. Как отмечалось на февральском (1990) Пленуме ЦК КПСС, коренной вопрос обновления партии (и, добавим, советского общества в целом) заключается в необходимости очиститься от наслоений прошлого, привнесенного в нашу реальность авторитарно-бюрократической системой. Это предполагает отказ от укоренившегося за многие десятилетия идеологического догматизма, изживших себя стереотипов во внутренней и внешней политике, устаревших взглядов на мировой революционный процесс, мировое развитие в целом, иными словами — от всего того, что вело к изоляции социалистических стран в общем потоке мировой цивилизации и создавало ложное представление о возможности развития мира лишь в форме постоянной конфронтации между социалистическими и несоциалистическими странами.

Такой пересмотр подходов означает прежде всего повышение требовательности к научным изысканиям, отказ от использования терминов и понятий без определения их содержания. Недостаточно обоснованное и неадекватное использование

Степанов Евгений Дмитриевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ АН СССР.

понятия различных категорий интересов и слабая научная разработка этого вопроса повлекли за собой известную путаницу и по существу, когда одну категорию интересов пытаются выдать за другую, и к формальной подмене понятий — использованию одного из них вместо другого. Чаще всего это происходит с понятием «государственные интересы», которое подменяется понятием «национальные интересы». Такая ситуация имеет место не только в публицистике, но, к сожалению, и в научных исследованиях, и даже в выступлениях ведущих политических деятелей, то есть там, где требуется четкая дефиниция понятий.

Все нерешенные, неясные и весьма сложные вопросы в связи с затронутой темой, конечно же, совершенно невозможно разобрать в одной статье. Поэтому ниже будет затронут только вопрос о содержании понятий «государственные», «национальные», «классовые» и «общечеловеческие интересы», поскольку, как представляется, лишь определив их содержание, можно приступить к анализу прочих вопросов, касающихся внешнеполитических интересов.

Разграничение и выяснение содержания указанных понятий важно не само по себе: и ученые, и тем более политические деятели, анализируя внешнюю политику своего государства и каждого из его внешнеполитических партнеров, должны совершенно ясно и четко представлять, что включает в себя каждое из них. Определение содержания и характеристика каждой категории специфических интересов конкретного государства совершенно необходимо для правильного понимания того, что лежит в основе как его внешнеполитической линии в целом, так и каждой внешнеполитической акции, чем она продиктована и в какой степени она действительно соответствует его реальным потребностям. Это в свою очередь позволит не только понять и оценить намерения партнера и глубину их серьезности, но и правильно строить свои отношения с ним, исходя из учета его действительных интересов.

Без понимания содержания указанных категорий применительно к конкретному государству вряд ли возможен и научный анализ характера, направленности и приоритетов его внешней политики. Только ясное представление о содержании государственных интересов и их основных компонентов — национальных интересов и того, что объединяется в понятие «интересы господствующего класса», — может дать возможность определить стратегию государства на мировой арене и понять, какие цели оно стремится достичь и какие задачи решить во имя достижения этих целей. Не случайно В. И. Ленин подчеркивал, что «люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов».¹

В последнее время вопрос о государственных, национальных и классовых интересах в международных отношениях рассматривался и анализировался в ряде работ советских авторов. Серьезное внимание этим вопросам было уделено и на «круглом столе», проведенном в начале 1989 г. журналом «Коммунист» и Дипломатической академией МИД СССР². Они же освещены и в статье Э. Позднякова, опубликованной в № 5 за 1988 г. журнала «Мировая экономика и международные отношения».

Выступая с настоящей публикацией, автор никоим образом не претендует на всестороннее и полное исследование вопроса о содержании понятий каждой категории внешнеполитических интересов; делая своими соображениями, он хотел бы привлечь к нему внимание специалистов-международников и тем самым продолжить его обсуждение. Такое обсуждение позволило бы прояснить и другие аспекты вопроса о государственных, национальных, классовых и общечеловеческих интересах в международных отношениях, уточнить и дать более развернутую характеристику каждой категории, уточнить их удельный вес, соотношение, роль и влияние при формировании внешнеполитической платформы государства, а также взаимодействие и взаимное влияние различных категорий интересов при реализации внешнеполитического курса государства.

Сам по себе термин «интерес» произошел от латинского глагола «intersum», что означает «иметь значение», «важно». В философии под этим термином понимается реальная причина, непосредственный побудитель тех или иных действий. Если же говорить о политике, то понятие «интересы» можно определить как субъективную форму выражения объективных потребностей общества. Существовая объективно, независимо от воли людей, и требуя реализации, удовлетворения, эти потребности еще не выражают со-

держания интересов, составляя таковое только будучи понятыми и осознанными.

Процесс осознания потребностей проходит под влиянием многих субъективных факторов, что, разумеется, не может не наложить отпечатка на степень адекватности интересов потребностям. Полная тождественность их невозможна, но наряду с тем, что часть потребностей осознается близко к адекватному отображению, другая часть — не полностью или просто неадекватно; существуют и такие, которые изначально осознаются неправильно, извращенно. Таким образом, среди интересов, отражающих потребности общества, в том числе и внешнеполитические, могут быть неправильно понимаемые, мнимые интересы. В целом же это понятие должно заключать в себе широкий круг как конъюнктурных, сиюминутных, так и долговременных, коренных потребностей субъекта в международном общении, коль скоро берется именно этот аспект вопроса, потребностей, определяющих конкретные цели его внешнеполитических действий, и задачи, решение которых необходимо для достижения этих целей. При этом надо помнить, что как нельзя понять внешнюю политику какого-либо государства в отрыве от его внутренней политики, так и внешнеполитические потребности государства, его интересы не могут быть правильно поняты в отрыве от внутривнутриполитических интересов. И появление тех или иных внешнеполитических интересов диктуется определенными внутренними потребностями общества и государства.

Что касается возможных причин частых случаев подмены в публикациях и даже в выступлениях руководящих деятелей, имеющих непосредственное отношение к формированию внешней политики, понятия «государственные интересы» понятием «национальные интересы», то следует еще раз напомнить, что вопрос о внешнеполитических интересах в целом недостаточно разработан в науке. Зарубежная теория международных отношений не знает деления понятия «интересы» на государственные, национальные и классовые, принятого в советской науке. Интересы делятся на государственные (national), общественные (public) или человеческие (human). Термин «национальные интересы» проник в русский язык — можно сказать скалькирован — из английского, где само слово «national» означает и «государственный» и «национальный». Таким образом и словосочетание «национальные интересы» может иметь в переводе на русский язык два совершенно разнородных значения, что и ведет к путанице, подмене понятий и дает основания для возможных спекуляций на этом разночтении. На этот момент уже неоднократно обращалось внимание в советской научной литературе³.

К этому следует добавить и то обстоятельство, что среди части советских исследователей существовало несколько прямолинейное, догматическое восприятие самого понятия «национальные интересы». При использовании его применительно к международным отношениям речь идет, естественно, об интересах всего общества в пределах соответствующего государства. Однако высказывались соображения и по поводу того, что не каждая нация выступает на мировой арене в качестве государственной единицы, поэтому будто бы сам термин может ассоциироваться с проблемой решения только национальных вопросов⁴.

В этой связи Э. Поздняков в упомянутой выше статье весьма своевременно поднял вопрос о возвращении «прав гражданства» широко использовавшемуся К. Марксом гегелевскому понятию «гражданское общество»⁵, которое заменило бы в теории международных отношений понятие «нация», поскольку оно более соответствует содержанию, вкладываемому в него. Вместе с тем это понятие больше отвечает и той все более значительной роли, которую стали играть в наше время в политической жизни государств и в международных отношениях общественность, общественное мнение и общественные движения. Исходя из сказанного, при дальнейшем изложении вместо устоявшегося понятия «национальные интересы» — в порядке эксперимента — будет использоваться несколько необычное, но, как представляется, объективно более отвечающее своему содержанию понятие «общественные интересы».

* * *

Выступая на международной арене, государство исходит из своих государственных интересов. Структура их не проста и не однородна, поскольку само государство является формой существования классового общества. «Общество, — отмечал Ф. Энгельс, — создает себе орган для защиты своих общих интересов от внутренних и внешних нападений. Этот орган есть государственная власть»⁶. Поэтому на международной

арене эта государственная власть, государство, выступает в качестве единственного выразителя воли и интересов всего общества. Это не означает, что оно всегда действительно является таковым, или, по крайней мере, что оно выражает и защищает только общественные интересы. Хотя в силу ряда объективных причин, о чем речь пойдет ниже, именно общественные интересы оказывают в целом преобладающее влияние на формирование государственных интересов и внешнеполитической платформы государства, важную роль в этом играют и некоторые другие факторы.

Любое общество в своем внутривнутриполитическом проявлении не представляет собой единого целого. Оно состоит из различных групп, разделяемых по классовым, политическим, экономическим, этническим, религиозным и многим другим признакам. Каждой из этих групп соответствуют свои совпадающие или противоборствующие между собой интересы. Однако это противоборство интересов в обществе проявляется лишь внутри него. По отношению же к внешнему миру общество предстает как нечто монолитное, единое. Следовательно, и само понятие «общественные интересы» в международных отношениях должно отражать общие для всего общества коренные, фундаментальные потребности, определяющие цели и задачи его деятельности на мировой арене.

Говоря об «общих для всего общества» интересах, следует сделать одну оговорку: из этого «общего» все же выпадает то, что в нашей науке принято именовать «интересами господствующего класса», который в силу своего положения в обществе имеет возможность выступать со своими собственными внешнеполитическими интересами, в течение определенного периода могущими оказывать решающее влияние на формирование внешнеполитической платформы государства.

Итак, каковы же потребности общества на мировой арене?

Безусловно, каждое общество имеет свои частные, специфические интересы и вытекающие отсюда конкретные цели и задачи. Можно попытаться дать лишь некую принципиальную, обобщенную схему тех внешнеполитических задач, которые ставятся насущными потребностями практически каждого общества. Что же касается уяснения специфических интересов конкретного общества, то этот вопрос выходит за рамки настоящего анализа.

Прежде всего общественные интересы требуют создания и обеспечения условий для мирного и свободного развития общества. Среди этих условий — обеспечение его безопасности, независимости и суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ, невмешательства во внутренние дела, мирных условий всестороннего развития и активное участие в решении важнейших международных вопросов.

Стремясь к быстрейшему и всестороннему развитию, общество заинтересовано в установлении и расширении торгово-экономического, культурного, научного и прочего обмена со всеми членами мирового сообщества, использовании всех благ международного разделения труда.

Общественные интересы могут вступать в известное противоречие с государственными. Так, могут возникнуть противоречия в таком, казалось бы, бесспорном вопросе, как обеспечение национальной безопасности. Требование обеспечения условий мирного и свободного развития общества целиком и полностью соответствует насущным задачам внешней политики практически каждого государства, совпадая таким образом с государственными интересами. Однако, совпадая в главном, интересы государства и общества могут расходиться в вопросе о формах и методах обеспечения национальной безопасности. Точно так же и в вопросах установления международных экономических, научных и культурных связей общество заинтересовано в максимальном их расширении, придании им динамичного характера. А государство — в силу конъюнктурных соображений или под воздействием своеобразных интересов и честолюбивых устремлений правящей группировки господствующего класса — может пытаться ограничить такие связи и взаимовыгодный обмен либо вообще, либо какой-то группой или группировкой стран.

В целом, очевидно, под общественными интересами следует понимать объективно существующие долговременные кардинальные потребности общества, выдвигающие такие цели и задачи в области международных отношений, решение которых обеспечивает его нормальную поступательную жизнедеятельность. Поскольку речь идет о долговременных целях и задачах, общественные интересы должны иметь, видимо, устойчивый, малоподвижный характер. Это, естественно, не означает, что содержание обще-

ственных интересов конкретных государств остается неизменным. В процессе исторического развития происходят определенные изменения, когда одни потребности (и отражающие их интересы) общества исчезают, другие отходят на второй план или, наоборот, приобретают большую значимость, появляются совершенно новые потребности.

В долговременном плане общественные интересы являются наиболее влиятельным, но все же только одним из составляющих компонентов государственных интересов. Важную роль в формировании их, как отмечалось выше, играют интересы, определяемые в нашей науке как интересы господствующего класса. Теоретически предполагалось, что, располагая всей полнотой власти в государстве и обладая реальным контролем за процессом конструирования его внешней политики и практической реализацией ее, господствующий класс имеет широкие возможности оказывать влияние на формирование государственных интересов и внешнеполитической платформы государства, привнося в них свои классовые интересы.

Хотя советская наука всегда рассматривала класс как нечто единое, в действительности же дело обстоит несколько иначе.

Как и в обществе в целом, внутри класса всегда существовали различные социальные группы, объединяемые общими потребностями, но имеющие вместе с тем и собственные групповые интересы. Выразителем интересов этих групп (в некоторых случаях все же и класса в целом) являются политические партии.

Приходя формально к власти, становясь правящим, класс как таковой остается вне сферы конкретного руководства государством и не участвует в формировании его политики. Все рычаги практического управления оказываются в руках политической партии, представляющей его или его отдельные социальные группы и претендующей на то, что она выражает его интересы. И более того, вся полнота политической власти в государстве, все возможности реализовать на практике политику, сформированную правящей партией от имени общества и правящего класса, оказываются в руках руководства партии, ее элиты. Именно она выступает в конечном итоге в роли толкователя и выразителя интересов класса.

Таким образом, в действительности классовые интересы во внешней политике подменяются толкованием, которое им дает руководство представляющей этот класс партии. Это толкование далеко не всегда соответствует действительным потребностям класса, более того, выдаваемое за таковые, оно на самом деле отражает узкопартийные интересы, в которых потребности и интересы класса хотя и представлены, но весьма избирательно и далеко не всегда адекватно.

Это происходит потому, что существенную роль при формировании политики играют собственные элитарные потребности и амбиции, честолюбивые устремления руководящей группировки правящей партии и даже отдельных лидеров ее. Излишне, очевидно, говорить, что подавляющая часть этих устремлений и амбиций (если не все), в отличие от интересов в целом, носят отнюдь не объективный характер, а порождены субъективной трактовкой реальной действительности и стремлением использовать политическую конъюнктуру в своекорыстных целях.

Все сказанное выше в полной мере относится к социалистическим странам, может быть, даже в большей мере, чем ко всем остальным. Так, в результате политических деформаций 30-х — 50-х годов и периода застоя не только правящий класс нашей страны, но и его партия оказались фактически «отсечены» от формирования и практической реализации политики государства, в том числе и внешней. Политика формировалась келейно и осуществлялась узкой группой лидеров, надежно защищаемой от воздействия партии, класса и общества, от имени которых они якобы выступали на мировой арене, многоступенчатой прослойкой номенклатурных аппаратчиков-функционалов. В итоге, хотя политика нашей страны всегда официально трактовалась как политика «классовая», на практике далеко не всегда она соответствовала интересам правящего класса, а некоторые внешнеполитические акции прошлого советского руководства находились в вопиющем противоречии с классовыми, общественными и государственными интересами страны. Среди подобных акций можно упомянуть и советско-германский договор о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г., военное вмешательство (под прикрытием тезиса о необходимости выполнения так называемого «интернационального долга») в события в Польше и Венгрии в 1956 г., Чехословакии в 1968 г., в Афганистане в 1979 г., обострение разногласий с Китаем и доведение их до уровня военной конфронтации.

Элитарные амбиции правящих группировок стоящих у власти партий составляли основу формирования внешнеполитической и внешнеэкономической программ Китая и ГДР, Венгрии и Румынии, ряда других социалистических стран.

Вместе с тем правящая группировка всегда стремилась представить свои потребности, амбиции, устремления полностью соответствующими и отвечающими интересам общества в целом.

Дело в том, что с ростом влияния общественности на политическую деятельность государства каждая его внешнеполитическая акция заведомо обрекается на неудачу или по крайней мере на незавершенность, если она не получает поддержки широких слоев общественности и общественного мнения. Следовательно, предпринимая те или иные действия на международной арене, руководящая группировка партии правящего класса должна заручиться поддержкой широких слоев общества. Используя возможности, которыми она располагает в силу своего руководящего положения в государстве и обществе, она осуществляет массированную пропагандистскую кампанию, целью которой и является попытка представить свои потребности и амбиции неотъемлемой частью общественных интересов, заставить широкие слои общественности поверить, что провозглашаемая ею внешнеполитическая программа совершенно необходима, отвечает насущным потребностям общества, направлена на удовлетворение их, и побудить таким образом поддержать эту программу.

И надо заметить, что такие массированные пропагандистские кампании, в которых участвует, по существу, весь пропагандистский аппарат государства, в большинстве своем достигает цели. Так, программа гитлеровской экспансии, несомненно, противоречила не только общественным, но и частично классовым интересам немецкой буржуазии. Но она проповедовалась столь упорно и методично, что в конце концов получила поддержку большинства населения Германии, в том числе и значительной части рабочего класса. Точно так же программа «исправления исторической несправедливости» и «возвращения китайских земель», проводившаяся руководством Китая 60-х годов, была поддержана китайской общественностью. Угар антикоммунизма, нагнетавшийся в США после второй мировой войны, привел к тому, что американское общество поддержало корейскую и вьетнамскую, а позднее и гренадскую авантюры, которые явились не чем иным, как проявлением элитарных амбиций правящей группировки. То же самое можно сказать о «фолклендской войне» Англии, ливанской авантюре Израиля, вторжении Китая во Вьетнам, вводе советских войск в Афганистан и о многих других, хотя в каждом из подобных случаев правящая группировка использовала, разумеется, свои доказательства «полного соответствия» предпринимаемых акций общественным и государственным интересам.

Наглядный пример воздействия на общество идеологических и психологических мероприятий, проводимых руководящей группировкой в поддержку своей позиции, — начало пропагандистская кампания, развернутая в Советском Союзе и Китае в период 60-х — начала 70-х годов. Каждая из сторон стремилась доказать своей, а заодно и мировой общественности, что только ее позиция в возникших советско-китайских разногласиях является правильной, справедливой и полностью отвечает общественным, классовым и государственным интересам, тогда как позиция партнера противоположна и аморальна. Массированная пропагандистская кампания дала в то время свои результаты — общественность обеих стран поддержала своих руководителей.

Вместе с тем правящая партия не может в своей политической политике не учитывать интересов всего общества, оказавшего ей доверие и поддержку; но, выступая в принципе в их поддержку, она прикрывается ими для отстаивания прежде всего интересов своего класса, той группы класса, которую она непосредственно представляет, равно как и собственных своекорыстных устремлений и потребностей, стремясь использовать общественные интересы в своих целях. Располагая мощным пропагандистским аппаратом, правящая партия и ее руководство имеют возможность либо заведомо извратить существо и фальсифицировать интересы общества, либо добиваться их реализации такими методами, которые ни в коей мере не могут отвечать самой сущности внешнеполитических интересов общества. В обоих случаях практическая деятельность руководящей группировки ведет в конечном итоге к тому, что происходит фактическая деформация общественных, а вслед за ними и государственных интересов.

Так, например, понятное и законное стремление общества обеспечить свою национальную безопасность может трактоваться правящей группировкой как необходимость

постоянного наращивания численности вооруженных сил и вооружений в размерах, далеко выходящих за рамки разумной достаточности, направления своих войск за пределы национальной территории, создания на территории других стран своих военных баз, сколачивания всякого рода военно-политических блоков и группировок, вмешательство во внутренние дела сопредельных стран. Иными словами, вместо поиска баланса интересов — единственной предпосылки действительного обеспечения национальной безопасности, руководство страны, подталкиваемое потребностями определенной группы правящего класса или амбициями лидеров представляющей ее партии, стремится к утверждению баланса сил на мировой арене. Фактически это ведет к безудержной и неконтролируемой гонке вооружений, подрывая безопасность и данного государства, и всего мирового сообщества.

Необходимость же расширения всесторонних торгово-экономических связей общества нередко трансформируется правящей группировкой в политику экономической экспансии.

С учетом всего сказанного представляется довольно сложным дать определение сегодняшнему содержанию понятия «классовые интересы». Видимо, о них можно все же говорить как об общих внешнеполитических потребностях класса, направленных на дальнейшее укрепление положения входящих в него социальных групп и группировок внутри общества и создание для этого наиболее благоприятных условий на мировой арене. Вместе с тем, учитывая процесс расхождения классов на отдельные социальные группы, ранее привычное и широко используемое понятие «классовые интересы» приобретает сегодня больше условный, чем собирательный характер и представляется в известной степени анахронизмом.

И тем не менее, хотя в реальной политике под понятием «классовые интересы» все в большей и большей степени подразумеваются интересы «партийные» или «групповые», вероятно, есть необходимость, во избежание путаницы, сохранить пока в обращении старое понятие — «классовые интересы».

Сегодня, как никогда раньше, подтверждается правильность сформулированного В. И. Лениным положения о том, что «интересы общественного развития выше интересов пролетариата»⁷ и что поэтому «надо думать не о своей только нации, а выше ее ставить интересы всех, их всеобщую свободу и равноправие»⁸.

Хотя как и раньше государства современного мира разделены глубокими противоречиями, недоверием друг к другу и даже враждебностью, иногда по-прежнему проявляется склонность к применению силы для разрешения существующих или возникающих проблем, однако происходящие в мире объективные процессы способствуют появлению общих для всего человечества интересов. К таким процессам можно отнести растущую экономическую взаимозависимость и взаимосвязанность государств, интернационализацию производства, появление глобальных проблем, от решения которых зависит само существование мировой цивилизации: устранения угрозы ядерной войны, разумного и рационального использования далеко не неиссякаемых ресурсов Земли, необходимость охраны окружающей среды от промышленного загрязнения, ликвидацию угрозы голода. В результате этих объективных процессов и возникают проблемы, которые не могут быть решены самостоятельно отдельными государствами и требуют коллективных действий всего мирового сообщества.

Общечеловеческие интересы — не абстрактная категория, это общие для всех народов земного шара потребности создания условий для выживания человечества и обеспечения его нормальной жизнедеятельности. Это действительно интересы всего человечества, — интересы, объективно объединяющие народы, способные преодолеть силы разъединения и конфронтации, — интересы, создающие условия для умножения точек соприкосновения государств и порождающие в конце концов частичную общность их интересов. Совпадая по своим основным позициям с общественными интересами каждого члена мирового сообщества, общечеловеческие интересы оказывают все большее влияние на формирование государственных интересов и внешнеполитической платформы различных государств, тем более что они получают массовую поддержку международных общественных движений. Не считаться с этим фактором руководители политических партий правящих классов не могут и в целом ряде случаев вынуждены проводить серьезную корректировку своей внешнеполитической линии. Об этом говорит, например, успешное завершение советско-американских переговоров по РСМД, изменение позиций по вопросу о ядерном оружии и о сокращении численности воору-

женных сил в Европе руководящих кругов США и целого ряда стран Восточной и Западной Европы и т. д.

В целом можно, видимо, говорить, что в разное время под воздействием различных факторов внутреннего и внешнего порядка превалирующее влияние на формирование государственных интересов, внешнеполитического курса и их практическую реализацию оказывают разные категории интересов.

Однако в любом случае основу, фундамент, государственных интересов составляют все же интересы общественные. Объясняется это тем простым обстоятельством, что они направлены прежде всего на обеспечение безопасности и условий жизнедеятельности конкретного общества, формализующим началом и выразителем самой общности которого является государство. Иными словами, общественные интересы в международных отношениях направлены в первую очередь на обеспечение условий нормального функционирования государства. Вместе с тем в государственных интересах значителен удельный вес интересов выступающей от имени господствующего класса группы представляющей его партии. И, безусловно, все больше усиливается влияние если не на формирование государственных интересов, то на практическую политику государств, общечеловеческих интересов.

Таким образом, государственные интересы можно охарактеризовать как совокупность потребностей, удовлетворение которых должно содействовать укреплению международного и внутреннего положения государства и утверждению наиболее благоприятных условий, обеспечивающих нормальное функционирование государства и общества.

При этом следует отметить тот немаловажный момент, что вне зависимости от того, какой компонент составляющих государственных интересы в данный конкретный момент играет доминирующую роль и на какой аспект государственных интересов делается особый акцент, в принципе они должны сохранять свою стабильность. Всякая нестабильность государственных интересов ведет прежде всего к шараханьям во внешней политике, частой смене приоритетов и направлений деятельности на мировой арене, неустойчивости внешней политики и внешнеполитического курса в целом. Все это неизменно вызывает резкое падение международного авторитета государства. Лишь нестабильность внутреннего положения государства или резкая смена конъюнктурных потребностей правящей группировки могут вызвать изменения и неустойчивость его внешней политики. Однако эти колебания не могут быть длительными: долговременный, кардинальный характер общечеловеческих и общественных интересов принуждает государственные интересы и основанную на них внешнюю политику, искаженные элитарными устремлениями и амбициями правящей группировки, так или иначе прийти в соответствие с фундаментальными объективными потребностями и интересами общества, ликвидировав деформации, и сохранять устойчивость.

Примером деформаций, возникших во взаимоотношениях государств под воздействием амбициозных устремлений правящей группировки может служить недавний период в советско-китайских отношениях. Нет, не столкновение интересов СССР и Китая повлекло за собой возникновение разногласий, споров и конфронтации между двумя соседними странами. Дело в том, что руководители Советского Союза и Китая 60-х годов, совершенно различно понимая пути и методы социалистического строительства, диктуемые каждой из этих стран конкретными условиями, в которых они находились, в равной степени считали только свой путь единственно правильным, соответствующим положениям теории марксизма и приемлемым не только для себя, но и для партнера и, более того, для всех других социалистических стран. Расхождения точек зрения сторон по этим вопросам и составили начальный этап советско-китайских разногласий, носивший характер идеологического спора.

Однако руководители обеих стран постарались материализовать идеологические споры, перенести их на все аспекты двусторонних отношений, что, с одной стороны, привело к высокой степени идеологизации советско-китайских отношений в целом, а с другой — убедило руководящие группировки обеих стран в якобы полной несовместимости интересов СССР и Китая. Они считали, что улучшение отношений между ними будет возможно только в том случае, если партнер коренным образом изменит свою внутреннюю политику и идеологию и признает свою «неправоту». В действительности же руководители обеих стран извращенно понимали, прежде всего, интересы собственного государства, собственного общества, правящего класса собственной стра-

ны, который они якобы представляли, и неправильно толковали интересы и практические действия партнера. На деле это привело к столкновению, но не интересов, а элитарных устремлений и амбиций руководящих группировок двух стран, то есть к искажению, деформации их государственных интересов и двусторонних межгосударственных интересов. Выступая на встрече с китайской общественностью во время визита в КНР, М. С. Горбачев говорил, что «испортить, сломать отношения между странами, к сожалению, проще, чем выстроить, укрепить, сделать их плодоносными. Два-три ошибочных решения, не учитывающих интересы партнера, попытки навязать ему свою точку зрения, перенос взаимных обид на следующие ступени, вплоть до политического уровня, возведение идеологических споров и разногласий в ранг государственного противостояния — и в результате между некогда дружественными странами встала стена подозрительности и недоверия»⁹.

И хотя потребовалось время для того, чтобы стороны осознали взаимно допущенные ошибки и предприняли шаги к их исправлению, необходимость проведения курса на ликвидацию деформаций, восстановление и нормализацию двусторонних отношений диктовалась главным образом тем, что во многом совпадали интересы правящих партий обеих стран, в значительной степени совпадали их общественные интересы. Это в свою очередь обусловило высокую степень совпадения государственных интересов и стимулировало осуществление обеими странами встречных действий в направлении ликвидации возникших в предыдущие годы деформаций интересов и взаимоотношений и позволило им привести свои отношения в соответствие с их действительными интересами.

В связи с изложенным, видимо, нельзя согласиться с замечанием Э. А. Шеварднадзе, высказанным на научно-практической конференции МИД СССР в июле 1988 г. о том, что «национальные интересы (под «национальными интересами» имеются в виду государственные интересы. — Е. С.) — категория весьма подвижная, динамичная, постоянно меняющаяся»¹⁰. Видимо, речь может идти лишь о динамизме внешней политики, о чем говорилось на XIX Всесоюзной партконференции¹¹, причем под динамизмом внешней политики следует понимать ее восприимчивость к новым прогрессивным идеям, готовность выступать со смелыми инициативами и откликаться на них, идти на широкий обмен мнениями и достижение договоренностей по всем животрепещущим проблемам, стремление к расширению контактов и связей и т. д.

• • •

Анализ потребностей общества и стоящей у власти партии господствующего класса, складывающихся в государственные интересы соответствующих стран, дает возможность определить приоритеты и стратегические цели их внешней политики и степень серьезности намерений в достижении этих целей. Определение же внешнеполитических целей государства в первую очередь позволяет (с учетом анализа положения на мировой арене и совокупности внешних и внутренних факторов, характеризующих положение государства и его политики в системе международных отношений и оказывающих влияние на них) выделить тот круг конкретных задач, которые оно должно решать для достижения указанных целей. Иными словами, анализ указанных вопросов позволяет определить внешнеполитическую стратегию соответствующего государства.

Очевидно, пути решения внешнеполитических задач могут носить многовариантный характер и в процессе их решения могут возникнуть не только новые задачи, но и новые потребности, порождающие возникновение новых интересов. Последний момент требует особого внимания и осторожного подхода, ибо, как отмечал В. И. Ленин, «всякий массовый добивающийся исторического признания «интерес», когда он впервые появляется на мировой сцене, далеко выходит в «идею» или «представлении» за свои действительные границы и легко смешивает себя с человеческими интересами вообще»¹².

Следовательно, понимание содержания государственных, общественных и классовых (правящей партии) интересов соответствующей страны, позволяя правильно определить истинные мотивы ее действий на мировой арене, дает одновременно возможность более точно прогнозировать ее последующие действия, а в процессе практического осуществления связей и контактов с ней — учитывать как свои, так и ее реаль-

ные интересы, обоснованно представляя, в чем она может пойти на какие-то уступки во имя достижения соглашения по определенному вопросу или кругу вопросов, в чем возможны взаимные уступки сторон, а в чем она сама может ожидать встречных уступок.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 23.— С. 47.
- ² Материалы «круглого стола» // Коммунист.— 1989.— № 8.
- ³ См., напр.: Петровский В. Ф. Американская политическая мысль.— М., 1976.— С. 81; Хрусталева М. А. Основы теории внешней политики государств.— М., 1984.— С. 78.
- ⁴ См.: Укрепление единства социалистических стран. Вопросы теории.— М., 1977.— С. 67—68.
- ⁵ Маркс К. Энгельс Ф. Соч.— Т. 3.— С. 35; Т. 13.— С. 6; Т. 27.— С. 402.
- ⁶ Там же.— Т. 21.— С. 311.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 4.— С. 220.
- ⁸ Там же.— Т. 30.— С. 44—45.
- ⁹ Правда.— 1989.— 18 мая.
- ¹⁰ Вестник МИД СССР.— 1988.— № 15.— С. 34.
- ¹¹ Правда.— 1988.— 29 июня.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 18.

СИС: СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Компьютеры-переводчики

Специалисты молодежного научно-технического центра «Экситон» в Минске создали программно-технический комплекс «Лотос», который, будучи адаптирован к персональному компьютеру «ЕС-1841», может переводить с японского языка на русский, правда, пока лишь тексты по радиоэлектронике. Авторы считают, что в будущем компьютерная система сможет переводить и литературные тексты как с японского, так и с китайского языков.

Японская фирма «Сэйко» разработала миниатюрный компьютеризированный японо-английский и англо-японский словарь. Набранные с помощью клавиатуры на встроенном экране слова мгновенно переводятся на другой язык, при этом указываются орфографические ошибки, если они допущены. Запас электронного словаря размером с записную книжку составляет 112 тыс. слов, в другой модификации мини-компьютер, не превышающий размеров визитной карточки, обладает «памятью» в 43 тыс. слов.

Е. КОБЕЛЕВ

19 мая 1990 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Хо Ши Мина (1890—1969). Хо Ши Мин и Вьетнам — эти два слова в сознании людей долгие годы были неразделимы. На протяжении почти полувека он стоял во главе Вьетнамской революции, Коммунистической партии Вьетнама, а затем независимого вьетнамского государства. Значителен вклад Хо Ши Мина и в развитие международного коммунистического и национально-освободительного движений. Однако в памяти людской он остался не только как крупнейший политический деятель современности, но и как исключительно цельный, скромный и простой человек.

Отмечая сегодня 100-летие со дня рождения великого сына вьетнамского народа, мы попытались отойти от привычных штампов юбилейных статей и более выпукло показать именно эти стороны его натуры.

Чем дальше в прошлое уходят годы славной боевой жизни и революционной деятельности Хо Ши Мина, тем все ярче становится для потомков его образ. Он — один из тех революционных деятелей, чье имя еще при жизни было известно миллионам людей, стало поистине легендарным.

В 60-е годы автору этих строк, работавшему корреспондентом ТАСС во Вьетнаме, довелось стать свидетелем самоотверженной, полной драматических событий борьбы вьетнамского народа. Особенно памятен день 17 июля 1966 г., когда Хо Ши Мин выступил по радио с обращением к народу. За несколько часов до этого армада из 50 истребителей-бомбардировщиков агрессора впервые совершила варварский налет на пригороды Ханоя. В воздухе над городом еще ощущался дымный запах пожарищ. В эти трудные часы жители столицы как никогда хотели услышать вдохновляющий голос президента. Весь сражавшийся Вьетнам застыл у громкоговорителей на городских и сельских улицах, у транзисторов на партизанских базах в джунглях и за закрытыми шторами в домах подпольщиков в оккупированных врагом городах Юга. И вот раздался спокойный, с характерным акцентом уроженца провинции Нгетинь голос Хо Ши Мина:

«Война, быть может, продлится еще 5, 10, 20 лет... Ханой, Хайфон и другие города могут быть разрушены. Однако вьетнамский народ не запугать! Нет ничего дороже независимости и свободы! Придет день победы, и наш народ восстановит свою родину, сделает ее еще величественнее и прекраснее»¹.

Сказанные Хо Ши Мином в этом обращении крылатые слова — «Нет ничего дороже независимости и свободы!» — тотчас же разнеслись по всему Вьетнаму, стали девизом всенародной освободительной борьбы.

В последние годы жизни Хо Ши Мином владела «одна, но пламенная страсть» — выполнить до конца задачу освобождения Юга Вьетнама, увидеть свою родину воссоединенной. В 1963 г., когда Национальное собрание ДРВ приняло решение наградить Президента орденом «Золотая звезда», он, поблагодарив депутатов, обратился к ним с просьбой разрешить ему не принимать этой высшей награды, пока страна разделена на две части, а на Юге льется кровь патриотов-соотечественников. «Пусть Национальное

Кобелев Евгений Васильевич, кандидат исторических наук.

собрание. — предложил он, — позволит населению Юга вручить мне этот орден в тот день, когда Юг будет полностью освобожден, наша страна воссоединится и в ней воцарится мир, когда Север и Юг соберутся в одну родную семью»².

На Юге Вьетнама шли ожесточенные бои, американские «В-52» методично обрушивали смертоносный груз на партизанские районы, а Хо Ши Мин, возраст которого приближался к 80 годам, настойчиво требовал от Политбюро ЦК организовать ему поездку на Юг, чтобы «встретиться с товарищами, соотечественниками». Он просил регулярно сообщать ему, когда в Ханое будут представители Южного Вьетнама. Партийные работники и бойцы с Юга, оказавшись на Севере, обязательно встречались с ним. Каждый раз он подробно расспрашивал южан о событиях на фронтах и в тылу, и видно было, как его радовали такие встречи.

Хо Ши Мин не дождался исторического дня, которого он так ждал, — полного освобождения Южного Вьетнама и воссоединения страны. Он скончался 3 сентября 1969 г. в Ханое в возрасте 79 лет.

Перед тем как уйти из жизни, Хо Ши Мин подготовил Политическое завещание партии и народу. Писалось оно в дни, когда на Юге Вьетнама хозяйничала полумиллионная армия США, а Север Вьетнама подвергался массированным бомбовым ударам американской авиации. И все-таки каждая строка завещания проникнута страстной верой в скорую победу, в светлое будущее его родины. «Война сопротивления американским агрессорам, возможно, еще затянется, — писал Хо Ши Мин. — Нашим соотечественникам, возможно, придется понести значительные материальные и человеческие жертвы. Но мы должны со всей решимостью сражаться против американских агрессоров до полной победы... Каковы бы ни были трудности и лишения, наш народ непременно одержит полную победу. Американским империалистам придется убраться из нашей страны. Родина наша будет воссоединена. Соотечественники Севера и Юга вновь станут одной семьей»³.

Всего через 6 лет после того, как были написаны эти слова, они стали реальностью. Бессмертный образ Хо Ши Мина вел бойцов и командиров народных вооруженных сил в боях за освобождение Юга страны. Его именем была названа завершающая операция этой многолетней борьбы — операция по освобождению Сайгона.

2 июля 1976 г. первая сессия Национального собрания единого Вьетнама, созданного в результате всеобщих выборов, приняла историческое решение — провозгласила образование Социалистической Республики Вьетнам. Дело, борьбе за которое Хо Ши Мин отдал всю свою жизнь — создание единого социалистического Вьетнама, — восторжествовало.

* * *

Вьетнамская революция развивалась в условиях крайней политической и культурной отсталости народных масс, печать которой несли на себе, естественно, и те передовые представители трудящихся классов, которые активно включались в революционную борьбу. Хо Ши Мин, первый во Вьетнаме коммунист, овладел основами марксистско-ленинского учения во Франции и Советской России, изучил опыт Великой Октябрьской революции, два десятилетия являлся активным деятелем Коминтерна. Кроме того, он отличался энциклопедической образованностью, владел несколькими иностранными языками, был хорошо знаком с культурными достижениями как Востока, так и Запада. Все эти достоинства позволили ему на разных этапах революции верно определять курс Коммунистической партии Вьетнама, быть непосредственным проводником благотворного, направляющего воздействия на партию со стороны международного коммунистического движения, а также вносить творческое начало в ее политику и тактику.

Хо Ши Мин жил и боролся в эпоху, отделенную от нас десятилетиями, но он очень современен. С высоты нынешних дней в его деятельности легко угадываются многие важные компоненты того, что мы называем сегодня философией нового политического мышления. И самый главный из них — диалектическое сочетание национальных и классовых целей, органическое единство патриотических и социалистических идеалов. Хо Ши Мин был для вьетнамцев подлинным символом национальной солидарности. Оставаясь всегда на классовых позициях, на позициях рабочего класса, он вместе с тем умел привлечь на сторону народа представителей национальной буржуазии, помещиков, буржуазно-феодалов, что позволяло на наиболее

трудных этапах революции противопоставлять внешним врагам достаточно широкий союз вьетнамской нации. Многие представители буржуазно-феодалной интеллигенции Вьетнама отмечают, что они примкнули к революции под воздействием личности Хо Ши Мина, в котором они увидели прежде всего надежду на будущее национальное освобождение и возрождение Вьетнама.

Хо Ши Мин был инициатором и активным поборником стратегии единого широкого национального фронта на каждом конкретном этапе революции. Эта стратегия стала мощным оружием в руках вьетнамских коммунистов вначале в борьбе за освобождение страны от японских милитаристов и французских колонизаторов (Фронт Вьетминь), затем в борьбе населения Юга Вьетнама против агрессии США (Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама) и ныне в строительстве нового общества на вьетнамской земле (Отечественный фронт Вьетнама).

И в мировую историю Хо Ши Мин вошел не только как руководитель партии вьетнамских коммунистов, деятель международного коммунистического и рабочего движения, но и как один из выдающихся лидеров всемирного национально-освободительного движения. Его вклад в национально-освободительную борьбу народов высоко оценивался на различных международных форумах прогрессивных сил, лидерами молодых освободившихся государств Азии и Африки, печатью многих стран. Хо Ши Мин горячо приветствовал рождение в 1961 г. движения неприсоединения; его связывали узы сердечной дружбы с выдающимися «отцами-основателями» этого движения Джавахарлалом Неру и Ахмадом Сукарно.

Хо Ши Мин был одаренной творческой личностью — публицистом, писателем, поэтом. Им написано немало книг, брошюр и статей по вопросам ленинизма и уроков Великого Октября, теории и практики вьетнамской революции, строительства основ социализма в условиях Вьетнама, стратегии и тактики борьбы в защиту независимости страны. Хо Ши Мина называют на родине основоположником вьетнамской революционной литературы. Его цикл стихов «Тюремный дневник», написанных в 40-е годы, широко известен во Вьетнаме, переведен на многие языки мира. В 1979 г. в Советском Союзе издан, а позднее переиздан сборник его литературных трудов.

Вместе с тем эта сторона деятельности Хо Ши Мина не была преобладающей. Его основным жизненным принципом были известные слова К. Маркса: «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ»⁴. Он был в самом лучшем понимании этого слова революционером-практиком, человеком действия. Делать все, что только возможно, во имя приближения победного часа революции, во имя успешного строительства новой жизни, — этому правилу он сам следовал всю жизнь, к этому настойчиво призывал своих соратников.

Хо Ши Мин обладал огромным, поистине безграничным авторитетом среди вьетнамского народа. Но это был именно авторитет, а не культ личности, с его неизбежными извращениями и преступлениями. Известно, что в силу объективных и субъективных причин культ личности как социально-политический феномен поразил не одну социалистическую страну, нанеся серьезный ущерб идеалам социализма, строительству новой жизни в этих странах. Вьетнам же счастливо избежал такой участи, благодаря прежде всего личным человеческим качествам Хо Ши Мина, который был по-настоящему руководителем ленинского типа.

Даже в самые трудные годы революции, борьбы за свободу и независимость, за само выживание Вьетнама Хо Ши Мин всегда оставался принципиальным противником командно-авторитарных методов, последовательно выступал за коллективность руководства, за демократизм в отношениях между руководителями и рядовыми членами партии, между партией и народом. В 1956 г. он решительно присоединился к осуждению XX съездом КПСС культа личности Сталина и его преступлений. «Победивший социализм, — писал Хо Ши Мин, — не мог более терпеть ни культа личности, ни его пагубных последствий. Решительные меры, принятые ЦК КПСС для преодоления культа личности и его последствий, являются в истории беспрецедентным примером политической смелости»⁵.

Хо Ши Мин тяжело переживал и трагические для судеб китайского народа проявления культа личности Мао Цзэдуна, вылившиеся в злоешие эксцессы «культурной революции». В одной из своих статей по вопросам революционной морали и борьбы против индивидуализма, написанной в разгар этих событий, Хо Ши Мин указывал, что, если болезнь индивидуализма поражает партийного руководителя, это приводит к тяжким

последствиям, для партии и народа, наносит серьезный урон делу социализма.

Хо Ши Мин был страстным поборником революционной морали и неустанно боролся за воспитание у членов партии, всех вьетнамских трудящихся высоких личных качеств. Обращаясь к молодежи, он напутствовал ее такими словами: «В любом деле думай в первую очередь не о себе, а о соотечественниках, обо всем народе... Иди в первых рядах, когда трудно, и занимай последнее место, когда речь идет о вознаграждении»⁶.

За долгие годы борьбы он привык к суровому, спартанскому образу жизни, и ничто не было так чуждо его характеру, как стремление к роскоши. Он любил вспоминать о трудной, но полной романтики жизни в горных пещерах Вьетбака накануне революции и в годы первой войны Сопrotивления. Ему всегда была по душе эта простая жизнь среди народа, где он делил пищу с крестьянами и солдатами и спал с ними под одной крышей. Вернувшись в 1954 г. в Ханой после 8 партизанских лет, он попросил соорудить ему простой деревянный домик на территории президентского дворца Бакбофу. В этом скромном жилище прошли последние 15 лет его жизни.

От самого облика Хо Ши Мина исходило душевное тепло, которым он щедро делился с окружающими. Он относился к категории людей, которых чужие страдания и горести ранят сильнее, чем собственные. Многие встречавшиеся с ним отмечали, что он чрезвычайно остро воспринимал все, что касалось жизни вьетнамского народа, его страданий и жертв, заметно волновался, когда рассказывал о героизме вьетнамских бойцов, с горечью повторяя: «Погибают самые лучшие».

До конца своих дней Хо Ши Мин оставался воплощением ленинской простоты и скромности. «В 1969 г.,— вспоминал ветеран КПВ Ле Ван Лонг,— Политбюро ЦК приняло решение о праздновании в следующем году четырех крупных дат: 40-летия основания партии, 25-летия образования ДРВ, 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и 80-летия со дня рождения Хо Ши Мина... Когда Дяде Хо доложили об этом решении, он прореагировал на него так:

— Я согласен только с «тремя четвертями» этого решения... Отметить, как подобает, 100-летие со дня рождения Ленина — это очень правильное решение. Но я против того, чтобы широко отмечать мой день рождения»⁷.

Сам по натуре человек мягкий и добрый, Хо Ши Мин являл собой образец твердости, стойкости и решительности, когда того требовала обстановка. Чтобы победить в борьбе за национальную независимость, свободу и социализм, учил он, народ должен продемонстрировать «революционную решимость, всегда высоко нести знамя революционного героизма, не отступать перед любыми трудностями и жертвами, вести борьбу за национальную независимость... упорно и до конца...»⁸.

Одной из наиболее ярких черт характера Хо Ши Мина, поражавшей его соратников, был неиссякаемый исторический оптимизм. Даже в самые драматические дни и месяцы вьетнамской революции, когда, казалось, она навсегда загнана в пещеры и глухие джунгли, а враг торжествует почти по всей стране, Хо Ши Мин оставался воплощением непоколебимой веры в неизбежное торжество правого дела вьетнамского народа.

В Советском Союзе имя Хо Ши Мина пользуется особым уважением. Великий патриот Вьетнама заложил фундамент и был активным поборником вьетнамо-советской дружбы. До победы Августовской революции он провел в нашей стране, где поистине обрел вторую родину, в общей сложности более 6 лет. В Советском Союзе он неоднократно бывал в 50—60-е годы как Президент Вьетнама и Председатель ЦК партии.

Знаменательно, что одной из последних печатных работ Хо Ши Мина стала статья в газете «Правда», посвященная 50-летию Великой Октябрьской революции. «Вьетнамская пословица гласит: «Когда пьешь воду, помни об источнике»,— писал в ней автор.— ...Идя по пути, указанному великим Лениным, по пути Октябрьской революции, вьетнамский народ одержал огромные победы. Именно поэтому у него столь глубоки чувства привязанности и благодарности к славной Октябрьской революции, к великому Ленину и к советскому народу»⁹.

* * *

В своем Политическом завещании Хо Ши Мин просил после его кончины «не устраивать пышных траурных церемоний, чтобы не растрчивать попусту народные средства и время», а также разделить его прах на три части и захоронить на вершинах

холмов в Северном, Центральном и Южном Вьетнаме. Выполняя волю народа, Политбюро ЦК КПВ приняло, однако, другое решение — о сохранении тела Хо Ши Мина, чтобы «в будущем соотечественники всей страны, особенно Южного Вьетнама, а также зарубежные друзья имели возможность поклониться Дяде Хо, выразить ему свои чувства глубокого уважения»¹⁰. В 1975 г. на центральной ханойской площади Бадинь был торжественно открыт Мавзолей Хо Ши Мина. За прошедшие 15 лет его посетили сотни тысяч вьетнамских и иностранных граждан.

Но самый яркий памятник Хо Ши Мину — это исторические победы, одержанные народами трех стран Индокитая в борьбе за национальное и социальное освобождение, фундамент которых он заложил столетия назад. Хо Ши Мин незримо живет и ныне в делах и свершениях вьетнамского народа. Его имя, его заветы и сегодня являются для вьетнамского народа путеводной звездой.

¹ Ho Chi Minh. Vi doc lap, Vi chu nghia xu hoi.— Ha-noi, 1970.— С. 282.

² Там же.— С. 288

³ См.: Хо Ши Мин. Избранное.— М., 1979.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Т. 34.— С. 111.

⁵ Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе.— М., 1970.— С. 189.

⁶ Ho Chi Minh. Tuyen tap, tap 2.— Ha-noi, 1980.— С. 95—96.

⁷ Nhan dan.— 1973.— 19 May.

⁸ Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе...— С. 299.

⁹ Правда.— 1967.— 28 октября.

¹⁰ Завещание Президента Хо Ши Мина.— Ханой, 1989.— С. 8—9.

ХО ШИ МИН И ВОЙНА ВО ВЬЕТНАМЕ

Н. ХРУЩЕВ

Вынужденное прекращение американскими агрессорами бомбардировочных налетов на территорию Северного Вьетнама означало их серьезное поражение. Правда, как теперь каждому известно из печати, американцы отнюдь не строго придерживаются обязательств, взятых ими на себя, когда они прекратили бомбардировки, но сам факт, что бомбежки были приостановлены, свидетельствует о мужественном сопротивлении вьетнамского народа. Оно было организовано под руководством покойного президента ДРВ, замечательного человека — товарища Хо Ши Мина. За время своей политической деятельности я видел многих людей, но Хо Ши Мин произвел на меня совершенно особое впечатление. Религиозные люди говорят о святых апостолах. Так вот, по образу жизни и по впечатлению, которое он производил на людей, Хо Ши Мин был похож на такого «святого апостола». Он был апостолом революции.

Никогда не забуду его взгляд, излучавший особенную искренность и чистоту. Это была искренность неподкупного коммуниста и чистота человека, душой и телом преданного своему делу. Он располагал к себе каждого своей честностью и непоколебимой убежденностью в том, что дело коммунизма всецело отвечает интересам вьетнамского народа и всех других народов. Казалось, каждым своим словом он выражает веру в то, что все коммунисты — братья по классу и потому должны быть искренними и честными друг с другом. Хо Ши Мин поистине был одним из коммунистических «святых».

Впервые я встретился с ним еще при жизни Сталина. Хо Ши Мин прилетел в Москву прямо из вьетнамских джунглей. Он рассказывал нам, как он пробирался через джунгли, шагая пешком целыми днями, пока не вышел к китайской границе, и как прошла его поездка оттуда в Советский Союз.

Во время нашего разговора Хо Ши Мин не сводил со Сталина своих необыкновенных глаз. Я бы сказал, что его взор был почти по-детски наивным. Помню, он достал из портфеля номер какого-то советского журнала — кажется, это был «СССР на стройке» — и попросил Сталина подписать его. Во Франции все собирают автографы, и, очевидно, Хо Ши Мин тоже заразился там этим увлечением. Ему было приятно, что он сможет, вернувшись во Вьетнам, показывать людям автограф Сталина. Сталин дал ему автограф, но вскоре незаметно забрал подписанный журнал обратно из опасения, что Хо как-нибудь не так им воспользуется.

Хо Ши Мин рассказал нам, как его народ борется против французских оккупационных сил, и попросил нас оказать материальную помощь, прежде всего оружием и боеприпасами. Уже после своего отъезда из Москвы Хо Ши Мин письменно обратился к нам с просьбой выслать ему хинин, так как его люди страдали от малярии. Наша фармацевтическая промышленность производила много хинина, так что Сталин расщедрился и сказал «Послать ему полтонны».

Впоследствии я много раз встречался с Хо Ши Мином. Помню, как мы работали вместе во время Женевской конференции (1954). В то время у нас еще были хорошие отношения с Коммунистической партией Китая. Перед Женевской конференцией в Москве состоялась предварительная встреча. Китай был представлен Чжоу Эньлаем, а Вьетнам — президентом Хо Ши Мином и премьер-министром Фам Ван Донгом. Оценив положение в Вьетнаме, мы сообща разработали позиции, которых должны были придерживаться в Женеве. А ситуация во Вьетнаме была тяжелой. Движение сопротивления было на грани краха. Партизаны рассчитывали, что на Женевской конференции будет принято

Печатается с сокращениями.

соглашение о прекращении огня, которое позволило бы им удержать завоевания, достигнутые вьетнамским народом в борьбе против французских оккупантов. Ханой прочно удерживался французами. Взглянув на карту, на которую были нанесены наши предложения по урегулированию, можно было увидеть, что территория Северного Вьетнама была испещрена анклавами, которые были захвачены и оккупированы французами.

После одного из наших заседаний в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца Чжоу Эньлай взял меня за пуговицу и отвел в сторонку. Он сказал: «Товарищ Хо Ши Мин говорил мне, что положение во Вьетнаме безнадежно и что, если мы не добьемся скорейшего прекращения огня, вьетнамцы не смогут устоять перед французами. Поэтому они решили отступить — в случае необходимости — к китайской границе. Они хотят также, чтобы Китай был готов ввести войска во Вьетнам, как мы это сделали в Корее. Другими словами, вьетнамцы хотят, чтобы мы помогли им изгнать французов. Но мы просто не можем удовлетворить просьбу товарища Хо Ши Мина. Мы и так понесли слишком большие потери в Корее — эта война стоила нам дорого. Сейчас мы не в состоянии принять участие еще в одной войне».

Я в свою очередь обратился с просьбой к товарищу Чжоу Эньлаю. «Идет очень важная борьба,— сказал я,— и вьетнамцы показывают себя настоящими бойцами. Французы несут тяжелые потери. Вам вовсе незачем говорить Хо Ши Мину, что вы откажете ему в помощи, если его войска отступят к вашей границе под ударами французов. Почему бы вам не сказать им святую ложь? Пусть вьетнамцы верят, что при необходимости вы поможете им, и эта вера будет источником вдохновения для вьетнамских партизан в борьбе против французов». Чжоу Эньлай согласился не говорить товарищу Хо Ши Мину, что Китай не вмешается в войну с французами на вьетнамской территории.

Затем произошло чудо. Когда делегации прибыли в Женеву на конференцию, пришла весть, что вьетнамские партизаны одержали великую победу, захватив крепость Дьенбьенфу. На первом заседании конференции глава французской делегации Мендес-Франс предложил принять 17-ю параллель в качестве линии, севернее которой французские войска не вправе продвигаться. Признаюсь, что, получив эту новость из Женевы, мы захохотались от удивления и радости. Мы не ожидали ничего подобного. 17-я параллель была пределом наших мечтаний. Правда, наши представители в Женеве имели инструкцию добиваться, чтобы демаркационная линия была проведена гораздо южнее — по 15-й параллели, но это было сделано лишь ради создания видимости, будто мы намерены вести упорный торг. Немного поупиравшись, мы приняли предложение Мендес-Франса, и договор был подписан. Так нам удалось закрепить завоевания вьетнамских коммунистов.

Воспользуюсь случаем, чтобы воздать должное Мендес-Франсу. Он трезво и точно оценил сложившееся положение. Пусть вьетнамским партизанам действительно приходилось тяжело, но не легче было и французским солдатам. Мендес-Франс предпринял единственно разумный шаг, когда покончил с войной, которую французы вели во Вьетнаме. Франция вышла из войны и эвакуировала свои войска.

Все было бы хорошо, если бы все придерживались обязательств, зафиксированных в Женевских соглашениях. Было решено, в частности, через два года после заключения этих соглашений провести во Вьетнаме всеобщие выборы. Мы не сомневались, что выборы принесут победу Хо Ши Мину, то есть коммунистам и всем прогрессивным силам Вьетнама. Но затем в дело вмешался Даллес, этот зловещий тип, и Соединенные Штаты навязали вьетнамскому народу долгую кровопролитную войну, которая ведется по сей день.

Я не буду подробно рассказывать о самой этой войне, потому что все детали известны из печати. Однако мне хотелось бы сказать кое-что о трудностях, с которыми столкнулись вьетнамцы из-за конфликта между Советским Союзом и Китаем.

К концу Совещания коммунистических и рабочих партий в 1960 г. все участники согласились подписать выработанное Совещанием Заявление — за исключением китайцев, которые упорно отказывались принять один из пунктов этого документа. Это был важный пункт, и для нас было делом принципа сохранить его в Заявлении. Поэтому мы не могли пойти навстречу китайцам.

Хо Ши Мин подошел ко мне и сказал:

— Товарищ Хрущев, вы должны уступить китайцам в этом вопросе.

— Как мы можем уступить? — ответил я. — Ведь это дело принципа.

— Товарищ Хрущев, Китай — это очень большая страна с очень большой партией.

Вы не можете допустить, чтобы в нашем движении произошел раскол. Вы должны обеспечить, чтобы китайцы подписали Заявление вместе со всеми нами. Этот документ будет иметь огромное международное значение лишь в том случае, если он будет единодушно поддержан всеми участниками Совещания.

— Товарищ Хо Ши Мин, — сказал я, — наша делегация направляет все свои усилия на то, чтобы сохранить единство коммунистического движения. Не думайте, что мы недооцениваем численность и силу Коммунистической партии Китая. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы удержать Китай в кругу братских партий. Но, безусловно, вы поймете, что мы не можем поступаться своими принципами. А ведь именно это грозило бы нам, если бы мы уступили китайцам по этому пункту. Их позиция противоречит всему нашему коммунистическому мировоззрению. Вы говорите, что Китай — это большая страна и что китайская партия — большая партия. Конечно, вы согласитесь, что наша страна и наша партия — тоже не маленькие. Но не об этом сейчас речь. Все коммунистические партии равны и должны пользоваться равными правами и равными возможностями. А раз это так, значит, все наши устремления должны быть подчинены одной цели — победе коммунистического движения.

Хо Ши Мин согласился со мной, но сказал:

— Для нас все это вдвойне трудно. Не забывайте, что Китай — наш сосед.

Поговорив со мной, он, очевидно, отправился побеседовать с китайцами. В конечном счете после продолжительных переговоров наших представителей с китайцами мы нашли взаимоприемлемую формулировку, и Китай согласился подписать Заявление.

Сегодня во Вьетнаме кипит жестокая борьба, и до победы еще далеко. Но уже теперь, пусть и в отдалении, забрезжил свет победы вьетнамского народа над американским империализмом. Следовательно, мы не должны ослаблять своих усилий. Все должно быть мобилизовано, чтобы помочь вьетнамцам довести свою борьбу до победы. Ставкой в этой борьбе является не только будущее вьетнамского народа. Вьетнамцы проливают кровь и отдают свои жизни во имя мирового коммунистического движения. Окажутся ли преемники Хо Ши Мина достаточно мудрыми, чтобы победоносно завершить войну? Это покажет будущее.

В ХИЖИНЕ ПРЕЗИДЕНТА

Н. ФЕДОРЕНКО

Примечательной была история встречи Ворошилова с Хо Ши Мином в Ханое, куда мы направились из Джакарты по приглашению президента Вьетнама.

Хо Ши Мин, редчайших способностей человек и национальный герой вьетнамского освобождения, образованный в европейском понимании, воспитанный в народных традициях своей страны, был скромнейшим из всех лидеров, каких мне приходилось встречать на долгом моем жизненном пути. Он владел несколькими иностранными языками, в том числе китайским, французским, английским. Прекрасно знал иероглифику и, что самое поразительное, писал стихи на литературном китайском языке. Случается это с иностранцами крайне редко из-за невероятной трудности овладения иероглификой и поэтикой китайского стиха.

Хо Ши Мин принимал высокого советского гостя в высшей степени гостеприимно, предоставив ему огромный дворец бывшего французского губернатора. Здесь было все для роскошного существования — от спален до изысканной кухни. Лишь иногда к нам сюда навещался и сам хозяин.

— Мы находимся в Ханое уже не один день, а визита вежливости президенту еще не нанесли, — сказал Ворошилов и, как всегда, добавил в мой адрес: «Ты что, совсем забыл о своей службе, только бы болтать все время на своем китайском... А может, Хо Ши Мин не уважает эту мову?!»

В тот же день я обратился к Хо Ши Мину с просьбой принять маршала с визитом вежливости.

— Да что вы вздумали разводить здесь китайские церемонии. Мы каждый день встречаемся и решаем все проблемы, — выпалил президент.

Об этом разговоре я незамедлительно доложил маршалу.

— Ну и что же, ты поддался? А коммунисты разве не должны соблюдать приличия? — услышал я в ответ. — Попроси снова, да понастойчивее.

И я решил проявить настойчивость.

— Позвольте, ведь я уже сказал, что нет в этом никакой необходимости. Прошу вас без формальностей... — решительно заявил Хо Ши Мин.

Мой доклад Ворошилову вызвал у него раздражение.

— Он хорошо воспитанный, скромный человек... а ты этого не можешь втемашить себе в голову. Не умеешь, я сам с ним поговорю.

И поговорил, через переводчика, конечно. Хо Ши Мин по-прежнему стоял на своем и доказывал, что подобный ритуал в среде единомышленников есть всего лишь пережиток, дань формализму и т. п. Но Ворошилов со свойственной ему настойчивостью вынудил Хо Ши Мина согласиться.

И вот мы в личной резиденции президента. Ею оказалась... сторожка у въезда на территорию дворца, где мы так комфортабельно расположились.

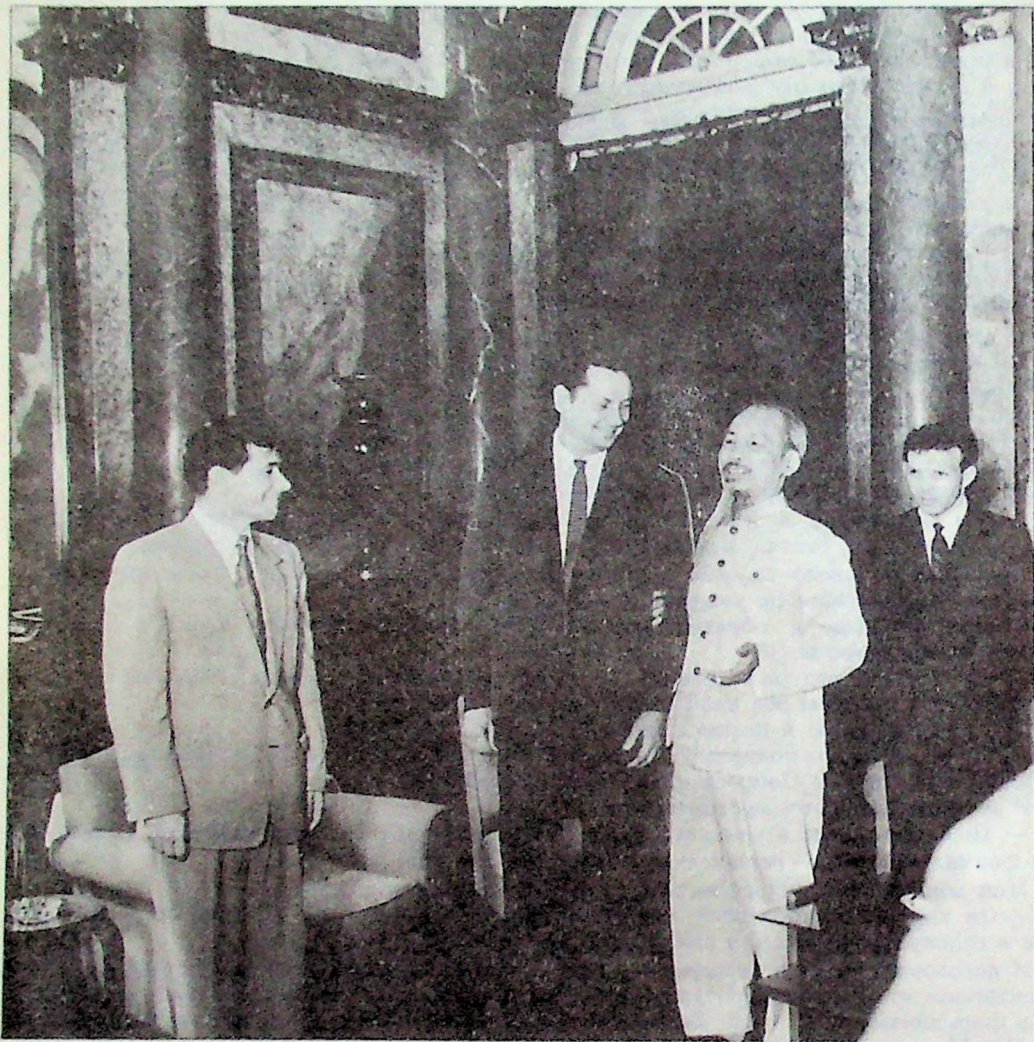
— Извините, дорогой товарищ Ворошилов, что вам пришлось снизойти в мой дом. Как видите, здесь все очень просто: вот эта комнатка — мой рабочий кабинет, а рядом — спальня. Тут все рассчитано на одного человека, так что даже сесть вам не на что... может быть, прямо на циновке... Не то, чтобы у нас нет скамеек, просто они занимают много места...

В рабочем кабинете — письменный стол и единственный стул. На столе аккуратно

сложена стопа рукописных листов, исписанных четким почерком по-китайски. Это — стихи, написанные Хо Ши Мином в тюремные годы. Автор готовил рукописи для публикации (впоследствии сборник тюремных стихов был издан и на русском языке).

В маленькой спальней комнате стояла простая кушетка, вместо постельного белья — циновка.

— Пожалуйста, извините за убожество обстановки, но мне так удобно, привычно... — едва слышно говорил Хо Ши Мин.

В «резиденции президента» мы догло не задержались. Выходя из сторожки, Ворошилов, у которого был вид «опущенного в воду», с негодованием спросил меня:

— А может быть, он играет с нами... Просто неправдоподобно, чтобы президент страны, прославленный вождь сам себе выбрал эту хибару. Зачем ему понадобилось разыгрывать эту комедию?

— Не думаю, что Хо Ши Мин нас разыгрывает. Так оно и есть — это его дом. Потому и противился визиту вежливости. Не хотел выставить себя в таком свете перед советскими товарищами, — рискнул я выразить несогласие с маршалом.

— Если это так, если все это правда, то я готов провалиться на месте... Как же мы

выглядим в глазах Хо Ши Мина в Москве, в Кремле, в особняках, дачах. Будь все проклято... Сегодня же уйдем из этого барского дворца, от позора, — с горечью говорил Ворошилов. — Как я буду смотреть ему в глаза, что скажу своим товарищам?! — продолжал он сокрушаться.

Покинуть дворец нам не удалось. Хо Ши Мин буквально со слезами на глазах умолял Ворошилова не делать этого.

— Я не переживу такого бесчестия. Никто меня не поймет, умоляю вас, не делайте этого, — с дрожью в голосе повторял он.

В этом был весь Хо Ши Мин. Неизменный такт в обращении с окружающими, интеллигентность, личное обаяние, мягкость. Мягкость эта, однако, вовсе не исключала твердости, принципов и верности высоким идеалам революции.

Жестокий и бесжалостный бег времени все более отдаляет меня от тех дней, когда судьба привела меня в далекий вьетнамский Ханой. Но оно и благотворно. Ведь человеческая память хранит и время, и встречи с людьми. В жизни каждого из нас бывают встречи, которые оставляют свой след и надолго сохраняются в нашей памяти. Краткий миг в скромной обители Хо Ши Мина стал для меня особенно памятным, часто возникает перед моими глазами и будит воспоминания, столь дорогие моему сердцу. И хотя с тех пор минули десятилетия и мне выпала доля бывать в крупнейших городах — Токио, Мехико, Нью-Йорке, Шанхае, — все же ничем не приметная хижина вблизи колониального дворца до сих пор остается в моей памяти как нечто очень близкое, священное. Мир этой обители.

У каждого жилища, возведенного людьми, как у человека, своя биография, свой удел. Губернаторский дворец имеет свою историю. Стоящая рядом с ним сторожка — свою. Дворцовая слава принадлежит колониальным временам. Теперь это — наследие прошлого. Ненавистного колониального прошлого во Вьетнаме.

А хижина у дороги ко дворцу, ставшая резиденцией главы народного государства, навсегда останется в памяти людей, вызывая чувства глубокой почительности, хотя трудно выразить то, что означает Хо Ши Мин для вьетнамского народа, нестигаемой его воли, патриотизма, непоколебимой веры. Хо Ши Мин — личность выдающаяся. Все остальное сказала сама летопись времени.

У хижины Хо Ши Мина — священном приюте на священной земле — стоит остановиться и поразмыслить.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ
УЛОВКА
ИЛИ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ
ФЕНОМЕН!

[Советско-японский пакт
о нейтралитете 1941 г.]

Н. АДЫРХАЕВ, Б. СЛАВИНСКИЙ

45 лет прошло с момента окончания второй мировой войны. Демографы считают, что выросло уже два послевоенных поколения, но между СССР и Японией до сих пор не заключен мирный договор. Как отмечал в своих выступлениях в Токио глава посетившей Японию в ноябре 1989 г. с официальным визитом делегации Верховного Совета СССР народный депутат СССР, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, председатель Комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики А. Н. Яковлев, каждая из сторон утверждает, что не она виновата в таком положении, возлагая ответственность на своего оппонента.

Советский Союз неоднократно практически-ми делами стремился к улучшению советско-японских отношений. Это требование времени. Сейчас важно извлечь уроки из прошлого советско-японского диалога, преодолеть стереотипы и на этой основе достичь взаимопонимания. Для того чтобы определить оптимальные

пути развития отношений между двумя странами, соответствующие обоюдным интересам, общим тенденциям мирового развития, надо знать историю этих отношений, что заложено в их фундамент. Если он слаб, понять, как его укрепить.

Отношения между Советским Союзом и Японией в период войны во многом определялись положениями Советско-японского пакта о нейтралитете, подписанного 13 апреля 1941 г. В беседе о роли пакта в советско-японских отношениях в годы войны участвуют Н. Б. Адырхаев, советский дипломат, долгие годы работавший в Японии, в том числе и во время войны, и заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока» Б. Н. Славинский, советский исследователь, автор нескольких монографий по проблемам внешней политики СССР на Дальнем Востоке, в том числе японо-советских отношений.

• • •

Славинский:

— Обмен мнениями по этой важной проблеме мне хотелось бы начать с того, что и русско-японские, а затем и советско-японские отношения на протяжении более чем трехвековой истории очень редкие годы были добрососедскими или хотя бы по-настоящему нормальными. Всегда в них чувствовалась напряженность, а нередко и открытая враждебность, но вовсе не по нашей вине. Чтобы не быть голословным или необъективным, напомню, что наши страны разделяют обширные морские воды и у нас нет с Японией сухопутных границ, но, несмотря на это, все конфликты с ней всегда происходили либо на нашей территории (захват японцами Северного Сахалина в 1920 г., оккупация обширных районов нашего Дальнего Востока во время гражданской войны, вооруженный конфликт в районе высоты Заозерной в 1938 г., постоянные провокации на КВЖД в 30-х годах и многие другие), либо на наших

границах и прилегающих к ним районах (крупные военные столкновения у Номонхана и на Халхин-Голе). Это в равной степени относится и к дореволюционному периоду — развязывание войны против России в 1904 г., захват Южного Сахалина, принадлежавшего России по договору с самой же Японией. Эти исторические факты, хорошо известные всему миру, исключают всякие сомнения в том, кто был истинным виновником постоянной напряженности в отношениях между Советским Союзом и Японией.

Можно с сожалением констатировать, что и нынешнее состояние японо-советских отношений трудно назвать соответствующим современной обстановке, оно далеко отстает от сегодняшних реалий и тенденций международной жизни, для которых характерно стремление к практическому разоружению, укреплению доверия и сотрудничества на основе нового политического мышления и инициатив, выдвинутых

Советским Союзом и с одобрением воспринятых всеми государствами.

Адырхаев:

— Хотя эта оценка довольно негативна, но я, основываясь не только на исторических фактах, но и на своем личном опыте, согласен с ней. В нашем посольстве в Японии мне довелось работать долгих одиннадцать лет с мая 1940 по май 1947 г., а затем, не считая кратковременных командировок, еще четыре года в 1957—1960 гг. Но между этими периодами по роду своих обязанностей в центральном аппарате МИД в Москве я также занимался проблемами советско-японских отношений и поэтому всегда оказывался либо непосредственным участником, либо свидетелем событий, происходивших между нашими странами. В мае 1940 г. меня зачислили на работу в МИД и направили в наше посольство в Токио из Института востоковедения, где я учился на японском отделении и изучал японский язык. Работу начал в должности стажера, а закончил первым советником.

Славинский:

— Я встречал Вашу фамилию в некоторых мемуарных книгах. Например, с большой теплотой о Вас отзывается М. И. Иванов в книге «Япония в годы войны». Он отмечает Ваше «незастыдное знание японского языка». Недавно, просматривая архивные документы, я узнал, что Вы были членом официальной советской делегации на Сан-Францисской мирной конференции (сентябрь 1951 г.).

Адырхаев:

— Должен сказать, что мне повезло в том плане, что я сразу оказался в гуще практической работы, участвовал в переговорах и встречах нашего посла и других дипломатов с официальными представителями Японии сначала в качестве секретаря-переводчика, а затем и самостоятельно. Все это помогло мне быстро войти в курс происходящих событий, позволило накопить практический опыт работы в сложившейся сложной обстановке. Позднее, уже после возвращения в СССР, я был переводчиком на переговорах Сталина, Булганина и других советских руководителей с японскими делегациями.

Славинский:

— В основном, как и обусловлено, мы с Вами будем касаться пакта о нейтралитете. Однако вернемся к предыстории вопроса. Известно, что японская сторона настойчиво добивалась заключения пакта о ненападении, а Советский Союз отклонил это предложение и согласился лишь на пакт о нейтралитете. Какие, по Вашему мнению, цели преследовала Япония, так настойчиво добиваясь принятия своего предложения?

Адырхаев:

— Вы задали очень важный и интересный вопрос. Позиции, занятые обеими сторонами в тех особых условиях, до сих пор у многих вызывают некоторое недоумение.

Давайте вспомним, как это происходило. В феврале 1941 г. тогдашний министр иностранных дел Японии Мацуока в беседе с нашим

послом Сметаниным высказал пожелание японского правительства провести в Москве переговоры об улучшении японо-советских отношений и заключить пакт о ненападении. В марте того же года проездом в Германию и Италию Мацуока сделал остановку в Москве и начал переговоры по указанному вопросу с министром иностранных дел Молотовым, но к окончательному решению стороны не пришли.

Во время пребывания в Берлине Мацуока, как теперь стало известно, был официально информирован о намерении Германии в ближайшее время начать войну против СССР. Это еще больше активизировало японскую делегацию, и на обратном пути Мацуока вновь останавливается в Москве и с еще большей настойчивостью ставит перед советским руководством вопрос о заключении пакта о ненападении.

Славинский:

— Из каких же соображений исходила Япония, так настойчиво добиваясь заключения пакта о ненападении, если она уже знала, что Гитлер совсем скоро нападет на нашу страну?

Адырхаев:

— Чтобы лучше понять позицию японских правящих кругов в этом вопросе, проблему следует вынести за рамки только японо-советских отношений и вспомнить, какая ситуация складывалась в мире в тот период. Во-первых, в 1939—1940 гг. в Европе бушевала развязанная Германией война против Франции, Англии, Голландии и некоторых других государств. Страны антигитлеровской коалиции терпели серьезные поражения. Летом 1940 г. пал Париж, значительно были подорваны силы Англии и Голландии. Они были вынуждены концентрировать свои военные силы на европейском театре войны, а их колонии и владения в Юго-Восточной Азии остались фактически беззащитными. Все это представляло большой соблазн и создавало благоприятные условия для захвата Японией этих районов, богатых различным стратегическим сырьем, в котором Япония всегда остро нуждалась. Иначе говоря, складывались условия установления японского господства в Азии в соответствии с «пактом трех держав».

С другой стороны, к тому времени заметно обострились японо-американские отношения. Уже в 1940 г. значительно сократилась торговля между ними, особенно поставки американской нефти и других материалов. США становились главным препятствием проникновения Японии на юг. Во-вторых, в Японии хорошо понимали, что, как только Гитлер нападет на Советский Союз, США и СССР станут союзниками и могут вместе выступить против Японии, тем более что тогда еще никто не мог предвидеть, как пойдут наши дела против гитлеровских армий.

Учитывая все это, Япония и хотела обезопасить себя с севера, и именно поэтому Мацуока очень спешил и настойчиво добивался заключения пакта о ненападении с Советским Союзом. Стремился связать возможности дипломатического маневра для Советского Союза.

Славинский:

— Вы упомянули «пакт трех держав». Была ли какая-либо связь между «пактом трех» и стремлением японской стороны к заключению с СССР пакта о ненападении или пакта о нейтралитете?

Адыхаев:

— «Пакт трех держав», получивший впоследствии журналистское определение как «пакт трех агрессоров», был заключен 27 сентября 1940 г. в Берлине. Нет необходимости комментировать его, лучше процитировать его основные положения, которые настолько выразительны и конкретны, что не требуют пояснений:

«Статья 1. Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе».

«Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в великом восточно-азиатском пространстве».

Агрессоры поделили сферы своего господства. Статья 3 предусматривала обязательство участников пакта поддерживать друг друга «всеми политическими, хозяйственными и военными средствами, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в китайско-японском конфликте».

Это была прямая угроза в адрес СССР и США, так как в 1940 г. только они (из крупных держав) были «державами, не участвовавшими в европейской войне и в китайско-японском конфликте». Это было требование агрессоров — не мешайте нам захватывать Европу и Азию и строить там «новый порядок».

Но «пакт трех держав» имел и прямое отношение к заключению советско-японского пакта о нейтралитете. Нацеливаясь на юг, на колонии европейских стран в Азии, правящие круги Японии, как я уже говорил, стремились обезопасить свои границы на севере и заключить с СССР пакт о ненападении или хотя бы пакт о нейтралитете.

Славинский:

— Советское руководство в конце 30-х — начале 40-х годов было обеспокоено экспансией гитлеровской Германии в Европе, имело оно и сведения о готовящемся нападении Германии на СССР, и, казалось бы, предложение Мацуока заключить пакт о ненападении давало больше гарантий нашей безопасности, тем более что следовало учитывать союзнические обязательства Японии по «пакту трех держав».

Адыхаев:

— Вы правы, но, несмотря на все это, предложение Мацуока было отклонено, и переговоры закончились подписанием пакта о нейтралитете. Нужно полагать, что Сталин и Мацуока преследовали каждый свои цели и в соответствии с ними действовали.

Славинский:

— Цели японской дипломатии Вы в определенной мере раскрыли, и все же, может быть,

можно хотя бы предположить, из чего исходило советское руководство, предпочтя пакт о нейтралитете пакту о ненападении.

Адыхаев:

— Действительно, вначале такая позиция советского руководства была непонятна и казалась нелогичной. Но, как стало ясно позднее, она была дальновидна и преследовала следующие цели: во-первых, необходимо было избавиться от навязанных нам позорных японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине и прав Японии на рыболовство в наших территориальных водах и использование части территорий в этих же целях. Во-вторых, необходимо было создать предпосылки для возвращения южной части Сахалина, незаконно захваченной японцами. В-третьих, нужно было как-то решить вопрос о проходе наших судов через проливы Курильских островов, полностью контролировавшихся Японией и закрывавшихся для выхода наших судов из Охотского моря в океан. В-четвертых, нужно было решить очень важную проблему — ликвидировать очаг постоянной напряженности, военной опасности на наших границах с Маньчжурией, превращенной Японией в свой военный плацдарм.

При этом советское руководство учитывало происходившее обострение японо-американских отношений и назревавший конфликт между ними и что агрессором будет Япония, а не США. Бралась во внимание и общая ситуация в Европе, и союзнические отношения Японии и Германии. Словом, наше руководство не хотело связывать себе руки жесткими обязательствами, тем более что Советский Союз, как предполагалось, в Европе вынужден будет выступать на стороне антигитлеровской коалиции.

Первое официальное подтверждение такой позиции СССР было выражено сразу же после нападения Японии на США, в декабре 1941 г. «Правда» писала: «Японский агрессор бросился в очень рискованную авантюру, которая не предвещает ему ничего, кроме разгрома». И это было сказано в тот момент, когда гитлеровские полчища стояли у стен Москвы!

Но следует подчеркнуть, что, ставя перед собой указанные выше цели, Советский Союз не стремился к каким-либо территориальным приобретениям. Это весьма ярко проявилось на Ялтинской конференции глав трех держав с участием Сталина, Рузвельта и Черчилля. На этой конференции было принято решение после разгрома агрессоров восстановить историческую справедливость и возратить Советскому Союзу южную часть Сахалина и Курильские острова. Ни на что другое, кроме восстановления исторической справедливости, наше руководство не претендовало. В Ялте рассматривался вопрос о ходе войны с Японией, победа над которой все еще была далекой и требовала больших усилий. В этой связи встал вопрос и об участии Советского Союза в боевых действиях на Дальнем Востоке на стороне союзников. Наши товарищи, участвовавшие в переговорах, рассказывали о таком интересном эпизоде. Чтобы заинтересовать советскую сторону и по-

будить СССР скорее вступить в войну против Японии, Черчилль предложил передать Манчжурию под контроль Советского Союза. Он ожидал, что Сталин соблазнится на такой «пода-рок». Однако Сталин заявил, что СССР не нуждается в чужих территориях. Это настолько удивило Черчилля, что он не поверил переводчикам и попросил Сталина повторить сказанное. Сталин еще раз повторил свое заявление.

Славинский:

— Как японская общественность восприняла заключение пакта о нейтралитете с Советским Союзом?

Адырхаев:

— Возвратившись из Москвы, Мацуока через печать подробно рассказал, с какими почестями его принимали в нашей стране, как на обеде в его честь Сталин лично сам расставлял тарелки на столе, что было расценено как проявление высшей степени кавказского гостеприимства. Японская печать всячески восхваляла успехи Мацуока в Москве.

Что касается широкой общественности, то она, во всяком случае подавляющее большинство ее, искренне была удовлетворена итогами переговоров, так как за всю историю японо-советских отношений это было беспрецедентной приятной неожиданностью на фоне их постоянной напряженности. Но беда в том, что уже через неделю официальные власти через печать предупредили население о том, что Советский Союз по-прежнему остается опасным соседом, которому нельзя доверять, и необходимо соблюдать прежнюю бдительность. Отношение официальных лиц в Японии к Советскому Союзу всегда было враждебным и отличалось лишь большей или меньшей напряженностью. Поэтому в МИД и в других официальных учреждениях решение даже мелких вопросов проходило, как правило, с большим трудом, с затяжками, часто мы вообще не получали ответов. В антисоветском духе воспитывалось и население страны, включая и ребятшек дошкольного возраста.

В этих условиях было обычным дежурство у ворот нашего посольства полицейских и шпиков. За работниками посольства постоянно велась открытая слежка. Стоило кому-нибудь из нас выйти из посольства в город по делам, как к нему сразу же пристраивался шпик. Он шел за спиной или рядом, иногда вступал в разговор, спрашивая, куда и зачем идет сопровождаемый. Это была откровенная дискриминация, так как такая постоянная слежка велась в основном только за сотрудниками нашего посольства.

Славинский:

— Это, так сказать, внешние проявления, на «бытовом» уровне. А как обстояло дело в отношении к пакту со стороны руководства Японии в практическом плане?

Адырхаев:

— Очень скоро нам стало ясно, что руководство Японии и не собиралось придерживаться пакта о нейтралитете и выполнять взятые на

себя обязательства. Лишь один пример. При подписании этого пакта Мацуока дал письменное обещание о ликвидации японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине. Это было в апреле 1941 г., а уже в июне, правда после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, Мацуока не считал нужным выполнять свои официальные обещания. Более того, в июле того же года на самом высоком уровне с участием императора в Японии был принят план нападения на нашу страну под кодовым названием «Кантокуэн».

Славинский:

— Действительно, вскоре после подписания пакта о нейтралитете на имперской конференции был принят такой план. Но ведь этот план не был осуществлен, а с началом активных боевых действий Японии на «южном направлении» план «Кантокуэн», по всей вероятности, потерял значение.

Адырхаев:

— Нет, так считать нельзя. План «Кантокуэн» не отменялся, его реализация предполагалась после захвата английских, голландских и других колоний в Азии, богатых стратегическим сырьем (нефть, каучук, олово, продовольствие и др.). Осуществить этот план и открыть второй фронт против нашей страны на востоке японцам так и не удалось потому, что вскоре сами они начали терпеть серьезные поражения на Тихом океане, а Советская Армия на западе набирала силы и успешно громила гитлеровских захватчиков.

О пренебрежительном отношении к пакту о нейтралитете говорят открытые заявления японских руководителей. Начать хотя бы с того, что буквально через несколько дней после начала Великой Отечественной войны наш посол в Токио по поручению правительства посетил министра иностранных дел Японии Мацуока, того самого, который так ратовал за улучшение японо-советских отношений, и спросил, будет ли Япония соблюдать пакт о нейтралитете? На этот вопрос Мацуока ответил, что внешняя политика Японии основывается на «пакте трех держав» и поэтому если возникнут противоречия между этим пактом и пактом о нейтралитете, то последний не будет оставаться в силе. На последующие запросы нашего посольства в Токио и МИД в Москве по вопросу о действительности пакта о нейтралитете официальные ответы всегда были двусмысленными и неопределенными. А дела и заявления показывали, что японская сторона считала его не больше чем бумажкой. Тот же Мацуока у нас в посольстве на большом приеме по случаю праздника Октября в 1941 г. на вопросы иностранных журналистов заявил, что Япония будет исходить из реальной обстановки, а не из написанного на бумаге. Это означало, что Япония пренебрежительно относилась к пакту о нейтралитете и от нее можно было ожидать чего угодно. В действительности так оно и было. Чего стоит один факт ловли рыбы в наших прибрежных водах под прикрытием военных кораблей. Действия японцев были настолько наглыми, что

отдельные дипломаты предлагали нашему правительству силой выдворить японцев из наших прибрежных вод. Это предложение не было принято советским правительством, так как мы стремились избегать любых конфликтов и не доводить дело до применения силы.

Славинский:

— После нападения в декабре 1941 г. Японии на базы США фактически сложилась обстановка, при которой все участники антигитлеровской коалиции, кроме СССР, были в состоянии войны с Японией, союзницей гитлеровской Германии. Пакт о нейтралитете и такая обстановка. Советские торговые суда совершали рейсы в США. Гарантировал ли пакт о нейтралитете их безопасность?

Адырхаев:

— Советские торговые суда, доставлявшие из США и Канады продовольствие, медикаменты, одежду, автомашины и другие грузы, систематически гибли при странных обстоятельствах. Ни у кого не оставалось никаких сомнений, что это дело рук японцев, но они всегда отрицали свою причастность, так как трудно было представить неопровержимые доказательства. Но вот бесспорный факт — нашумевшая на весь мир история с потоплением нашего торгового судна «Кола». Японская подводная лодка, всплыв, торпедировала этот пароход, и он затонул. Считалось, что вся команда погибла, но четверым нашим морякам удалось спастись. Их, истощенных и обессилевших от голода и жажды, подобрала рыбаки и через некоторое время передали посольству. Советские моряки рассказали все обстоятельства гибели «Колы», запомнили бортовой номер подлодки и ее опознавательные знаки. Однако и этот факт японская сторона без стеснения отрицала, и только потому, что сила была на ее стороне.

Славинский:

— Пакт о нейтралитете предусматривал, что обе стороны будут поддерживать мирные и дружественные отношения, но в ходе процесса над военными преступниками в Международном военном трибунале были приведены неоспоримые многочисленные доказательства нарушения Японией пакта о нейтралитете, не говоря уже об обязательствах поддерживать мирные и дружественные отношения. В 1942—1944 гг. японцы задержали в ряде случаев с применением военной силы 178 советских торговых судов, доставлявших из США и Канады остро необходимые нам, нашей стране, продовольствие, медикаменты, одежду. Военные корабли и подводные лодки Японии потопили 9 наших судов: «Кречет», «Свирстрой», «Сергей Лазо», «Симферополь», «Перекоп», «Майкоп», упоминавшуюся Вами «Колу», «Ангарстрой», «Ильмень». Япония препятствовала проходу наших судов через Саигарский пролив, вынуждая их пользоваться проливом Лаперуза, который в зимнее время забит льдами, или обогать Японию с юга. Можно привести и многие другие факты, которые нельзя рассматривать иначе, как прямую военную помощь гитлеровским армиям.

Адырхаев:

— Я бы сказал, что с нападением Германии на нашу страну Япония не считала себя связанной обязательствами по пакту о нейтралитете с Советским Союзом.

Здесь, видимо, следует вернуться к плану «Кантокуэн», о котором Вы спрашивали. Во-первых, его принятие на высшем государственном уровне само по себе являлось вероломным актом. Во-вторых, реализация этого плана сдерживалась вовсе не соблюдением Японией пакта о нейтралитете, а другими причинами. Главное, на мой взгляд, состоит в том, что все прежние провокации японской военщины на наших границах всегда заканчивались их поражением. Особенно поучительными были сражения у озера Хасан и боевые действия в районе реки Халхин-Гол в 1939 г., когда в течение восьми дней была полностью разгромлена 6-я японская армия, потерявшая 18 тыс. солдат и офицеров. Эти недавние уроки действовали отрезвляюще. Опасаясь нежелательного исхода, Япония заняла выжидательную позицию, надеясь, что Германия измотает Советский Союз, и это облегчит осуществление плана «Кантокуэн».

Славинский:

— Уже одна разработка плана «Кантокуэн» говорит о том, что подписание пакта о нейтралитете с СССР для японского руководства было лишь дипломатической уловкой.

И это японская сторона практически не скрывала. Вспомним, например, упоминавшееся Вами заявления Мацуока о том, что Япония будет исходить из реальной обстановки, а не из того, что написано на бумаге, или его ответ нашему послу о том, что внешняя политика Японии основывается на «пакте трех держав», в поэтому если возникнут противоречия между этим пактом и пактом о нейтралитете, то последний не будет оставаться в силе. Тройственный союз для Японии был основой внешней политики. По этой причине в Японии во время войны были сильные прогерманские настроения. Если можно, расскажите, как расценивали советско-германский договор в Японии? Нарушение этого договора гитлеровской Германией?

Адырхаев:

— Всего через два месяца после заключения пакта о нейтралитете гитлеровская Германия напала на нашу страну. В Японии сразу с еще большей силой стала нагнетаться антисоветская атмосфера. Печать и радио всячески возносили победы германской армии, не скрывали своего злорадства по поводу положения, в котором оказался наш народ и наша страна. Вторя гитлеровской пропаганде, предсказывали скорое падение СССР. В этих условиях решать какие-либо вопросы стало значительно труднее, чем раньше, чинились даже препятствия нормальным поездкам наших дипломатических курьеров, необоснованно затягивалась выдача виз и многое другое. А когда осенью 1941 г. немецкие армии близко подошли к Москве, печать и официальные представители широко обсуждали «значение падения Москвы для

хода мировой войны». В редакциях ведущих газет были даже подготовлены передовые статьи в ожидании вступления фашистских войск на Красную площадь. И все это, несмотря на пакт о нейтралитете!

Славинский:

— В ходе войны СССР с Германией были ключевые, этапные ее моменты — битва под Москвой, Сталинградская битва, Курская дуга. Не могли бы Вы высказать свои впечатления о реакции на них в Японии?

Адырхаев:

— Наиболее удручающее, я бы сказал шокующее, впечатление на японцев, особенно на военную верхушку, произвел разгром гитлеровцев под Сталинградом. Об этом сражении был создан документальный фильм, полностью построенный на хроникальном реальном материале. Мы получили сообщение из Москвы о том, что посольству отправлена копия этого фильма, но он долго не приходил. На обращение к японским властям о пропаже этого багажа вразумительного ответа не последовало. А причина заключалась в том, что его просматривали высшие военные чины и специалисты.

Через некоторое время после получения нами фильма к нам обратились из японского МИД и просили дать посмотреть его министру иностранных дел Сигэмицу. Согласие было дано, и в назначенное время я привез картину по указанному адресу. Место, где ее должны были просматривать, было окружено тройным плотным кольцом солдат и полиции. Нам было очень важно знать реакцию аудитории, по которой можно было сделать важные выводы. Поздоровавшись с министром — он хорошо меня знал по многочисленным встречам с нашим послом, на которых я был переводчиком, — я сказал, что посол поручил мне в случае необходимости перевести министру комментарий диктора на японский язык. Конечно, мое присутствие было нежелательно, но и качественный перевод был очень важен, и в конце концов меня посадили за спиной Сигэмицу.

Наибольшее впечатление на присутствующих, а это были в основном высшие военные чины, всего около 150 человек, судя по их выкрикам и реакции, произвели эпизоды с залпами «катюш», длинная колонна немецких военнопленных, имевших жалкий вид, особенно по сравнению с тем, как они выглядели на демонстрировавшихся в Японии фильмах о парадах, победных шествиях по оккупированным землям. Зрители выкрикивали: «Этого не может быть!», «Позор!» А когда появился фельдмаршал Паулюс со своими генералами и с белым флагом, свидетельствующим о желании сдаться в плен, зал загудел и пришел в замешательство.

После просмотра фильма меня окружили военные и стали задавать вопросы, например, что представляют собой «катюши»? Дело в том, что на экране были видны не сами снаряды, а светящиеся выхлопные газы, что создавало впечатление летящих раскаленных снарядов. Я ответил, что это наше новое оружие, но как

оно устроено, я не знаю. Так оно и было. Когда на вопрос о количестве военнопленных немцев я назвал цифру 90 тыс. человек, мои собеседники не могли скрыть своего возмущения — это же огромная армия, говорили они, и она должна была сражаться до последнего солдата. Что касается Паулюса, то сразу несколько человек спросили: «Неужели это правда? Если правда, то почему Паулюс не покончил самоубийством, как настоящий военный? Японские военные никогда бы не допустили такого позора!»

В целом фильм произвел не только ошеломляющее и удручающее, но и некоторое отрезвляющее впечатление на японцев.

Славинский:

— Сталинград был переломным моментом в войне. Да и на Тихом океане у самих японцев дела были не блестящи. Видимо, это внесло какие-то изменения в отношении японцев к пакту о нейтралитете, в оценку общей обстановки? Можно ли считать, что в сознании японцев по отношению к войне в это время произошел перелом?

Адырхаев:

— Не совсем так. Милитаристский пыл еще не были погашен. Между тем победный тон в публикациях сменился на более сдержанный. После разгрома фашистских армий под Сталинградом японская верхушка, хотя и была серьезно встревожена, все же пыталась утешить себя и население страны тем, что «русские побеждают только зимой», а летом немцы начнут наступление и окончательно подорвут советский военный потенциал. И только к концу 1943 г. японцы, вероятно, убедились, что вермахт уже не в состоянии сдерживать наступление Советской Армии. На Тихом океане они сами несли большие потери и вынуждены были непрерывно отступать. Поэтому и в печати, и в выступлениях официальных представителей победный тон сменился определенной сдержанностью.

Что касается отношений к Советскому Союзу, то и здесь появились некоторые признаки реализма. Приведу такой пример. Мне приходилось присутствовать почти на всех сессиях японского парламента — посольство получало приглашения. На одной из них с докладом о внешней политике выступил министр иностранных дел. Касаясь японо-советских отношений, он сказал: «Что касается японо-советских отношений, то они по-прежнему базируются на договоре (пакте) о нейтралитете». В этот момент член парламента, один из самых оголтелых антисоветчиков, Бин Акао стал кричать: «Почему до сих пор нейтралитет?! Почему не атакуем?!» В зале поднялся шум протеста против этой выходки Б. Акао, но он не унимался, и тогда председатель парламента приказал охране выдворить его из зала заседаний. Началась шумная свалка и крики. Акао так сильно сопротивлялся, что охранникам пришлось его выносить на руках. Следует отметить, что в те годы это был первый случай, когда парламента так отреагировал на антисоветский выпад.

Это был признак того, что с Советским Союзом Японии приходилось считаться.
Славинский:

— Даже полное поражение в войне не отрезвило таких приверженцев силового давления на Советский Союз, как Бин Акао. До недавнего времени его можно было видеть на агитационной машине в центре Токио призывающим силой воздействовать на Советский Союз. Он замкнулся на милитаристских идеях полувекковой давности и не замечает изменений в мире, новой обстановки. Конфронтация несет ущерб всем сторонам, и сейчас нужно искать пути к диалогу, взаимовыгодному сотрудничеству.

Вернемся к тем военным дням. Пакт был денонсирован советской стороной. Не могли бы Вы рассказать о конкретной обстановке тех дней. Может быть, Вы были участником этой акции или присутствовали при ней?
Адырхаев:

— В апреле 1945 г. МИД СССР дал указание нашему послу по поручению Советского правительства сообщить японскому правительству, что в соответствии с положениями пакта о нейтралитете оно решило денонсировать его. Пакт был заключен сроком на пять лет, в нем предусматривалось, что при желании одной из сторон денонсировать его она должна сообщить об этом за год до истечения срока его действия.

В первых числах апреля 1945 г. по поручению Советского правительства наш посол в Токио Я. А. Малик посетил министра иностранных дел Японии Сигэмицу и сообщил ему о решении Советского Союза в соответствии со статьей 3 пакта о нейтралитете денонсировать этот пакт. Я переводил беседу и старался уловить реакцию министра, следил за выражением его лица. Но Сигэмицу проявил большую выдержку и внешне был совершенно спокоен, хотя хорошо понимал значение для Японии такого шага Советского правительства. Я. М. Малик мотивировал решение Советского правительства тем, что японская сторона постоянно нарушала положения пакта и он потерял свое значение. Однако главным, как мне кажется, было не выражение лица министра и его внешняя реакция, а другое. Я не помню случая, чтобы когда-нибудь министр или другие высокопоставленные работники МИД Японии, а таких встреч было немало, признавали за Японией какую-то вину или неправоту, даже в очевидных случаях, даже по мелочам. Они всегда выгораживали японскую сторону и перекладывали вину на других. А тут Японию обвинили в нарушении международного договора, и Сигэмицу не смог ничего возразить или хотя бы смягчить вину своего правительства. Он просто не считал возможным обсуждать этот вопрос. После короткой паузы министр сказал: «Я надеюсь, что у нас еще будет время поговорить о японо-советских отношениях».

Славинский:

— А как общественность Японии реагировала на денонсацию нами пакта о нейтралитете?
Адырхаев:

— Этот факт не получил широкой огласки и

не обсуждался в японской печати. Это и безоговорочное согласие Сигэмицу с доводами Малика при сообщении о денонсации пакта, на мой взгляд, свидетельствуют об отсутствии у японской стороны аргументов против фактов о нарушении ею положений пакта о нейтралитете.

Правда, в дальнейшем после капитуляции Японии факт денонсации пакта о нейтралитете и объявлении нами состояния войны с Японией всячески истолковывался как нарушение Советским Союзом своих международных обязательств и как агрессия с его стороны. Надо сказать, что пропаганда была эффективной. Сразу после капитуляции (1945—1947 гг.) и особенно после восстановления дипломатических отношений мне много раз приходилось выступать в японской аудитории, на конференциях отделения Общества японо-советской дружбы, в студенческой среде, беседовать с частными лицами. Почти на всех без исключения этих встречах задавался один и тот же вопрос, почему Советский Союз нарушил пакт о нейтралитете, объявил войну Японии? Никакие доводы со ссылкой на международное право, на факты нарушения Японией пакта о нейтралитете, как правило никого не убеждали. Но заставляли задуматься японских собеседников примерно такие рассуждения-вопросы: «Действительно, Советский Союз объявил войну Японии. Но может ли вы привести хотя бы один случай, чтобы советские самолеты бомбили японскую территорию? Вы видели хотя бы одного советского солдата-оккупанта? Этого не было, так как Советская Армия воевала с японской армией в Маньчжурии и Корее, а не в Японии. Но вы хорошо знаете, кто сбросил на Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы, кто оккупировал вашу страну и чьи военные базы до сих пор находятся на вашей территории». Впрочем, сохраняются они и сейчас, через 35 лет после тех бесед. Эти доводы хорошо действовали даже на откровенных антисоветчиков.
Славинский:

— Как изменилось отношение в Японии к СССР после объявления о денонсации пакта? Внешне, насколько я знаю, отношение японцев к посольству и его сотрудникам мало изменилось. Были ли и в чем проявились намерения японцев использовать контакты через посольство? Ведь уже было ясно, что Японии не избежать поражения.
Адырхаев:

— Эти намерения проявились уже в высказывании Сигэмицу на упоминавшейся выше встрече с Я. М. Маликом, в его заявлении о том, что «у нас еще будет время поговорить о японо-советских отношениях». Вот во что вылилось это желание «побеседовать» о наших отношениях. В мае посол Я. М. Малик иногда по воскресеньям выезжал и работал на посольской даче в городе Карундзава. Во избежание каких-либо недоразумений я почти всегда сопровождал его в поездках. О таких поездках в обязательном порядке ставилось в известность МИД Японии. Неожиданно к нам на дачу пришел сотрудник японского МИД Ногуты и сказал

мне, что Хирота Коки (бывший министр иностранных дел Японии, видный политический деятель) «случайно» оказался в Каруидзава, «случайно» узнал, что советский посол тоже здесь, и хотел бы встретиться с ним. Нам было ясно, что все эти «случайности» неспроста и что такой крупный политический деятель имеет какие-то важные цели, намереваясь встретиться с советским послом.

Хирота прибыл с тем же Ногуты, который прекрасно владел русским языком и был в курсе японо-советских отношений. После нескольких ничего не значащих фраз Хирота перевел беседу в русло политических проблем. Начал говорить, что обеспокоен международной обстановкой и думает над тем, что можно было бы сделать. Самое лучшее, сказал он, это кончить войну. На вопрос Малика, каким образом это можно сделать, собеседник ответил, что в настоящее время Сталин является самым влиятельным государственным деятелем в мире и мог бы убедить президента США Рузвельта и премьер-министра Англии Черчилля в целесообразности прекратить войну. Понимая, с кем имеет дело, Малик задал вопрос, так думает лично Хирота или так думают в японском правительстве? Хирота несколько замаялся, а потом сказал, что это желание правительства Японии и что в данном случае он говорит от имени своего правительства. В конце беседы Хирота просил содержание этой беседы довести до сведения Советского правительства и лично Сталина, что и было сделано.

Встречи Хирота с Маликом продолжались довольно часто, на них обсуждались многие вопросы, и даже просьба Японии поставлять ей нашу нефть и нефтепродукты, в которых очень нуждался японский военный флот и авиация. Трудно понять, на что могли рассчитывать японцы, обращаясь с такой просьбой к нам, союзникам США.

В связи с тем, что Москва с ответом не спешила, японцы, стремясь ускорить дело, перенесли эти переговоры в Москву, чтобы иметь дело непосредственно с Советским правительством.

Славинский:

— Но и там они успеха не добились. Через некоторое время был дан совместный ответ союзников с требованием о безоговорочной капитуляции. В ответ японцы открыто заявили, что они не собираются прекращать войну и будут продолжать ее до победного конца. Какие,

на Ваш взгляд, цели имели все эти попытки японцев вести отдельные переговоры с СССР? **Адырхаев:**

— Обращаясь к нам с такими предложениями, японская верхушка рассчитывала на то, что Советский Союз больше всех заинтересован в прекращении войны, что он не может не считаться с тем, что на его границах находится миллионная Квантунская армия в Маньчжурии. Они надеялись на то, что в случае переговоров о прекращении войны им, как равноправным участникам таких переговоров, удастся выторговать для себя какие-то уступки со стороны союзников.

Славинский:

— Война близилась к концу. 8 августа Советское правительство объявило состояние войны с Японией и в результате мощного удара Советской Армии Квантунская армия была разгромлена в течение нескольких дней. 15 августа по радио выступил император Японии и объявил о принятии Японией требований союзников о капитуляции. Казалось бы, война на этом кончилась...

Адырхаев:

— Смотря что считать окончанием войны. Боевые действия далеко не прекратились. Вслед за императором, кажется в тот же день, выступил начальник генерального штаба Японии Анами Корэтика и заявил, что решение императора является неприемлемым и что армия должна продолжать войну. Понимая, что таким заявлением он нанес неслыханное оскорбление императору, Анами тут же сделал себе характеристику. А для Советской Армии это обернулось тем, что бои продолжались до конца августа, а некоторые очаги сопротивления пришлось ликвидировать и значительно позже. Официально война с Японией закончилась 2 сентября 1945 г. подписанием на крейсере «Миссури» акта о безоговорочной капитуляции Японии.

Славинский:

— Мне понравилась Ваша оценка отношения Японии к пакту о нейтралитете как дипломатической уловки. Но, заканчивая нашу беседу, хотелось бы отметить, что советско-японский пакт о нейтралитете — это в определенной мере беспрецедентный в дипломатии случай, когда две страны, входящие в противоборствующие блоки, поддерживали между собой нейтралитет. Основа нейтралитета была зыбкой, но игнорировать его роль было бы неправомочно.

КАРАВАН НА ПЕРЕВАЛЕ

(продолжение)

Ю. ГРАДОВ

«Восьмой белый?» — «Восьмой красный!»

Письма сослуживца Швецова Григория Феоктистовича.

7—8 ноября 1988 г.

«...О моей службе в 1937—1939 гг. Мы там сменяли друг друга, но все мы выполняли одну задачу, то есть защищали Родину на дальних подступах к ее границам. С той поры прошло 50 лет. Во многих странах секретность снимается после 30 лет. Думаю, наши события тоже уже не секретны. Сейчас мне трудно определить, где была официальная информация, исходящая от политработников, командиров и из газет, а где информация от наших солдат. Мои воспоминания могут иметь неточности, быть неполными, но никогда не вымышленными. Конечно, многие события того периода мною забыты, выветрились. Как отложилось в моем сознании то время?

Общая обстановка. В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, вынудила нашу страну усилить дальневосточный фланг как противовес Квантунской армии. Захватив многие островные территории, Япония начала проникновение на азиатский континент и военные действия против Китая (заняла Пекин, Шанхай и др.). Если бы Японии после 1937 г. удалось завоевать весь Китай и использовать его материальные и людские ресурсы (по типу Маньчжоу-го), то перед СССР возникли бы невероятные трудности по обороне наших очень протяженных восточных границ. Этого нельзя было допустить!

По просьбе Китая наше правительство решило оказать ему помощь в отражении японской агрессии. В Китай поехали наши добровольцы, военные советники, была организована доставка военных грузов по автомобильной дороге от станции Сары-Озек до Ланьчжоу и дальше, она была очень трудной (горы, пустыни, большие расстояния), но очень важной. Эта помощь была настолько эффективной, что продвижение японских войск почти приостановилось... Дорога, по которой непрерывно шли автобатальоны с грузом, конечно, быстро была зафиксирована японской разведкой, и японцы стали принимать меры, чтобы перерезать ее. Еще до этого Японии удалось сманить на свою сторону правителя провинции Нинся Юлбарса, окончившего в свое время японскую военную академию, решено было использовать его для этой цели. Юлбарс, отказавшись подчиниться центральному правительству Китая, провозгласил свою провинцию независимым государством «Великая Монголия» и решил подчинить себе МНР, Синьцзян и другие территории. Подталкиваемый Японией, он в 1937 г. со своим 25-тысячным войском пошел завоевывать Синьцзян, где намеревался поставить у власти своего брата полковника Ма (тоже окончившего японскую военную академию). Вторгшись в Синьцзян и смяв выступившую навстречу китайскую дивизию, Юлбарс окружил эту дивизию в крепости Урумчи. Двум китайским дивизиям, дислоцировавшимся в Хотане и Кашгаре (главным образом из уйгур), было приказано выступить на помощь Урумчи. Командование этих дивизий, тоже оказавшееся под иностранным влиянием, отказалось подчиниться приказу.

Начало см.: «Проблемы Дальнего Востока». — 1990. — № 2.

После нападения Японии на Китай между Чан Кайши и Народно-освободительной армией Китая было заключено соглашение о мире и сотрудничестве в совместном отражении агрессии, но коммунисты не имели возможности оказать помощь Урумчи (отсутствие сил, большие расстояния и т. д.). Поэтому правительство Китая обратилось за помощью к СССР. Учитывая, что была перерезана дорога, по которой шло снабжение и наших добровольцев в Китае, наше правительство решило оказать срочную помощь Урумчи. Вначале с самолетов сбрасывались осажденным оружие, боеприпасы и продовольствие, а затем подошедшие войска дали Юлбарсу бой, сняли блокаду и погнали его на юг. В одном из районов Юлбарс в стороне от дороги, в лесу, упрятал 300—500 всадников. Когда наши войска ушли вперед, из засады, с тыла по ним ударили эти всадники. Наши войска понесли потери. Конечно, врагу наши отомстили и изгнали его, изрядно потрепав, в Баркульскую долину провинции Нинся (за отроги Тяньшаньских гор). Дорога снова стала работать. Наши войска, участвовавшие в этой операции, были выведены на свою территорию (многие были награждены орденами и медалями), а мы в марте 1938 г. пришли им на смену.

Правительственная командировка. С октября 1937 по январь 1938 г. я служил в саперном дивизионе дивизии особого назначения им. Ф. Э. Дзержинского в Москве (Реутово). Затем получили приказ готовиться в правительственную командировку. Кто имел татуировки на теле, остались в Москве. А мы погрузились в теплушки и в феврале прибыли на станцию Сары-Озек. Далее на автомашинах приехали в Джаркент, где получили теплую одежду, сменили пуговицы со звездочками на простые и уничтожили все, что выдавало, что мы из СССР. На пряхках ремней вырезали инициалы и группу крови, получили полный комплект патронов. При пересечении границы с Китаем нам сказали: «Слово «товарищ» оставляем до возвращения на свою территорию, а к командирам следует обращаться «господин генерал» (комбриг), «господин капитан», «господин поручик». На вопрос местных жителей «Откуда вы?» надо говорить: «Из Кульджи», «Из Аксу», «Из Чугучака» — это три города, где жили в Китае русские. В общем, надо выдавать себя китайскими русскими, а лучше вообще не вступать в разговоры».

Марш в две тысячи километров шли бригадой (кавполк с приданными частями — танкисты, артиллеристы, автобатальон, саперы, связисты, хозяйств. санчасть). В сутки делали по 70—100 км, что было очень трудно для конников. В Урумчи у нас был организован парад, на котором присутствовал губернатор провинции Шэн Шицзи. В пути спали в палатках по 70 человек на брезенте, разостланном прямо на снег.

Остановились мы в 5 км юго-восточнее города Хами. Вначале рыли землянки, ставили палатки, сооружали коновязи и устраивали свой быт. От города Хами до границы с провинцией Нинся, проходившей по вершинам отрогов Тяньшаньских гор, было 50—100 км. Через эти горы с давних пор были проложены две караванные дороги. Политработники нам объясняли, что за этими горами расположены вражеские войска, их до 20 тыс., вооружены они только легким стрелковым оружием и хотя по численности их больше, у нас перевес в военной технике; что надо быть всегда готовыми к ответному удару. Нашу бригаду поддерживала расположенная рядом авначасть, где на аэродроме было три серебристых СБ, несколько Р-5 и производилась сборка истребителей И-15 и И-16, которые после испытаний в сопровождении СБ или Ли-2 уходили на фронт. В апреле 1938 г. на две дороги, ведущие в Нинся, было выдвинуто по батальону, которые взяли под контроль дороги и стали там заготавливать лесоматериал для строительства городка вблизи Хами. В мае из Турфана и других мест прибыли рабочие, которые занялись строительством городка: зданий штаба, клуба, бани, казарм, складов, конюшен и др. Часто там работали и наши солдаты.

До призыва в армию я получил звание горного техника-маркшейдера, и меня сразу стали использовать на строительстве. Работал по 18 часов в сутки, приходилось часто ездить в горы, где готовились материалы. Наш командир бригады Николай Казимирович Норейко был очень образованным человеком, хорошо разбирался и в строительном деле (позже я прочитал, что ему было присвоено воинское звание генерал-майора). Носили мы там форму китайской армии, у офицеров на петлицах были трехконечные звездочки.

С нашей стороны горы (северо-западный склон) были лесистыми, подъемы на дорогах крутые, а радиусы закругления и ширина — малыми, поэтому проход автомашин по ним был затруднен. Наши солдаты, заготавливая и вывозя лес, одновременно

улучшали эти дороги и мосты, чтобы они были пригодны для прохода машины до самого перевала.

В начале 1939 г. меня вывезли в Алма-Ату в госпиталь, где я пролежал месяц. Обрато в Хами ехал с автобатоном, шедшим на Ланьчжоу. От водителей узнал, что бои за дорогу шли на всем ее протяжении. На крутых спусках и поворотах противник устраивал засады. Снайперы убивали водителя, и машина падала в пропасть (200—400 м), такие случаи были не единичны. В Ланьчжоу стоянки автоколонн подвергались бомбардировке с воздуха японской авиацией. Весной 1939 г., после моего возвращения из госпиталя, в нашу часть прибыл новый начальник штаба тов. Усенко (полный, красивый). Комиссаром был тов. Пашенко, приехавший в часть с женой (она стала работать библиотекарем).

Стала заметнее активность врага. Участились стычки на перевалах, были пойманы два шпиона с рацией, нам запретили в одиночку отлучаться из части, а ночью приказали ходить в туалет только вдвоем (были разговоры, что пропал солдат, которого видимо взяли как «языка»). Политработники стали чаще проводить беседы, повторяя, что мы выполняем важное правительственное задание по защите Родины на дальних подступах к ее границам, что нужна бдительность, осторожность, готовность должным образом ответить на происки врага. Началась усиленная военная подготовка всех частей (марши, стрельбы). Одно время большая часть бригады ушла, как говорили, на «совместные учения» с китайской дивизией из Урумчи, после которых перестали существовать две восставшие дивизии (из Хотана и Кашгара), командование которых удрало в Индию, к англичанам. После возвращения бригады с «совместных учений» стала проводиться работа по подготовке всех частей к выполнению новых задач.

Каждый вечер самолеты Р-5 производили разведывательные полеты. Однажды ночью бригада была поднята по тревоге и, после коротких проверок, направилась в сторону гор, на южную дорогу (на северной дороге постоянно был один батальон), с ней же ушли и четыре танка БТ-7. Впереди колонны двигались две бронемашины (одна на базе ЗИСа с пушкой и пулеметом, а вторая — меньше, вооруженная пулеметом) и две танкетки Т-27. За ними следовали саперы на автомашинах, а дальше — все остальные. С рассветом на перевале колонна подверглась обстрелу. Солдаты укрылись в оврагах, за валуны и деревья и открыли ответный огонь, а броневики, не оставаясь, ушли с перевала вниз. Там они увидели на поляне много оседланных лошадей с коноводами (это были лошади тех, кто укрылся в засаде на перевале). Бронемшины стали расстреливать лошадей и солдат врага. Далеко в горах были слышны визг раненых животных, крики солдат и работа пулеметов. Засевших на перевале стали бомбить и обстреливать из пулеметов самолеты Р-5.

Ошеломленные враги прекратили стрельбу и бросились бежать вниз. Наша колонна снова двинулась вниз, в Баркульскую долину, местами завязывались бои, бронемшины и кавалеристы быстро подавляли очаги сопротивления. При подходе нашей бригады к Баркулю вражеские офицеры и солдаты стали выгонять людей, овец и скот из города и под их прикрытием уходили в горы, в леса и в пустыню. Преследовать бежавших в горы было нецелесообразно, а уходивших в пустыню обгоняли машины, солдат рассеивали, а население и скот возвращали в Баркуль. Ушедших далеко в пустыню солдат самолеты расстреливали из пулеметов, а ночью бомбили в местах скопления у колодцев, где они разводили костры. Через пару недель бригада возвратилась в Хами, куда в это время стали прибывать новые подразделения, шедшие к нам на помощь. Поскольку поставленная задача была уже выполнена, они просто сменили нас. Мы уезжали домой!

В это время начались бои на Халхин-Голе. Позже читал в «Правде», что в августе 1945 г., при разгроме нашими войсками Квантунской армии, на стороне Японии выступали и военные формирования Внутренней Монголии.

С нами уехал домой и наш комбриг Н. К. Норейко. Когда мы прибыли в Джаркент, нас переодели в пограничную форму, и мы пассажирским поездом прибыли в Москву, в свою дивизию. После возвращения домой в 1939 г. я работал главным маркшейдером шахты, имел бронь (как горный специалист) и в армии больше не был.

В 1980 г. по телевидению выступал председатель Советского комитета ветеранов войны тов. Батов, который сказал, что сейчас льготами будут пользоваться не только участники Великой Отечественной войны, но и все, кто принимал участие в других

боевых операциях: Хасан, Халхин-Гол, Финляндия и т. д. Он сказал, что этими льготами будут пользоваться также и добровольцы, которые были в Испании и в Китае. Он даже уточнил, что действия добровольцев назывались выполнением правительственного задания (правительственной командировкой). После этого сообщения я писал в архивные учреждения с просьбой сообщить мне, пользуюсь ли я льготами? Вот уже 8 лет нигде не могут найти архивы в/ч 8285. Почему? Возможно, во время войны их разбомбило или потерялись при эвакуации. Последний раз я написал в архив ЦГАСА, ответа пока нет. Каждому должно быть ясно, что правительство нас туда посылало не как туристов. Были бои, были потери. Были большие трудности. Видимо, Китай отрицательно отразился на моем здоровье (только в этом году я уже 4 раза лежал в больнице с сердечными приступами).

21 декабря 1988 г.

«...Странно получается, какое-то «белое пятно», вроде и не были мы там, вроде тысячи людей с боевой техникой не были задействованы за тысячи километров от наших границ. Тогда не был в ходу термин «интернационалист», а говорили «воины-добровольцы» или «волонтеры». И будто всего этого и не было (нет архивных данных). Почему это не стало достоянием гласности? Согласен с Твардовским, который писал:

*И почему не нужно людям,
Все знать, что было и что есть,
Иль чьей-то доблести убудет?
Иль пострадает чья-то честь?
Уже тот век не безответен,
Он так ли, сяк ли распочат,
И пусть для нас полусекретен,
Весь будет настежь для ввучат.*

Я был бы рад, если бы Вам удалось нашу миссию «в слова и строчки успеть облечь». Постарайтесь. Стоит. Мы там мало что знали, нас мало информировали, а при возвращении на Родину расписывались под обязательством не разглашать цель миссии, а ведь она была очень благородной — помогать Китаю в отражении японской агрессии или конкретно обеспечить нормальную эксплуатацию и надежную охрану важной автомобильной дороги, по которой шла помощь Китаю. В разные годы нас меняли, но задача наша была одна. И не важно, что одним досталось пережить больше потерь и трудностей, а другим меньше. Могли и по-иному сложиться обстоятельства. Так, в 1937 г., когда из засады, с тыла, был нанесен удар по нашим наступающим войскам, то больше всего досталось тыловым частям и штабу. По данным «солдатского информбюро» тогда до 200 человек было убито и более 300 ранено. Но это разговоры, а почему бы не опубликовать официальные данные о том времени?

Мы честно выполняли свой долг перед Родиной и гордились бы, если бы о нас написали все, как было, чтобы это получило общественное признание. Кто-то и сейчас решает: это можно писать, это нельзя. Почему нельзя? Почему многие темы закрыты? Вот смотрю данные, опубликованные в «Аргументах и фактах» (№ 51), где приведены цифры жертв при землетрясениях. Там написано: 1556 г. Ганьсу (Китай) — 800 тыс. человек, 1948 г. Ашхабад — о числе жертв сведений нет, 1976 г. Таншань (Китай) — 600 тыс. человек. Почему об Ашхабаде сведений нет? За 1556 г. (Китай) сведения есть, а за 1948 г. (Ашхабад) сведений нет? (Созвучно «о такой-то в/ч сведений нет».) Работала, может и сейчас работает, система всеобщей секретности. А речь-то идет не о миллионах, нас-то осталось уже очень мало. Могли бы порадовать нас в последние годы жизни (может не годы, а месяцы, даже дни). Здесь, в Донцке, нас было четверо хамийцев, сейчас я остался один (еде скриплю).

Швецов упоминает некоего Юлбарса. Был в то время в Сяньцзяне местный деятель по имени Юлбарс, но, очевидно, все же здесь имеется в виду один из милитаристов братьев Ма, а именно Ма Чжуньин (китайское имя). Братья с отрядом в 2 тыс. человек вступили еще в 1932 г. в Синьцзян из провинции Ганьсу с целью создания в Синьцзяне дунгано-уйгурского государства*. Восстание 1937 г., которое упомянуто тов. Швецовым, зародилось в Кашгаре и было подавлено провинциальными войсками Урумчи (Шэн Шицая) в районе Куча-Карашар. Здесь тоже одним из руководителей был Ма (китайское имя — Ма Хусян), Швецов и его называет Юлбарсом.

Швецов описывает формы создания и некоторые действия охраны дороги. Охрана эта составляла бригаду или полк, называвшийся «Восьмым русским», или «Восьмым белым», или даже «белогвардейским» полком — для камуфляжа относительно Японии, с которой в то время у СССР был пакт о нейтралитете. Чан Кайши называл этот полк «Восьмым красным».

Сержант Комиссаров обедает с Чан Кайши

Письмо бывшего сослуживца П. П. Комиссарова, которое мною дополнено записью рассказа самого Петра Павловича, посетившего меня в Москве.

5 декабря 1988 г. и 8 января 1989 г.

«Я работал шофером в Кинешме, по вечерам учился в аэроклубе им. Леваневского на отделении авиатехников. В 1940 г. был призван. В военкомате мне поручили группу — 10 человек и вручили пакет с пятью сургучными печатями, адресованный полковнику Грязнову в Алма-Ате. Ехали пассажирским поездом. В Алма-Ате я вручил пакет Грязнову. Тот сказал: «Садись, сынок», — вскрыл пакет, приказал накормить нас и сопроводить в Сары-Озек. Там, после трехдневного карантина, нас пригласили к полковому комиссару Швекову, который расспросил каждого обо всем, охарактеризовал нашу будущую службу, предупредил, что будем выезжать за границу. Грязнову и Швекову было за 50, военной стройности и подтянутости у них не было.

Попал я в 7-ю роту (командир капитан Лосюк), 1-й взвод (командир ст. лейтенант Кучеренко). Позднее командиром роты стал ст. лейтенант Вовченко, заветное слово у него было «ортодоксы», так он дружески называл подчиненных. Командиром батальона был майор Сазонов, стройный, подтянутый, даже красивый танкист; потом он погиб на фронте. В августе после принятия присяги я впервые в составе взвода шоферов на ЗИС-5 поехал «за линию», в Китай. Везли авиабензин в бочках в Шихо и Урумчи. Потом начались регулярные рейсы в составе роты («караван») или взвода («группа»). В январе 1941 г. вызвал меня майор Сазонов, сказал, что решено послать меня работать в Китай, спросил, нет ли у меня возражений. Я ответил: «Как прикажете, доверие оправдаю». Сазонов сказал далее, что посылают меня киномехаником, для этого я должен учиться на курсах киномехаников полтора месяца по ускоренной программе и сдать экзамен. После сдачи экзаменов (не все их сдали в группе) нас вызвали в штаб к Швекову, там же был командир части полковник Лобанов. Они спросили, желаем ли мы служить за границей. Мы ответили: «Как прикажет Родина, так и будет». Швеков сказал, что посылают нас — комсомольцев, лучших из лучших, не всем такое доверяют. «Не забывайте Родину, отца и мать, исполняйте воинскую присягу». В марте «дядя Ваня» — политрук из особого отдела И. И. Удалов — развез нас по точкам авиатрассы: по одному в Урумчи (3-я), Хами (5-я), Аньси (6-я), Сучжоу (7-я), а меня — на 8-ю точку в 8 км от местечка Увэй. На точке было 8 человек: начальник инженер-подполковник Давыдов, врач капитан медслужбы Данчук, метеоролог капитан Юдин, шифровальщик ст. лейтенант Варламов, два радиста, я — авиатехник, шофер, киномеханик и завскладом боепитания и н. з., а также Минаков — шофер, слесарь, моторист электростанции. У каждого пистолет, карабин или автомат, граната. Три ручных пулемета. Охраняли себя и самолеты без опознавательных знаков (назывались трассовыми). Охраняли авиабазу также два китайских (гоминьдановских) батальона, имевших курсирующие и скрытые посты и дозоры. На точке, кроме самолетов, была и другая техника: ЗИС-5 бортовой, водомаслозаправщик на шасси ЗИС-8 с двумя задними ведущими мостами, авиастартер на шасси ГАЗ-АА, две радиостанции, кинопроектор «Кинап», передвижная электростанция. Раз в неделю прилетал почтовый самолет Р-5, привозил почту и кинофильмы. Между точками поддерживалась ежедневная радиосвязь в определенное время, радиосвязь с Москвой была через Уфу. Я иногда бывал в Ланьчжоу, на реке Хуанхэ. Там гоминьдановцы как-то арестовали наш самолет, он вылетел с 7-й точки без проверки китайцами. Дело в том, что иногда наши самолеты летали в освобожденный район, доставляли оружие и боеприпасы войскам коммунистов. Гоминьдановцы следили за ними, проверяли куда летим, что везем. Самолеты ТБ-3 четырехмоторные, моторы М-72 водяного охлаждения, часто приходилось паять радиаторы. Интенсивный поток

самолетов туда был в конце 1941 г. Гоминьдановцы часто стали спрашивать, куда самолеты улетели, а я отвечал: «Су лян» (Советский Союз). — «О, нет, Комиссала-фу, они пошли на Восток»... И они, конечно, были правы.

В Ланьчжоу при японской бомбежке меня контузило. Погиб при бомбежке москвич Ипанов, толковый был парень, в шахматы играл хорошо, носил всегда при себе фотокарточку жены и двух дочек. Схоронили мы его. А еще погибли в Ланьчжоу Смирнов с 8-й точки и Винокуров с 9-й. Японский самолет китайцы сбили, он упал в Хуанхэ, китайцы летчика японского просто растерзали.

Я не считаюсь участником войны. Я лежал месяц в китайском госпитале после контузии, потом долечивал меня на точке Данчук. Самолеты мы маскировали, прятали в кустах... Приземлился как-то наш почтовый самолет Р-5, а тут бомбежка. Подтащили его на авиастартере в кусты, самолет не пострадал. А бомбили японцы 100-килограммовыми бомбами, больших у них, видно, не было. В Ланьчжоу и Увэе я видел после бомбежки много трупов китайцев, небуранных.

Аэродром в Ланьчжоу разбомбили. Китайцы потом его восстановили — носили землю корзинами, утрамбовывали... Нам однажды читали японскую газету в Ланьчжоу, в ней говорилось, что советские солдаты в гражданской одежде помогают китайцам, вмешиваются в войну Китая с Японией. Это было нам невыгодно, так как мы не хотели второго фронта со стороны Японии. Молотов через ТАСС заявил, что данное утверждение японцев не соответствует действительности. А политработник капитан Варламов нам отвечал: «Это политика, ребята, ничего не поделаешь, приходится».

В мае 1942 г. Тимченко, начальник И. И. Удалова, прилетел к нам на китайском двухместном самолете с перевязанной головой и зубами, имитировал сильную головную и зубную боль. Его под руки вели наш начальник и врач. Как завели его в красный уголок, он тут же повязки снял и тихонько сказал Давыдову, что он «провалил операцию», немец какой-то разоблачил его. «Не знаю, что будет со мной в Союзе, наверно разжалуют и пошлют в штрафной батальон». Я эти слова слышал, сидя у приемника. Больше я о нем не слышал. В тот же год в июне на наш аэродром из-за непогоды сел советский самолет ПС, на котором летел сам посол Панюшкин. Он сказал, что летит заменять В. И. Чуйкова. Будто бы Сталин сказал, что из Чуйкова не вышел хороший дипломат, может быть, выйдет хороший командующий. В июле 1942 г., как и всегда по расписанию, прилетел Р-5. Обычно его пилотировал летчик Иванов. В мои обязанности входила установка самолета на стопоры, то есть причаливание-закрепление против ветра (самолет всегда у нас ночевал). А ветра там постоянные. Подруливает самолет, я даю ему сигналы флажками, а самолет мне не подчиняется, прет не туда, прямо к зданию. Вижу Иванов сидит во второй кабине, а в первой — незнакомый летчик. Остановились, Иванов шепчет мне в ухо: «Это генерал Славин, он тоже летчик, и отличный!» Это оказался начальник отдела спецзаданий генштаба. Славин поздоровался со всеми за руку, после обеда нас собрали в красный уголок, и он нам рассказал о событиях на фронтах, о работе нашей авиации, поставил задачи. На следующий день он улетел в Ланьчжоу, через три дня вернулся. Прицепляя парашют, я неосторожно задел кольцо вспомогательного парашюта. Славин заметил это и сказал Давыдову, садясь в первую кабину самолета, чтобы научили всех пользоваться парашютом. Мне было очень неудобно, стыдно. После я в совершенстве изучил парашют и ошибок не повторял.

Часть, в которой мы с вами служили, была создана в 1937 г. В том же году была создана наша часть в Хами под названием «8-й русский («белогвардейский») полк». У них на петлицах китайских серых френчей было на одной «8», на другой «Р», а на голове шапки с козырьком, с высокой кокардой, на которой значок: гоминьдановское белое солнце на голубом фоне. Назначение у полка было — охранять авто- и авиа-трассы. Когда шла Великая Отечественная война, правительство Чан Кайши решило уговорить наместника Синьцзяна Шэн-дубаня (Шэн Шицая) ослабить отношения с СССР. С этой целью в августе 1942 г. Чан Кайши прилетал в Урумчи¹. Возвращаясь, его самолеты сажались на нашем аэродроме. Всего было три американских пассажирских самолета типа «Дуглас». Вместе с Чан Кайши была его жена, высокая, худая, в пробковом шлеме, в нарядном платье, и генерал. В первом самолете летел этот генерал — командующий ВВС Китая Чжу Шаолян и его офицеры, во втором — жена Чан Кайши и другие, в третьем — сам Чан Кайши, его охрана и переводчик. В самолете у «генералиссимуса» было свое плетеное кресло.

Мы были приглашены на банкет, который давали в честь Чан Кайши начальник местного правительства господин По и управляющий банком Чжу Сян, присутствовал командир горнизона и другие офицеры и чиновники. Банкет был в нашей столовой. Первый тост сказал Чан Кайши по-китайски. Потом генерал Чжу Шаолян произнес здравницу по-русски, мы были удивлены его чистому русскому языку. После второй рюмки он подошел к нам, сел рядом, выпили еще по одной и завязалась дружеская беседа. Мы его спросили, где он научился говорить по-русски. Он ответил, что учился в Москве в академии им. Жуковского. Оказалось, что мистер По тоже хорошо владеет русским. Он рассказал, в частности, что мистер Чан Кайши очень следит за своим здоровьем и потому из курятины ест только курочек, молодых, а петушков — нет, не ест.

Чан Кайши уехал с приема раньше всех (они жили в городе). наших самолетов в это время не было. Мы все получили от китайцев подарки: часы, галстуки. Вообще мы часто приглашали местных китайских начальников к нам смотреть кино. Они приходили с женами. Отношения были хорошие. Киноаппаратура у меня всегда была исправна.

Работая на авиабазе, я дважды подавал заявление об отправке на фронт в Союз толковнику Голованову, который находился в Ланьчжоу и был главным над нами, авиаторами, в Китае (числился он советником). Но ответы Голованова были отрицательные: «Вы нужны здесь. Вы так же участвуете в войне, делаете очень нужное дело для фронта». Подпись: «Голованов». Другие тоже писали заявления и ответ им был тот же. В августе 1943 г. по радию мы получили шифрованную радиограмму о подготовке к выезду в Советский Союз. К нам приехали из Хами шоферы-китайцы, дали нам горючего, но мало. У меня был н. з., даже рисового спирту две бочки, и никто не знал, что это спирт, все думали — бензин. Уже в пути я сказал об этом Давыдову. Я вел груженный нашим н. з. и продовольствием ЗИС-5, Давыдов ехал со мной, хороший, спокойный человек, из Воронежа, холостяк.

Технику и имущество мы сдали в Сары-Озек. Я пытался уехать с Давыдовым, но меня не пустили, зачислили в 6-ю автороту капитана Овчаренко. И я стал снова ездить в Китай, жизнь на колесах. Вслед за нами выехал полностью полк из Хами. Я принял в роту «летучку» — автомастерскую на машине. В целях экономии бензина я в каждом взводе применял ручные нососы Эверта, что давало за рейс каравана 2 тонны экономии, за это получал благодарности от командования.

Я знаком лично с командиром нашей части Б. И. Журкиным, звонил ему сегодня, голос у него по-прежнему командирский. А как познакомились? Овчаренко сдал роту Макарову, собирались как-то в рейс, помпотеха роты не было, я исполнял его обязанности. В парке оставалось несколько автомашин для отправки в капитальный ремонт в Ташкент. Запчастей не хватало, помпотех батальона ничем не помогал, у него тоже не было запчастей. И на складе АБТИ (автобронетанкового имущества) у Кысыка не нашлось нужных нам для рейса запчастей. А идти в рейс без запчастей опасно, где их там в Китае возьмешь? Ну, я дал команду снять с четырех машин, идущих в капремонт, головки блока, карбюраторы, еще кое-что. В общем, «разукомплектовал». Шло мимо меня начальство в парке, заметило разукомплектование машин, и меня отстранили, сняли с рейса за это. Начальник политотдела подполковник Фомина ругал меня страшно, кричал: «Какой же ты коммунист?!» Я его за это потом не уважал. Командир батальона ст. лейтенант Кузьмич не смог меня защитить. Вызвал меня командир бригады Журкин: «Как же так, я знаю вас как передового караванщика, у вас всегда экономия горюче-смазочных. Я знаю, — говорит, — что вы на днях женились, вам надо бы в рейс, помпотеха нет, да надо и прикупить что-нибудь для семьи». Из-за позиции Фомина Журкин не смог восстановить меня в рейсе, но сказал, что догонит только что ушедший караван и попросит ребят, чтобы купили для меня в Китае, что надо... Я сказал: «Не надо, товарищ подполковник». Но он все же догнал караван и сказал, и мне все привезли потом ребята. С тех пор помнит меня.

В Синьцзяне в 1944 г. вспыхнула гражданская война. Казахи, уйгуры, узбеки, таранчи, татары, русские — против китайцев-гоминьдановцев, которые стали наводить Синьцзян. Уйгуры, казахи выдвинули своих национальных вождей в правительство, назвали освобожденные округа Синьцзяна Восточно-Туркестанской республикой и обратились, как рассказывали, к Сталину с просьбой о присоединении ее к Советскому Союзу. Сталин дал согласие. А потом Мао Цзэдун уговорил Сталина создать Большой

Китай. Сталин свое обещание не выполнил, чем очень обидел уйгур и казахов. Этому повстанческому движению требовалось оружие и люди. В Сары-Озек стали приходить эшелоны с боеприпасами, солдатами и офицерами из Германии.

Было указание Журкину направить 20 автомашин для перевозки оружия и солдат. Для этого выделили взвод лейтенанта Шолуха из нашей роты, в нем был и я, и мы с июня по август 1945 г. выполняли эту работу. Делали рейсы только ночью, такой был приказ. Если машина ломалась в пути, было приказано отбуксировать ее в открытое место, в кусты, и там устранять дефекты. В Сары-Озек мы грузили прибывших, только по 8—10 человек на машину и только два ряда ящиков с оружием и боеприпасами (заниженная норма, не догружали до 3 т на всякий случай), и возили их через Хоргос и Чазы (китайский поселок в 4 км от границы на китайской территории). Там их переодевали в восточную одежду, и они вливались в повстанческое движение. Руководил перевозкой начальник 49-го погранотряда в Джаркенте полковник Антонов, а на китайской территории — генерал-майор Макаров, заместитель Славина, из Москвы. Впервые в жизни я видел мордбой в нашей армии: в Чазы генерал Макаров ударил капитана. Того назначили командовать батареей, а он, фронт-товик, кричит: «Я командовал на фронте дивизионом, не пойду на батарею», — схватился за пистолет, его разоружили, забрали.

Этих людей называли волонтерами. Среди наших волонтеров большинство были люди восточных национальностей, но были и русские.

В Кульдже синьцзянские повстанцы вооружены были только легким оружием: пулеметами, автоматами, гранатами, пушек не было. Гоминьдановцы засели в крепости Айранбаг за глинобитной стеной, никак ее не возьмешь (См.: «Новейшая история Китая», М., 1984, с. 234.— Ю. Г.). Приказали мне доставить три пушки из Хоргоса, я доставил. Утром дали залп по крепости, после этого гоминьдановцы оставили Кульджу. Волонтеров мы потом, по мере отступления китайцев, возили в сторону Шихо (только до Цзиньхо). Я всегда на «летучке» замыкал колонну. На Кинсайском перевале нас обстреливали. За Шихо гоминьдановские солдаты выдали повстанцам своего большого командира. Между Шихо и Манасом были заводы винокуренные, они гнали вонючую водку, мы называли ее «джун» или «ханжа». Наши солдаты (в составе повстанцев) перепились, гоминьдановцы их окружили, пришлось для их освобождения применить авиацию.

В Джаркенте я видел делегацию синьцзянских повстанцев, они ехали в Москву договариваться обо всем. И герой их национальный, высокого роста уйгур, был с ними. Гибло повстанцев много, и тамошних, и наших. Идея восстания родилась от них, но у них не было оружия...

В Алма-Ате сейчас много казахов, узбеков, уйгур, русских из Синьцзяна, их много и в целинных совхозах.

Есть бумага в КГБ Алма-Аты о нашем участии в войне. Эта бумага — письмо командующего пограничным округом нашему командиру Журкину о выделении 20 автомашин для перевозки этих людей. Но ни в ней, ни где-нибудь еще нет фамилий людей, которые возили. Ведь это считается участием в войне, а я — возил.

Летали и в освобожденные районы и возили оружие.

Относительно «просьбы» к Сталину — это, наверно, солдатский фольклор, однако стоило бы проверить.

Таковы некоторые краткие воспоминания об одном из эпизодов нашей истории, центром которого был поселок Сары-Озек. Во времена, о которых идет в них речь, этого названия не знал почти никто. Теперь о нем знают миллионы людей на Земле: там громыхали взрывы — уничтожались ракеты, согласно договору между СССР и США об РСМД. Заметно улучшаются отношения между нашей страной и Китайской Народной Республикой. Недавно появилось сообщение о предстоящей достройке Китая железной дороги через Джунгарию до границы СССР (при участии нашей стороны), по тем самым местам, где 50 лет назад шли наши автокараваны.

Продолжение следует

¹ In: Chan Kai-sheek. Soviet Russia in China.— New-York, 1956.— P. 77.

ВСЕХ ПОИМЕННО НАЗВАТЬ

(русский некрополь в Японии)

В. ГУЗАНОВ

Давние, давно прошедшие времена. Минуло более восьмидесяти лет... Написал это и задумался. У прославленного русского полководца Александра Васильевича Суворова есть слова, ставшие афоризмом: войну можно считать законченной лишь тогда, когда будет похоронен последний погибший солдат.

Так вот, если судить строго по Суворову, то мы должны еще раз помянуть добром полковника Владимира Константиновича Самойлова и старшего лейтенанта Аполлинария Николаевича Воскресенского, которые оказались людьми надежными, людьми чести. Не по казенной обязанности, а, скорее всего, по совести занимались они, наши «военный и морской агенты в Японии», осиротевшими могилами на чужой японской земле. Благодаря их бескорыстию и милосердию сохранились имена солдат и матросов, которые спустя четыре года после русско-японской войны нашли вечное пристанище в братской могиле на старинном русском кладбище в деревне Инаса в Нагасаки, где первое захоронение умершего русского моряка с фрегата «Аскольд» было сделано в июне 1858 г. Они же, эти офицеры, настояли на том, чтобы не переносить захоронения из городов Идзумиоцу и Мацуяма, где находились самые крупные лагеря русских военнопленных. Они, Самойлов и Воскресенский, со всей очевидностью понимали, что пройдут годы, десятилетия и об этих лагерях мало кто вспомнит. Другое дело — кладбища... Несмотря на то, что они со временем стареют и угасают, кладбища — самые памятные места для граждан всех наций и верований. Вокруг кладбища всегда дышит история. А в такой стране, как Япония, с кладбищем связан культ семейных предков. Это почитание умерших берет начало с древних времен и пережило сотни поколений, невзирая на все политические и социальные перемены.

Весна 1989 г. Чтобы увидеть могилы русских воинов своими глазами, я вместе с моим японским другом Судзукава и переводчиком Виктором Кимом отправился в город Мацуяма, что на острове Сикоку. Скажу прямо, всего четыре года назад, когда я впервые побывал в Японии, такую поездку невозможно было и представить. Но дух нового мышления с «подачи» Советского Союза все более утверждается в наших отношениях со Страной восходящего солнца.

Ранним утром 20 мая мы покинули на несколько часов гостеприимный Осака — нашу временную гавань-приют в большой поездке по Японии. В аэропорту Мацуяма нас встретил мужчина, одетый в старинное традиционное японское кимоно и соломенные сандалии на босу ногу. Большеголовой, взгляд внимательный, добрый. «Кажется, это тот самый писатель, о котором мне раньше рассказывал Судзукава-сан», — подумал я. Мужчина вежливо ответил на мое приветствие и назвал себя. Так я познакомился с Токио Сайгами, известным религиозным ортодоксом и писателем.

Гузанов Виталий Григорьевич, писатель-маринист, автор многих произведений, в том числе переведенной на японский язык в 1985 г. книги «Одиссей с Белой Руси» — исторической повести о первом русском консуле в Японии Осипе Антоновиче Гошкевиче. Сегодня эта книга, вышедшая в свет в 1969 г., стала библиографической редкостью. В настоящее время Виталий Гузанов работает над историческим повествованием «...И праху близких поклониться», в котором описывает судьбы граждан России, нашедших волей рока вечный покой в Японии. Мы публикуем главу из новой работы.

Около нас остановилось такси, и мы, чтобы не терять времени, отправились на кладбище. Сегодня же вечером мы должны были возвратиться в Осака. Дорога шла мимо огромного химического комбината, явно чувствовался запах аммиака, пока мы не свернули в кривую улочку, поднимающуюся в гору. Где-то там, в десяти-пятнадцати минутах езды, расположились синтоистские и буддийские храмы, а рядом — кладбища. Горы в окрестности Мацуяма не кажутся высокими, голову запрокидывать не надо. Зато бросается в глаза неправдоподобная зелень. И — пруды. Их много, почти у каждого храма. Здесь часто идут дожди, поэтому мелкие речки не пересыхают и нет болотистого запаха, так как вода проточная и редко держится на одном уровне. И речки и крохотные пруды — украшение архитектурного ансамбля храмов.

Машина подъехала к рошице криптомерий. Рассчитались с водителем и пошли дальше пешком. Поднимаясь по тропинке, разговорились. Судьба моего нового знакомого типична для мужчин-японцев, которым сегодня далеко за семьдесят. В молодости Токио Сайгами служил в Квантунской армии, оккупировавшей Маньчжурию и Корею, повидал за время войны с лихвой. Был ранен, можно сказать, воскрес из мертвых, выходили русские военные врачи. Ветеран вспоминал эпизоды и события своей жизни. На его глазах гибли сверстники «с крепким самурайским духом», жертвовавшие собой во имя императора. Но все закончилось капитуляцией и пленом. Мы считали, рассуждал Сайгами, что в русских лагерях нас ждет нечто страшное, смиренно готовились принять казнь за прошлое: Порт-Артур и Цусиму, Хасан и Халхин-Гол... Но русские не смотрели на пленных исподлобья, не испепеляли взглядом, как с моральной точки зрения они имели на это право. Вокруг лагеря жили и трудились сибиряки — народ, на первый взгляд, угрюмый, но добродушный, с насмешливыми умными глазами. Они жалостливо относились к пленным (Сайгами так и сказал, переходя с японского на русский язык, коверкая слова), старались облегчить их участь. В плену, на лесоповале под Иркутском, было время осмыслить всю пагубность войны. Воины, «возлюбленные империи», воспитанные в бешеной ненависти к Советам, вдруг увидели лицо человечности. Оно подобно светлomu лучу, пробивающемуся сквозь мрак. И пленные презрели ярость. Они вспомнили моральные принципы учения бусидо: совесть — это сила сознания. Благоразумный идет в ногу со временем.

— Я отнюдь не за всеобщее братание, — добавил Сайгами, — я за совместное желание познать корни нашего бытия. Ведь они во многом определяют нынешний облик мира, справедливость, счастье, путь к согласию.

Разговор с Сайгами и не мог быть другим. Я подумал: было бы хуже, если бы каждый из нас гнул «свою линию». Откровенность — в порядке вещей между двумя собеседниками. Коль скоро Сайгами коснулся прошлого, пришлось ему ответить, что история помогает творить новое. Поэтому не стоит искать первопричину наших и ваших бед в чужих нациях, как было когда-то. Надо смотреть вперед. «Благоразумный идет в ногу со временем», — все так. У нас есть свои моральные принципы. Мы также почитаем историю и в равной мере своих предков. Другое дело, что за семьдесят лет разрушения духовности, когда затапывали в грязь православие, а вместе с ним культурное наследие народов России, мы несколько ожесточились, отсюда и нравственные потери. Например, из нашего лексикона почти выпали слова: «миротворчество», «милосердие», «покаяние».

— Разве это только ваши проблемы, — с горечью произнес Сайгами. — У японцев тоже изменились представления о морали, простой порядочности. Особенно у молодежи. Ее уже не питает наш традиционный источник — любовь к местам, где погребены кости наших предков.

— У нас тоже есть заповеди: «Чти отца и мать свою и будешь долгодетен на земле», — ответил я. Но, признаюсь, сказал не все. Как мне хотелось защитить нашу молодежь, что для нее святость — не роскошь, а прежде всего — обязанность. Не смог. Совесть не позволила. Зачем лгать, когда повсюду наблюдается тотальное мирское равнодушие к памяти предков. Сейчас появилась надежда на церковь. Может, она вразумит. Первый росточек — воскресные проповеди по телевидению священников, писателей, народных депутатов. Людей, не безразличных к возрождению культа памяти, поминовения. Да, может потускнеть медаль, полученная в войну за храбрость, но не должна стертась память в сердцах благодарных потомков. Не могу сказать, что каждое слово, сказанное в строку, успокоило меня. Нет, конечно. Хочется быть реалистом. Может, поэтому меня давно тянуло в Мацуяма. И вот хлопоты увенчались

успехом. Видимо, я первый советский гражданин, получивший возможность приехать сюда. На всякий случай спросил:

— Кто из моих соотечественников посетил кладбище в Мацуяма?

— Не встречал. — Ответил Сайгами. — Лет тридцать, пожалуй, или тридцать пять тому назад — точно не помню, могилу Бойсмана посетил профессор Майснер. Он сказал мне, что был здесь в плену... Кто он, Майснер, русский или нет — не знаю. Фамилия, кажется, немецкая. Так я думаю.

Мне тоже это имя ничего не говорило. Не встречал такой фамилии и в архивах, в списках военнопленных, находившихся в лагере Мацуяма с 1904 по 1906 г. Чтобы не затягивать паузу, задал следующий вопрос:

— Кто ухаживает за могилами русских воинов?

— Неподалеку от кладбища находится школа. У нас приучают детей воспринимать предков как продолжение жизни. Есть специальные уроки морали. Дети учатся жить по общественным нормам бытия. По культурным праздникам приходят сюда и помогают убираться. В другие дни навещаю я... да мой приятель — садовник храма.

Я живо представил японского писателя Сайгами с метлой и граблями в руках. Что тут сказать? Не вижу ничего постыдного. Я склонен думать, что ухаживать за могилами ничуть не легче, чем работать за письменным столом. Для меня это как бы две ипостаси одного труда. Каждый творческий человек по-своему возвращается в круг общественных обязанностей после нескольких часов, проведенных за скрипением пера, писатель Сайгами взял на себя роль добровольного служителя при русском воинском кладбище. Он не задумывается о вознаграждении по уходу за могилами. И книги его о человеческом милосердии вернули из небытия имена русских воинов, находившихся в плену в русско-японскую войну 1904—1905 гг. Мы, советские люди, пока не можем оценить гуманистический смысл этой исторической документалистики, так как этих книг не читали. Признаться, хотелось бы. Но я не уверен, что они будут переведены на русский язык. Наша бюрократическая телега в издательском деле катится не навстречу читателю. Поэтому мы не скоро будем знать о тех, кто был в японском плену и кто погребен на мацуямском кладбище. Книги называются «Лагерь в Мацуяма» и «О русских пленных в Японии». Коль скоро я упомянул о произведениях Сайгами и о лагерях той далекой поры, мне хотелось бы восполнить пробел.

Несколько слов к истории вопроса. Ветераны минувшей войны, например, судят о плене по немецко-фашистским лагерям. Это и понятно. Я лично, познавший войну по службе на Северном флоте, боялся не раны, даже не гибели в море, а плена. Создание гитлеровцами специальных лагерей для советских военнопленных, скажем, таких, как Бухенвальд, — это прежде всего акт мести Красной Армии и многонациональной Стране Советов со стороны нацистского государства. Поэтому организация карательных мер, пыток и убийств — это, по существу, геноцид, тягчайшее преступление против человечества.

В годы русско-японской войны всякое глумление над военнопленным запрещалось Женевской конвенцией, подпись под которой поставили и Россия, и Япония. Законоположения, касающиеся пленных, предусматривали ношение холодного оружия офицерами. А тем, кто даст подписку «не участвовать в войне», японцы разрешали вернуться в Россию. Но большинство офицеров не захотело такой ценой купить себе свободу, они изъявили желание остаться со своими солдатами и матросами, то есть после капитуляции Порт-Артура предпочли плен. Кое-кто из читателей может возразить мне: о чем разговор, мол, были другие времена, и война была другой... Да, конечно. Но плен есть плен. Это заключение со всеми вытекающими из этого последствиями. Находясь за колючей проволокой, вчерашний воин едва ли ощущал, что для него наступило «мирное время». И что все бедствия и ужасы войны окончились навсегда. Это далеко не так. Даже А. С. Новиков-Прибой, описывая плен и японский лагерь в романе «Цусима», погрешил против истины. Его взгляд неправомерно суженный, односторонний. Он пишет о свободном передвижении, собраниях. Однако все было далеко не так — строгий и постоянный контроль, жесткий режим.

При розысках в архивах я наткнулся на два человеческих документа: письмо офицера «Н», пожелавшего остаться неизвестным, и дневник мичмана Георгия Пилсудского, артиллерийского офицера мореходной канонерской лодки «Бобр».

Находившийся в лагере Мацуяма офицер «Н», описывая в письме втайне от японцев различные бытовые и драматические случаи, приключавшиеся с русскими людьми, старался донести до соотечественников правду о положении в лагере. Добрую

треть письма автор отводит казачьему сотнику Святополку-Мирскому, на счету которого было несколько побегов из лагеря. Что только не предпринимала стража, чтобы сломить волю храбреца. Однажды японцы продержали Святополка-Мирского почти месяц в карцере. Держали на голодном пайке: один заплесневелый сухарь и кружка воды в день. Лагерная стража подлагала, что из сырого и темного подвала выйдет сломленный человек, доходяга... Но увидела хладнокровного и неустрашимого казачьего офицера. У караульного солдата от удивления задержалась шека, и еще более сузились глаза. Как это так? Выйдя из карцера, сотник не утратил своей былой молодцеватости, лишь изрядно похудел. Шутовски-лихо козырнул своим мучителям и прямым маршем направился в канцелярию, чтобы высказать свои претензии начальнику «приюта» (так японцы называли лагерь). Полковник Коно по-своему оценил «стойкость и способность к выживанию» русского офицера, тотчас же оформил бумагу в полевой суд. Военный трибунал вынес приговор: за частые попытки к бегству — пожизненное заключение. По дороге в тюрьму Святополк-Мирский снова бежал...

Офицер «Н» справедливо считал, что эту лагерную историю непременно должны знать в Петербурге. Ему повезло. На родину отправлялся доктор Швецов. В соответствии с упомянутой Женевской конвенцией священники и военные врачи освобождались от плена. Воспользовавшись отъездом Швецова из Мацуяма, офицер «Н» скрутил трубочкой письмо, написанное на тонкой рисовой бумаге, и вложил в мундштук папиросы. В таком виде весточка из лагеря Мацуяма была доставлена в Петербург.

Автор письма не объясняет причины побегов Святополка-Мирского, но из приведенных им фактов о царивших в лагере порядках, видно, что пленные были лишены элементарных свобод. Не только нижним чинам, но и офицерам всех рангов было невмозготу от бесправия и унижительного положения. Жили по-казарменному тесно и впроголодь. Никто не смел без разрешения ходить друг к другу в гости, а если кому-то лагерное начальство шло навстречу, то при разговоре обязательно должен присутствовать японец-переводчик, который тут же без стеснения записывал беседу. Со своими солдатами и матросами, вчерашними подчиненными, офицеры встречались редко, но знали, что тех за малейшие проступки подвергали суровым наказаниям. Офицер «Н» в письме отмечал: «Японцы русских нижних чинов бьют без разбора».

Самой большой радостью для пленных было, когда в канцелярию «приюта» приходила почта из России. Однако сам офицер мог написать два-три коротеньких ответных послания. Японцы рекомендовали не запечатывать конверты, а лучше всего посылать открытки. Так проще для цензуры. И упаси бог, если между строк японский цензор прочтет намек, что в плену жителя не слишком сладко, — немедленно лишат права на переписку. Одну такую открытку, отправленную из Мацуяма, я нашел в Военно-морском музее Болгарии. Ее послал лейтенант российского флота, болгарин по происхождению, Дмитрий Добрев своим родственникам в город Варну. Сотрудники музея в знак признательности за мои материалы о Добреве, разрешили снять фотокопию открытки.

Можно было бы дополнить письмо офицера «Н» и другими фактами, свидетельствами, но я обещал познакомить с выдержками из дневника мичмана Пилсудского, с его точкой зрения на японский плен.

Коротко о самом авторе дневника. Георгий Сигизмундович Пилсудский — выпускник Морского кадетского корпуса, кадровый офицер. Начал службу на броненосце береговой обороны «Адмирал Сенявин». Спустя два года был переведен на мореходную канонерскую лодку «Бобр». О боевых делах этого корабля не трубили торжественно фанфары. Канлодка — не броненосец и не крейсер, которые составляли ядро порт-артурской эскадры. Им, как говорится, честь и хвала! Однако история оставила нам свидетельства, как вице-адмирал Макаров относился к сторожевой службе маленьких канлодок на рейде Порт-Артура, присматривался к сноровке комендоров «Бобра», к дельному и энергичному артиллерийскому офицеру Пилсудскому.

Не было такой морской части или корабля, где бы Степан Осипович Макаров не побывал за короткий срок нахождения в блокадном Порт-Артуре. Он нес ответственность за оборону крепости и флота. В полночь 14 (27) марта 1904 г., справедливо полагая, что японцы предпримут попытку закупорить выход из гавани пароходами-заградителями — начиненными аммоналом брандерами, адмирал Макаров решил лично участвовать в операции. Как только береговые прожекторы осветили четыре брандера и шесть миноносцев противника, комфлота приказал подать катер и перешел с флагманского

броненосца «Петропавловск» на канлодку «Бобр». Вот запись военной хроники тех тревожных ночных часов:

«По приказанию командующего флотом «Бобр» стал расстреливать обнаруженные лучами прожекторов японские миноносцы, которые старались подойти ближе, чтобы снимать с заградителей команду. Одновременно с этим на переднем заградителе показалось пламя. Опасаясь, что пароход нагружен взрывчатыми веществами, адмирал Макаров сейчас же отправил на него свой катер с лейтенантами Кедровым 4-м, Азарьевым 3-м и мичманом Пилсудским, чтобы потушить пожар и предупредить взрыв, что и было выполнено ими: на палубе пароходов перерезаны были проводники от установленных на трюме адских машин».

На следующий день комфлота лично вручил мичману Пилсудскому орден Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость». Это только один бой. А сколько их было у молодого мичмана Пилсудского в дни сражения за Порт-Артур! Канонирская лодка «Бобр» постоянно упоминается в приказах и боевых хрониках. Действия экипажа при этом оцениваются как образцовые и примерные. Так, командующий порт-артурской эскадрой контр-адмирал В. К. Витгефт в одном из своих приказов отмечал:

«Маленькая лодка «Бобр» показала 13 мая (во время Цзинджоуского боя) пример, что можно сделать даже при самых тяжелых обстоятельствах. Да поможет нам бог».

Спустя месяц мичман Пилсудский получает вторую награду: орден Святой Анны III степени с мечами и бантом.

2 ноября канлодка «Бобр» во время японских артиллерийских ударов по крепости и гавани получила тяжелые повреждения. Было решено снять с него орудия, а экипаж перевести в береговую оборону. Мичман Пилсудский оказался на батарее Голубиная Горка. До него дошла очередь защищать Порт-Артур с суши.

После капитуляции Порт-Артура следуют безрадостные дни плена (с 23 декабря 1904 г. по 18 января 1906 г.). Сначала в лагере Мацуяма, затем в Осака. Возвратился Георгий Сигизмундович Пилсудский во Владивосток на пароходе «Монголия».

В первую мировую войну в чине капитана 2-го ранга Пилсудский командовал дивизионом миноносцев на Балтийском море. В декабре 1918 г. — начальник морского оперативного отделения Реввоенсовета Республики. Впоследствии эмигрант. Написал воспоминания «Последние дни Порт-Артура (Из дневника молодого офицера)». Один из фрагментов книги, в которой описываются впечатления Пилсудского во время приезда в Мацуяма, я привожу ниже:

«Везли нас через весь город и привезли к забору, ограждающему бараки с соломенными крышами, госпиталю, где временно, как говорят, будем помещены и мы. Во дворе нас уже ждала толпа наших русских больных и ранее приехавших артурцев. Были также офицеры с «Рюрика», которые в числе 9 человек были спасены японцами после гибели крейсера. Они живут в отдельном доме в городе уже шестой месяц, надеясь на скорый обмен пленными. Оказывается, что нас здесь в госпитале поселят, в бараке по 30—40 человек, временно. Вся Мацуяма расположена на громадной равнине и кругом горы, теперь покрытые снегом. В конце города построен госпиталь, состоящий из 50 барачков, человек на 50 каждый. Бараки дощатые, с соломенной крышей и построены в два ряда. Впечатление хорошее, очень чисто, но только холодно. В госпитале находятся теперь только раненые русские и несколько пленных артурских офицеров. В нашем бараке поместились мы, ретивизанские, палладские и несколько артиллеристов. Достали хибач. Кормить всех взялся какой-то штабс-ротмистр, выздоровевший раненый, из куропаткинской армии. Спим на матрасах, но на полу, кроме того — два одеяла и перина.

Я сплю рядом с Беренсом и Круссером*. Наши штаб-офицеры помещены отдельно, в маленькой комнате. В общем живем неважно, я ожидал не такого помещения.

К вечеру пришел здешний начальник, полковник Коно, с нами познакомиться, и прочел нам через переводчика правила, как себя вести. Затем он сказал, что по приказу военного министра он должен отобрать у нас оружие, которое мы отдали, но составили протест».

Я привел фрагмент из дневника мичмана Пилсудского, чтобы читатель мог сравнить два взгляда на плен. Теперь мы можем иметь представление, в каких условиях жили русские военнопленные в японских лагерях, в частности в Мацуяма, где сегодня о лагере напоминает лишь кладбище — русский военный некрополь.

В Мацуяма — самом большом «приюте» — от ран, болезней и голода скончалось по японским данным 98 воинов. В большинстве своем солдаты, матросы и унтер-

*Беренс Михаил Андреевич, лейтенант, служил на судах эскадры Тихого океана с 1899 г. В ноябре 1920 г. ушел на кораблях в Бизерту. Контр-адмирал. Эмигрант.

Круссер Георгий Пафнутьевич, мичман, служил на судах эскадры Тихого океана, на канлодке «Бобр» с октября 1903 г.

офицеры. Назвав цифру умерших, я чуть-чуть засомневался. В донесении полковника Самойлова указывается, что «близ г. Мацуяма 101 могила», что надо «перенести 4 тела на кладбище». Выходит — 105 погребенных. Уже в Москве, сверив с другими источниками, я пришел к выводу, что полковник Самойлов прав: в моем списке — более ста умерших русских воинов.

Сегодня трудно сказать, как лечили военнопленных: хорошо или плохо? Не берусь судить. Знаю одно, что в Мацуяма среди госпитализированных бытовала песенка с черным юмором: «Нет, доктор, нет; не приходи, твоя наука не поможет!»

Скончавшихся в госпитале пленных хоронили в пригороде Мацуяма, но обязательно рядом с буддийскими кладбищами. А спустя четыре года после окончания войны об увековечении воинов позаботились полковник Самойлов и старший лейтенант Воскресенский. Почти полвека на могилах стояли деревянные кресты, пока не сгнили, не превратились в труху. В 1963 г., по решению местного муниципалитета, каждому воину было поставлено каменное надгробие с розеткой для цветов. Заново было проведено освящение братского кладбища. На эту ритуальную процедуру пригласили православного священника из Киотской епархии, куда входит остров Сикоку. Писатель Сайгами рассказывал мне, что шел сильный дождь, но это не испугало жителей Мацуяма, они приняли участие в траурной церемонии. Было много цветов.

По сей день на кладбище центральное место занимает обелиск, воздвигнутый капитану 1-го ранга Бойсману Василию Арсеньевичу, командиру эскадренного броненосца «Пересвет».

В войне с Японией ратная судьба этого корабля не была столь героической, как скажем, «Варяга», «Рюрика» или «Дмитрия Донского». Броненосец участвовал в морских боях в составе основного ядра портартурской эскадры, которую, как мы знаем из истории, с первых дней войны преследовали неудачи. Обо всех боях не расскажешь, остановимся только на последнем, в котором участвовал Бойсман.

25 июля 1904 г. от адмирала Е. И. Алексеева была получена телеграмма:

«Оставить Порт-Артур. Невыход эскадры в море вопреки высочайшей воле и моим приказаниям и гибель ее в гавани в случае падения крепости, кроме тяжелой ответственности перед законом, лягут неизгладимым пятном на Андреевский флаг и честь родного флота».

Это был тот самый час, когда командующий порт-артурской эскадрой контр-адмирал В. К. Витгефт должен был принять решение. Его пассивность раздражала многих флотских офицеров. Он знал об этом, поэтому не мог утаить телеграмму от младших флагманов и командиров кораблей.

Эскадра вышла из гавани ранним утром 28 июля. Броненосец «Пересвет» шел под флагом младшего флагмана контр-адмирала П. П. Ухтомского. В полдень японские корабли встретили русский головной отряд в открытом море. Как обойтись без боя? Немыслимо. У контр-адмирала В. К. Витгефта была задача: прорваться во Владивосток. «Пересвет» вместе с другими кораблями пошел на прорыв. Однако броненосцу не повезло. В самый разгар артиллерийского поединка с японскими крейсерами Василий Арсеньевич Бойсман был ранен. На палубе вспыхнули очаги пожара. Сильно пострадала артиллерия: выведена из строя 10-дюймовая башня, повреждено несколько 6-дюймовых и девять 75-миллиметровых орудий. На мостик поступил доклад о раненых и убитых. Сам командир «Пересвета», после оказания первой помощи судовым врачом, продолжал оставаться на ходовом мостике, пока броненосец не вошел в гавань Порт-Артура. Началась эвакуация раненых на госпитальное судно «Монголия». Врачи-хирурги оказали срочную медицинскую помощь Бойсману, матросу Дмитрию Бацуку, комендору Дмитрию Голохвостову, минеру Федору Пелевину, марсовому Калистрату Варычу...

В дальнейшем «Пересвет» прикрывал артиллерией подходы к внешней гавани Порт-Артура, вел перестрелку с японскими миноносцами, но командовал кораблем уже капитан 2-го ранга А. Дмитриев. Затонул «Пересвет» на внутреннем рейде Порт-Артура 7 декабря, когда капитана 1-го ранга Бойсмана уже отправили в Японию.

Служивцы отмечали, что Василий Арсеньевич был крайним идеалистом и альтруистом, он не мог похвастаться семейным достатком, доставшимся по наследству. У него не было ни клочка собственной земли, ни больших денег, ни лишнего мундира. Ему не надо было показывать себя с лучшей стороны сановным лицам, от которых зависит карьера. Он был весь на виду. Нижние чины, томившиеся в лагере Мацуяма, мало знавшие морского офицера, в лице Бойсмана встретили человека доброжелательного и отзыв-

чивого. Говорят, Василий Арсеньевич завещал похоронить себя в братской могиле с матросами «Пересвета», «Рюрика», «Паллады», «Ретвизана».

К сожалению, надпись на памятнике боевому русскому морскому офицеру, преданному службе и морю, скупа. Хочется напомнить, что Бойсман являлся известным русским гидрографом. В молодости он много плавал в водах Тихого океана. Его именем в заливе Петра Великого названы бухта и банка, а в Японском море у Корейского полуострова есть остров Бойсмана (Хандо). Я понимаю, что в муниципалитете города Мацуяма всего этого не знали, иначе бы не написали на обелиске «Полковник Василий Бойсман». Такая неточность вносит путаницу. Хорошо, что эта ошибка не повторилась в книге Сайгами «Лагерь в Мацуяма», писатель правильно назвал Бойсмана капитаном 1-го ранга и поместил в книгу фотографию броненосца «Пересвет».

...Мы остановились на ровной площадке склона горы и стали обозрывать кладбище. Было тихо, и мне казалось, что кроме нас вокруг никого нет, хотя где-то рядом находился сторож. Но для меня властителем русского воинского кладбища был не сторож, а писатель Сайгами.

Опустившись на колени рядом с первым надгробием, я начал расшифровывать надпись. Затем второй, третий, четвертый камень... Имена и фамилии офицеров, унтер-офицеров, солдат и матросов. Мне приходилось сверять эпитафии с японским списком. Головоломки с фамилиями. Русские фамилии и имена в японской транскрипции звучат несколько по-иному, поэтому возможны ошибки. К тому же в японском списке только одни имена и фамилии. Все остальное мне пришлось уточнять в архивах и дописывать после возвращения в Москву.

Итак, наберитесь терпения, дорогой читатель. Может, встретите имя прадеда, родственника или знакомого.

Первым в списке значится «Полковник Василий Бойсман» — о нем уже был разговор. С ним все ясно. А далее фамилии и имена, записанные мною с надгробий, и в скобках уточнения по архивным источникам.

Бабчук Никифор (рядовой).

Баф-неразборчиво (Бацук Дмитрий, кочегар броненосца «Пересвет», умер 13.I.1905 г.).

Баранов Терентий (матрос 1-й статьи).

Бурыкин Василий (Бирыгин Василий, рядовой 87-го пехотного Нешлотского полка, умер 14.IV.1905 г., уроженец Тамбовской губ., Лебедянского уезда).

Вачуно-неразборчиво (Сотниченко Федор, рядовой 57-го полка, умер 9.IV.1905 г.).

Варкин Матвей (Варакин Матвей, рядовой).

Вакуин Архип (Фокин Архип, бомбардир 3-й роты, Квантунской крепостной артиллерии, умер 14.V.1905 г., уроженец Пензенской губ., Городищенского уезда).

Гицманов-неразборчиво (Рохманов Егор, рядовой 27-го Восточно-Сибирского стрелк. полка, умер 13.IV.1905 г., уроженец Томской губ., Барнаульского уезда).

Громов Семен (матрос 1-й статьи).

Гусицын Андриан (Гусичин Андриан, матрос Квантунского флот. экипажа, умер 1.III.1905 г., уроженец Томской губ.).

Граба Корней (ефрейтор 55-го пехотного Подольского полка, умер 28.III.1905 г.).

Дерябин Андрей (рядовой, умер 19. XII.190? г.).

Дураков Михаил (младший унтер-офицер, умер 13.VIII. 1905 г.).

Вачка-неразборчиво (Блохов Степан, ефрейтор, умер 25.III.1905 г.).

Екришев Ефим (Егорычев Ефим, старший унтер-офицер 12-го Восточно-Сибирского стрелк. полка, умер 17.XI.1905 г.).

Ефремов Алексей (стрелок 4-й роты 25-го Восточно-Сибирского стрелк. полка, умер

19.IV.1905 г., уроженец Тамбовской губ., Лебедянского уезда).

Жданов Абрам (рядовой).

Зорин Николай (младший унтер-офицер 241-го Орского пехотного полка, умер 16.III.1905 г., уроженец Оренбургской губ.).

Зотов Иосиф (Зетех Иосиф, рядовой 11-й роты 134-го пехотного Оршанского полка, умер 7.V.1905 г., уроженец Люблинской губ., Яновского уезда).

Идишин-неразборчиво (Барышев Василий, машин. броненосца «Пересвет», умер 20.I.1905 г., уроженец Владимирской губ.).

Гевдерн-неразборчиво (Когушев Кондратий, стрелок 14-го Восточно-Сибирского стрелк. полка, умер 8.I.1905 г.).

Курманов Устин (Гурмазов Устин, стрелок 58-го Прагского полка, умер 14.IV.1905 г., уроженец Херсонской губ.).

Коваль Иван (младший унтер-офицер 16-й роты 9-го Ингерманландского пехотного полка, умер 5.V.1905 г., уроженец Подольской губ., Ямпольского уезда).

Кусиулин-неразборчиво (Кусвин Леонтий, унтер-офицер 27-го Восточно-Сибирского полка, умер 4.IV.1905 г., уроженец Архангельской губ., Кемского уезда).

Караулин Василий (Карлин Василий, рядовой 216-го Инсарского полка, умер 7.IV.1905 г., уроженец Пензы).

Коркович Павел (рядовой 53-го пехотного Волынского полка, умер 19.IV.1905 г., уроженец Люблинской губ., Яновского уезда).

Кодасаев Уридин (Кудасаев Садреддин, рядовой).

- Киселев Константин (рядовой).
 Кожиров Иван (Кожин, Кожанов, рядовой).
 Коробков Григорий (Корабликов Григорий, рядовой 24-го Восточно-Сибирского стрелк. полка, умер 27.V.1905 г., уроженец Ковенской губ., Вилькомирского уезда).
 Клеман Яков (Клаймен Яков, рядовой 4-го стрелк. полка, умер 15.V.1905 г., уроженец Киевской губ., Каневского уезда).
 Капоч-неразборчиво (Гапюшко Андрей, рядовой).
 Курочкин М.-неразборчиво (Курочкин Мартын, рядовой 3-й роты 10-го стрелк. полка, умер 4.V.1905 г., уроженец Подольской губ., Литинского уезда).
 Костюк М.-неразборчиво (Костюк Макар, рядовой Квантунской крепост. артил., умер 18.VIII.1905 г., ур. Волынской губ.).
 Кшеслица Станислав (рядовой 6-й роты 121-го Пензенского полка, умер 25.V.1905 г., уроженец Келецкой губ., Меховского уезда).
 Личняк Забарий (ефрейтор, умер 20.IV.1905 г., уроженец Витебской губ., Лепельского уезда).
 Лазарев Афанасий (ефрейтор 7-й роты 161-го пехотного Александропольского полка, умер 27.IV.1905 г., уроженец Могилевской губ., Могилевского уезда).
 Лобов Михаил (рядовой 58-го Прагского полка, умер 30.V.1905 г., уроженец Херсонской губ., Елисаветградского уезда).
 Леонов Гавриил (матрос 1-й статьи).
 Лушин-неразборчиво (Ризин Павел, рядовой 213-го Оровайского пехотного полка, умер 13.V.1905 г., уроженец Пензенской губ., Городищенского уезда).
 Михайлов Федот (матрос 1-й статьи).
 Мельников Савва (рядовой, умер 5.V.1905 г.).
 Мэйл-неразборчиво (Медведев Иван, рядовой 241-го пехот. Орского полка, умер 19.III.1905 г., уроженец Оренбургской губ.).
 Мосин-неразборчиво (Кудяев Егор, стрелок 13-го Восточно-Сибирского стрелк. полка, умер 3.IV.1905 г., уроженец Томской губ., Канского уезда).
 Мошник Василий (Мошкин Василий, матрос).
 Михайлюк Павел (матрос 1-й статьи).
 Миляец-неразборчиво (Милхев Сергей, рядовой 12-го пехотного Великолуцкого полка, умер 17.III.1905 г., уроженец Тульской губ., Богородицкого уезда).
 Ныбрякин-неразборчиво (Рыбаков Сергей, матрос 1-й статьи крейсера «Рюрик»).
 Наседкин Иван (Насеткин Иван, рядовой 162-го пехотного Ахалцихского полка, умер 29.IV.1905 г.).
 Остарьев Константин (Астафьев Константин, матрос 1-й статьи).
 Айнопехов-неразборчиво (Пехов Авдей, унтер-офицер, умер 13.IV.1905 г.).
 Прокофьев Яков (унтер-офицер, 147-го Самарского полка, умер 16.XI.1904 г.).
 Подольный Ефрем (умер 22.V.1905 г.).
 Потрибс-неразборчиво (Срейшенко Ефим, ефрейтор 11-й роты 121-го пехотного Пензенского полка, умер 22.III.1905 г., уроженец Харьковской губ.).
 Путурлин-неразборчиво (Пуприш Игнатий, ка-
- нонир 1-й батареи 41-й артиллерийской бригады, умер 28.IV.1905 г., уроженец Витебской губ., Режицкого уезда).
 Ратчик Павел (Рясков Павел, рядовой Севского пехотного полка, умер 2.IV.1905 г., уроженец Харьковской губ.).
 Романов Павел (младший унтер-офицер 11-й роты Квантунской крепостной артиллерии, умер 22.III.1905 г., уроженец Калужской губ., Медынского уезда).
 Романов Игорь (рядовой).
 Романов Степан (рядовой).
 Росьяков Иван (Рошаков Иван, ефрейтор 241-го Пензенского полка, умер 9.IV.1905 г., уроженец Оренбургской губ.).
 Рошин Алексей (матрос 1-й статьи).
 Рикерс-неразборчиво (Михеев Михаил, матрос броненосца «Пересвет», умер 4.IV.1905 г., уроженец Томской губ.).
 Савельев Матвей (матрос 1-й статьи).
 Семенов Евдоким (унтер-офицер 148-го Каспийского полка, умер 26.VII.1905 г., уроженец Псковской губ., Пороховского уезда).
 Симонов Иосиф (Самсонов Иосиф, зауряд-прапорщик 10-го пехотного полка).
 Саркеков Константин (Сарпеков Константин, рядовой, умер 20.IV.1905 г.).
 Смирнов Никита (рядовой).
 Степанчак-неразборчиво (Бучка Степан, унтер-офицер 100-го Островского полка, умер 28.VIII.1905 г., уроженец Витебской губ., Лепельского уезда).
 Сайбатаров Сайдар (Сайбатыров Айдар).
 Спириленко Сергей (Куриленко Сергей, матрос 1-й статьи).
 Гершикуситонский-неразборчиво (Ставский Герш, ефрейтор, умер 16.V.1905 г.).
 Серков Афанасий (Сериков Афанасий, рядовой 122-го пехотного Тамбовского полка, умер 29.IV.1905 г., уроженец Курской губ., Обоянского уезда).
 Соколовский Иосиф (Соколовский Иосиф Степанович, матрос).
 Стархаченко Андрей (Щербатенко Андрей, ефрейтор 57-го Модлинского полка, умер 29.IV.1905 г., уроженец Курской губ., Старо-Оскольского уезда).
 Сикорский Осип (Скольский Осип, рядовой 14-го Восточно-Сибирского стрелк. полка, умер 13.VII.1905 г., уроженец Варшавской губ., Кутновского уезда).
 Сумияков Борис (Темников Борис, матрос, гальванер крейсера «Паллада»).
 Селеухов Дмитрий (Сердцов Дмитрий, рядовой 8-й роты 14-го Восточно-Сибирского стрелк. полка, умер 30.I.1905 г., уроженец Томской губ.).
 Сидорчук (рядовой).
 Топчиев Елисей (Топчий Елисей, унтер-офицер 121-го Пензенского стрелкового полка, умер 12.XI.1907 г.).
 Туриков Григорий (рядовой).
 Тимофеев Петр (матрос, портовое судно «Силач», умер 2.IV.1905 г., уроженец Пермской губ., Шадринского уезда).
 Тарец-неразборчиво (Жосин Василий, рядовой 7-го батальона 216-го Инсарского полка, умер

4.IV.1905 г., уроженец Саратовской губ.).

Угуков Евсей (матрос 2-й статьи).

Фрифов-неразборчиво (Осипов Алексей, матрос крейсера «Рюрик»).

Хотечев Федор (Почечов Федор, ефрейтор Квантунской крепостной артиллерии, умер 29.IV.1905 г., уроженец Пермской губ.).

Чехов Егор (матрос 1-й статьи).

Чидокус Генрих (Цидориус Генрих, рядовой 1-го Восточно-Сибирского стрелк. полка, умер 8.V.1905 г., уроженец Самарской губ., Николаевского уезда).

Филиппов Григорий (рядовой 16-й роты, умер 24.IV.1905 г., уроженец Томской губ., Барнаульского уезда).

Суной Игнатий (рядовой).

Ипатов-неразборчиво (Шашкин Павел, ефрейтор 241-го Орского полка, умер 25.V.1905 г.,

уроженец Оренбургской губ.).

Чечкин Гавриил (матрос 2-й статьи).

Чернюк Яким (матрос 2-й статьи).

Чернеревский Федор (рядовой).

Шехов Хазим (Шаехов Хазим, рядовой 216-го пехотного Инсарского полка, умер 30.V.1905 г., уроженец Уфимской губ., Мензелинского уезда).

Черкасов Александр (рядовой).

Укос-неразборчиво (Буров Павел, матрос 13-й роты Квантунского флотского экипажа, умер 15.II.1905 г.).

Ягилев Григорий (капельмейстер 16-го Восточно-Сибирского стрелк. полка).

Янковский Федор (Янховский Фисер, рядовой 7-й роты 5-го Восточно-Сибирского стрелк. полка, умер 12.IV.1905 г., уроженец Подольской губ.).

В почтительной и горестной тишине я спрятал в карман записную книжку. Вынул из сумки прихваченные с собой бутылку «Московской», складные «охотничьи» рюмки, нарезанные хлеб и колбасу. Первую рюмку налил Василию Арсеньевичу Бойсману — по старшинству, поставил к подножию обелиска, поверх рюмки — кусочек черного хлеба. Затем налил понемногу Судзукава, Сайгами, Виктору Киму и себе. Молча помянули.

В эти минуты я не мог не вспомнить завет нашего национального гения:

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу—
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва...*

Я покидал кладбище с чувством вины, что все эти годы и десятилетия был парализован беспомощностью. Печальная участь — быть наблюдателем со стороны, не в силах что-то сделать, так как на этой японской островной земле я гость. И у меня как иностранца нет никаких прав. Единственно, что я могу — это попросить, привлечь внимание себе подобных заинтересованных людей, принять участие в акции милосердия. Пока откликнулись Судзукава и Сайгами, их не пугают трудности, и они делают все возможное ради великого дела, ради того, чтобы внести свой посильный вклад в сохранение русских воинских захоронений. В разговоре с ними я вначале предложил подумать об общедоступной информации. В городе Мацуяма она отсутствует. Найти некрополь без карты-схемы, без сопровождения местного краеведа — это все равно что слепому рискнуть поехать «без языка» в токийском метро до нужной станции... Это первое. Второе — позаботиться о надписях на плитах. В свое время, как я уже говорил, часть могил была перенесена на основное кладбище, тогда же возникли трудности списанием русских фамилий. Кто-то решил, чтобы не усложнять себе жизнь, выбить на камне японские иероглифы. В те далекие годы едва ли кто из японцев думал, что придет время и кладбище будет открыто для советских людей. И сегодня еще нет такой уверенности. Наш Интурист не возит своих клиентов на остров Сикоку. Но меня волнует не это — не проблемы Интуриста. Пришла пора дополнить иероглифы табличками на кириллице или латыни. Это облегчило бы прочтение эпитафий. Любой европеец, незнакомый с японским языком, не прошел бы мимо надгробий. Остановился бы. Разумеется, не каждыйотреагирует с душевной теплотой. Это зависит, видимо, от склада характера. Однако ностальгическое состояние может взять верх над холодным равнодушием. И человек задумается, где добро, а где зло. К вере приходят не сразу... Наконец, третье. Необходимо напечатать простенький буклет с картой-схемой на трех языках: русском, японском и английском. И чтобы

стоил недорого. Посетители могли бы приобрести его как память о посещении воинского исторического кладбища.

Что можем сделать здесь мы? Например, таблички. Почему бы их не изготовить на каком-либо нашем заводе и не переслать в Мацуяма Т. Сайгами? Для коллектива любого судостроительного или судоремонтного завода это пустяк. Так устанавливаются простые человеческие отношения — основа набирающей силу «народной дипломатии». Вспомним также, что и на нашей земле после второй мировой войны остались кладбища японских военнопленных,

есть следящие за ними подвижники, подобные Т. Сайгами и М. Судзукава. Их взаимосвязь и взаимопомощь поможет решить многие проблемы.

Далеко, очень далеко от России остров Сикоку и город Мацуяма. И, несмотря на расстояние, хотелось, очень хотелось бы, чтобы русское кладбище в Мацуяма было доступно для советских людей. Оно, как и русские некрополи в Хакодате, Нагасаки, Идзумиоцу, — частица нашей истории.

Человек из сожженного поколения

*Похожих на земле нет, время
пережгло их долги.*

Ю. В. Трифонов

Ольга Романовна Трифонова-Мирошниченко любезно предоставила редакции чудом сохранившиеся документы Валентина Андреевича Трифонова. Мы приносим ей за то глубочайшую благодарность.

Пока что не известно, была ли подана в Политбюро ЦК ВКП(б) публикуемая записка В. А. Трифонова — крупного военного и политического деятеля нашей страны, — и какова была реакция на нее. Редакция публикует эти документы в связи с 65-й годовщиной революции 1925—1927 гг. в Китае, оказавшей большое влияние на всю новейшую историю Китая, на обстановку в дальневосточном регионе Азии и на советско-китайские отношения. Это был важный этап формирования стратегии и тактики Компартии Китая и Коминтерна. Уроки тех событий не теряют значения и для сегодняшнего политического мышления.

Надеемся, что внимание читателя привлечет и сама личность комиссара Трифонова. В 1928 г. в своей автобиографии он записал следующее.

**Родился в 1888 г. в Новочеркасской станице Донской области. Отец — донской казак, купец и промышленник. Родители умерли, когда мне было 7 лет. Воспитывался у родственников, а потом в закрытом ремесленном училище в городе Майкопе. Будучи в училище, вошел в организацию РСДРП(б) в 1904 г. В этом же году устроил в училище забастовку, был арестован и выслан на родину.*

В 1905 г. принимал участие в вооруженном восстании в Ростове, командуя десятком дружинников. После подавления восстания был арестован и выслан в феврале 1906 г. в Сибирь, Тобольскую губ. Из ссылки бежал, некоторое время работал на Урале в качестве инструктора боевых дружин и в конце 1906 г. был арестован в Саратове. Просидел больше года в тюрьме и выслан в Туринск. Оттуда бежал, работал на Урале, сначала в Тюмени, а потом секретарем Екатеринбургского комитета. Провалился, уехал на юг и был арестован в Ростове-на-Дону в 1908 г. Просидел в тюрьме около года и отправлен в ссылку в Березов, откуда вскоре бежал. Работал в Тюмени в качестве секретаря Тюменской организации. Провалился, был арестован, выслан весной 1910 г. в Туруханский край. В туруханской ссылке пробыл 3 года. По окончании ссылки в 1914 г. приехал в Питер. Поддерживал связь с организацией через тт. Молотова В., Калинина М. И., Залуцкого П. и др. В 1915 г. с Егором Пылаевым организовал типографию Питерского комитета партии.

После [февральской.— Ред.] революции был выбран секретарем большевистской фракции Питерского Совета Рабочих депутатов — с февраля по июнь 1917 г. В июне секретарство во фракции передал т. Лашевичу М. М. и занялся организацией Красной гвардии. В августе 1917 г. был выбран секретарем бюро Центральной комендатуры Красной гвардии Питера. С 22 октября назначен членом Главного штаба Красной гвардии. Во время Октября в качестве секретаря бюро руководил Питерской Красной гвардией. В конце декабря 1917 г. на Всероссийском совещании Красной гвардии был выбран вместе с т. Юрениным в члены коллегии Наркомвоена. Совнаркомом эти выборы были утверждены. Принимал участие в разработке Устава РККА. Членом Коллегии Наркомвоена и членом Рев. Воен. Совета Республики состоял по концу 1919 г.

В апреле 1918 г. будучи членом РВС Республики, был командирован на Юг для организации сопротивления продвижению немцев, а после восстания чехословаков — на Урал

для организации Уральской армии. На Урале был с июня 1918 г. по апрель 1919 г. Состоял начальником формирования Уральской армии, начальником военной Камской флотилии, начальником укрепленных районов Уральской армии и членом Реввоенсовета 3-й армии.

Весной 1919 г. наши войска на Юге начали стремительно отступать и меня перебросили на Юг, где я был сначала членом РВС, а потом командующим Донским экспедиционным корпусом. В июне 1919 г. получил назначение членом Реввоенсовета Особой группы Южного фронта, а потом последовательно был членом РВС Юго-Восточного фронта и Кавказского фронта.

Июль 1919 г., поражение на Юге. Один из факторов — знаменитое «расказачивание». Л. Д. Троцкий слыл блестящим организатором. Организатором чего? Валентин Андреевич пишет А. А. Солцу: «На Юге творились и творятся величайшие безобразия и преступления. ... Южный фронт — это детище Троцкого и является плотью от плоти этого бездарнейшего организатора. ... В руках этих идиотов находится судьба величайшей революции — есть от чего сойти с ума». Не чин, но правду почитал превыше всего.

«Делегат IX (март — апрель 1920 г.) и X (март 1921 г.) съездов Коммунистической партии. В июне 1921 г. меня демобилизовали и назначили заместителем начальника Главного Топливного управления (Главтоп). Это был период сильнейшего топливного кризиса. Одновременно я был назначен председателем Правления Всероссийского Нефтяного Синдиката (Нефтесиндикат), членом Совета Промышленного банка Республики. На этой работе я находился до конца 1923 г.

В ноябре 1923 г. получил новое назначение — председателем Военной коллегии Верховного Суда Союза. В ноябре 1925 г. был отправлен в Китай в качестве помощника военного атташе (атташе был А. И. Егоров), откуда вернулся весной 1926 г. и был назначен торгпредом в Финляндию. Из Финляндии вернулся весной 1928 г. и был назначен членом Президиума Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина».

Юрий Валентинович Трифонов уже в наши дни записал: «С 1929 г. отец был заместителем председателя, а с 1932 по 22 июня 1937 г. — председателем Концессионного комитета при Совнаркоме СССР. В. А. Трифонов был членом Высшего Военно-академического Совета страны, членом коллегии Госплана. Будучи на государственной работе, продолжал заниматься военными и юридическими вопросами. В начале 1937 г. он закончил работу над своей военно-теоретической книгой «Контуры грядущей войны». Она не была напечатана*».

В. А. Трифонов арестовали в ночь на 22 июня 1937 г. как участника «троцкистской диверсионно-вредительской организации». Сокамерник вспоминал его слова: «Нас всех взяли с прикупом. То ли битьем, то ли со страху наговорите, — но непременно что-нибудь скажете». Он был из тех немногих, кто понимал, что происходит. Детей революции пожирала побочные, прямых наследников — случайные, что посвободнее от совести да разума, и по своим бить — сподручнее и безопаснее. Расстрелян 15 марта 1938 г. Дело прекращено 3 ноября 1955 г. за отсутствием состава преступления. В. А. Трифонов восстановлен в партии. «Неужели революционеры лишь те, — горько замечал писатель, — кто еле слышными, но живыми голосами могут о себе рассказать, доказать? А те, кто рвались, ярились, задыхались в кровавой пене, исчезали бесследно, погибали в дыму, в чаду, в неизвестности?...» Те люди уже ничего не могут сказать сами, не могут возразить и опровергнуть. Пишут же о том поколении: «Вот они греются на солнышке, рядом, на одной скамье, и молчат... Старый большевик, стрелявший в восемнадцатом по «гнилой интеллигенции», а потом прошедший сталинские лагеря; его жена, вынужденная до «оттепели» скрывать инородство; бывший вертухай, от которого по сей день разит псиной и барачной плесенью; старик, ностальгически вспоминающий воинственные марши, веселящий душу размах кумача, молодость, похожую на электрические контуры и люминации с привкусом пороха и крови...» («Огонек», 1990, № 8, с. 29). Воистину, нет мудрости злобной и пошлой. «Групповой портрет поколения» неполон. Нет там комиссара Трифонова. Его сын изучил предельно тщательно жизнь отца и людей его круга и знает ее не хуже автора вышеприведенного «портрета». Об этом свидетельствует огромная кипа тетрадей, выписок и заметок в архиве писателя. Поэтому и сегодня ему не пришлось бы отречься от отца.

Что осталось нам от того поколения? Даже не очень пожелтевшие листки кремловой

* Эта книга в скором времени — более чем через полстолетия после написания — выйдет в Воениздате.

бумаги в летучих строчках синего карандаша, почерком теперь не принятым, да почему-то без мягкого знака в глагольных окончаниях. И еще остались — мы, наследники. Как распорядились?

Такие документы специалисты называют конфликтными. Но для записки В. А. Трифонова более характерно не стремление оправдаться, а побуждение долга — изложить позицию. Запальчивость автора обращения в Политбюро — не от тщеславия, а от совестливости, прямота — не от ограниченности, а от ответственности и преданности делу, искренность — не от наивности, а от чистоты помыслов. Есть у нас сегодня избыток этих свойств души?

Не так-то просто было и в 26-м году встать пусть не против всех, но хотя бы отдельно от всех, чтобы сказать свою правду.

Революция 1925—1927 гг. в Китае развивалась сложно, неровно, по-разному в разных регионах страны, подъемами и спадами. И итог, и последствия ее неоднозначны. Сложно отражалась она и в умах людей, в программах политических течений, которые то соединялись, то сталкивались в конфликтах. Сложность тогдашней обстановки в Китае породила немало недоразумений и довольно острые разногласия на разных уровнях, в том числе между такими признанными специалистами, как М. М. Бородин (главный политический советник при Гоминьдане), Л. М. Карахан (посол СССР в Китае тех лет), Г. Н. Войтинский (представитель Коминтерна при КПК). Решения Коминтерна по Китаю тоже были не всегда адекватны обстановке. Разногласия возникали и на уровне советских советников, которые в разное время, как и В. А. Трифонова, выражали несогласие с теми установками, которыми их снабжали.

У читателя, несомненно, возникнет ряд вопросов, они возникли и в редакции при обсуждении документов В. А. Трифонова.

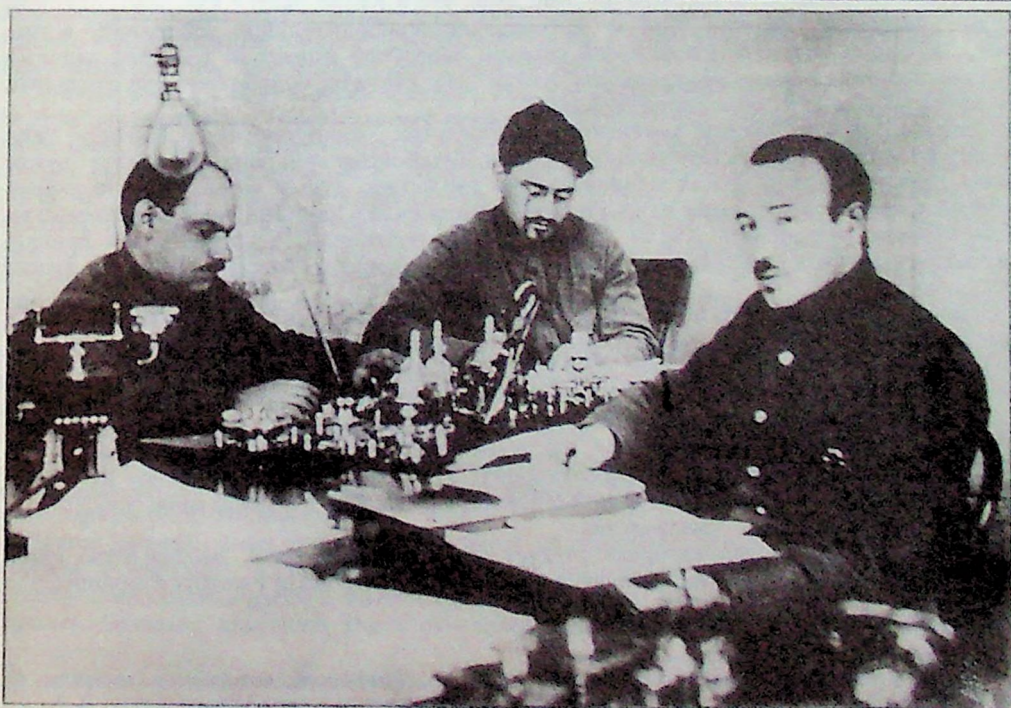
Прежде всего это вопрос о советской помощи Китаю в те годы, насколько эффективно она была направлена и насколько способствовала объединению сил национального освобождения. Далее — неизбежен ли был конфликт Гоминьдана с коммунистами и переворот Чан Кайши в 1927 г.? Верно ли были сориентированы наши советники в Китае, какую роль в формировании позиции руководства ВКП(б) сыграли разногласия по китайскому вопросу Сталина и Бухарина, с одной стороны, и Троцкого и Зиновьева, — с другой? Возможно ли было развитие в Китае тех лет «чистой» национальной революции, без учета интересов трудящихся, без борьбы трудящихся за их социальные права? Какую роль играли разногласия КПК и гоминьдана и не было ли со стороны КПК, Коминтерна, ВКП(б) попыток искусственного форсирования социальной революции? Как известно, СССР сотрудничал не только с Фын Юйсяном, явно рассчитывавшим на советскую финансовую помощь (сколько он получил?); имело место и соглашение с Чжан Цзолином, самым ярким противником революции в Китае. Насколько обосновано политически было такое сотрудничество и каковы причины и содержание конфликтов на КВЖД в январе и весной 1926 г.? Достаточно ли точно и полно просчитывались последствия той или иной стратегии, если рассматривать их в исторической перспективе? Была ли возможность сохранения на том же уровне сотрудничества СССР и Китая в будущем — в конце 20-х и первой половине 30-х годов? Не предпочел бы Чан Кайши в любом случае «дружбу» с Западом? А нравственные уроки всех этих проблем, в частности, выбора союзников? Мы надеемся, что наши историки помогут найти ответ на эти вопросы. Ведь, как мудро заметил Гегель, учит не история, учат историки.

Ф. Ф. ЛАППО

В. А. Трифонов. 1919 г.

Командарм — III М. М. Лашевич, член Рев-
военсовета В. А. Трифонов, начштабарм
М. И. Алафузо. 1918 г.

I. В Политбюро ЦК ВКП(б)

[Написано В. А. Трифоновым не ранее марта 1926 г.]*

В начале ноября 1925 г. постановлением Политбюро я был отправлен в Китай для военной работы. В середине же марта 1926 г. постановлением Комиссии ЦК под председательством т. Бубнова¹ я был возвращен в Москву. Считаю нужным доложить ЦК об обстоятельствах, которые вызвали такое быстрое мое возвращение. Обстоятельства эти были двоякого свойства.

Организационные неувязки. Тов. Бубнов, который в качестве Секретаря ЦК вел со мною переговоры о поездке в Китай, гарантировал создание в Китае Рев. Воен. Совета для военно-политического руководства нашей работой там. Я дал свое согласие на поездку в Китай в качестве члена этого Совета с формальным зачислением меня на должность пом. военного атташе. Но в дальнейшем ЦК партии не согласился на создание в Китае Рев. Воен. Совета, и это, естественно, вызвало осложнения во взаимоотношениях моих и т. Егорова с тов. Караханом.

Но однако это обстоятельство само по себе не могло бы привести к резкому разрыву между нами и т. Караханом, как это имело место последнее время, тем более что после первой же моей поездки по Китаю я убедился в нецелесообразности создания там Р. В. С. Организация Р. В. С. возможна только в обстановке активной революционной борьбы, перешедшей уже в стадию гражданской войны, когда военно-политические интересы приобретают доминирующее значение. Ближайшее ознакомление с китайской обстановкой убедило меня в том, что [пока центральными вопросами в Китае являются чисто политические] и в интересах успешного и правильного развития революционного движения в Китае нам нужно не выпячивать ту военную работу, которую мы ведем в Центральном Китае, а наоборот, ее сокращать и строить по-иному. И естественно поэтому, что вскоре же после приезда в Китай я отказался от мысли создания Р. В. С.

Основные мои разногласия с Караханом шли, таким образом, не по линии организационной неразберихи, созданной в Китае, а явились результатом различной оценки политического значения работы нашего полпредства в Центральном Китае. К этим основным разногласиям я и перейду.

[Не может подлежать ни малейшему сомнению, что в Китае растет как революционно-классовое движение рабочих, так и национально-освободительное движение, острие которого...] Спора нет, что центральной задачей советской политики в Китае является содействие национальному объединению Китая. Но как это содействие осуществлять, каким путем достигнуть объединения Китая?

По мнению руководителей китайского полпредства (полпредства в Китае.— Ред.) задачу эту можно разрешить следующим образом: китайскому генералу-«феодалу»² нужно «помочь» превратиться в вождя национального движения; этому вождю нужно помочь организовать армию; этой армии нужно помочь организовать национальное правительство, и правительству — завоевать Китай. Задача весьма почтенная, особенно если принять во внимание, что вся эта сумма «помощи» должна всюю тяжестью лечь на тощую советскую кассу.

Руководителей китайского полпредства при этом не смущает, если тот генерал, с которого можно начать, который должен явиться тем звеном, схватившись за которое мы сможем вытянуть всю цепь политического успеха в Китае, если этот генерал не будет ни левым в политическом смысле, ни национально настроенным,— под давлением материальной заинтересованности и соответствующей обработки, под влиянием растущего национального движения генерал этот, по мнению руководителей полпредства, будет неизбежно эволюционировать в нужную сторону. Эта точка зрения является не только теоретическим представлением руководителей полпредства, но и в полной мере осуществляется в практической работе полпредства.

В качестве генерала, над которым следует экспериментировать, полпредство взяло Фына. В Центральном Китае Фын является главной фигурой, вокруг которой полпредство

* Далее в квадратные скобки заключены слова В. А. Трифонова, которые он зачеркнул по известным лишь ему соображениям, но без которых понимание текста затруднено.

введет свою военно-политическую работу. Ему уделяется львиная часть помощи, в его распоряжение передаются большинство инструкторов, ему уделяется максимум внимания.

Что из себя представляет этот ошачливленный полпредством генерал, какие надежды может возлагать на него Советская Россия? В Шанхае у нас было совещание с ЦК Компартии Китая; на этом совещании в присутствии т. Войтинского я задал членам ЦК следующий вопрос: «Нужно ли стремиться к тому, чтобы подчинить народные армии* Фыну, является ли Фын тем лицом, вокруг которого можно было бы объединить народное движение Китая?» На этот вопрос ЦК категорически ответил, что попытки объединить народные армии под командой Фына он считает вредными попытками, что Фыну верить нельзя, что он не может явиться тем лицом, которое объединит народное движение.

Совершенно аналогичные ответы я получал от всех многочисленных руководителей компартии и гоминьдана, с которыми мне приходилось говорить. Вот, например, отзыв, который я получил на совещании руководителей коммунистической и профессиональной организаций в Калгане — резиденция Фына, где, кстати сказать, ком[мунистические] организации существуют нелегально: «Фын — хитрый и умный человек. Никаких политических убеждений не имеет. Основная цель его деятельности — усиление собственного положения и, в первую очередь, — обогащение. Не имеет какой-либо общественной цели своей деятельности, хотя и выбрасывает иногда различные лозунги. В отношении общественных организаций проявляет большую бдительность, все время пытаюсь — прежде и теперь — подкупить руководителей движения и запугать их».

В Китае как у коммунистов и гоминьдановцев, так равно в широких массах населения у Фына твердо установившаяся репутация: типичный китайский милитарист, решительный и бесцеремонный в достижении личных выгод; многократно предавал тех, с кем он был связан узами дружбы и совместной работы; человек, которому верить нельзя; христианский генерал, воспитывающий свою армию в духе христианского послушания: в политическом отношении нечто в высшей степени бесформенное; как и большинство китайских генералов, в политической борьбе он видит главным образом средство к наживе, герой первоначального накопления; к общественному движению относится вполне отрицательно, хотя и пытается использовать его в своих корыстных интересах путем подкупа, угрозы насилия.

Вокруг этого генерала полпредство пытается консолидировать китайское общественное движение. На языке таких работников, как тов. Войтинский, это называется «использованием военного фактора в развитии национального движения». Однако нетрудно сообразить, что использование военного фактора это одно, а создание вооруженной силы в руках такого милитариста, как Фын, — нечто совсем другое.

Сегодня Фын в союзе с нами и делает вид, что сочувствует национальному движению. На этом основании мы помогаем ему организовывать армию, снабжаем его оружием. Но завтра Фын изменит свою политику, как он делал это неоднократно: вместо сочувствия, хотя бы внешнего, национальное движение встретит с его стороны вражду. Мы порвем с Фыном, но ведь армия, созданная при нашей помощи, останется в руках Фына как серьезнейший фактор политической борьбы, направленной против нас и национального движения. Не приведет ли нас такое «использование военного фактора» в положение унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекала? Я сильно этого боюсь. Столь активная помощь в создании армии, которую мы оказывали Фыну, могла бы быть понятна только при условии, что Фыну мы действительно верим, что его поведение, его поступки подтверждают эту веру в него. А что мы видим в действительности? Вот несколько фактов, которые прекрасно характеризуют отношение Фына к нам и общественному движению.

Полпредство отпустило несколько тыс. рублей на покупку лошадей для фыновской кавалерии. Лошади были «куплены» у Фына в имении, то есть просто взяты из его табунов и переданы его же армии, а мы заплатили Фыну за это советскими деньгами. Мелкое, но очень характерное жульничество.

Другой пример. Фын уходит в отставку и одновременно присылает к Карахану своего генерала с письмом, который заявляет, что если Карахан ему отпустит оружия на несколько миллионов рублей, то он останется у власти, а если не отпустит, то он уйдет в отставку. Элемент шантажа здесь отчетливо чувствуется: вложили вы, дескать, в мое

* В современной советской литературе употребляется термин «национальные армии».

предприятие несколько миллионов, будьте добры и дальше увязать в нем, иначе потеряете то, что уже вложено.

А вот факт из общественной деятельности Фына. В Калгане есть профсоюз, а в профсоюзе — правление. Состоит оно в большинстве из коммунистов. «В интересах развития продвижения» Фын взял на содержание всех членов правления, платя им «дополнительное жалование» в размере, превышающем в несколько раз их нормальное жалование. Когда секретарь ком. организации под давлением наших инструкторов начал требовать от коммунистов, членов правления, чтобы те вносили получаемые от Фына деньги в профсоюз, то Фын, узнав об этом, немедленно выслал этого секретаря за пределы своей вотины.

Конечно, Фын — не коммунист, но все же столь бесцеремонное обращение с общественными рабочими организациями не пристало союзнику Советской России. Это опять-таки очень характерный факт.

Не менее показательны отношения Фына к нашим инструкторам. Какую работу они несут в фыновской армии? Обучают одиночных бойцов, выполняют обязанности артиллерийских техников по ремонту оружия, строят бронепоезда. Основные отрасли военного дела — штаб, снабжение и оперативное руководство — являются заповедными для нас отраслями, куда наших инструкторов не подпускают и близко. Политработа разрешается в армии в минимальных дозах (в течение очень короткого времени существовало три клуба) под сугубым контролем и руководством фыновской администрации. Но зато Фын разрешает нашим инструкторам заниматься преподавательской деятельностью в школах, очевидно, понимая, насколько комический характер носит эта деятельность. Надо сказать, что она является основной работой наших инструкторов. Однако по своей квалификации наши работники менее всего пригодны, за совершенно ничтожным исключением, к такого рода работе. Подбирались инструктора для оперативной активной работы. Хорошие бойцы, с большим стажем гражданской войны, они однако совсем не подготовлены к педагогической деятельности. В России большинство из них не подпустили бы к военной школе на пушечный выстрел. А в Китае они преподают через плохих переводчиков. Это отчасти спасает их от совсем уж конфузного провала. Но однако в Китае, и в частности у Фына, есть офицеры, получившие японское, европейское и китайское военное образование, некоторые даже высшее образование, и они, понятно, разбираются в степени квалификации наших инструкторов. Если Фын все же разрешал им работу в школах, то исключительно из тех соображений, что надо же как-нибудь занять 40 человек русских советников, сидящих у него в армии. Он даже создал специальную школу — так называемую студенческую школу для преимущественной работы наших инструкторов, в интересах политической профилактики заполнив эту школу солдатами своей охранной бригады, наиболее надежными и наименее податливым элементом.

Следует отметить, что, как общее правило, наших инструкторов пускают в китайскую армию, за исключением Кантона, как бы в оплату за материальную помощь с нашей стороны. Даем мы оружия на миллион рублей, — и китайцы разрешают нескольким нашим инструкторам работать у себя в армии, причем ставят их в такие условия, чтобы они были минимально активны и полезны китайской армии. Такая история была у Фына и еще в большей степени в других народных армиях, где наших инструкторов не допускали почти к работе, потому что мы очень мало помогали этим армиям. Во 2-й народной армии сидело, например, в течение нескольких месяцев сначала ...*, а потом несколько меньше, которые ровно ничего не делали. Зачем там держали инструкторов, как равно зачем держали 40 человек у Фына, из которых значительная часть тоже ровно ничего не делала полезного для фыновской армии, — этого понять невозможно. Тратятся на инструкторов крупные средства в иностранной валюте, а сами они разлагаются без всякой пользы для кого и чего бы то ни было. История с нашими военными инструкторами в Китае — это буквально позорная страница нашей китайской политики.

Все поведение Фына совершенно ясно говорит, что он желает только использовать нашу материальную помощь, ничего не давая взамен ни нам, ни национально-освободительному движению страны. Нельзя, однако, отрицать, что при Фыне общественным организациям живется несколько легче, чем при прочих милитаристах Китая. Фын делает минимум того, в чем заинтересовано национально-освободительное движение, что может

* Цифры написаны неразборчиво.

содействовать его развитию: он терпит общественные организации. Несомненно, это его терпение нужно использовать в максимальной мере в интересах развития движения. Но правильным это использование будет только при условии, если верно понять, чем это «терпение» стимулируется, и не переоценивать его значимость для национально-освободительной борьбы.

Фын терпит общественные организации совсем не потому, что сочувствует деятельности этих организаций, он к этому был вынужден обстановкой, сложившейся в Китае после предательства его У Пэйфу³. У Пэйфу вывел Фына в люди, сделал из него деятеля, стоящего на виду. И когда Фын предал У Пэйфу, пользующегося в Китае очень большим моральным авторитетом, и перешел в критическую минуту на сторону Чжан Цзолина⁴, то это вызвало в широких массах китайского населения взрыв негодования против Фына.

Негодование против Фына охватило настолько широкие слои китайского населения, что принудило Фына заняться поисками «потерянного лица», нужно было найти оправдание своему предательству и такое оправдание, которое идейно противопоставило бы Фына У Пэйфу. У Пэйфу — один из наиболее честных и национально настроенных деятелей Китая и чуть ли не единственный государственно настроенный генерал, но в социально-политических вопросах весьма консервативен и даже реакционен. Фын поэтому и только поэтому пытается стать на либеральные позиции, дескать, он, Фын, за народ, а У Пэйфу против народа, и поэтому он восстал против У Пэйфу. Однако дальше пассивного непротивления общественному движению Фын не пошел, да и идти ему не было смысла, ибо достаточно ему было милостливо разрешить общественным организациям влачить в его вотчине полулегальное существование, как на него посыпались, как из рога изобилия, всякие милости: общественные организации перед ним расшаркиваются, бесплатно дают ему вооружение, укрепляют его армию.

Фын не только достиг поставленной себе цели, но и получил много больше того, на что он мог рассчитывать. «Леветь» ему дальше было уже невыгодно, тем более, что обстановка, толкнувшая его на игру в либерализм, существенно изменилась (особенно последнее время, когда У Пэйфу начал переговоры с Чжан Цзолином о совместном выступлении), и о его предательстве стали забывать. У Фына не было другого выхода, как начать игру в либерализм, и он вел эту игру умно, выдержанно и осмотрительно, минимально проявляя свой либерализм и максимально его используя, чего, однако, нельзя сказать про наше полпредство, которое не сумело в нужной мере использовать вынужденный либерализм Фына и, наоборот, позволило Фыну в полной мере использовать нашу помощь.

Казалось, что если мы платим Фыну такую высокую цену за «легальные возможности» существования общественных организаций, то нам следовало бы позаботиться использовать эти возможности в максимальной степени. В действительности, однако, этого не было. Ни материальными средствами, ни людьми общественные организации обеспечены не были. Если сравнить количество наших людей, занятых общественной работой с количеством людей на военной работе, а также сравнить соответствующую материальную трату, то мы увидим вопиющее несоответствие: на общественную работу уходили гроши, а на военную — миллионы. Это положение и понятно, потому что полпредство занимали не те микроскопические легальные возможности, которые предоставлял Фын общественным организациям, а занимала идея превращения Фына в главу центрального китайского правительства. Эта идея казалась нашему полпредству весьма увлекательной и осуществлению этой идеи было посвящено 95 % всех сил полпредства.

На наш альянс с Фыном надо также посмотреть со следующей точки зрения. Полпредство хочет превратить Фына в вождя национально-освободительного движения и во имя этого своего желания дает ему оружие, помогает организовывать армию, но китайский народ считается не с желаниями, а с фактами. Он знает, что Советский Союз помогает одному из генералов-«феодалов», вотчина которого граничит с Монголией⁵, знает, что Монголия уже находится под влиянием Советов, и отсюда делает вывод, что Советский Союз пошел по стопам прочих империалистов, что он при помощи Фына хочет обеспечить сферу своего влияния в Китае. В качестве тревожного сигнала следует отметить рост антисоветских настроений, которые выразились в митингах протеста по поводу инцидента на КВЖД и выпуске антисоветских прокламаций. Перед моим отъездом, например, в Пекине были расклеены прокламации, гласящие: «Долой русских и японских собак, долой неравноправные договоры!» Раньше такие прокламации не появлялись в Пекине.

Политика нашего полпредства в Маньчжурии и на КВЖД есть продолжение нашей политики в Центральном Китае. Последний инцидент на КВЖД был несомненно вызван

соответствующим давлением полпредства, и на совести руководителей полпредства лежит рост шовинистических настроений в Северной Маньчжурии⁶.

Тов. Карахан считает, что Фын есть представитель китайской общественности, а Чжан Цзолин — представитель милитаристской группы, и поэтому он полагает, что китайский народ должен понять и благожелательно отнестись к нашей политике на КВЖД, когда мы помогали Фыну и создавали осложнения для Чжана. Но к сожалению, широкие китайские массы не считают Фына представителем общественности, и поэтому наше активное вмешательство в драку Фына с Чжаном они рассматривают как империалистическое вмешательство. Отсюда понятен рост антисоветских настроений в Северной Маньчжурии, вызывающий ответный рост советского шовинизма. Причину надо искать не в Харбине, а в Пекине.

Наша активная поддержка Фына, и. о. дубаня (теперь, кажется, бывшего дубаня) и других генералов-милитаристов помимо того, что она набрасывает на нас известный империалистический флер, вреднейшим образом отражается на партийных и профессиональных организациях Китая. Она вынуждает эти организации контактировать с феодалами-генералами, поддерживать этих генералов, приспособлять к ним свою практическую работу, свою идеологию.

Я выше привел историю с подкупом членов правления профсоюза в Калгане. Когда я спросил секретаря губкома в Калгане, почему они не настаивают на смене правления профсоюза, то тот мне ответил, что Фын будет всемерно бороться против такой смены, а с Фыном они рвать не могут, так как он союзник Советской России.

Вот еще один показательный случай. Я приехал в Кайфын во 2-ю «народную» армию вместе с Ворониным. На следующий день к нам пришел секретарь местного губкома. После разговоров о местных делах Воронин [передает секретарю, кажется, 4500 долл. и тут же — не знаю, вышло это случайно или нет —] говорит ему, что ЦК компартии и Карахан считают нужным поддерживать то правительство, которое в ту пору организовал Фын. Лица, намеченные в правительство, не отличались либерализмом, в большинстве это были весьма черные и матерые китайские бюрократы. Услыхав такой «совет», секретарь губкома изобразил на лице недоумение и задал вопрос: намеченное правительство очень плохое, очень правое, стоит ли его поддерживать? Воронин ответил, что правительство действительно правое, но все же Карахан считает нужным его поддержать. Последнее обстоятельство было подчеркнуто. Секретарь губкома, растолкав по карманам веское доказательство могущества Карахана (на губком ежемесячно выдавалось таким путем несколько тысяч долларов), сказал «хорошо» и ушел.

Я тотчас же указал Воронину на совершенно недопустимый способ поддержки партийной организации и весьма странный способ агитации за новое правительство, на что Воронин ответил, что он выполняет директивы Карахана.

Следует тут же указать, что с идеологией революционного движения в Китае дело обстоит весьма неблагоприятно. Там сложилась очень своеобразная «теория», которая мало чем напоминает марксизм и ленинизм. По этой теории (ее мне развивали Войтинский, Карахан и ряд других товарищей в разных пунктах Китая, [хотя] родилась она в Пекине), революционное движение Китая должно завершиться созданием правительства на широкой коалиционной базе, включая, с одной стороны, рабочих, а с другой — буржуазию и все промежуточные слои. В таком виде теория эта не содержала бы в себе ничего нового (меньшевики давно ее проповедают), оригинальной у наших теоретиков является основа этой революционной власти. Они утверждают, что организатором национально-революционной власти, осуществляющим диктатуру широкой правительственной коалиции, должна явиться мелкая буржуазия.

Мы все время были убеждены, что мелкая буржуазия является единственным классом общества, не способным самостоятельно осуществить диктатуру и организовать политическую власть. Никаких фактов, которые могли бы поколебать это убеждение, исторический опыт не знает. Специфичность китайской обстановки, которая, однако, не меняет основ социальных взаимоотношений, не может также служить достаточным основанием для такого коренного пересмотра законов развития общественных отношений.

«Теория» эта родилась и окрепла среди наших работников в Китае только потому, что никто из них не давал себе труда серьезно продумать ее до конца. Вообще следует отметить, что наши китайские работники не любят себя утруждать научно-социальными исследованиями. Они целиком погружены в текущую оперативную работу, и им некогда, очевидно, заниматься основами этой работы. Достаточно сказать, что такой серьезнейший

фактор революционного движения, как крестьянское движение, до сих пор является для нас тайной за семью печатями. И мы даже не пытаемся по-серьезному проникнуть в эту тайну. Что из себя представляет движение китайского крестьянина, мы совершенно не знаем, а между тем оно захватывает широкие крестьянские массы. Единственные сведения, которые мы имеем, получены нашими военными работниками в Хэнане, но они захватывают очень небольшой район, касаются весьма небольшого числа случаев и потому недостоверны. А, ведь нетрудно понять, что, не ориентируясь в крестьянском движении, нельзя ничего понять в революционном движении такой по преимуществу крестьянской страны, как Китай.

Наша работа в Китае идет прыжками, причем нередко весьма причудливыми прыжками (только потому, что у нас до сих пор еще нет сколько-нибудь отчетливой перспективы развития революционной борьбы китайских масс), работа в одной области находится в противоречии с нашей работой в другой области, в общем же и целом получается довольно большая неразбериха. Не говоря уже о том, что наша политика в Центральном Китае явно противоречит нашим интересам в Северной Маньчжурии и грозит серьезными осложнениями с Японией. Она отнюдь не может считаться согласованной и с нашей работой в Кантоне.

В Кантоне создается какая-то государственность, располагающая вооруженной силой, создается при нашем содействии. Государственность эта очевидно не должна замыкаться в нынешних своих пределах, ибо такое существование ее было бы бессмысленно. Рано или поздно она должна двинуться на Север. И здесь Кантон, очевидно, встретится с Фыном и так называемыми «народными армиями». Как они встретятся, как друзья или как враги?

Карахан на совещании комиссии Бубнова назвал этот мой вопрос метафизическим и ответил на него в высшей степени неопределенно: может быть, как враги, а может быть, как друзья. Ответ этот был совершенно правилен, ибо мы не знаем, как встретится кантонская армия с армией Фына. Очень много оснований полагают, что они встретятся как враги и будут взаимно уничтожать друг друга оружием, полученным от нас.

Мне кажется, что надо сначала выяснить, кому и для чего мы помогаем, и только потом помогать, а иначе наша миссия в Китае сведется к тому, чтобы поддерживать в Китае состояние непрерывной вооруженной борьбы, в чем нас склонны обвинять некоторые круги китайцев (...)

¹ Бубнов А. С. — член ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б) (секретарь ЦК, апрель — декабрь 1925 г.), начальник Политуправления РККА, как глава советской инспекторской комиссии в Китае (1926) встречался с Чан Кайши. Задачей комиссии была оценка работы советских советников. В решении ее указывалось на их ошибки левацкого толка, что М. М. Бородин категорически отрицал. В мае 1926 г. советники были отозваны из Гуанчжоу (Кантона). С. 1929 г. А. С. Бубнов — нарком просвещения РСФСР. Расстрелян 1 августа 1938 г.

² Речь идет о Фын Юйсяне, известном военно-политическом деятеле Китая 20—40-х годов.

³ У Пэйфу — глава чжилийской (Чжили в те годы — столичная провинция с центром в Пекине) клики милитаристов со ставкой в Ловин; официально — генерал-инспектор Хунани и Хубэй.

⁴ Чжан Цзолин — глава фэнтяньской (мукденской) клики милитаристов, контролировал Северо-Восток страны (Маньчжурия, Дунбэй), пользовался широкой поддержкой Японии. Вел ожесточенную вооруженную борьбу с другими кликами, которая прерывалась временными соглашениями, сделками и «перелетами». Фэнтяньская группа более других была враждебна революции.

⁵ В 1925 г. войска Красной Армии ушли из Монголии.

⁶ Чжан Цзолин не признавал центральное пекинское правительство, не признавал и соглашения 1924 г. между Китаем и СССР о КВЖД, требуя, чтобы СССР заключили соглашение с ним. На этой почве в те годы часто возникали конфликты, усиленно разжигавшиеся реакционными кругами белой эмиграции. Советская администрация не соглашалась (в соответствии с договоренностями 1924 г.) на использование КВЖД для перевозки войск и грузов для клики Чжан Цзолина. В январе 1926 г. несколько поездов КВЖД были захвачены войсками фэнтяньской клики, управляющий КВЖД был арестован. Советские дипломаты с трудом уладили этот конфликт. Однако весной 1926 г. вспыхнул новый. Все это не могло не отразиться и на отношениях СССР с Японией. Отношения Чжан Цзолина с Советским Союзом, к сожалению, почти не освещены в нашей исторической литературе.

2. Из беседы т. Трифоновой с т. Ван Чжунъи (руковод. профсоюза ж. д. рабочих Пекин — Суйюаньской ж. д.) и т. Дин Чжичжи (секретарем местной партийной организации в Калгане)

А. Характеристика Фын Юйсяна и 1-й Народной Армии и их политики в отношении народно-революционного движения

Тов. Ван: Фын Юйсян — умный и хитрый человек. Никаких политических убеждений не имеет. В общественных и политических вопросах, вопросах общественного движения не отличается какими-нибудь значительными знаниями, многого не понимая. Основная цель его деятельности — усиление собственного положения и, понятно, обогащение. Не имеет какой-нибудь общественной цели своей деятельности, хотя и выбрасывает иногда различные лозунги.

Подчиненное ему офицерство служит в армии ради карьеры и обогащения. Никаких убеждений и идейных стимулов службы у этого офицерства нет. Даже политика Фына многими из них не понимается и не разделяется. Многие из них в отношении лозунгов Фына и его самого питают сомнения. Политика Фына при отдаче поста дубаня провинции Чжили Сун Ю вызвала недовольство среди многих офицеров 1-й Народной Армии, которые рассчитывали сами получить доходные места в этой провинции.

В отношении народного движения Фын еще не занял совершенно определенной позиции, проявляя постоянное колебание в этом вопросе. С одной стороны, он все еще не решается силой подавить это движение, с другой стороны, боится его роста. В отношении работы компартии питает большое сомнение, считая коммунистов мятежниками, а их работу подготовкой к бунту, восстанию.

Большевизма фактически не понимает, хотя и боится его. В отношении революционного движения еще колеблется в вопросе, применять ли силу для его подавления, учитывая [его] силу и возможность использования этого движения в своих интересах.

В отношении профсоюза Фын проявляет большую бдительность, все время пытается — прежде и теперь — подкупить руководителей рабочего движения, что ему до сих пор не удается. Теперь применяет к профсоюзу метод застраивания, требуя, чтобы союз вел умеренную и в интересах 1-й Народной Армии работу. Работники профсоюза в своей агитационной работе ведут такую линию: сам Фын сравнительно лучше других милитаристов в Китае, но офицерство и чиновничество Народной Армии не служат интересам народа и государства, преследуя личные цели обогащения. Рабочие и народ должны опираться на свои собственные силы, укреплять свои организации, развивать их и усиливать, и тогда Фын или должен будет подчиниться воле трудящихся или будет побежден в своей борьбе против них.

Как пример политики Фына в отношении профсоюза железнодорожных рабочих может быть приведен факт, имевший место летом прошлого года, когда 5 руководителей профсоюза железнодорожных рабочих были вызваны представителем Фына и от имени последнего им была предложена определенная ежемесячная плата (одному — 50 кит. долл., четверым — по 40 кит. долл.) как поощрение к добросовестной работе их в интересах Фына и его армии, причем руководители профсоюза должны были поощрять к тому же и рабочих. Председатель профсоюза отказывался от получения этой суммы денег, но после уговаривания и настояния представителя Фына и 4-х товарищей согласился, хотя, получая эти деньги и теперь, этот председатель профсоюза, по мнению т. Вана, ведет правильную профсоюзную политику, действует по директивам партии, точно их выполняя. Когда партия узнала о получении руководителями профсоюза этих денег, им было предложено (из них 4 коммуниста — молодые члены партии) сдать эти деньги на клубную работу союза. Молодые товарищи партдисциплине не подчинились, денег не сдали, и 2-е из них донесли по начальству, что в профсоюзе орудуя коммунисты, ведущие антифыновскую политику, после чего «предательствующие» были исключены из партии, а секретарю местной партийной организации т. Сяо было предложено немедленно «убраться» из Калгана (местной полицейской администрации).

Тов. Дин: Фын Юйсян — умный политикан, понимающий отлично, что лучше идти в некотором временном «союзе» с народным движением, чем против него. Поэтому, пользуясь моментом, одевает «маску» хорошего внешнего отношения к народному движению, в то же время боясь роста этого движения и, зная силу этого движения, не решается еще подавлять его силой. Компартии боится тоже, ни в какой степени не желая усиления ее деятельности.

Понимая отлично, что милитаристы, шедшие и идущие против народного движения, не только не пользуются поддержкой народных масс, а как раз наоборот, Фын на опыте убеждается, что выгоднее пока поддерживать отношения некоторой лояльности к этому движению, чем, подобно другим милитаристам, силой его подавлять. Но хитрой политикой и всякими «скрытыми средствами» он старается мешать слишком большому — с его точки зрения — развитию революционного движения. Опыт тяньцзиньской войны, когда местное население помогало Народной Армии и было против мукденской армии, тоже убеждает Фына в необходимости пользоваться народным движением. То же самое было и тогда, когда железнодорожники здесь во время войны работали для помощи Народной Армии в перевозках. Наша задача — так же, пользуясь моментом, укрепить низовые массовые организации, развить массовую работу, усилиться таким образом, чтобы иметь возможность реагировать на действия Фына.

В. Состояние профсоюза и парторганизации

Профсоюз все еще не имеет крепких корней, сейчас ведется работа организационного укрепления его. Недавно проведено движение за выплату заработной платы. Компартия существует нелегально. Всего в ней — 140 членов, большинство из которых (80 человек) вступило за последние 3 месяца. Коммунистов со сравнительно продолжительным партстажем — 5—6 человек. Остальные все очень молодые члены партии. Большинство рабочих и учащихся. Средний возраст партийца — 25 лет. Гоминьдан на $\frac{9}{10}$ состоит из коммунистов и комсомольцев.

Переводил и записал Майский

4 февраля 1926 г.

г. Калган.

3. Из китайских записок В. А. Трифонова

<...> Русскому отнюдь не безопасно появляться в китайской массе. Наш отряд, который комплектовался в районе расположения 2-й армии, несколько раз очень ощутительно убеждался в далеко не дружелюбных чувствах окружающего крестьянства. Дело даже доходило до стрельбы.

Недружелюбно и пренебрежительно относится к советским гражданам не только китайская армия вообще, но в том числе и народные армии. История с нашими инструкторами в народных армиях — это позорнейшая история. Китайцы рассматривают допуск наших инструкторов к себе в армию как плату за снабжение их оружием. Они получают оружие, а мы получаем возможность послать несколько человек для того, чтобы они на наш счет жили поблизости от штаба армии. Как общее правило, нашим советникам не дают работы в армии. Работу эту надо буквально выпрашивать, и только после долгих настояний китайцы милостливо соглашаются дать какое-нибудь техническое поручение. К штабно-оперативной и снабженческой работам наши работники совершенно не допускаются, о политической и говорить, конечно, не приходится. Фын настолько оказался «либеральным», что позволил нашим «советникам» заняться обучением кавалерии езде, артиллерии — стрельбе из закрытых позиций, а также пустил в некоторые школы, правда, на очень короткий срок. И позволил только после долгого просмотра. Но использовать на практике те знания, которые получили китайцы от наших инструкторов не удалось, потому что, когда возникла война, то наших инструкторов или попросили уехать из частей или же поставили их в такие условия, что они ничего не знали, что делается на фронте и абсолютно ничего не могли делать. 2-я армия совершенно не давала нашим инструкторам никакой работы.

Влияние наших советников и вообще наше советское влияние на народные армии совершенно ничтожно, да я и в этой ничтожной доле влияния не уверен. Во всяком случае, при посещении мною 2-й и 1-й армий при всем своем желании я не мог этого влияния обнаружить. Да и какое влияние можно иметь на армию, не будучи даже поверхностно знакомым со штабной, оперативной и снабженческой работой? Конечно, ровно никакого.

О нашем идейном влиянии говорить совершенно уж не приходится, ибо нельзя же в самом деле серьезно рассчитывать, что коммунисты могут как-то идеологически влиять на таких совершенно беспардонных авантюристов, торговцев вооруженной силой, как Фын, Ю-дубань и С°.

У нас принято думать, что на народные армии оказывает сильное влияние Гоминьдан.

По отношению 2-й армии об этом еще можно разговаривать. Там есть несколько командиров, которые состоят членами Гоминьдана. Правда, их политическая физиономия очень неясна, занимаются они стяжательством в такой же мере, как и все прочие генералы, ведут между собой жестокую борьбу, на армейскую жизнь оказывают очень мало влияния, но все же какой-то гоминьдановский привкус у них имеется. Что же касается 1-й армии, то здесь Гоминьданом даже и не пахнет. Все командующие — ставленники Фына, в большинстве выведенные им в люди из преданных ему солдат. Копят деньги, политикой совершенно не интересуются и ничего в политической деятельности не понимают.

О китайских солдатах говорить, конечно, не приходится — это сплошь совершенно аполитичная серая масса наймитов, еще ни в какой мере не проснувшаяся к политической жизни. Им все равно, в какой армии служить, лишь бы платили жалованье. Нередко можно встретить китайского солдата, который дрался под знаменами всех когда-либо воевавших в Китае генералов.

С такими генералами и такой армией наше полпредство пытается организовать национальное правительство Китая. Не нужно быть очень умным человеком, чтобы понять полную безнадежность такого предприятия.

Но, говорят руководители полпредства, хотя народные армии и плохие, и Фын и Ю-дубань не гоминьдановцы, однако мы все же видели, что в стране растет национальное и революционное движение: увеличивается число членов как Компартии, так и Гоминьдана, растет число организаций, возникают новые газеты и т. п.

Все это до известной степени правда, которую я не собираюсь, в известных опять-таки пределах, отрицать, но при чем здесь военно-политическая работа полпредства? Вот уж поистине: «В Киеве бузина, а в огороде дядька». Насколько мне известно, наиболее серьезный толчок национальному и революционному движению в Китае дали Шанхайские расстрелы. В этих расстрелах, к счастью, полпредство не принимало участия, как в равной мере и народные армии.

Движение в Китае развивается независимо или вернее, несмотря на ту военно-политическую работу, которую ведет полпредство в народных армиях.

Я выше говорил, как Фын развязывает общественные силы. Если бы, паче чаяния, Фын распространил свою власть на весь Китай, то его калганская практика получила бы повсеместное распространение и, конечно, вреднейшим бы образом отразилась на общественном и рабочем движении.

Если бы советское полпредство хотя бы небольшую часть тех денег, которые сейчас тратятся на поддержку военных авантюристов, истратила на помощь Компартии, на подготовку опытных и знающих партийно-политических работников, на помощь китаеведам, на литературу, то польза для революционного движения Китая была бы неизмеримо большая, а Советская Россия сберегла бы свои миллионы.

Надо ведь помнить, что мы сейчас ведем работу в Китае, совершенно не зная Китая, не владея языком, располагая всего 3—4 знающими язык переводчиками. Уже одно это обстоятельство должно было внушить нашему полпредству большую осторожность, большую придуманность в его чрезвычайно ответственной работе <...>

Вопрос о развитии наших экономических отношений с Китаем вообще не интересовал полпредство. Очевидно то обстоятельство, что для этого рода работ существует специальный орган — торгпредство, считалось вполне достаточным для того, чтобы этот вопрос полпредство не занимал. Но это, конечно, формальный повод, по существу же чисто хозяйственной работе полпредство не придавало того политического значения, какое эта работа должна иметь и имеет при налаживании международных отношений. Ею полпредство интересовалось лишь постольку, поскольку она могла оказать какое-то влияние на военно-политическую работу. Между тем никак нельзя отрицать, что развитие товарооборота нашего Союза с Китаем, укрепление нашего экономического положения здесь имеет самостоятельное и довольно серьезное политическое значение. Особую актуальность эти вопросы имеют, понятно, в Маньчжурии <...>

Мне кажется, что нет необходимости доказывать, что хозяйственные интересы Советского государства (речь идет о КВЖД и торговле.— Ред.) в Маньчжурии очень велики. Однако и здесь полпредство в Китае целиком подчинило эти интересы интересам той военно-политической работы, которую оно вело в Среднем Китае и на Юге.

Соображения, которыми при этом руководствовалось полпредство, были следующего свойства. Если основной вопрос о создании в Пекине центрального национального

правительства будет решен положительно и этому правительству удастся разбить Чжан Цзолиня, то все маньчжурские вопросы также разрешатся благоприятно. Следовательно, не нужно распылять внимание, рассредоточивать свою работу, а нужно со всей энергией бить по основной цели — созданию центрального национального правительства. Причем Фына и народные армии вообще полпредство расценивало как серьезный фактор народного национального движения и Фына даже — как возможного будущего главу национального правительства. Чжан Цзолиня же полпредство рассматривало как антинародного деятеля. Фын таким образом в представлении полпредства резко противопоставлялся Чжану как представитель совершенно отличной общественной силы. Помощь Фыну (эту мысль мне и Егорову лично развивал Карахан) китайский народ расценивает как помощь народному движению. При столкновении Фына с Чжаном народ неизбежно станет на сторону Фына. Поэтому даже если мы, Советский Союз, во время столкновения Фына с Чжаном проявим максимум активности в Северной Манчжурии вплоть до ввода войск на КВЖД, то китайский народ поймет это не как империалистическую попытку захвата, а как помощь народному движению. Эту мысль, по мнению Карахана, китайцы легко поймут, и ее без труда можно внедрить в сознание широких китайских масс.

Однако на практике получилось совершенно иное. Когда события на КВЖД начали разгораться, то т. Карахан вызвал к себе руководителя Гоминьдана и просил поместить в гоминьдановской <...>

[Полпредство] продолжает вести политику открытой борьбы в Маньчжурии, как она велась полпредством до сего времени, только при условии, что заранее в положительном смысле решен вопрос о занятии в случае необходимости КВЖД русскими войсками и что возможность вооруженного конфликта с Японией не является препятствием.

Всем известно, что события имеют свою внутреннюю логику и что пушки и ружья, подчиняясь этой логике событий, иногда начинают самостоятельно стрелять, в особенности, если они нарочито подводятся к границам государства. Пугать маневрами на границе можно раз, два, но в третий раз эти маневры могут вызвать встречную мобилизацию <...>

На заседании комиссии т. Бубнова я изложил свою точку зрения примерно в духе этого доклада. И комиссия, не разобравшись в обстановке, в первый же день своей работы вынесла решение о том, что моя точка зрения на работу полпредства резко не совпадает с точкой зрения т. Карахана и целиком и полностью противоречит позиции Це-Ка. Не знаю, так ли это в действительности, но мне кажется, что при всяких условиях комиссия должна была предварительно ознакомиться с деятельностью полпредства и результатами этой деятельности и только потом выносить решение, апробирующее работу полпредства.

Э. КУЛЬПИН

У же сейчас становится очевидным, что труды Макса Вебера, имевшие столь громадную и громкую популярность в конце прошлого — начале нашего века, не утрачивают своей ценности. Более того, ощущение неблагополучия на фоне растущего уровня жизни вызывает вечные вопросы: кто мы? откуда мы пришли? куда мы идем? Представители европейской цивилизации вновь и вновь обращаются к трудам универсального ученого-обществоведа — социолога, историка, философа, экономиста и юриста одновременно.

Широта интересов, конкретность анализа, энциклопедичность знаний, глубина выводов и типологизация — вот отличительные черты научного метода Макса Вебера. Начав свою деятельность в конце 1880-х годов как историк хозяйства и экономики (анализ римской аграрной истории, средневековых торговых отношений, биржи и т. п.), он приступил к разработке комплекса взаимосвязанных проблем общественного развития, создав серию фундаментальных трудов. Наиболее известные из них — «История хозяйства», «Протестантская этика и дух капитализма», «Хозяйственная этика мировых религий» и многотомное издание «Хозяйство и общество». Макс Вебер не просто пытался дать целостную картину истории жизни земной цивилизации, но на базе огромного фактического материала и его осмысления выявить дух, сердцевину, движущую силу поступательного развития европейской цивилизации. «Именно на Западе и только здесь возникли культурные явления, которые... находятся на линии развития *универсального* (курсив М. Вебера.— Э. К.) значения и важности»¹, — таковы одновременно внутреннее убеждение и главный вывод — итог исследований ученого. Известно, что опозитом Западу является Восток. Поэтому произведение Макса Вебера «Религия Китая» имеет особое значение в его творчестве. В целом оно написано в традиционном для европейцев ключе отношения к Востоку.

В течение длительного времени о Китае писалось в Европе главным образом в рамках дихотомии Запад — Восток. В глазах представителей динамично развивавшегося капиталистического общества главное отличие Востока от Запада виделось в неподвижной застылости Азии. Возможно, лучшее подтверждение высказанному тезису можно найти у известного французского гуманиста, биолога и теолога Пьера Тейяра де Шардена. В главном труде своей жизни, созданном в июне 1938 — июле 1940 г. в Пекине (хотя последнее, возможно, не имеет принципиального значения), отражая императивное воззрение человека западноевропейской цивилизации, он писал: «Странную картину являет собой эта огромная страна, еще вчера представлявшая собой лишь едва изменившийся живой осколок мира, каким он мог быть десять тысяч лет назад... Население не только состоит из земледельцев, но в основном организовано, согласно иерархии территориальных владений. Население, высокоспециализированное на выделке кирпичей, фарфора и бронзы. Население, превратившее в суеверие изучение пиктограмм и созвездий. Конечно, невероятной рафинированная цивилизация, но подобно письму, в котором она себя столь не-

Кульпин Эдуард Сальманович, старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР, кандидат экономических наук.

Половину гонорара за статью автор передает в фонд помощи Музею-заповеднику истории немецкой евангелистской общины в городе Старые Сарепты (400026, Волгоград, ул. Тельмана, 7. Расчетный счет № 6011001 в Красноармейском отделении Жилсоцбанка г. Волгограда).

вспосредственно выражает, не меняющая методов со времени своего начала. В конце XIX века — еще неолит, не обновленный, как в других местах, а просто бесконечно усложненный...»² Напротив, «в долинах Евфрата и Нила, на берегах Средиземного моря вследствие исключительного сочетания местоположения и народов в течение нескольких тысячелетий произошло благоприятное смешение, благодаря которому, не теряя своей подъемной силы, разум сумел обратиться к фактам, а религия совместиться с действительностью. Месопотамия, Египет, Эллада, вскоре Рим — и над всем этим... таинственный иудейско-христианский фермент, давший Европе ее духовную форму! ...Поистине вокруг Средиземного моря в течение шести тысяч лет развивалось человечество, которое как раз в настоящий момент поглощает последние остатки неолитической мозаики (в том числе китайскую цивилизацию. — Э. К.) — это почкование на ноосфере еще одного самого плотного из всех члстов. И доказательство этому в том, что от одного края света до другого все народы, чтобы остаться человечеством или стать таковым еще больше, ставят перед собой условия и проблемы современной Земли в тех же самых терминах, в которых их сумел сформулировать Запад»³.

Наряду с изучением Востока как самоцели, поиск причин его «неолитической» застойности был, да и остался основной, если не единственной целью многих исследователей. К началу нашего века своеобразным завершением, обобщением и осмыслением накопленных знаний стала работа Макса Вебера «Религия Китая», не теряющая значения до сих пор благодаря энциклопедичности, глубине проникновения в суть многих явлений китайской цивилизации и (не исключено!) благодаря принципиальной веберовской установке относительно обобщений в исторической научной работе. Макс Вебер был убежден, что любое обобщение сомнительно, поскольку социально-историческая действительность бесконечно сложна. В подобной позиции есть и слабость, и сила. В. О. Ключевский писал: «Помощью этого приема историческое изучение углубляется еще в более сокровенные струи исторического процесса... Если обобщение схватывает только внутреннюю последовательность, или связь, хронологических смен явлений, оно дает историческую схему. Если оно указывает начало, по которому совершается эта смена, оно дает исторический закон. Обобщением явлений вырабатываются исторические схемы и исторические законы» (курсив Ключевского. — Э. К.)⁴. Таким образом, согласно В. О. Ключевскому, Макс Вебер, отказываясь от обобщений, сужал поле выводов, но в то же время не делал таких, которые впоследствии могли оказаться ошибочными. Подобная позиция при большом охвате фактического материала и логичном его построении сулит автору непогрешимость, подобно тому, как непогрешима Библия.

Стержневым моментом в системе научных координат Макса Вебера, по-видимому, следует назвать концепцию рационализации. В настоящее время общепринято, что рационализация (rationalis — разумный) — это введение более целесообразной организации, разумное обоснование. Рационализм — рассудочное отношение к жизни, естественный порядок, при котором разум — основа познания и поведения людей. В опозиции рационализму состоят иррационализм и сенсуализм. У Вебера, как явствует из его трудов, рационализация — это также и в первую очередь связь веры, власти, управления и образа жизни во всех сферах человеческого общежития. Иными словами, рационализм у Вебера — функция, аргументами которой является система ценностей с ее иерархией и внутренними взаимосвязями. Зафиксируем внимание на этом ценностном аспекте рационализации и рационализма, по Веберу, он будет нужен в дальнейшем рассмотрении.

В числе проблем, всегда стоявших в центре внимания ученого, генезис капитализма занимает особое место. В ряде работ, прежде всего в «Протестантской этике», Вебер дал свое объяснение развитию капитализма на Западе. Обращаясь к Востоку, Вебер преследует цель выявления внутренних причин, препятствующих здесь капиталистическому развитию. Это — одна из главных задач его монографии «Религия Китая». Несмотря на название, главный упор и по объему и по концептуальной насыщенности материала сделан не на собственно религию, а на социально-экономические факторы развития.

Вебер исследует экономические, политические и социальные аспекты китайской жизни преимущественно с точки зрения их потенций к развитию капитализма (под которым Вебер понимает любую промышленную деятельность и связанный с ней торговый обмен во все исторические времена и во всех странах), проводит сравнение исторических процессов на Западе и Востоке, дает характеристику конфуцианству как социально-полити-

ческой и идеологической системе, характеризует даосизм и показывает, что его негативные стороны и консерватизм не способствовали созданию динамичной социальной системы, ориентированной на капиталистическое развитие. Аналогичным образом Вебер выделяет характерные элементы пассивности, традиционализма в конфуцианстве, действующие в том направлении. Завершение исследования — заключительный раздел книги — посвящено сравнению и выявлению различий между протестантским и конфуцианским рационализмом, которые в конечном счете, считает Вебер, объясняют специфику китайской цивилизации. Поэтому такое сопоставление заслуживает самого внимательного и подробного рассмотрения как отправной точки при изучении системы представлений Макса Вебера. Первое, что бросается в глаза любому читателю трудов ученого, — идеализация того или иного положения. Однако не стоит обращать внимание на данную типично веберовскую черту. Во-первых, она уже давно отмечена и подвергнута критике. Во-вторых, умышленная идеализация действительности как научный аналитический прием имеет право на жизнь: без нее во многих случаях сравнительный анализ в принципе невозможен.

Чтобы судить об уровне рационализации, Вебер опирается на два критерия: степень, с которой религия лишает себя магии, и степень, с которой она систематически унифицирует свои отношения между Богом и миром и свою собственную систему норм нравственного поведения, этические отношения. Главные различия двух рационализмов выявляются Вебером при использовании второго критерия.

Согласно Веберу, рационализм был воплощен в духе обеих этик. Но только пуританская рациональная этика с ее земной («сверхсветской») ориентацией ведет экономический рационализм к его логическому завершению — капитализму. Это происходит, как объясняет Вебер, потому, что протестант не ставит своей сознательной целью развитие капитализма. Его цель вне повседневной практической и даже земной деятельности, она трансцендентна: служение богу и его справедливости. Пуританский рационализм означал рациональную, т. е. разумную, упорядоченную, целесообразную власть над миром. Для осуществления такой власти необходимо было преобразовать каждого пуританина и себя, и мир. Конфуцианский рационализм подразумевал, что в мире уже существует разумная справедливость, ее не надо создавать, а надо лишь поддерживать.

Характеризуя обе системы норм нравственного поведения, Вебер утверждал, что конфуцианская этика до абсолютного минимума снизила напряженность в отношениях человека с его окружением, несоответствие между реальным и идеальным поведением индивида, в то время как «пуританская конституирует себя как огромное и грандиозное напряжение к миру»⁵, обуславливает разрыв между реальным и идеальным поведением человека, суровый суд человека не только обществом, но и самого себя. В итоге, хотя и пуританин, и конфуцианец были трезвыми людьми, рациональная трезвость пуританина предполагала мощный заряд энтузиазма, стремление к действию, преобразованиям; всего этого конфуцианец был лишен совершенно.

У пуританина источником напряженности, мощным рычагом, подвигавшим его на деятельность, вызывавшим потребность освобождения от сковывающих его традиций и обычаев, было сознание греха или разрыва между этическими императивами и человеческими недостатками, между социальной реальностью и религиозным долгом, между деятельностью на Земле, но компенсацией ее в загробной жизни, на небе. Религиозный долг пуританина стал причиной того, что он оценивал свои действия и непосредственные человеческие отношения как весьма значимые. В частности, пуританин был уверен «в абсолютно непоколебимой религиозно детерминированной праведности его брата по вере», и это доверие было важной основой кредитных и денежных операций⁶.

Верующий христианин вне и внутри мира — аскет, желал быть, как не без оснований полагал Макс Вебер, не чем иным, как орудием Бога — в этом он искал свое величие. Он хотел быть прежде всего «полезным инструментом» для рациональной трансформации общества и власти над миром. Утилитарные и натуралистические знания, особенно эмпирические знания естественных наук, знание и использование географических открытий, так же как трезвая ясность реалистического разума и специальные экспертные знания, были впервые культивированы в качестве плановых целей образования у пуритан. С другой стороны, «не было ничего более конфликтующего с конфуцианским идеалом благородства, чем идеал профессии», утверждал Вебер⁷. Пуританин вкладывал свои доходы не в сокровища, а в рационалистическое, т. е. целесообразно организованное, разумно обоснованное во всех аспектах своей деятельности капиталистическое пред-

прияние. Сам доход пуританина, подобно доходу монастырей, был вторичным результатом и симптомом успешного аскетизма.

У китайцев же, в противоположность пуританам, Вебер отмечает «паразитическую нечестность», «типичное недоверие друг к другу», «специфически холодный нрав китайца». «Непомерные церемониальные оковы сопровождали жизнь китайца от эмбриональной стадии до культа смерти»⁸. Церемониальные предписания, установления регулировали вопросы и ответы, жестко и детально определяли поведение во всех возможных типах контактов людей: визитах, преподнесении подарков, знакомствах, выражениях соболезнования и радостной симпатии. Даже во внутрисемейных отношениях был формализм церемоний. Семейный пиетет⁹ контролировался родовыми ассоциациями.

Не только взаимоотношения людей, но и экономика контролировалась пиететом. Предприятия были семейными, родовыми (клановыми). Доверие — непременное условие, в котором основан бизнес, — в большинстве случаев, по мнению Вебера, базировалось в Китае на чисто персональных, семейных и полусемейных отношениях. Решение функциональных задач предприятий отодвигалось на второй план после личностных патримониальных отношений.

Религиозный долг благочестивого китайца побуждал его развивать себя внутри организмы данных, заданных личностных отношений. Долг конфуцианца, утверждал Вебер, по существу, состоял в пиетете к конкретным людям, живущим или умершим (предкам, старшему брату, отцу, главе рода, чиновнику, императору), и тем, кто с ним связан. Для склада ума, ориентированного на экономическую деятельность, персоналистский принцип был, несомненно, чрезвычайно высоким барьером к внеперсоналистской рационализации.

Универсальное недоверие, как писал Вебер, было следствием чиновничьего и специфического правления, обусловленного нечестностью и конфуцианским императивом «сохранения лица», т. е. соблюдения установленных норм вне зависимости от конкретных жизненных обстоятельств. Благородный конфуцианец был недоверчив к другим в той же мере, в какой он считал недоверчивыми других. Это всеобщее недоверие было помехой всем деловым операциям.

В качестве награды за добродетельное поведение конфуцианец ожидал только длинную жизнь, здоровье и богатство в этом мире и сохранение доброго имени после смерти. Богатство не было самоцелью, но было наиболее важным средством, условием, предпосылкой для того, чтобы быть добродетельным, т. е. облагораживать жизнь и быть способным посвятить себя самосовершенствованию, так как только богатч может жить соответственно своему рангу и положению. Конфуций не мог презирать приобретение богатства, но он воспринимал его как нечто ненадежное. Бережливость конфуцианства — известная и характерная черта — была продиктована статусными приличиями благородного человека. Типичный конфуцианец использовал свои собственные и семейные накопления для того, чтобы получить литературное образование, прежде всего знать древних классиков, и подготовиться к экзаменам. Благодаря этому он получал предпосылку для занятия должности и обретения культурно-социального статуса.

По мнению Вебера, решающим фактором было то, что культурный человек в Китае не был орудием в руках божества. В этом Вебер видел сердцевину конфуцианской системы ценностей, сердцевину, которая отвергала специализацию, современную экспертную бюрократию, специальную подготовку. Более того, она отвергла подготовку для экономической деятельности, ориентированной на получение прибыли.

Почему Вебер провел сравнение только конфуцианцев с пуританами и не привлек даосов, буддистов? Ученый обосновывал свой выбор тем, что слои образованных людей в Китае решительно влиял на массы, и в этом он видел особенность китайского общества. Это влияние, писал Вебер, видимо, становилось всеопределяющим через негативную деятельность образованных людей, которые, с одной стороны, совершенно блокировали возникновение любой пророческой религии, с другой — с корнем вырывали почти все органистические элементы анималистской религии.

Показав широкую картину китайской жизни с древности до новейшего времени, от экономики до религии и психотипа конфуцианца, Вебер сделал вывод, что китайские условия в целом не были достаточными для развития капитализма, однако тут же подчеркнул, что нельзя считать китайца «естественно неспособным выполнять требования, предъявляемые капитализмом»¹⁰. В своей длинной истории Китай знал разные периоды, в том числе времена внутренней раздробленности и войн между конкурирующими го-

сударствами. Подобные условия были благоприятны для развития «политического капитализма». «Политический капитализм был общим явлением для западной античности, средних веков и для Востока. Умиротворение империи объясняет, по меньшей мере косвенно, отсутствие политического капитализма, но не объясняет отсутствие современного»¹¹. Вебер считал, что подобная экономическая и политическая судьба Китая «соопределена» основными умопостроениями людей и их практическим отношением к миру.

Задумавшись, о чем говорит Вебер, проводя сравнение двух рационализмов. По сути дела, речь идет о двух этиках, т. е. о двух системах морально-этических норм, из которых каждая имеет свою иерархию ценностей. Известно, что именно ценностями, их составом и значимостью различаются системы морально-этических норм. Но где же эти ценности у Вебера? Нет ни вычленения их, ни суммы, ни иерархии. Есть лишь вторичные проявления, позволяющие судить о том, что они были на кухне, где готовилось блюдо, да там и остались. Для того чтобы заглянуть на кухню или лучше в мастерскую ученого, в данном случае вовсе не обязательно привлечение ряда его трудов. Исповедуемая Вебером система ценностей и сравнение с таковой на Востоке видны при анализе даже приведенных положений, постулатов и замечаний ученого. Например, о чем говорит психологический портрет пуританина, созданный Вебером? О том, что мы имеем дело с «орудием в руках Бога»? Нет, конечно. Это субъективное представление самого индивида. А объективно — это личность, преобразующая себя и окружающий мир. Так сразу мы можем вычленить первую, главную ценность в европейской системе представлений — личность, обладающую инициативой, творческой энергией, большой автономией от чужой воли, ориентированную на непрерывное совершенствование — развитие, обладающую свободой воли в самых разных сферах ее проявления. А проявляется свобода воли в условиях равенства, поскольку право на свободу, инициативу, проявление энергии, совершенствование окружающего мира и себя принадлежит всем, а также в условиях братства (при абсолютной уверенности в праведности, единомыслии, моральности брата по вере). Таким образом, основные ценности европейской цивилизации уже названы: личность, развитие, свобода, равенство, братство. Осталось назвать еще немногие — такие, как закон, эквивалент, труд. Каково место личности, развития, свободы, равенства, братства в системе ценностей китайской цивилизации? По Веберу, получается, что они занимают далеко не первые позиции, если вообще входят в систему ценностей.

Действительно, можно ли всерьез говорить о личности, если «непомерные церемониальные оковы» сопровождают человека от зачатия до смерти? Получается, что человек никогда не может быть самим собой. Он не только не преобразовывает себя и мир, но вообще живет в условиях полной несвободы. К чему ведет обязательный пиетет перед предками, отцом, старшим братом, главой рода, чиновником, государством? К выводу старших из-под критики. Неподчинение младших делается невозможным. Равенство исключается, и место данной ценности занимает его антипод — иерархия.

«Поразительная нечестность», «типичное недозверие» исключают братство, а «специфически холодный нрав» является преградой (возможно, непреодолимой) для проявления естественных чувств. О каком целеустремленном развитии может идти речь, если нет условий и стимулов для появления специалистов, экспертов, а всякое дело основывается на родственных, внеэкономических отношениях. По Веберу, жизнь конфуцианцев, а за ними и всех китайцев, поскольку первые «решительно влияют на массы», предстает чем-то вроде театра марионеток, в лучшем случае комедия дель арте и, что самое характерное, — «зазеркалье» Европы.

Итак, каковы же были социальные, экономические и политические отношения в этом «зазеркалье»? Ответ, очевидно, нужно искать уже не в выводах, а в основном тексте работы Вебера. Книга состоит из трех частей: «Социологические основы», «Ортодоксия» и «Даосизм». Как и следует из названий, обратиться необходимо прежде всего к первой части. (Попутно отметим, что в заключении содержатся выводы, относящиеся преимущественно к теме второй части, а в третьей Вебер отдал дань научной основательности: он анализирует даосизм для того, чтобы сделать вывод о преобладающем влиянии на жизнь китайского общества конфуцианства.) Заголовки основных параграфов, дающих возможность судить о содержании, таковы: «Монетная система»; «Город и гильдия»; «Администрация»; «Установление унифицированного бюрократического государства»; «Центральное и местное чиновничество»; «Барщинное и налоговое государство»; «Чиновничество и квота ограбления налогами»; «Организация армии»; «Самоуправление деревни»;

«Налоговая защита крестьян»; «Клановая организация и экономика»; «Патримониальная структура закона».

Приведем изложение краеугольных положений ученого в той же последовательности, что и в его работе.

Вебер начинает изучение с денежной системы, так как в его социально-экономической концепции жизненная роль денег всегда имела особое значение: деньги способствуют расширению области экономического обмена, облегчают накопление богатства, являются важным элементом в генезисе товаров и услуг, ими определяется прибыль или убыточность бюджетных операций. Историческая неудача создания эффективной денежной системы в Китае для Вебера была показателем недостаточного капиталистического развития и препятствием на пути крупномасштабного роста капитализма.

По мнению Вебера, дефицит не только благородных металлов и меди приводил к тому, что чеканка произведений искусства и предметов культа — статуй Будды — «нередко подвергала опасности денежное обращение»¹². Государство систематически грабило монастыри, налагало высокие налоги на производство бронзовых и медных изделий, пыталось монополизировать их производство. Государство в своем стремлении монополизировать горнодобывающую промышленность и чеканку монет встало перед необходимостью осуществлять функции регулирования рыночных цен и отношений. Такое регулирование оно пыталось проводить, то допуская частную чеканку для увеличения массы денег, то закрывая копи в качестве противинфляционной меры. Позднее, чтобы поставить под контроль частное производство денег, государственная монополия была распространена на все металлические деньги.

Вебер утверждал, что недостаток благородных металлов и меди в денежном обращении играл существенную роль в стремлении правительства контролировать и даже ввремязами запрещать внешнюю торговлю. Широкий свободный импорт вызывал опасение дефляции, экспорт — инфляции. Контроль над денежным обращением не был успешным даже при попытках перейти на менее дефицитные железные деньги, которые использовались наравне с медными. Аналогично обстояло дело и с выпуском бумажных денег. С течением времени рост богатства, выраженный в драгоценных металлах, несомненно, вел к сильной денежной экономике, особенно к усилению роли финансов. Однако консервативный традиционализм при этом не разрушался, а, напротив, укреплялся. В итоге феномен капитализма не имел значительного распространения.

Перейдя к анализу городов, Вебер подчеркнул, что в отличие от западных городов в Китае были прежде всего крепостями и резиденциями местных властей. Они не имели прав, свобод и привилегий на производство товаров и торговлю, не имели политической и военной автономии. Соответственно не было и политических институтов, свойственных для городов Запада. Горожане зависели от властей и деревни. В сильном контрасте с Западом, но подобно Индии, города как имперские крепости имели меньше формальных гарантий самоуправления, чем деревни. Таким образом, делал вывод Вебер, китайские города были лишены тех черт, которые способствовали развитию капитализма на Западе.

Особое внимание Вебер уделит положению торговых и ремесленных гильдий, отмечая, что организационное единство, автономия и гарантированные законом привилегии были благоприятным фактором развития капитализма в Европе. Таких факторов не было в Китае. Многие отрасли промышленности в этой стране во все времена оставались производствами отдельных семей, сохранивших профессиональные секреты.

Вебер связывал ущемление политико-военной автономии городов с ранним устраниением феодализма и созданием монолитной политико-военной силы унифицированной обширной империи с ее централизацией военной и гражданской администрации под началом государственной бюрократии. «Несомненно, что китайская культура возникла под знаменем чистого милитаризма»¹³, — утверждал Вебер. Однако несмотря на все военные кампании до объединения империи, после него стала мирной. Объединение и умиротворение страны имело ряд следствий для духовных и материальных основ жизни общества. Так, защита границ умиротворенной империи не была делом всего народа. В таких условиях, полагал ученый, высшее божество — Небо — не могло принять форму Бога — героя, который становится таковым благодаря иррациональной судьбе своего народа, во взаимоотношениях с другими народами и государствами, в войне, в победе, в поражении, в изгнании и в ностальгии. Хотя Бог неба и был победоносным, но в качестве

Бога небесного порядка, а не небесного воинства. Подобный поворот в религии Вебер считал специфически китайским.

Спокойствие и внутренний порядок на Земле наилучшим образом могли быть гарантированы такой властью, которая ориентирована на мирские дела. Спокойствию и порядку на Земле соответствовала оптимистическая концепция космической гармонии на небе, которую Вебер считал фундаментальной для Китая. Таким образом, законы природы и ритуалов были сплавлены в единство — Дао.

Китайский император, как сын Неба, имел харизматическую природу власти. Однако в случае потери им «божественной силы» можно было выступить против него. Еще одним следствием объединения и умиротворения страны было управление ею чиновниками-книжниками (так Вебер именуется шэньши — образованный чиновный слой китайского общества). Такое управление обусловило возрастающий пафистский крен в идеологии.

Объединение и умиротворение страны в III в. до н. э. создавало как благоприятные, так и неблагоприятные условия для развития капитализма. Среди первых Вебер называет свободу передвижения товаров и населения в пространстве, сравнимом с территорией Западной Европы. Среди вторых — лишение городов политической автономии. Установление мира и единства означало прекращение конкуренции между феодальными государствами, а следовательно, снижение стимулов к совершенствованию бюрократической и экономической организации, рационализации их, т. е. того, что необходимо для выживания и укрепления отдельных феодальных государств, развития денежной экономики, «политического капитализма» за счет военных займов и комиссионных.

В то же время умиротворение и объединение страны создавало условия для раннего развития культурного единства феодальных государств. Принятие религиозных функций императором и чиновничеством при элиминировании (устранении) в обществе сильного жречества благоприятствовало развитию капитализма. Выдвижение на первый план главных ценностей общества — Мира, Порядка и Традиций — стало причиной возвышения культа чиновника. Народная религия, лишенная какого-либо официального статуса, была ориентирована на плюрализм и не способна стать объединяющей силой общества в масштабах государства. В итоге, делает важный вывод Вебер, в Китае не существовало независимых от государства религиозных сил и жречества, способных заставить власть пойти на радикальные нововведения в социальных и экономических порядках.

Бюрократия рекрутировалась из образованных людей путем экзаменов, следовательно, бюрократический статус не основывался на принципе наследственности. Эта универсальная характерная особенность вела к рационализации бюрократии. Другой особенностью системы власти в Китае было правило перевода чиновника высшего ранга из одной провинции в другую через каждые три года и запрет на занятие должности в своей родной провинции. Эти правило и запрет, с одной стороны, заставляли чиновников служить центральной власти, с другой, не позволяли глубоко изучить местные условия.

Попытки центра унифицировать и рационализировать местную администрацию не увенчались успехом. Поэтому принятие решений по местным вопросам спускалось на уровень местного чиновничества и уходило из компетенции центральных властей. Последние осуществляли формальное руководство, первые реально руководили жизнью своих провинций. Центральная администрация не знала действительной величины доходов отдельных провинций и округов, провинциальные губернаторы не знали доходов префектур и т. д.

Государственные затраты на местную администрацию были лишь незначительной частью общих затрат. Однако вышестоящие чиновники имели дополнительные доходы от нижестоящих, последние от тех, кто непосредственно собирал налоги. Каждый официальный акт подразумевал плату в виде дара. В целом империя походила на конфедерацию сатрапий под понтификальным (одновременно духовным и светским) руководством¹⁴.

Ученый обращает внимание на тот факт, что чиновники имели специфическое образование: они знали и умели трактовать древние книги, имели широкое образование, но не обладали и игнорировали специальные знания. Вся система обучения и экзаменов не способствовала получению таких знаний.

Вебер отмечает также влияние географического фактора на систему управления в Китае: в огромной стране с плохими дорогами трудно было из центра эффективно контролировать деятельность на местах. В Китае реальная власть центра над местами была весьма условной, а, поскольку именно централизованный порядок является важной предпосылкой

развития капитализма, китайская бюрократическая система такую предпосылку не создала.

Природу китайского государства Вебер определяет как барщинную и налоговую. По его мнению, сам дух китайской бюрократии изначально связан с общественными работами. Система повинностей тесно корреспондировалась с устоями патримониальной гармонии и чиновничества. Он отмечал, что великий китайский философ древности Мэнцэ (Мэн-цзы) считал барщину, а не налоги идеальным способом удовлетворения общественных потребностей. «Универсальная барщина» возникла во времена так называемой колхозной системы. Последняя якобы существовала в глубокой древности и представляла собой раздел пашни на девять полей, из которых восемь были частными, а одно, где урожай шел государству, — общественным. Общественное поле обрабатывали совместно восемь семей.

В течение почти всей истории Китая барщина оставалась классическим способом выполнения общественных работ. Первой общественной работой, необходимой для функционирования экономики, Вебер называет ирригационное строительство. В Китае необходимость контроля рек была предпосылкой рациональной экономики, но в отличие от Египта, подчеркивал Вебер, строительство каналов для целей ирригации было второстепенным делом по сравнению с транспортными целями. Помимо рытья каналов и поддержания их в работоспособном состоянии, строительные работы служили фискальным, военным и продовольственным нуждам общества и государства. Так, Великий канал, связавший водные системы Янцзы и Хуанхэ, использовался для транспортировки натуральной рисовой дани.

Налоги в старом Китае были натуральными и денежными. Вебер утверждал, что древнейшая форма оплаты труда чиновника не только в Китае, но в принципе есть снабжение его продовольствием. Постепенно удельный вес натуральных налогов снижался в пользу денежных. Наиболее важным налогом он считал поземельный. В истории Китая, отмечал ученый, наблюдаются две тенденции развития поземельного налога. Первая — преобразование поземельного налога в денежный, которое позднее распространилось на все другие виды тягот, особенно на замену принудительного труда, и ряд других литургий. Вторая — превращение поземельного налога в единый общий налог, в логическом пределе — фиксированную дань, собираемую с провинций в соответствии с установленной квотой. В качестве переломного пункта в истории налогов Вебер называет эдикт 1713 года, превративший налоги в фиксированную дань с провинций и имевший ряд важных последствий. Данная акция была в действительности финансовой и политической капитуляцией центральной власти перед местными чиновниками, поскольку налоги на землю после 1713 года не превратились в фиксированную земельную ренту, как в Англии, а превратили сбор налогового «урожая» в неконтролируемую функцию чиновников провинциального уровня и ниже.

С умиротворением империи при маньчжурах и урегулированием налогов население страны выросло до грандиозных размеров. От времен Цинь Шихуанди на протяжении 1900 лет население Китая колебалось в пределах 50—60 млн. человек, а с середины XVII до конца XIX в. выросло до 400 млн. Тогда же были устранены барщина в государственном масштабе, контроль за выбором профессий, барьеры территориальной мобильности, ограничение домашней собственности и контроль за производством. Однако, констатировал Вебер, несмотря на поразительный рост населения и материального благосостояния, интеллектуальная жизнь осталась сравнительно статистической и капиталистическое развитие не пошло, несмотря на очевидно благоприятные условия и предпосылки. Главную причину такого явления Вебер видел в неизменной сути сложившегося и не меняющегося бюрократического государства.

Социальный характер конфуцианского чиновничества, система образования определили отношения к социально-экономической политике, а именно представления о «золотом веке» в прошлом. Такая политика опиралась на теократические штампы, имела утилитарный и религиозный характер. Обусловленная фискальными и военными интересами и стремлением сохранить в стране спокойствие в условиях дороговизны и дефицита продуктов, экономическая политика была сориентирована на сохранение экономической и социальной стабильности, или застойных отношений, если говорить нашим современным языком.

Правительство действовало, как правило, исходя из фискальных и меркантильных соображений. Администрация резервировала за собой право регулировать потребление

во времена дороговизны и нехватки продуктов. Такая политика вытекала из теоретических основ конфуцианства, установившего нормы и типы потребления всех социальных слоев. Редкие попытки изменить сложившиеся отношения терпели неудачу (вызывали «отвращение», как писал Вебер), что в условиях харизматической природы власти ставило под сомнение боговдохновенную природу императора-реформатора, поскольку «благосостояние субъекта зависело от харизмы рулевого»¹⁵. По мнению Вебера, попытки реформ сверху терпели неудачу, потому что не было поддержки им снизу, не было буржуазии, осознающей свои интересы, способной игнорировать правительство и чиновничество, воздействовать силой на государственную администрацию.

Какие же ценности китайской цивилизации можно видеть из положений, изложенных выше? Очевидно, поиск нужно разбить на два этапа: сначала обозначить характерные черты традиционного китайского общества, а затем определить, являются ли эти черты одновременно и всеобщими императивами.

О чем Вебер говорит больше всего, что является главным в жизни китайца? Несомненно, государство. Ведь, «даже бог в китайском городе канонизирован в городском мандарине»¹⁶. Вебер определяет суть китайского государства как барщинную и налоговую, ставит знак равенства между государством, с одной стороны, и бедностью, и подавлением — с другой¹⁷. Государство не было веротерпимым: оно «систематически грабило монастыри, преследовало буддистов и даосов»¹⁸. Силы, которые в Европе противостояли государству, в Китае были бесправны. Города и гильдии не имели военной мощи¹⁹. Не существовало «установленных, принятых обществом, формальных и реальных легальных основ свободы и кооперативно регулируемой организации промышленности и торговли»²⁰. Не было вооруженного народа: «защита империи не была делом всего народа», и народ был разоружен²¹. Однако было ли государство вездесущим, всеобъемлющим, всепроникающим и всеподавляющим? Такого вопроса Вебер прямо не ставит, но фактически отвечает на него и отвечает отрицательно. Вспомним: контроль над денежным обращением не был успешным, производство было делом отдельных семей, сохраняющих свои секреты, была свобода передвижения товаров и населения, центральное правительство осуществляло лишь формальное руководство, власти каждого уровня обладали широкой автономией. Не нижестоящие чиновники зависели от вышестоящих, а наоборот, поскольку вторые имели доходы от первых. В целом реальная власть центра была весьма условной. Барщина, используемая для развития и поддержания инфраструктуры, в тех условиях, возможно, была единственным способом выполнения функций, которые сегодня централизованно выполняет любое капиталистическое государство.

Государство всегда и везде противостояло обществу. Было ли противостояние в Китае antagonистичным или существовал консенсус? На этот вопрос можно ответить, только рассмотрев более подробно условия жизни, другие характерные особенности, выявив некоторые ценности. Поэтому продолжим приведение характерных черт.

Вторая особенность, отмечаемая Вебером, — застылость, неспособность к развитию, отсутствие прогресса в полеводстве, в экономике, в администрировании²², «статичность интеллектуальной жизни»²³, «постоянство социальных порядков»²⁴. Для того чтобы оценить застылость или стагнацию, необходимо знать достигнутый уровень. Вебер, хотя и имел возможность, не дал анализа производительных сил и социальных порядков в динамике и в сравнении с Европой. Однако тот факт, что социальные порядки и уровень производительных сил оставались неизменными почти 2 тыс. лет, о чем-то говорит. Известно, например, что технические новинки во все времена довольно быстро распространялись по свету и что Китай за двадцать веков чего только не испытал, но после всех потрясений восстанавливались старые порядки. Следовательно, по большому счету они не противоречили представлениям народа о справедливости и наилучших условиях существования.

Третья особенность — триединый блок взаимосвязанных явлений: мир — порядок — традиции. Мир с внешним окружением и внутренний социальный мир — это бесспорная ценность. Вебер отмечает: «Несмотря на военные кампании, китайская империя выросла в мирную мировую империю»²⁵, «с управлением книжников (шэньши) возрастающей пацифистский поворот в идеологии был естественным»²⁶, власти гарантировали спокойствие и внутренний порядок²⁷ и все это как бы цементировалось традицией. «В Китае повсюду всепроникающим фактором была традиция»²⁸. И наконец, самое интересное: Вебер ставит знак равенства между традицией и обычаем²⁹, что делает традицию консенсусным явлением, всеобщим императивом, ценностью.

Тесно примыкают к Миру, Порядку, Традициям еще три особенные черты китайской

цивилизации: ритуал, иерархия, прошлое конфуцианское знание — неперенные условия культуры человека в Китае. Ритуал, иерархия и конфуцианское знание являются как бы формальным каркасом «здания» мира, порядка, традиций.

Можно ли на основании сведений, приведенных Максом Вебером, считать государство, застылость, мир, порядок, традиции, ритуал, иерархию, конфуцианское знание системой основных ценностей китайской цивилизации? Ключевая роль здесь принадлежит государству. Является ли государство для общества осознанной необходимостью, выполняющей социальный заказ всего общества, а не группы лиц? По-видимому, такой заказ оно выполняло. От государства зависел внешний и внутренний мир. Мир и порядок — это детерминируемое, прогнозируемое будущее, уверенность в завтрашнем дне, основа социального спокойствия, если плата за это спокойствие не слишком велика, если государство не является силой, антагонистичной обществу. Тут главный вопрос: как выполнялся социальный заказ, жестко или мягко, насильем или согласием? Было ли традиционное китайское общество непримиримо антагонистичным, раздираемым внутренними противоречиями? Можно сказать, что Вебер не приводит никаких данных на сей счет. Хотя, согласно конфуцианской доктрине, каждая группа населения имела право на довольно жестко обозначенное потребление (пищу, одежду, жилье и т. д.), сами группы были открытыми. Высшая страта — чиновники — определялась экзаменационной системой, к участию в экзаменах допускался любой. Открытость страт и социальная мобильность давали в этом обществе формальное равенство возможностей, что снижало до минимума социальную напряженность, если общество не переживало глубоких потрясений.

Какова роль государства в хозяйственной деятельности? Это прежде всего попытки регулирования экономики на макроуровне (денежная система, инфраструктура) — то, чем сейчас занимается любое государство, осознанное во второй половине XX в., что рынок вовсе не является универсальным. Вебер говорит о регулирующей роли государства на микроуровне: или налоги, или невмешательство³⁰. «Не было войн, и была богатая свобода торговли ширпотребом, свобода мобильности, свобода профессионального выбора и методов производства. Не было табуирования духа лавочника»³¹. Чиновник-конфуцианец не стремился к работе, приносящей материальную пользу, его интересовала деятельность, где проявлялась «его социальная полезность»³², поэтому в экономике он чаще действовал по принципу «не вреди».

Данные, приводимые Вебером, дают возможность утверждать, что государство в Китае выполняло социальный заказ общества: оно было гарантом Мира и Порядка. При этом застойность или стабильность всех порядков и отношений была осознанной необходимостью. Нет сомнений, Вебер видел, что перед ним целостная система ценностей, но умолчал об этом. У него не нашлось похвальных слов Миру, Порядку и гармоничным отношениям, в которых до минимума снижена напряженность, к чему всегда подсознательно стремится человек³³. Так ли поступил бы ученый, будь он нашим современником?

Ныне, под угрозой ядерной войны и перспективой общей братской могилы для всего человечества, ценность Мира стала едва ли не первостепенной. Угроза экологической катастрофы вкуче с противостоением Север — Юг обусловили необходимость Порядка — согласованных действий в хозяйственной деятельности в масштабе планеты. А вместе эти угрозы потребовали единого планетарного управления для решения политическим путем всех спорных проблем. Конечно, никто не представляет себе планетарное управление в виде конфедерации сатрапий, но если говорить о ценностях, т. е. идеалах-императивах, то традиционное китайское государство (по сути, всемирное: древние китайцы думали, что Поднебесная — это и есть весь мир) было призвано выполнять те же функции. Ясно, что общепланетарное государство, Мир и Порядок могут опираться не на силу, а на всеобщее согласие, но и в Китае традиции имели консенсусный характер.

Если бы речь шла только о первых четырех основных ценностях, то и это было бы символично. Однако процесс уже пошел глубже. Исчерпаемость природных ресурсов, особенно энергетических, вызвало потребность в смене технологических и социально-экономических ориентиров. Все настойчивее пробивает себе дорогу идея отказа от экстенсивного роста, с которым до недавнего времени у большинства людей ассоциировалось развитие. Один из наиболее детально разработанных целостных концептуальных проектов выхода из современного экологического кризиса принадлежит Г. и Э. Одумам. Если отбросить черты переходного периода, то в созданной учеными целостной системе социально-экономических отношений будущего общества поразительно то, что ее характеристики почти полностью совпадают с таковыми в традиционном китайском обществе. Назо-

вем некоторые из них: отказ от идеи прогресса, от чистого роста и отраслей, стимулирующих рост, высокая доля ручного труда, незначительность роли кредита, прибыли, промышленного капитала, рекламы, транспорта, туризма, снижение вероятности военных конфликтов, уменьшение расходов на армию и оборону, уменьшение числа конкурирующих предприятий, направленность общественных работ не на строительство новых, а на поддержание существующих проектов и сооружений, сокращение затрат на развлечения и предметы роскоши, вытеснение государственных установлений обычаями, замена юридических норм религиозными и этическими³⁴. + 30 0 0

Будут ли приняты данные или иные предложения, не столь важно по сравнению с неизбежной необходимостью смены веж, многих черт общественной жизни вслед за принятием новых ориентиров, новых ценностей. И в таких условиях представляется несомненным, что, если бы Макс Вебер был нашим современником, мы имели бы другой его анализ истории Китая. Не исключено, что он не ограничился бы констатацией неспособности китайской цивилизации самостоятельно осуществить переход к капитализму, но поставил бы коренной вопрос о возможности перехода общества на новую систему координат, стал бы искать прецеденты такого перехода в истории Китая. А подобная постановка вопроса потребовала бы углубления анализа. Забегая вперед, скажем: логика ученого, его методы и приемы, круг рассматриваемых проблем в принципе позволили Веберу дать оригинальный ответ на столь актуальный, столь судьбоносный для нашего времени вопрос.

Окончание следует

¹ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie.— Tübingen, 1920.— В. 1.— С. 1.

² Шарден П. Т. Феномен человека.— М., 1987.— С. 169.

³ Там же.— С. 170.

⁴ Ключевский В. О. Методология русской истории// Сочинения в девяти томах.— М., 1989.— Т. VI.— С. 79.

⁵ Weber Max. The Religion of China.— N—Y., 1964.— P. 227.

⁶ Ibid.— P. 244.

⁷ Ibid.— P. 248.

⁸ Ibid.— P. 233—234.

⁹ Хотя Вебер пользуется общепринятым словом «пиетет», однако в него он вкладывает узкое, бездуховное содержание. У Вебера в описании Китая пиетет — почти механическое обязательное выполнение норм и предписаний церемониала.

¹⁰ Weber Max. The Religion of China. N. Y., L., 1964.— P. 248.

¹¹ Ibid.— P. 249.

¹² Ibid.— P. 6.

¹³ Ibid.— P. 24.

¹⁴ Ibid.— P. 48.

¹⁵ Ibid.— P. 137.

¹⁶ Ibid.— P. 14.

¹⁷ Ibid.— P. 25.

¹⁸ Ibid.— P. 8.

¹⁹ Ibid.— P. 20.

²⁰ Ibid.— P. 20.

²¹ Ibid.— P. 27.

²² Ibid.— P. 55.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.— P. 27.

²⁵ Ibid.— P. 24.

²⁶ Ibid.— P. 25.

²⁷ Ibid.— P. 27.

²⁸ Ibid.— P. 241.

²⁹ Ibid.— P. 236, 241.

³⁰ Ibid.— P. 238.

³¹ Ibid.— P. 243.

³² Ibid.— P. 246.

³³ Как полагает один из основателей школы «индивидуальной психологии» А. Адлер, «конечной целью всех душевных стремлений является уравновешенность, безопасность, приспособление, целостность».— См.: Адлер А. Индивидуальная психология// История зарубежной психологии. Тексты.— М. 1986.— С. 134.

³⁴ См.: Одум Г., Одум Э. Энергетический базис человека и природы.— М., 1978.— 349—351.

ЯПОНСКИЕ ПЛАНЫ ПОКУШЕНИЯ НА СТАЛИНА

Ё. ХИЯМА

В последнее время в советской и зарубежной печати появилось много материалов о чертах характера и поведении И. Сталина и о его ближайшем окружении. Общеизвестным считается присущая диктатору болезненная подозрительность, страх перед возможностью покушения на его жизнь. Были ли для этого достаточно веские основания? Конкретных фактов, подтверждающих их, сегодня пока что нет. В связи с этим представляет интерес книга Есиаки Хияма «Планы покушения на Сталина». Два года кропотливой работы в архивах, изучение мемуаров, встречи со свидетелями и очевидцами дали основания автору утверждать: «Да, покушение на Сталина готовилось». Его организаторами были спецслужбы японской армии, а одним из непосредственных исполнителей должен был стать бывший высокопоставленный сотрудник НКВД Генрих Люшков. Ниже читателям предлагается перевод книги Е. Хияма с некоторыми сокращениями.

* * *

История человека, вовлеченного в тайный заговор, организованный японской армией

Вместо предисловия

Эта работа — мое первое произведение детективного жанра. Приступил я к ней совершенно неожиданно для самого себя. В то время я занимался изучением заключенного в октябре 1938 г. Мюнхенского соглашения и собирался написать документальное исследование о закулисной стороне дипломатической деятельности великих держав, связанной с его подписанием. Перебрав огромное количество материалов и публикаций, относящихся к тому периоду, я совершенно случайно наткнулся на небольшую информацию о японских планах организации покушения на Сталина — краткую, всего в несколько строк заметку на английском языке. На время я прервал свою основную работу и попытался выяснить достоверность этого сообщения. Ведь если бы на самом деле существовал международный заговор с целью убийства Сталина, то сведения об этом давно бы попали в поле зрения современных историков и журналистов. Предпринятые усилия убедили меня в том, что план покушения на Сталина действительно имел место. Думаю, мое тогдашнее состояние поймет всякий, кто в детские годы, бродя по горам, вдруг наткнулся на таинственную пещеру или на реке неожиданно обнаруживал заветное местечко, где хорошо брала рыба.

Любое покушение на убийство видного деятеля, независимо от того удавалось ли оно или заканчивалось провалом, является для людей большим потрясением. Каждое покушение на человеческую жизнь непосредственно касается не только исполнителя и его жертвы, но и затрагивает любого человека. Можно вспомнить, как потрясло людей буквально во всем мире убийство президента США Кеннеди. Покушение на жизнь Сталина, увенчавшись оно успехом, было бы неменьшим потрясением. Следовательно, рассуждал я, планы покушения на Сталина также заслуживают того, чтобы быть зафиксированными в истории. Чтобы составить общую картину этого заговора и прояснить его подноготную потребовалось два года упорной работы. Я опросил множество людей, перевернул груды материалов. Однако до сих пор немало деталей этого дела

остаются неясными, оно полно загадок. На вопрос какие чувства руководили мной в этих поисках, я вынужден буду ответить, что помимо некоторых других мотивов, мною прежде всего двигало присущее в конце концов каждому из нас любопытство. Я просто не мог противиться стремлению выяснить, что же было на самом деле. Неужели такой заговор международного масштаба, как попытка покушения на Сталина, мог кануть в Лету, не оставив даже малейших следов?

Я не одобряю политического террора и не в моем характере разжигать страсти вокруг этого вопроса. К тому же со времени этого инцидента прошло 50 лет, и люди, замешанные в нем, уже не подлежат уголовной ответственности. Поэтому в мои намерения входило лишь одно — приоткрыть страницы истории, связанные с давним событием.

Вместе с тем эта работа не является строго историческим исследованием. Я и раньше частенько подумывал о том, чтобы оттолкнувшись от какого-либо исторического факта создать на его материале что-нибудь в детективном жанре. Попавшиеся мне на глаза материалы о заговоре с целью убийства Сталина как раз предоставили удобный случай, чтобы приступить к исполнению задуманного. Среди детективных романов и повестей есть много замечательных произведений, в основу которых положены те или иные исторические события. Однако только такой самонадеянный человек как я мог взяться за подобное рискованное предприятие.

Итак, в данной работе неразрывно слились истина и вымысел. Планы покушения на Сталина действительно существовали, и они составляют стержень моего повествования. Но частично добавлен и вымысел. Читатель, следуя за моим рассказом, должен постоянно иметь это в виду. События, описанные в книге, относятся к 1938—1939 гг. — самому кануну второй мировой войны. Это было время, когда над миром сгустились черные тучи войны, а державы «оси» в своей внешней политике окончательно сделали выбор в пользу применения силы. Политики, военные, дипломаты многих стран в страхе перед растущей угрозой мировой войны пустились во всевозможные закулисные интриги. Это была тайная, но ожесточенная борьба, в которой не брезговали никакими средствами. Ибо вопрос стоял так — либо ты, либо тебя. В такой борьбе господствует закон джунглей и выживает лишь тот, кто оказался или более сильным, или более коварным. Описанный мною действительно существовавший заговор с целью убийства Сталина полностью вписывается в картину тотальной тайной войны, в которую свергли себя руководители мировых держав, помешавшиеся на государственных и идеологических догмах. Я намерен продолжить описание этого мира в своих дальнейших книгах.

Начало книге было положено публикацией информационного отдела военного министерства Японии. Затем ее продолжили отдельные фрагменты целого ряда документов, материалов, свидетельства очевидцев. Поэтому читателям, привыкшим к детективным историям, написанным в форме литературного произведения, книга, возможно, покажется несколько необычной.

Однако в данном случае у меня был резон пренебречь формой чисто детективного романа. С тех пор как Фредерик Форсайт своим романом «День Шакала» произвел настоящую сенсацию в мире детективной прозы, вышло множество книг о покушениях на известных политических деятелей. На мой взгляд, авторы многих из этих произведений слишком стремились поразить читателя оригинальностью сюжета и потому часто проигрывали в достоверности и убедительности описываемых событий. А ведь для подобного рода литературы совершенно обязательно соблюдать реалии жизни. Я опасался — читатель может решить, что автор специально придумал сюжет, связанный с попыткой покушения на Сталина, с целью выделить свою книгу среди моря подобных произведений. В этом случае мой сюжет сразу же утратит в читательских глазах всякую убедительность реального факта, в частности хотя бы просто потому, что трудно поверить в сам факт такой попытки. Поэтому я счел необходимым отказаться от классической формы детективной истории, построенной на описании покушения на какого-либо известного деятеля, и придать своей книге совершенно иную форму.

В то же время я испытывал чувство удовлетворения, присущее настоящему ученому, исследующему ту или иную историческую проблему. Ученый-исследователь, особенно в области современной истории, отыскивает и изучает документы и материалы, сбивается с ног в поисках лиц, имеющих отношение к интересующим его событиям. В своих изысканиях он часто идет кружным путем, добираясь до самой сути

проблемы. И, разумеется, ощущает удовлетворение когда ему удается ликвидировать то или иное «белое пятно» или приподнять вуаль над исторической истиной.

Сейчас мой труд завершен. Я вложил в эту работу все что мог, хотя выпуская ее в свет испытываю двойственное чувство — как удовлетворение, так и беспокойство. Но как бы то ни было я отдаю свою работу на суд читателя.

В заключение я хочу выразить свою благодарность всем, кто оказал мне содействие в сборе материалов для этой книги. Такова уж судьба произведений детективного жанра: необходимые для их создания свидетельства и материалы как правило невозможно получить по горячим следам, в «живом виде». Поэтому не имея я необходимой помощи и содействия в этом деле, не было бы и самой основы для этой работы. Я хотел бы также выразить благодарность авторам и издательствам, которые предоставили мне возможность использовать и даже цитировать отдельные выдержки из их трудов. Особо благодарю за оказанную мне поддержку члена Совета по изданию материалов по истории второй мировой войны Тацуо Ватанабэ, постоянно вдохновлявших меня в моей работе сотрудников издательства «Токума Сэтэн» Осаму Араи и Косаку Асидзава.

Есиаки Хияма
13 августа 1978 г.

Глава I. Побег

Ранним утром 13 июня 1938 г. из СССР в Маньчжоу-го сбежал начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю Генрих Самойлович Люшков. Народный комиссариат внутренних дел осуществлял в Советском Союзе функции секретной политической полиции и, одновременно, занимался организацией разведки в зарубежных странах, а также охраной государственной границы. Народным комиссаром внутренних дел был в то время Н. И. Ежов, которого Сталин сместил сразу же после побега Люшкова. Преемником Ежова на посту наркома внутренних дел стал Лаврентий Берия, пользовавшийся самым большим доверием Сталина.

Только спустя полмесяца после перехода Люшкова на территорию Маньчжоу-го информационный отдел военного министерства Японии дал об этом инциденте следующую публикацию в печати:

1. Сообщение информационного отдела военного министерства [от 1 июля 1938 г.]

«Опасаясь за свою судьбу ввиду проводимой в Советском Союзе чистки, начальник Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю комиссар государственной безопасности 3 ранга (что соответствует чину генерал-майора) Люшков Генрих Самойлович, в поисках защиты у нашего государства, около 5 часов 30 минут 13 июня перешел границу Маньчжоу-го в районе Консюна и был задержан маньчжурской пограничной охраной».

2. Заметка в токийской газете «Асахи симбун» [от 1 июля 1938 г.]

«Из опубликованного сообщения информационного отдела военного министерства обстоятельства бегства Люшкова из СССР представляются крайне неясными. Почему и каким образом Люшков перебрался в Маньчжурию? Кто такой Люшков? Почему сообщение об этом инциденте было опубликовано лишь 1 июля, хотя он произошел еще 13 июня? Мы располагаем следующими материалами о биографии Люшкова. Генералу Люшкову Генриху Самойловичу исполнилось 38 лет. Он родился в 1900 г. в Одессе, в семье портного. После окончания начальной школы работал в разных учреждениях, продолжая учиться в вечерней школе. В 1917 г. под влиянием своего старшего брата-коммуниста начал участвовать в революционном движении и вступил в коммунистическую партию. После этого активно участвовал в борьбе за установление советской власти в Одессе. В 1918 г. во время вступления на Украину германских войск был одним из партийных функционеров-организаторов в Одессе. В начале 1919 г. стал работником политотдела 1-го украинского полка. В апреле того же года был зачислен слушателем центральных политических курсов НКВД Украины. Будучи слушателем курсов, принимал участие в боях гражданской войны на Украине. В сентябре 1919 г. окончил курсы и получил назначение в политотдел 1-й отдельной бригады 14-й армии и вместе с ней был направлен под Брянск на фронт против Деникина. После переформирования, в ходе которого 1-я отдельная бригада вместе с 57-й бригадой была сведена во 2-ю особую бригаду, он становится секретарем политотдела

этой бригады, затем назначается начальником этого политотдела и вместе с бригадой перебрасывается на польский фронт.

В 1920 г. началась работа Люшкова в приводившей тогда всех в ужас ЧК, которая была затем преобразована в ГПУ. После работы в органах ЧК — ГПУ на Украине, в Москве и других местах, он был в 1936 г. назначен начальником Управления НКВД по Азово-Черноморскому краю. Наконец, в августе 1937 г. Люшкова переводят начальником Управления НКВД по Дальневосточному краю, и он приезжает в Хабаровск. За заслуги перед революцией Люшков награжден орденом Ленина».

3. Ситиро Мураками «Современный этап чистки в Советском Союзе» (журнал «Кайдзо», август 1938 г.)

Почему Генрих Люшков сбежал из Советского Союза? Специальный августовский номер журнала «Кайдзо», вышедший сразу после сообщения об этом инциденте и целиком ему посвященный, опубликовал материал под общим заголовком «Вокруг побега Люшкова». Среди них — статья Ситиро Мураками, в которой содержался следующий анализ причин, вынудивших Люшкова эмигрировать из СССР и всего, что за этим стояло: «Тревожная политическая обстановка на Дальнем Востоке. Известие о переходе 13 июня начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю Г. С. Люшкова советско-маньчжурской границы произвело на нас сильное впечатление. Наше изумление было вполне оправданным. Ведь вместе с командующим вооруженными силами Красной Армии на Дальнем Востоке Блюхером и первым секретарем краевого комитета Стацевичем, Люшков считался в дальневосточном регионе одной из трех звезд первой величины. И вдруг такой человек переходит границу. Ведь Люшков был не кем иным как начальником ГПУ Дальнего Востока, ставшего основным плацдармом, на котором сосредоточены сотни тысяч солдат Красной Армии и более тысячи боевых машин, и который предназначен для сдерживания действий Японии, ведущей войну против Китая. И вот человек, занимающий такое высокое положение, вдруг бежит из Советского Союза. Нет ничего удивительного в том, что это событие привлекло самое пристальное внимание с нашей стороны.

Инцидент с Люшковым по сути дела имеет весьма серьезное политическое и военное значение. Он свидетельствует о том, что Советский Союз охвачен сейчас таким страхом, который трудно себе представить. Уже один тот факт, что внешне советская сторона восприняла побег Люшкова сравнительно спокойно, даже сделав вид, что никакого перехода границы вообще как бы не было, явно указывает на глубокие внутренние потрясения, которые за этим скрываются. Переход Люшковым советской государственной границы — явно один из примеров полного политического саморазоблачения. Для тех, кто знаком с обстановкой в Советском Союзе, в частности с последними политическими событиями на Дальнем Востоке, этот инцидент не выглядит таким уж неожиданным. Скорее наоборот, он даже представляется в определенной мере неизбежным. Прежде всего давайте бросим взгляд на развитие политической ситуации на советском Дальнем Востоке. Со времени заключения между Японией и Германией антикоминтерновского пакта Сталин усматривает в развитии японо-германских отношений последовательное создание тесного военного союза, имеющего целую подготовку агрессии и против Советского Союза. Поэтому усиливает полицейское наблюдение за обстановкой, особенно на Украине и на Дальнем Востоке. Сталин повсюду выискивает «врагов народа», «шпионов», «подрывные элементы» и безжалостно уничтожает их. Как нам стало известно, во Владивостоке прошли массовые казни. Так, в мае прошлого года были расстреляны 22 человека, в июне — 86 и в сентябре — 19 работников железной дороги. Такие масштабы репрессий свидетельствуют о том, что ситуация на Дальнем Востоке не внушает Сталину оптимизма.

Столь тревожная обстановка в этом районе не могла не отразиться и на местном высшем партийном руководстве. В начале прошлого года руководитель краевой партийной организации Лаврентьев, под предлогом допущенных провалов в лесной промышленности и сельском хозяйстве, а также на железнодорожном транспорте, был обвинен в преступной снисходительности к троцкистам и на этом основании арестован. Дальнейшая его судьба неизвестна. В качестве его преемника первым секретарем Дальневосточного крайкома был избран Варейкис, известный своей близостью к Сталину. Считалось, что направление Варейкиса на Дальний Восток как нельзя лучше подчеркивало то особое значение, которое придавал Сталин этому региону. Варейкис

обрушил на сторонников Лаврентьева жестокие гонения и репрессии. Упомянутые выше расстрелы железнодорожников во Владивостоке были осуществлены под его непосредственным руководством. Варейкис стал проявлять подозрительность и к командарму Блюхеру. Однако на состоявшемся в октябре 1937 г. в Хабаровске собрании партийных руководителей Дальневосточного края в адрес Варейкиса были высказаны обвинения в том, что он подверг незаслуженной чистке большое число людей и что они сам действует как «враг народа». В этом же месяце на пост первого секретаря крайкома партии был избран второй секретарь крайкома Стацевич, а сам Варейкис арестован. Однако не прошло и полугода, как Стацевич был вызван в Москву (как явствует из заметок Люшкова)*. Как известно, вызов в Москву какого-либо работника обычно означал его арест.

Таким образом, меньше чем за полтора года три высших партийных руководителя Дальнего Востока оказались «врагами народа». Уже из одного этого видно, как упал авторитет партии в глазах масс, какой глубокий внутренний кризис она переживает и в каком опасном положении оказалась. О том, как упало влияние краевой партийной организации свидетельствует и тот факт, что в крае смещено или арестовано подавляющее большинство партийных руководителей областного и районного уровня. В октябре 1937 г. были арестованы по обвинению в принадлежности к троцкистам в бухаринцам 11 сотрудников редакции газеты «Тихоокеанская звезда» вместе с главным редактором. Газеты, которая по праву называлась «Правдой» Дальнего Востока. В результате постоянных арестов партработников появилось много партийных организаций, в которых ощущалась нехватка руководящего состава. Так, в настоящее время в Дальневосточном крае не хватает восьми вторых секретарей райкомов Амурской области, пяти вторых секретарей на Камчатке и двух в Приморской области. Эта тревожная неустойчивая обстановка сложилась к настоящему времени не только в дальневосточной парторганизации. Положение в органах ГПУ по своей остроте ничуть не уступает ситуации в партии. В прошлом году исчез со своего поста начальник ГПУ Дальневосточного края Дерibas, который направлял работу органов около 15 лет. Сменивший его Парицкий не продержался на этом месте и одного месяца. Он был арестован, после чего из Москвы на пост начальника НКВД по Дальневосточному краю был направлен Люшков. Во главе краевого ГПУ он проявил немалые способности, осуществляя те репрессии, которые обрушил тогдашний первый секретарь крайкома Варейкис на руководство редакции «Тихоокеанской звезды» и партийных руководителей Приморской области и других районов.

Несомненно, с исчезновением Варейкиса Люшков должен был почувствовать страх и за себя и, в конце концов, сбежать из СССР. Кстати, здесь нужно отметить, что некоторые обозреватели связывают причины побега Люшкова с тем, что и у него сложились враждебные отношения с командармом Блюхером. Думается, что эта точка зрения ошибочна. Если внимательно ознакомиться с записками Люшкова, то в них можно обнаружить совершенно четкие мотивы, заставившие его уйти за кардон:

«Сегодня в Советском Союзе стало общим правилом, что вызов в Москву работников, занимающих руководящее положение, обычно заканчивается их арестом и исчезновением. Например, только в последнее время были вызваны в Москву и затем арестованы бывший начальник Управления НКВД по Ленинградской области Заковский и бывший член коллегии НКВД Украинской ССР Лепревский. Члены коллегии НКВД Белорусской ССР Берман и Свердлов также были вызваны в Москву и можно полагать, что их постигнет аналогичная участь. Все они из числа старых чекистов, оставшихся в живых к настоящему времени. Поскольку я тоже принадлежу к этой группе, то интуитивно чувствую, что рано или поздно меня ждет такая же страшная участь».

В последнее время многие начальники управлений НКВД разных областей были арестованы. Все они принадлежали к тому поколению, которое выпестовали Дзержинский и Ягода и которое Ежов стремился выкорчевать до конца. К тому же поколению

* Что представляют эти заметки, пока выяснить не удалось. Об их содержании можно судить лишь по отдельным отрывкам, которые приведены в статье Ситиро Мураками.— Прим. автора.

фактически принадлежал и Люшков. Именно это и стало основной причиной, побудившей его бежать из Советского Союза.

4. Санэхико Ямамото «Раскол на материке» (1938 г., издательство «Кайдзося»)

Глава фирмы, издававшей журнал «Кайдзо», Санэхико Ямамото встретился 18 июня в штабе Корейской армии с Люшковым. Ямамото писал о Люшкове: «Он был смертельно бледен, телосложением, думаю, не отличался от японца. Это был тучный мужчина».

В книге Ямамото «Раскол на материке» полно тайн, связанных с Люшковым, а сам его побег изложен следующим образом:

«Преисполнившись глубокой решимостью, темной ночью он в автомобиле направился в район государственной границы. Между округленными сопками тускло светила луна, изредка набежали темные облака, и все это навевало жуткое настроение глубокой ночи. У военного объекта он остановил машину. Сотрудникам ГПУ, которые присматривали и за ним самим, он объяснил, что у него много работы. Одному из них он дал задание подробно изучить обстановку в районе военного объекта, другого же направил в противоположном направлении в сторону границы. Он распорядился держать автомобиль наготове, совсем как в боевой обстановке, а сам остался за караульного. Более десяти минут Люшков стоял на месте, наблюдая за уходящими сотрудниками. Их фигуры постепенно пропадали из вида, затих звук шагов, и тогда он очень осторожно направился в сторону границы с Маньчжоу-го.

С опаской глядя по сторонам, он проник на территорию Маньчжоу-го, затем перешел от шага к очень быстрому бегу и рывком удалился на безопасное для него расстояние. Постепенно стало рассветать. Люшков остановился и присел. Когда совсем прояснилось, его увидели двое жандармов. Поскольку жандармы поняли, что советский человек проник на их территорию и не намерен возвращаться к себе, они взвели затворы своих винтовок, но с его стороны не было продемонстрировано никакой враждебности, и жандармы подошли поближе. Люшков, набравшись мужества, обратился к ним.

Не понимая русской речи, жандармы внимательно изучали его. Не собираясь причинить своим поведением какой-либо ущерб, но желая как-то объяснить свое поведение, Люшков неожиданно вынул из карманов два пистолета. Жандармы взяли оружие и надели ему на руки наручники. На лице Люшкова появилось выражение некоторого недовольства, но вместе с тем он, позволив надеть наручники, последовал за жандармами. Придя в распоряжение разведывательных органов, он подробно рассказал о событиях, происшедших в то утро. Сотрудники разведки были поражены, заметив три звезды на воротнике его гимнастерки. Перед ними стоял полный генерал сухопутных войск СССР. Небрежно заметив, что не требует особого отношения к своей персоне, он вновь позволил надеть наручники».

В те годы Управление НКВД по Дальневосточному краю размещалось в Хабаровске. Люшков курировал участок от Хабаровска до Посъета. Он перешел в Маньчжоу-го ночью с 12 на 13 июня 1938 г. в районе уезда Хуньчунь. Участок границы в районе Посъета охранял 59-й отряд пограничной охраны (со штабом в Посъете). Командир отряда был допрошен после случившегося вышестоящими лицами и снят с должности. Поскольку этот отряд пограничной охраны находился в подчинении у отдела НКВД, опекаемого Люшковым, не было ничего необычного и в появлении самого Люшкова в Посъете. Под предлогом проверки охраны границы Люшков мог довольно часто бывать вблизи пограничной полосы.

В уезде Хуньчунь в Маньчжурии размещались пограничный отряд Маньчжоу-го, принадлежавший к 19-й японской дивизии (подчиненной штабу Корейской армии), а также отделение разведывательных органов. Люшкова заметили жандармы из пограничного отряда. В пограничном отряде его подвергли допросу, а затем доложили о нем в Хуньчунь. Изучение удостоверения личности Люшкова разведотделом полицейского управления показало, что он возглавляет Дальневосточное управление НКВД и является важной персоной. Начальник разведывательного отдела в Хуньчуне полковник Тэцудзиро Танака (ко времени окончания войны он служил в той же должности в Чичигаре, казнен советскими войсками) сообщил обо всем в штаб Корейской армии в Сеул. Уезд Хуньчунь находится на территории Маньчжоу-го, но в военном отношении он был подчинен штабу Корейской армии. Штаб Корейской армии направил полковнику Танака приказ взять Люшкова

впод свою ответственность и отправить в сопровождении конвоя в Сеул.

Внутриполитическое смятение в Советском Союзе

Нет документов, в которых зафиксировано, как обращались с Люшковым после того, как он был под конвоем доставлен в Сеул. Из этого можно заключить, что армия, контролировавшая в то время общественное мнение в Японии, засекретила все, что касалось Люшкова.

Можно заключить, что для японских армейских кругов бегство Люшкова за границу было благоприятным по двум причинам. Во-первых, инцидент можно было использовать в антисоветской пропаганде, во-вторых, от Люшкова можно было получить секретную информацию о Советском Союзе. Итак, что же произошло в действительности?

Поскольку совершенно отсутствуют открытые документы, из которых можно было бы почерпнуть информацию о том, как реагировали на побег в японской армии, нет иного пути, кроме бесед с компетентными в то время лицами, словам которых приходится верить.

Руководство штаба Корейской армии в то время было следующим: командующий армией Куниаки Коисо, начальник штаба Кэндзи Китано, начальник оперативного отдела штаба Танио Ивасаки, начальник разведывательного отдела Масатака Онуки. В пенсионном отделе канцелярии премьер-министра удалось выяснить, что Онуки проживает в Токио, в районе Сугинами.

Он прослужил 24 года в сухопутных войсках, занимал посты начальника 2-го отдела штаба Корейской армии, начальника 2-го отдела штаба войск, дислоцированных в Китае, главного штабного офицера 2-го отдела (южное направление) генерального штаба, а ко времени окончания войны был начальником группы связи в Шанхае главного командования войск в Китае, в звании генерал-лейтенанта. В настоящее время — советник Исследовательского комитета по вопросам японо-южнокорейской торговли.

Онуки в телефонном разговоре охотно дал согласие на интервью, а при посещении его квартиры предложил прочесть свою рукопись, подготовленную для печати. Вот часть этой рукописи, публикуемая с согласия автора.

5. «Записки офицера разведки»

«Здесь я хотел бы коснуться дела о бегстве за границу Генерала Люшкова. Генерал Люшков занимал в то время пост начальника Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю. Рано утром 13 июня 1938 г., спасаясь от проводимой Сталиным чистки, он бежал через границу в уезде Хуньчунь (в окрестностях города Чанлин). Его заметил жандармский патруль из пограничного отряда и доставил в штаб жандармерии в уезде Хуньчунь. По указанию штаба 19-й дивизии, охранявшей в Хуньчуне государственную границу, задержанным занимался отряд охраны Хуньчуна. Хотя этот район расположен в Маньчжурии, он находился в подчинении Корейской армии потому что в нем и в соседней Южно-Уссурийской области проживает много корейцев.

В то время в этом районе довольно часто задерживали вблизи государственной границы корейцев, занимавшихся шпионажем в пользу Советского Союза. Шпионы-корейцы хранили в обуви японские банкноты, скрывались в домах своих родственников на территории Маньчжоу-го и занимались разведывательной деятельностью. Выполнив свою миссию и готовясь снова перейти границу, они зажигали костер в условном месте, подавая сигнал об окончании работы. Пограничные отряды многократно сталкивались с подобными случаями.

Шпионы собирали сведения о дислокации японских войск в пограничных районах, о расположении позиций этих войск. Однако районы для сбора разведанных были невелики, поэтому и плата за сбор информации тоже была низкой. Проникали туда также под видом путешественников или политических беженцев и более важные лица, целью которых было активизировать антияпонское движение в Маньчжурии, руководить им, собирать важную стратегическую и тактическую информацию о японской армии, ее вооружении. Среди подобных лиц преобладали русские.

По этой причине штаб пограничного отряда уезда Хуньчунь вначале решил, что скрытное проникновение через границу генерала Люшкова — запланированный шпионаж. Прежде всего об этом было доложено командиру уезда Хуньчунь

Дз. Екояма. Он дал указание передать генерала Люшкова разведорганам. Разведорганы тщательно обследовали личные вещи Люшкова и подтвердили его должность руководителя Дальневосточного управления НКВД, согласно удостоверению личности.

Пораженный полковник Танака доложил по телефону в штаб Корейской армии в Сеул обстоятельства дела. Я участвовал в телефонном разговоре, находясь в Сеуле, и тоже удивился, а затем спешно доложил о Люшкове командующему армией Коисо и начальнику штаба Китано. В результате было решено доставить задержанного на военно-транспортном самолете в Сеул в обстановке строжайшей секретности и под конвоем, а затем допросить его в штабе.

В тот же день к вечеру Люшков был доставлен в Сеул, его привезли в штаб. Допрос проходил в здании штаба, в комнате для высоких гостей, допрашивали сотрудники 2-го отдела.

Люшков был человеком среднего телосложения, среднего роста, с усиками как у Гитлера, волосы на голове курчавились и были взлохмачены. По лицу генерала было видно, что он возбужден и напряжен. По документам Люшкову было 38 лет, но выглядел он старше.

Первый допрос продолжался до ужина и носил формальный характер. Возраст, профессия, мотивировка побега и т. д. Что касается мотивировки побега, то было сказано, что побег продиктован опасениями в связи с чистками по приказу Сталина. На ужин была подана традиционная японская пища, но Люшков, видимо, был голоден и без какого-либо недовольства съел все, хотя впервые пробовал японские блюда.

Второй допрос начали после непродолжительного отдыха, последовавшего за ужином, и тогда Люшков выдвинул условия передачи информации. Эти условия состояли из четырех пунктов: освобождение Люшкова, разрешение на выезд в третью страну, возвращение ему имевшихся при нем денег и сверх того выплата ему 500 тыс. японских иен, обеспечение его безопасности на период пребывания в Японии и вместе с тем подтверждение того, что его семья уже успела бежать в Финляндию. Если же хоть одно условие не будет выполнено, он будет держать все секреты при себе.

В ответ я пригрозил ему, что в случае молчания он либо будет предан суду за незаконный переход границы, либо депортирован обратно в Советский Союз. Не меняясь в лице, Люшков сказал, что если подобное произойдет, японской армии, видимо, впоследствии придется раскаиваться и спокойно пояснил, что 500 тыс. иен — небольшие деньги по сравнению с затратами на войну в Китае. Я сказал, что сам не уполномочен принять такие условия. В ответ Люшков заявил, что в таком случае не скажет больше ничего до подтверждения принятия его условий. И хотя я убеждал его, что японская армия ничего плохого не сделает, все было напрасно. Поэтому и на втором допросе он ничего не раскрыл.

В нашем штабе и в штабе Квантунской армии получили информацию из Хучуня и передали ее нам. Поздно ночью из штаба прибыл майор Юкио Синами и сообщил, что к нам командирится из штаба Квантунской армии подполковник Тацуро Утагава, который вскоре прилетел на самолете. Майор Синами приказал немедленно привести Люшкова и вручил письменный приказ начальнику 2-го отдела Хомма. Затем подполковник Утагава допросил Люшкова и заявил, что возвращается вместе с ним в штаб Квантунской армии.

Судить о том, проведен ли допрос подобающим образом, является ли Люшков крупной фигурой, следовало соответственным органам штаба. Я тоже не выражал несогласия с приказом начальника 2-го отдела Хомма и высказался за желательность хотя бы краткого допроса в штабе Корейской армии. Дело в том, что, хотя штабы Корейской и Квантунской армий непрерывно отсылали добытую ими информацию в генеральный штаб, сам генштаб почти не присылал нам информацию, которой располагал, и нередко мы попадали в затруднительное положение вследствие приказов и распоряжений из генштаба.

В этом одна из причин недопонимания между генеральным штабом и штабами армий, и я не раз задумывался над тем, что ее следует устранить. Я считал, что, если Люшкова отпустить в распоряжение генштаба, у нас не будет о нем доста-

точной информации, поэтому желателен краткий допрос в штабе Корейской армии.

Все это я объяснил майору Синами, и он согласился с моими доводами. Год спустя в ходе боев в районе Халхин-Гола майор Синами погиб в автомобиле, когда вел наблюдение за противником. Сухопутная армия в разведке против СССР использовала различные источники, изучая не только военные, но также и политические, экономические аспекты. Когда я был помощником военного атташе в СССР, я интересовался мнением офицеров Красной Армии по многим вопросам. Искренне сожалею, что многие наши герои погибли.

Перевод с японского языка
В. И. ПРОХОРОВА,
А. А. ШМЫРЕВА.

Продолжение следует

ИСИС: СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Население помогает искоренять преступность

С января по ноябрь 1989 г. народные суды всех инстанций приняли для рассмотрения 2,6 млн. гражданских дел, на 28,06 % больше, чем за аналогичный период предшествующего года. Разобрано 1,42 млн. дел, или на 30,24 % больше, чем в 1988 г. «Народные суды нанесли тяжелые удары по различным экономическим преступлениям, усилили борьбу с коррупцией, взяточничеством, спекуляцией», — отмечалось на азиатском совещании судебных работников.

Усилился административный контроль в борьбе с явлениями разложения. Контрольная система страны выделила более 1500 телефонных номеров для изобличающих сообщений о злоупотреблениях со стороны руководящих работников. Сигналы населения стали основными источниками судебной информации. На конец 1989 г. было принято в разбирательство 216,2 тыс. изобличающих сообщений. Административные изыскания направлены на 39,6 тыс. человек, передано в суд 4,8 тыс. дел, возмещен материальный ущерб государству в размере 590 млн. юаней.

ЛАО-ЦЗЫ

«Дао дэ цзин» — поэтический философский памятник великой китайской культуры, созданный в IV—III вв. до н. э. Он относится к тому небольшому числу древних литературно-художественных и философско-этических произведений, которые имеют всемирную общечеловеческую значимость — таких, как «Илиада» и «Одиссея», «Книга песен», «Слово о полку Игореве». Ныне он переведен на многие языки и публиковался десятки раз. На японском языке, например, существует свыше 40 его переводов. А у нас таких переводов всего два.

И вот сегодня я имею счастливую возможность представить советской научной и литературной общественности еще один перевод этого классического труда. Перевод нашего соотечественника, русского, живущего в настоящее время в Бразилии, китаеведа, получившего специальное образование в харбинском Институте ориентальных и коммерческих наук. Однако это не только наш коллега, ученый-синолог, но и большой русский поэт, выпустивший в свет 13 своих поэтических сборников, поэт, который сегодня возвращается своими стихами на Родину*. Это Валерий Францевич Перелешин (В. Ф. Салатко-Петрице), родившийся в Иркутске в 1913 г. и семилетним ребенком увезенный сначала в Читу, а затем в Харбин. Ему же принадлежит и большое число превосходных переводов из китайской классической поэзии, с которыми, надеюсь, наш читатель еще познакомится. Он также автор воспоминаний «Два полустанка» — о харбинской и шанхайской жизни в 1930—1950-е годы.

Этому редчайшему сочетанию в одном лице двух столь редких качеств — высокого поэтического мастерства и глубокого знания классического китайского языка — мы и обязаны еще одним, замечательным, на мой взгляд, переводом книги, излагающей учение Лао-цзы, на русский язык.

Я горжусь тем, что много лет лично знаком с переводчиками «Дао дэ цзин» — ученым-китайцем, уважаемым профессором Ян Хиншунем и моим земляком, старинным другом нашей семьи, поэтом Валерием Перелешиним.

Профессор Ян Хиншунь был первым, который скупрулезно и точно еще в 1950 г. осуществил в Советском Союзе перевод на русский язык этой поэмы-трактата. Но его перевод далек от поэзии этого памятника, он — прозаический.

Мы же не будем забывать того важного обстоятельства, которое, замечу, прошло мимо внимания даже многих японских переводчиков, что «Дао дэ цзин» — это не только философский трактат, но и крупнейший, великий поэт и ч е с к и й памятник китайского народа, имеющий свои рифмы, свои размеры. Предлагаемый вниманию читателей перевод В. Перелешина — это поэзия, и поэзия высокая. В его переводе «Дао дэ цзин» — это прекрасная китайская поэма, переведенная русским Поэтом, и, думается, в этом качестве с нею теперь будет интересно ознакомиться каждому, интересующемуся историей и культурой Китая. Сочинение Лао-цзы прочитано В. Перелешиним по-новому, в этом легко убедиться, сравнив его строфы с переводом Ян Хиншуна.

Сказанное несколько не умаляет значения перевода Ян Хиншуна, не утратившего своего научного значения и по сей день. Однако известно, что каждая историческая эпоха прочитывает и интерпретирует подобные «Дао дэ цзин» великие памятники прошлого по-своему. Нет сомнения, что и в будущем появятся новые переводы этого трактата.

* См. подборку его стихов в журнале «Новый мир», № 9, 1989.

Итак, с чувством большого удовлетворения и гордости за российскую китаеведческую науку представляю читателям журнала «Проблемы Дальнего Востока» новый поэтический перевод «Дао Дэ цзин», принадлежащий перу нашего зарубежного коллеги В. Ф. Перелешина вместе с предисловием автора перевода.

Г. В. МЕЛИХОВ,
доктор исторических наук

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

«Дао Дэ цзин» — совсем небольшая книга, содержащая около 5 тыс. китайских письменных знаков, но по своему влиянию на философскую мысль Востока, а позднее и Запада она «весит» больше, чем сотни конфуцианских и иных книг совокупно. На почве одной этой книги возникла одна из трех главных философских систем Китая — даосизм, заявляющая — вне всякой пропорции к размеру книги — свое место рядом с пришедшим из Индии буддизмом и «национальным» конфуцианством.

Как содержание «Дао Дэ цзин», так и вопрос о его авторстве никогда не переставали вызывать споры, причем одни считают, что автор был современником Конфуция, другие — что он жил на целое столетие позже, и третьи — что эта книга не более как сборник изречений, составленный уже во времена Ханьской династии (III в. до н. э. — III в. н. э.).

По традиции авторство «Дао Дэ цзин» приписывается Лао-цзы. Но кто был Лао-цзы («Старый Мудрец»)? Был ли это Ли Эр? Был ли это Лао Дань, многократно упомянутый в книгах Чжуан Чжоу, среди «персонажей» которого немало измышленных им самим?

Лао Дань был, как думают, уроженцем княжества Чжэн, впоследствии захваченного королевством Чу. Историк Сыма Цянь сообщает, что он был хранителем императорских архивов в Лояне, но, огорченный упадком династии Чжоу, покинул свою должность. Он написал «Дао Дэ цзин» будто бы по воле будды Гуань-инь, а затем стал отшельником и умер в глубокой старости в пределах королевства Цинь.

Современные китайские исследователи полагают, что все три догадки об авторе «Дао Дэ цзин» не исключают одна другой. Библиотекарь или архивариус Лао Дань, вероятно, существовал, но «Дао Дэ цзин» мог и не быть его произведением. Как столичный архивариус, он имел доступ ко всей существовавшей тогда литературе и, несомненно, стал человеком редкой начитанности. Вполне возможно, что за справками к нему обращался и Конфуций.

Возможно, что «Дао Дэ цзин» — сборник изречений Лао Даня, составленный его учеником или учениками уже в эпоху феодальных войн. Как и в конфуцианской литературе, редактирование оставило свои следы в стиле книги, но это не дает права считать ее подделкой, возникшей уже при Ханьской династии.

Переводчик «Дао Дэ цзин» на любой европейский язык сразу наталкивается на огромные препятствия. Главное из них — терминология. Начать с того, что ключевое слово «Дао» непереводимо. Это, конечно, не «Путь», не «Разум», не «нравственное начало», не «образ действия» и не «космос». Ближе всего подходит к нему «Логос» эллинистической философии, но введением этого термина были бы внесены в перевод совершенно чуждые Китаю неоплатонические и христианские оттенки. Неприемлемо слово «Логос» еще и по соображениям стиля: ведь «Логос» тоже слово нерусское! Как же перевести «Дао»? Вслед за Чжэн Линем (о котором ниже) я перевожу «Дао», как «Истина», хотя оговариваюсь, как и он в своем предисловии, что «Дао» — не Истина, что оно конкретнее и активнее.

Ту же трудность встречаем и при переводе слова «Дэ». Это, скорее всего, греческая «калокагия»*, сочетание добра и красоты, а не мудрость, не добродетель и не природа.

Следующее огромное затруднение — выбор текста. В Китае известны 80 списков, различных не только по составу, но и по порядку, в котором изречения следуют. «Дао Дэ цзин» подразделяется то на две, то на четыре части. Число глав колеблется от 68 и до 180. Расходятся между собою даже древнейшие списки, ибо уже в начале нашей эры выдержки из «Дао Дэ цзин» у разных писателей не совпадали текстуально. К концу китайской монархии** было известно 335 списков «Дао Дэ цзин», снабженных примечаниями.

* В древнегреческой философии гармония внешних и внутренних качеств, физических и духовных способностей как идеал воспитания человека. — Прим. ред.

** То есть к 1911 г. — Прим. ред.

За две с лишним тысячи лет накопилось бесчисленное множество описок и перестановок. Многие идеограммы устарели и стали непонятными; кое-где их заменили «неологизмами». Отрывки из старых комментариев тоже часто принимались за часть текста и включались в него.

Научная критика текстов возникла только в XVII в., когда началось их сопоставление и сравнение. Постепенно к этому добавилась и критика лингвистическая. В итоге огромной работы многих поколений ученых из «Дао дэ цзин» были исключены все интерполяции, содержавшие поощрения к «тайноведению», знахарству или алхимии.

Основной стержень «Дао дэ цзин» — учение о бездействии («у-вэй»), призыв вернуться к простоте и естественности, для чего людям необходимо освободиться от себялюбия и общественных цепей. Мысли Лао-цзы, Лао Даня, Чжуан Чжоу противоположны конфуцианству и представляют собой головокружительный полет умозрения, прорыв в пределы метафизики.

Учение «Дао дэ цзин» и позднейшего даосизма кажется настолько чуждым китайскому уму, что предполагается его родство с брахманизмом и буддизмом. Сношения Китая с Индией по суше и по морю начались давно и никогда не прекращались. Книга «Фа юань фу линь» упоминает о преследованиях индусских буддийских монахов в Сиане еще в 217 г. до н. э. Цинь Шихуанди распорядился в 214 г. до н. э. разрушить все буддийские храмы в Китае. Такие крутые меры свидетельствуют о том, что буддизм представлялся крупнейшей угрозой.

Лао Дань и его последователи, кто бы они ни были, подготовили буддизму путь к успеху в последний период Ханьской династии. Но распространение буддизма не могло не повлиять и на даосское учение, которое пропиталось заимствованиями из индусской веры. Со временем обе религии так переплелись, что теперь невозможно сказать, где кончается одна и где начинается другая. Лао-цзы и Лао Дань в VII и VIII вв. н. э. были официально обожествлены — первый, как «Великий Верховный Владыка Таинственной Первопричины», второй — как «Достопочтенный Князь Верховного Бытия». Со временем возникло множество фантастических легенд и нелепейших суеверий, так что сегодня чистое учение о Дао можно найти только в «Дао дэ цзин» и в трудах Чжуан Чжоу.

Европейские китаеведы давно оценили философскую глубину и главное поэтическую красоту «Дао дэ цзин». Еще в 1788 г. был сделан перевод «Дао дэ цзин» на латинский язык, а затем появились десятки переводов этой книги на английский, немецкий, французский, русский и другие языки. Часто превосходные, эти переводы были во многих случаях сделаны с неполноценных текстов, вследствие чего многие мысли оказались изложенными сбивчиво и невразумительно, а то и вовсе ошибочно.

Предлагаемый перевод основан на китайском тексте, изданном в Шанхае ученым Чжэн Линем в 1949 г. вместе с довольно несовершенным переводом на английский язык (Lao Tzuu «Truth and Nature»). Принятый Чжэн Линем текст — итог длительного процесса искоренения интерполяций и перестановки составных частей. Чжэн Линь основывался на трудах Гао Хэна, тщательно сравнившего древний список Ван Би (первая половина III в. н. э.) с 24 другими древними списками. Текст, очищенный Гао Хэном, был издан высокоавторитетной Academia Sinica в 1936 г.

В переставленном порядке «Дао дэ цзин» приобрел черты связности, но и в этой новой редакции встречаются повторения, которые, быть может, не оправдываются первоначальным замыслом автора. Следуя Чжэн Линю, я указываю в скобках рядом с номерами «главок» в новом составе и номера по так называемому общепринятому тексту.

В своем предисловии Чжэн Линь говорит: «В китайском оригинале эта книга написана большей частью стихами». Не без наивности он добавляет: «Переводить ее стихами — значило бы слишком ограничить свободу выражения, что сделало бы точный перевод более трудным, если не вообще невозможным». Согласно некоторым справочникам, «Дао дэ цзин» написан не стихами, а ритмической прозой. С этим можно было бы согласиться, но, к сожалению, все без исключения переводчики, усмотревшие в «Дао дэ цзин» ритмическую прозу, тотчас же забыли о понятии ритмичности и превратили эту почти поэму в обыкновенную прозу, приближающуюся к «канцеляриту» и пестрящую «эзотерическими» терминами греческого и латинского происхождения. В Западной Европе и США существует множество мистификаторов и даже целое книгоиздательство, которые под вывеской «Дао дэ цзин» сбывают беззастенчивую теософскую пропаганду.

На русский язык «Дао дэ цзин» был впервые переведен профессором Д. П. Кониси («Тао-те-кинг») в 1892 г. Позднее этот перевод был сопоставлен с переводами на другие

европейские языки графом Л. Н. Толстым и издан в 1912 г. Белыми стихами его перевел, сильно сократив, К. Д. Бальмонт (в «Зовах древности»).

Третий — весьма научный — перевод был издан в 1950 г. Академией наук СССР. Сделан он был китайцем Ян Хиншуном в Москве. При всей своей точности этот перевод не обладает никакими художественными достоинствами.

Предлагаемый опыт стихотворного перевода имеет целью показать, что перевести стихи стихами на русский язык действительно трудно, но отнюдь не невозможно, хотя переводчик-поэт «связан по рукам и по ногам»: он должен запретить себе употребление нерусских слов (даже таких, как «идея», «мораль», или «стратег»), рифмовать те строки, которые рифмуются в оригинале, стараться воспроизводить повторы, отдавать предпочтение мужской рифме (что лучше отвечает односложной структуре китайского языка). Краткость и сжатость китайской поэтической речи остаются, конечно, недостижимым идеалом, но я старался везде избегать «расцвечиванья» и «отсебятины».

Шанхайское издание «Дао дэ цзин» довольно опрятно, но от опечаток и пропусков не свободно и оно. Я старался исправить эти промахи, насколько это было возможно. В немногих случаях я позволил себе истолковать текст в несколько ином смысле, чем Чжэн Линь.

Прекрасная поэма «Дао дэ цзин» написана многими размерами, в соответствие чему я позволил себе перевести их то ямбом, то хореем, то анапестом, то дольником. Втиснуть ее в один размер, конечно, не невозможно, но я не стремился к этому, поскольку этого не искал и автор философской поэмы.

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

1 (54)

Возникло нечто смутное вдали,
Возникло раньше Неба и Земли:
Оно неслышимо и не видно,
Им навсегда всё сущее полно.
Оно — начало Небу и Земле.

2 (113)

Вселенная возникла из него,
И в нем таится мать бытия.
Кто эту мать во мраке обретет,
Узнает с нею и ее детей.
А кто сперва найдет ее детей,
Тогда и мать узнает, а она
Бессмертна и сама собой полна.

3 (55)

Я имени не ведал бы ее,
Но Истиной я сам ее назвал.
Легко ли описать ее природу?
Великая, подвижна и жива,
Познанию запредельна, обратима.

4 (56)

Так, велики лишь Истина и Небо,
Под ним — Земля, а на земле —
Правитель.
Великих в мире — эта четверица,
Правитель же — один из четырех.
Извечно он прообразует Землю,

Извечно он прообразует Небо,
Он Истину для нас прообразует
И, наконец, и самое Природу.

5 (1)

Если Истину произречь,
Суть погибнет, а выйдет речь.
Если имя ты назовешь,
То не имя оно, а ложь.

6 (2)

Ничто — причина Небу и Земле.
И только в них начало всех вещей.

7 (3)

Пребывая в небытии,
Постирай его глубину.
Пребывая в мире вещей,
Многовидность их постирай.

8 (4)

Эти два — на деле одно,
Хоть различны их имена.
Это тайна превыше тайн,
Ко всему сокрытому дверь.

9 (46)

Кто их образ умом поймет,
Верно, к Истине сам примкнет,

Хоть она и непостижима,
 Непредметна, неуловима.
 В непредметном, неуловимом
 Есть, однако, некая суть.
 В недоступном и непредметном
 Некий образ напечатлен.
 В сокровенности и во мраке
 Устремленье некое есть,
 И в исконном порыве этом
 Достоверность утаена.
 Ни теперь, ни в века былые
 Не терялось имя ее.
 В нем — начало всему быванию.

10 (75)

Ухватись и ты за нее —
 Примет мир главенство твое
 И, ни в чем не терпя вреда,
 Будет радоваться всегда.
 Так приходит толпа гостей
 Ради музыки и сластей.

11 (76)

Выйдет Истина вон из уст —
 Станет вялым и пресным звук.
 Глаз не видит ее, скользя,
 И слышать ее нельзя,
 И нельзя ее износить.

12 (26)

Чего увидеть нельзя —
 Безобразно и незримо.
 Чего не уловит слух —
 Беззвучно, неуловимо.
 Чего не тронешь рукой —
 Бесплотно, неосязаемо.
 К такому свойству тройному
 Уму не прийти земному:
 Их три, но они — одно.

13 (27)

Вверху оно не блестит,
 Внизу оно не темно.
 Подспудно, неизрекомо,
 Течет обратно в ничто.
 Без насилья: сила таима,
 Без обличья: оно незримо,
 Непредметно, неуловимо.
 Ни встречным в нем сути нет,
 Ни тем, кто посмотрит вслед.

Кто Истине древней предан —
 Сегодня правит страной.
 Кто верен древним началам —
 Заветом Истины жив.

14 (72)

Сотворено сначала было имя,
 Когда же имя было нам дано,
 Старейшины земли его познали
 И сделались для зла неуязвимы.
 Итак, я Истину уподобляю
 Незыблемым долинам и морям.

15 (71)

У Истины названья нет,
 Она мала,
 Но не боится никого.
 Держитесь же ее, князья,
 И будете сильнее всего.
 Сожмутся Небо и Земля,
 Прольются росы и дожди,
 И будет радостен народ.

16 (93)

От Истины рожден Один,
 От Одного явились Два,
 Из Двух образовались Три,
 Из Трех — все множество вещей.
 Скудеет инь, ярится ян.*
 В их сочетаньи — полнота.

17 (86)

Так Истина — податлива, мягка,
 Идет кругами многие века.

18 (10)

Она — как чаша, полая внутри,
 Но ей ли оскудеть,
 Вместилищу прообразов вещей?
 Да вправду — существует ли она?
 Ведь я не знаю, чье она дитя,—
 Не старше ли она самих богов?

19 (82)

С начала времен обрели единство:
 Небо в своей чистоте,
 Земля — в устойчивой ровности,
 А боги — в своей духовности.

* В древнекитайской философии инь и ян — символы света и тьмы, положительного и отрицательного, мужского и женского начал в природе, действие которых рассматривалось как причина движения и изменчивости всего в мире. — Прим. ред.

*Холмы — в своей округленности,
В дыханьи своем — творенья,
Князья — в задачах служенья.*

20 (83)

*А это, конечно, значит:
Что, если Небо не чисто,
 Оно порвется,
Что, если Земля подвижна,
 Она погибнет.
Богам, уже бездуховным,
 Конец — забвенью.
Холмам, уже не округлым, —
 Исчезновенье.
Пойти бездыханной твари
 На удобренье,
Князьям, потерявшим правду, —
 На истребленье.*

21 (74)

*Обитает Истина повсюду:
Слева, справа ты ее найдешь.
Всеми правит, не поработая,
Ничего не ищет для себя,
Всё объемлет, но не подавляет.
Так мала, что как бы нет ее.
Все вернется к ней, того не зная:
Тем она безмерно велика,
Что, величия не сознавая,
Даже больше станет от того.*

22 (134)

*Истина — причал всего живого,
Устремленье помысла благого,
Драгоценность также и для злого.*

23 (135)

*Речь изысканная — путь к успеху,
Но и сдержанность ведет к нему.
Если ж ты не добр и не воспитан,
Мы тебя не смеем оттолкнуть.*

24 (136)

*Лучше, чем назваться Сыном Неба,
Или стать сановником высоким
Или конным вестником нарядным, —
С Истиной встречаться на дому.*

25 (137)

*Чем же древних Истина влекла?
Уж не исполняем ли желаний
И защитой от любого зла?
Ибо мир склонялся к их ногам.*

26 (28)

*Древним Истина была доступна,
Их она ласкала красотою.
Это нам сегодня непонятно.
А коль скоро это непонятно,
Расскажу о них еще подробней.*

27 (29)

*Были зорки, как при переправе,
Сдержаны, как бы стыдясь соседей,
Обходительны, как с важным гостем, —
Были льдом, что вовремя растает.
Простотой похожие на брусня,
Широтой — на полые долины,
Беспристрастием — на воду в лужах.*

28 (120)

*А каков конец воды стоячей?
Не тревожь ее, и муть осядет.
Лишь для вечного преемства жизни
Непрерывное движенье нужно.*

29 (31)

*Кто привержен к Истине вечной,
Не пойдет искать насыщенья:
Только там, где нет насыщенья,
Жизнь получит толчок вперед!*

30 (88)

*Мудрый услышит об Истине —
Захочет и жить достойно.
Средний услышит об Истине —
Запомнит или забудет.
Глупый услышит об Истине —
И будет смеяться вволю,
А нет — так это не то!*

31 (89)

*Написано в книге «Цзянь-янь»:
Ты понял — так не понимай,
Приблизился — так отступай,
Осилил — так изнемогай.*

32 (90)

*Да будет полное полым,
Да станет щедрое скудным,
Да мнится творчество кражей,
И опытность — недостатком.*

33 (91)

Чистейшее — загрязненным,

Прямейшее — искривленным,
Удачное — невозможным,
Торжественное — ничтожным,
Великий Образ — безвидным,
А Истина — безымянной.

34 (92)

Ничто, как Истина одна,
Сильна даяньем и свершеньем.

35 (110)

Все живое Истина творит,
Придает ему различный вид.
А Природа кормит и растит,
Бережно лелеет и хранит.
Истине хвала ото всего,
А Природе воздается честь.
Истине несомая хвала,
Возносимая Природе честь —
Не измышлены из ничего,
А в самом гнездятся естестве.

36 (12)

Истина живому жизнь дает,
А Природа кормит и ведет
К опытности — вверх или вперед,
Нянчит, охраняет, бережет.

37 (112)

А сама не думает владеть:
Воздаянье разве нужно ей?
Власть ее живых не тяготит.
Щедрая Природа такова.

38 (14)

Это дух бессмертный бытия,
Сокровенная праматерь тайн,
К тайнам запечатанная дверь,
Это корни Неба и Земли.
Незаметный, будто нет его,
Никогда не оскудеет он.

39 (20)

Если тело заодно с душой.
Расходиться могут ли они?
Чья живая сила в полноте,—
С новорожденным ребенком схож.
Чей очистился высокий дух,
Недостатки может ли иметь?
Кто народу предан и стране,
Может ли бояться неудач?
Кто открыт идущему извне,
Разве не сумеет сильным стать?

И кому понятно всё вокруг,
Разве тот не станет мудрецом?

40 (21)

Истина живому жизнь дает,
Вскармливает и растит его,
А сама не думает владеть:
Воздаянье разве нужно ей?
Власть ее живых не тяготит.
Истина от века такова.

41 (121)

Чья живая сила в полноте,
С новорожденным ребенком схож:
Избежит он ядовитых жал
И зубов звериных избежит,
И орлиных избежит когтей.
Мягкокостный, все же он могуч:
Тайной двух полов владеет он,
Ибо жизненных исполнен сил.
И кричать он может целый день:
Звонкий голос не сойдет на хрип!

42 (122)

Кто внутри согласие нашел,
Этим знаньем будет просветлен.
Легкомыслие — начало зол,
Но и воля — тот же произвол.

43 (119)

Если где-то праведен один,—
Выявится свет его глубин.
Если праведна одна семья,—
Праведность прославится кругом.
Если праведен один уезд,—
Он огнеупорен, как асбест.
Если праведна одна страна,—
Прочно благоденствует она.
С праведной державой на земле
Добродетель станет мировой.

44 (120)

Человек — мерило для людей,
И семья — мерило для семьи.
С сёлами и сёла сравнены,
А страна — мерило для страны,
И держава — для других держав.

45 (131)

Только умеренный может один
Небу служить и людьми управлять.
Кто пожелает умеренным быть,
Истины должен держаться во всем.

Держится Истины разве не тот,
 Кто добродетель умеет ценить?
 Кто добродетель умеет ценить,
 Тот безбоязнен и непобедим.
 В мире, наверное, нет ничего
 Непобедимости этой важней.
 Корни господства во власти ее.
 Кто укрепится на этих корнях,
 Неистребимым становится тот.
 Это и есть установленный путь
 К славе, бессмертию и торжеству.

46 (11)

Ни Небо, ни Земля не знают доброты:
 Живые твари им — как чучела собачьи.
 Но также и мудрец не знает доброты,
 Ни люди для него — как чучела собачьи*.

47 (12)

Небо и Земля похожи
 На кузнечные мехи:
 Полые, но не пустые,
 Двигаются они всегда.

48 (170)

Образ действий Неба подобен
 Натяжению лука:
 Петива опускается,
 А дуга поднимается.
 Избыток всегда сбавляется,
 Нехватка же восполняется.

49 (171)

Путь Неба — сглаживать избыток
 И недостаток восполнять.
 Путь человека не таков:
 Он бедняка скорей ограбит,
 А богатею угодит.

50 (172)

Кто все свои отдаст избытки,
 Чтоб лучше миру послужить?
 Лишь тот, кто к Истине привержен.
 Отдав, мудрец не ждет отплаты,
 Успехом не кичится он,
 Свою заслугу принижает.

51 (163)

Образ действий Неба таков:

Без борьбы оно побеждает,
 Без речей оно убеждает,
 Не зовет, а к нему идут.
 И спешить не надо ему.

52 (164)

И у Неба невод хорош:
 Не теряется ничего.

53 (176)

Помогает добрый другим,
 А недобрый другим вредит.
 Только Небо учит людей
 Быть терпимее и добрей.

54 (22)

Тридцать спиц — и только одна
 Та же ступица им дана:
 То, что пусто и что полно,
 Для телеги равно.
 Или глиняный взять сосуд:
 То, что пусто и что полно,
 Для сосуда равно.
 Для дверей стена разнята:
 То, что пусто и что полно,
 Для жилища равно.
 Нам полезно и это «есть»,
 Нам полезно и это «нет».

55 (67)

Корнями к бытию восходит жизнь.
 Само же бытие — к небытию.

56 (5)

Лишь стала красотою красота,
 И мысль о безобразном родилась.
 Лишь только названо добро добром,
 Возникло и понятие о зле.

57 (6)

От «есть» до «нет» — совсем не далеко,
 От трудности свершенья — до «легко»,
 От краткости по виду — до длины,
 От вознесенности — до низины,
 От звонкости — до тусклой глухоты.
 Во времени — от «раньше» до «потом».

58 (129)

Личиной счастья может быть беда,

* Изображения собак, набитые соломой, применялись при жертвоприношениях. — сообщает Чжэн Линь. Вероятно, здесь имеется в виду отсутствие лицемерия у истинного мудреца.
 Прим. пер.

А счастье — корнем бедствий иногда.
 О, если бы мы знали наперед,
 Что в кривду правда вдруг не перейдет
 И что добро не обернется злом!
 Мы в обольщенных горестных живем.

59 (39)

Почтительность и дерзость — их пути
 Уж будто к одному нельзя свести?
 И красота с уродливостью — им
 Всегда ли быть одним или другим?

60 (100)

С успехом и провал соединен.
 Чтоб средствами обогащался мир.
 Без полости не зная полноты,
 Разнообразие находишь ты.
 Примешана к прямому кривизна,
 Чтоб о приемах не скучали мы.
 В искуснейшем — тупица затаен,
 В красноречивейшем — тяжелодум.

61 (77)

Если нужно что-то сократить,
 То заранее расширь его.
 Если нужно что-то надорвать,
 То сначала подкрепи его.
 Если нужно что-то опустить,
 То сначала подними его.
 Если что-либо захочешь взять,
 То сначала уступи его.
 Никакой науки в этом нет.
 Мягкому и слабому порой
 Сильное проигрывает бой.

62 (18)

Переполнить можно закрома,
 Но конец наступит и зерну.
 Непрестанно можно меч точить,
 Но не стать нетленным и ему.
 Полный золота и яшмы дом
 Станет ли от этого прочней?

63 (19)

Выставишь богатство напоказ —
 Сам накличешь на себя беду.
 Скромностью успех сопровождай:
 Так и Небо действует само.

64 (49)

Ведь не делятся бури целый день,
 И дожди не тянутся всю ночь.
 Так откуда все-таки они?

Их приносят Небо и Земля.
 Если же и им придет конец,
 То тем более делам людским.

65 (96)

Тем, что мягче и слабей всего,
 Твердое подчас побеждено.
 Возникая из небытия,
 Эта истина во всем сквозит.
 Так и я дерзаю говорить,
 Что бездействие всего мудрей,
 Что молчание сильнее слов.
 Выгоду бездействия, увы,
 Мало кто умеет оценить!

66 (104)

Из дому почти не выходя,
 Отдаленный можно мир узнать.
 Можно, вовсе не смотря в окно,
 Образ действий Неба рассмотреть.
 Чем мы дальше ездим по земле,
 Тем в конце мы меньше будем знать.
 Без разъездов мудрый познает,
 И о мудром каждый говорит,
 Что в бездействии, но он творит.

67 (7)

Действует бездействием мудрец,
 Учит молчаливостью своей,
 Не навязываясь никому,
 Не владея будто бы ничем.
 Отдает, отплаты не ища,
 И своих не сознает заслуг.
 Неосознанных его заслуг
 Не оспорит на земле никто.

68 (143)

Действующий, бойсь неудач,
 И стяжательный — страшишь потерь.
 Лишь бездейственного мудреца
 Неудача не страшит ничуть,
 И к потерям безучастен он.

69 (105)

К расширению знанье нас влечет,
 Истина сжиматься учит нас.
 Учит каждый день и каждый час,
 Чтобы мы к бездействию пришли.
 Всё бездействующий совершит:
 Без труда державу он возьмет,
 А трудом — державы не возьмет.

70 (145)

Мудрый хочет — будто и не хочет.

Редкостями он не дорожит.
Учится, но с тем ли, что, ученый,
Он верней ошибок избежит?
Тварный мир препоручив природе,
Он не вмешивается в него.

71 (80)

Добродетельнейший сам не знает,
Что его безмерна добродетель.
Малодобродетельный боится
Потерять свою — и теряет!
Добродетельнейший без усилий
И в бездействии всего достигнет.
Малодобродетельный хлопочет,
А посмотришь — многого не сделал!
В добре возможно совершенство,
В исполненьи правил — никогда,
И обряды не приводят к правде,
Тяж разумнее отбросить их!

72 (81)

Истину сменить на добродетель,
Добродетель же — на доброту,
Доброту потом — на справедливость,
Справедливость — на пустой обряд,—
Путь сниженья: ведь обряд и значит,
Что любовь и верность оскудели,
Что разруха и распад близки.
Украшают Истину обряды,
Но на них же зиждется притворство.
Потому-то к сущности стремится
Муж великий, а не к мелочам:
Утверждаясь в подлинном и важном,
Украшенья презирает он.

73 (101)

Шокой сильнее, чем разлад,
Сильнее холод, чем жара.
Нетленны чистота и мир.

74 (155)

Лучший воин — не забияка,
Полководец лучший — не злобен.
Победитель лучший — не дерзок,
А правитель лучший — смиренен.
Мужель добродетель — в бореньи?
Нет: в мудром, искусном правленьи
И с Небом в соприкосновеньи.

75 (47)

Ущербное станет целым,
Негодное станет новым,
Прямейшим станет кривое,
Полейшим станет пустое.

Потеря станет прибытком,
Прибыток станет потерей.

76 (48)

В мудреце образец для мира:
Он, уступчивый, просветлен;
Скромный, он от людей отличен;
Ненастойчивый, он удачлив,
Невыскательный — возвеличен;
Без боренья — непобедим.
Так, «ущербное станет целым» —
Не пустые это слова!
Чтобы к целому возвратиться,
Надо жить с природой в ладу.

77 (173)

Нет ничего податливей воды,
Но твердое ее не победит.
Так в мире установлено навек:
Что слабым сильное побеждено
И мягким твердое усмирено.
Об этом знает каждый человек,
Но убедиться — редкому дано.

78 (17)

Истинно мудрый подобен воде:
Служит ко благу, не хочет борьбы,
Россыпи золота прячет на дне.
К Истине близкий, старается он
Дело свое совершать на земле,
Сердцем же знает таинственный мир.
С мудрыми он подружиться готов,
Речью внушает доверие им.
Властвуя, лад укрепляет в стране.
Преуспевая в житейских трудах,
Время для каждого дела найдет.
Он обходиться привык без борьбы
И не обидит соседей своих.

79 (168)

Пока мы живы, тела
Податливы и мягки.
Когда же они умрут,—
Закостенеют они.
Тела деревьев и трав
Податливы и мягки.
Когда же они умрут,—
Засохнут или сгниют.

80 (169)

Сила, твердость — они всегда
Тенью смерти омрачены.
Слабость, гибкость — они одни
Светом жизни освещены.

Сильный воин умрет от ран,
Треснет дерево-великан.
Неподатливому — беда,
А уступчивому — подъем.

81 (156)

Полководец когда-то сказал:
«Чем вперед на вершок наугад, —
На сажень отступаю назад».
Это значит: войска не нужны
Для боев за границей страны,
И для войн основания нет,
И могло бы не быть и врагов.

82 (157)

Недооценка сил врага
Порой ведет к похоронам.
А победит в итоге тот,
Кто вовсе не хотел войны.

83 (180)

Путь Неба — помогать добру,
Не убивать и не вредить.
Путь мудрого — себя отдать
И не бороться ни за что.

84 (15)

Небо вечно, и Земля нетленна:
Вечны и нетленны оттого,
Что они, нетленные от века,
Вечными себя не сознают.

85 (16)

Мудрый ставит себя последним,
Но вперед его протолкнут.
От себя самого уходит,
Но его сберегут верней.
Он ни в чем своего не ищет
И во всем находит свое.

86 (24)

Честь и позор людей равно волнуют:
Ведь самомнение — худшее несчастье.
Но почему же так они волнуют?
Честь — верхнее, а нижнее — позор.
Их обрести — для нас одно волнение,
Утратить их — такое же волнение.
В том и другом напрасное волнение.
Так, самомнение — худшее несчастье,
Которому я часто подвергаюсь
За то, что мне дано самосознание.
Ведь если бы не мое самосознание,
Откуда взяться было бы несчастью?

87 (147)

Моря и реки всех низин важней,
А ниже всех они размещены.
Не потому ль и первые они?

88 (148)

Чтоб выше стать других людей,
Как можно ниже ставь себя.
Чтоб оказаться впереди,
Уступчиво держись в тылу.

89 (149)

Он высоко, но жалоб нет.
Он впереди, и жив народ.
Страна поет ему хвалы.
Мудрец не борется — зато
И в мире он необорим.

90 (25)

Кто в себе почитает мир,
Смело может поверить в мир.
И в себе кто возлюбит мир,
Положиться сможет на мир.

91 (84)

Если честь коренится в смирении
И высокое держится низким.
То пойдем, почему государи
Именуют себя «недостойный».
Ведь смирение — подлинный корень
Их величия. Разве не так?

92 (94)

Никому на земле не приятно,
Чтоб назвали его недостойным,
Разве только одним государям.
Под ущербом таится прибыль,
Под прибытком порою — утрата.

93 (174)

Вот слова большого мудреца:
«Оскорбленный за свою страну —
Той страной достоин управлять.
Пострадавший за свою страну —
Управлять державою большой».

94 (85)

Мудрецу, по правде, все равно,
Если он сверкает, как нефрит,
Как подвески из цветных камней,
Или камнем кажется простым.

95 (178)

Он не хочет дорогих вещей
И, чем больше отдаёт другим,
Тем богаче делается сам.
Чем полнее жертвует собой,
Тем его прекраснее судьба.

96 (23)

От красок слепнут зоркие глаза,
От музыки ослабевают слух,
Тупеет вкус от лакомств и приправ,
Дичает ум от беженных охот,
Родится зависть от больших забот.
Один мудрец на внешность не глядит
И чувствами развлечься не спешит.

97 (103)

Порок — чего-нибудь желать всегда,
А неумеренность — совсем беда.
Нет больше зла, чем жажда барышей.
И лишь умеренный неприхотлив.

98 (114)

Лазейки восприятиям заткни
И двери сердца наглухо закрой, —
И для заразы ты неуязвим.
Лазейки восприятиям открой,
С бесчинными желаньями поладь, —
И все леченье будет ни к чему.

99 (124)

Лазейки восприятиям заткни
И двери сердца крепко заложь,
Расчетливость и хитрость подави,
Все поводы к смущенью устрани,
Вбери в себя сиянье чистоты,
Наносы недостойные сровняй —
И мир великий в сердце обретишь!

100 (115)

Кто видит мелкое, тот зорок,
Кто кротостью берет — силен:
Лучами света озарен —
Недаром он и зряч, и зорок —
От гибели освобожден,
Путь к постоянству знает он.

101 (125)

Когда не будет ни пристрастий,
Ни предрассудков на земле,
Ни смехотворной жажды выгод,
Ни страха понести ущерб —

Дешевое от дорогого
Разучимся мы отличать
И правильным увидим мир.

102 (79)

Всем Истина, бездействуя, владеет,
И, если князь ей верным быть сумеет,
Мир добровольно склонится пред ним.
А если позже вновь зашевелится, —
Я укажу весьма простое средство,
И это средство — самое простое —
Всех научит, чтоб не было желаний.
Где нет желаний, там тревоги нет,
И, мирная, незыблема земля.

103 (65)

Вдыхать и выдыхать — один удел
Равно для сильных и для слабых тел.
Один труслив, другой силен и смел,
Один окреп, другой же ослабел.
Но всё, в чем есть излишек или изъян,
Равно отвергнет истинный мудрец.

104 (139)

От нашего рождения до смерти
На рост уходит три десятых срока
И на распад — другие три десятых.
А из того, что нам дано для жизни,
Мы, суетясь, бросаем той же смерти
От разности опять же три десятых.
Так мы неосмотрительно, бездумно
Перерасходуем живую силу.

105 (109)

Лишь мудрый дорожить умеет жизнью
При встрече с носорогом или тигром
Или в бою — с врагом вооруженным:
Ведь носорог его не тронет рогом,
И тигр его когтями не зацепит,
И лезвия противник в ход не пустит.
А почему? Оглядчивый, разумный,
Он случая не предоставит смерти!

106 (52)

На цыпочках мы крепко ли стоим
И далеко ли мы уйдем прыжками?
Самодовольство — маленькое пламя,
Самоуверенность — неяркий луч.
Не в похвальбе высокая заслуга,
И, на поверку, гордый не могуч.

107 (53)

Кто к Истине привержен, говорит.

«Как часто за одежду и зерно
Жестоко ненавидят богача.
Я с Истиной, а прочее — ничто».

108 (117)

При дворе — пороки и обман,
А в полях — разросшийся бурьян,
И везде пустые закрома.
Ну, а здесь: нарядные шелка,
Напоказ подвешены мечи,
От еды и от вина тошнит,
Роскошью наполнены дома.
Не разбойничий ли это стан?

109 (36)

Вместо Истины самой теперь
Доброгу повсюду предпочитают.
Остроумием подменяют ум —
И притворство будет тут как тут.
А в семье согласию взамен
Выдвинут почтенье и обряд.
А в стране, где смута и развал,—
Преданным чиновникам простор!

110 (58)

Путник хорош — так не сыщешь следов.
Спора не выйдет из правильных слов.
Шустрый без бирок сочтет и узлов.
Ларь без запора — а как отпереть?
Куль без веревки — а как развязать?

111 (59)

Мудрый готов человеку помочь:
Глупого, слабого не оттолкнет.
Он и животного не оттолкнет.
Это и есть просветленность ума.

112 (60)

Мудрец поставлен Истиной самой
Немудрому учителем служить.
Немудрый же поставлен мудрецу
Примером, как тому не надо жить.
Учителя не чтущий ученик,
Учитель, презирующий пример,
В большое заблуждение впадут
И кончат помрачением ума.

113 (136)

В бездействии твори и совершай,
В труде — трудом себя не утруждай,
В неведении — все тайны познавай.
Различья нет меж малым и большим,
Что трудное, что легкое — одно,
И, на поверку, крупное мало.

114 (139)

Всё трудное — не трудно, а легко,
Всё крупное — не крупно, а мало.
Не ищущий великого мудрец
Великое скорее совершит.

115 (144)

Бывает, что приходит человек
В отчаянье у самого конца.
Таким же, как в начале, будь в конце —
И никогда не будет неудач.

116 (73)

Познать людей — достаточно ума,
Познать себя — нездешний нужен свет.
Телесно крепкий победит людей,
А сильный духом победит себя.
Умеренный нужды не испытал,
Но выше тот, кто отпер закрома.
И только тот, кто умер, не сморгнув,
За убеждения — бессмертным стал.

117 (161)

Познав себя, не хвалится мудрец,
Не выставляет знанья напоказ.

118 (123)

Кто знает много — чаще тот молчит;
Кто не молчит — не знает ничего.

119 (159)

Кто, ведая, не знает — тот велик,
А кто, не зная, знает — нездоров.
Сознай неведение, исправь пробел.
Один мудрец не будет нездоров:
Чуть заболел, он тотчас же поймет
И нездоровым перестанет быть.

120 (178)

Речь Истины подчас груба,
Но лгут изящные слова.
Не станет спорить тот, кто прав,
А спорящий — всегда лукав.
Кто знает — не всегда учён,
Учёный может и не знать.

121 (146)

Знали Истину мудрецы:
Не стремясь научить народ,
Берегли его в простоте.
Нелегко управлять людьми,

Если люди слишком умны,
Управляя, учить народ —
Это значит: губить страну.
Управлять страной, не уча —
Значит: счастье народу дать.
Перед властителем два пути,
Из которых правилен путь
К сокровенной тайне добра.
Сокровенна тайна добра,
Но везде проникнет оно:
Все живое придет к нему,
И наступит великий мир.

122 (102)

Если к Истине страна лицом,
То и кони трудятся в полях.
Если к Истине страна спиной, —
Их выкармливают для войны.

123 (68)

Оружие — орудие беды:
Мудрец — правитель тяготеет им.
Без радости его пуская в ход
И даже им победу одержав,
Мудрец не будет прославлять его.
А кто его посмеет прославлять,
Порадуется, что убил людей.
Но за такую радость никогда
Широкий мир не хвалит никого.

124 (69)

Оружие — орудие войны,
Оружие — орудие беды,
Живому ненавистное всему
И мудрецу противное вдвойне.

125 (70)

Почетней в мире левая рука,
Но правая почетней на войне.
Где радость — левой стороне почет,
А где злодейство — правой стороне.
Помощник скачет с левой стороны,
Начальник скачет с правой стороны.
Итак, война — великая беда:
Принуждена оплакивать страна
Безвременно загубленных людей.
Победа тоже — горькая беда.

126 (66)

Пот государь, что с Истиной дружит,
Завоевать державу не спешит:
Затянуты последствия войны,
И на местах решительных боев
Лишь терния земли произрастят.

За истребительной войной придет
Цепь длинная неурожайных лет.

127 (67)

Остановив чужой набег, мудрец
Захватывать чужое не пойдет.
Остановив, не возгордился он,
Остановив, ничуть не обнаглел,
Остановил, но не для похвальбы.
Не будет ставить на своем мудрец,
Захватывать чужое не пойдет:
Ведь Истина следит издалека
За тем, кто обижает старика, —
Жестокий преждевременно умрет.

128 (153)

Кто за свою обиду платит злом,
Перещедрит, оплачивая злом,
А надо воздавать добром за зло,
Чтоб доброй волей украшался мир.
Мудрец, от сердца делая добро,
Не ждет себе отплаты от людей.

129 (162)

Смелчак неумный гибнет от меча,
Разумный — долгие живет года.
От смелости — ни пользы, ни вреда,
Но помогает Небо одному,
Другому — нет. И ясно, почему.

130 (97)

Жизнь или слава: что дороже нам?
Жизнь или достоянье: что важней?
И что вредней: избыток или ущерб?

131 (32)

В смирении, в последней пустоте,
Храня молчание и чистоту,
Я наблюдаю целый тварный мир,
Устойчивый под кровом перемен.

132 (33)

Раскинулись творенья, как трава,
Но каждое придет к своим корням.
И в этом возвращеньи — тишина,
Которой круг бываний завершен:
Предустановленный от века лад.
Познавший лад — велик и просветлен,
А не познавший — пленник суеты.
Постигнув мир, разумен будешь ты,
А кто разумен — благ и справедлив:
В нем Небо явлено и Государь,
В нем Истина, которая, дыша,
Неистоцимая, полна собой.

133 (140)

*Мудрец не будет обещать, пока
Не знает, что задачу разрешит:
Он к трудности заранее готов,—
И всё устраивается легко!*

134 (113)

*Проходит скоро пыл говоруна:
Лишь речь неспешная точна, верна.*

135 (96)

*Большой любви не избежать уграт,
Богатому не избежать потерь.*

136 (99)

*Умеренный не попадет впросак:
Он остановится и переждет.*

137 (130)

*Мудрец суров к себе, а не к другим.
Он честен — но не с тем, чтоб уколоть.
Он прям, но не кичится прямотой.
Он светел, но сияньем не слепит.*

138 (118)

*Не вырвать из земли его корней,
Рук не разжать! И до скончанья дней
Он уцелеет в памяти людей.*

139 (50)

*Кто с Истиной, те в Истину войдут,
И кто с добром — прославятся в добре,
И в Небе те, что с Небом заодно.*

140 (51)

*Кто с Истиной, тот в Истину войдет,
И он блажен.
И кто с добром, в том явствует добро,
И он блажен.
Кто с Небом, с ним сливается в одно,
И он блажен.*

141 (141)

*В стране порядок можно сохранить,
Покуда плевелы не разрослись.
Все хрупкое заранее разбей,
Непрочное безжалостно развей,
Еще не существующее встреть,
Гниение предотвратить успей!*

142 (142)

*Ствол — одному его не охватить —
Из семечка мельчайшего возник.
У башни в девять ярусов почин —
Всего лишь несколько корзин земли.
И кто начнет тысячеверстный путь,
Сначала должен сделать первый шаг.*

143 (57)

*На строгости беспечность утвердив,
Волнением владеет тишина.
Поэтому мудрец и строг, и тих.
Пусть у него и средства, и расчет —
Естественность он предпочтет всему.
К потере слуг беспечность поведет;
Волнуясь, потеряешь весь народ.*

144 (61)

*В сознаны мужественности своей,
Он женственен и этим победил,
Смирением других превосходя.
Смирением других превосходя,
Он от добра нигде не отступил
И, как младенец, снова полон сил.*

145 (62)

*В сознаны совершенной чистоты,
От униженья он не побежит,
Но, как долина, воду соберет.
Он, как долина, воду соберет,
Но добродетель верно сохранит
И обновленья в простоте найдет.*

146 (63)

*В изделиях исчезает простота,
Но в ней же тайна власти мудреца,
Которая не губит никого.*

147 (107)

*Хотел бы попечительный мудрец,
Чтоб стали чистыми сердца людей.
Но люди верят слуху и глазам,
Которые им надо бы закрыть.*

148 (37)

*Ученых и разумных изгони,
И люди выиграют во сто раз,
Обряд и справедливость отмени,
Чтоб искренними сделались они.
Стяжательность и хитрость устрани,
И навсегда покончишь с воровством.
От правил поведенья только вред:
На них покоятся обман и ложь.*

149 (38)

Мир на основах укрепи иных:
 На честности, на мудрой простоте,
 Без поисков ненужных благ земных.
 С ученостью исчезнет и печаль.

150 (64)

Кто действует, чтоб царство основать,
 Я думаю, останется ни с чем.
 Власть над страной — свободный дар богов:
 Его ни взять, ни удержать нельзя.
 Кто действует — тому несдобровать,
 Кто держится — тот должен потерять.

151 (126)

Чей славен справедливостью удел
 И кто умеет силы рассчитать,
 Не обретет державы никогда.
 Откуда я узнал, что это так?
 Оттуда, что, когда на всем запрет,
 Впадает скоро в нищету народ.
 Когда же он издельями богат,
 Удел не может смугу миновать.
 Когда искусны люди и хитры,
 Наводнена товарами страна.
 И где законом связан каждый шаг,
 Там процветают алчность и разбой.

152 (127)

Один мудрец недаром говорил:
 «Бездействую — и мой народ живет.
 Люблю покой — и мой народ правдив.
 Не хлопочу — и процветает он.
 Изгнал желанья — честен он и прост».

153 (78)

Как рыбе из воды не выходить,
 Так точно сил удела своего
 Народ не должен видеть никогда.

154 (126)

Где власть проста,
 Там честен и народ.
 Где власть сложна,
 Там и народ хитер.

155 (167)

Где голоден народ,
 Там, стало быть, поборы велики,
 Поэтому и голоден народ.
 А где для власти цель ее трудна,
 Там слишком много действует она.

Поэтому и цель ее трудна.
 И где народ собой не дорожит,
 Там слишком хорошо его вождам,
 Зато народ собой не дорожит.
 Лишь тот, кто забывает о себе,
 Достоин жить и жизнью дорожить.

156 (165)

Когда и смерть народу не страшна,
 Его-ли смертной казнью запугать?
 И только если смерть ему страшна
 И необычной кажется ему,
 И за злодейства буду я казнить,—
 Дерзнет ли кто-нибудь?

157 (166)

Пусть только власть высокая казнит:
 Ведь если заступающий казнит,
 Быть мастером берется ученик.
 А если станет ученик рубить,
 Так может сам остаться без руки!

158 (160)

Когда величье людям не страшно —
 Бездейственным становится оно.
 Так, не стараясь людям угождать,
 Не делай жизнь обузою для них:
 Не обратишь их жизни в тяготу,
 Так жизнь не превратится в тяготу.

159 (34)

Когда правитель — лучший из людей,
 Народ, конечно, знает про него.
 Чуть хуже он — и все-таки любим,
 Неважен он — и все-таки хващым,
 Он подл — и все трепещут перед ним.
 Лишь худший презираем и браним.

160 (35)

Мне мой народ не поверился вполне?
 Так есть причина верить не вполне,
 И пользы нет в лукавой болтовне,
 И только дар во всем преуспевать
 Народ найдет естественным во мне.

161 (106)

Мудрец относится ко всем равно:
 Он сам или другие — все равно.
 Не спрашивая, к доброму я добр,
 Но и к недоброму я тоже добр,
 И все со мной добры.
 Охотно искреннему верю я,
 Но и неискреннему верю я:
 Все искренни со мной.

162 (8)

Где нет ученому дороги вверх,
Среди людей не будет и борьбы.
И где имуществом не дорожат,
Среди людей не будет воровства.
Где человеку нечего желать,
Спокойствия не потеряет он.

163 (9)

Правление праведника таково:
Народ смиренен сердцем, но и сыт,
Без замыслов, но с крепким костяком.
Он лишнего не знает ничего,
Не действует, не ищет своего.
У мудреца правление таково.

164 (132)

Что рыбаку изжарить пескарей,
То праведнику царством управлять:
Где Истина, там бес не соблазнит.
А если бес людей не соблазнит,
То без причины бог их не казнит:
Без происков бесовских — не казнит,
А мудрый и подавно не казнит.
Где не казнят ни боги, ни мудрец,
Добро восторжествует тем скорей.

165 (133)

Смири себя и правь большой страной:
Ей матерью будь больше, чем отцом.
Уступчивостью самка от самца
Не легче ли добьется своего?
Примкнут уделы к скромному царю,
Примкнут и царства к скромному царю.
Цель царства — только прокормить народ,
И цель удела — обслужить народ.
Так пусть они достигнут своего
Уступчивостью до конца.

166 (177)

Пусть малолюден скромный твой удел,
Но без орудий пусть живет народ,
Боятся смерти и не рвется вдаль.
Пусть, позабыв повозки и суда,
Подальше спрятав копы и мечи,
Вернется он к веревочным узлам.
По вкусу он найдет свою еду,
Красивою — одежду старины,
Удобными — привычные дома,
Веселыми обычаями свои.
К соседям пусть доносятся тогда
Лишь пенье петухов и лай собак.
Народ же не захочет знать чужих.

167 (41)

Всем весело, как будто бы толпа
На жертвоприношенья собралась
Или весной на праздничный помост.
На свете я безрадостен один:
Кораблик мой не знает пристаней.
Как неразумное дитя, я прост,
Но, как изгнанник, очень я устал.

168 (42)

Усилия награждаются везде
И только я один живу в нужде.

169 (43)

Все люди рассудительны, умны,
И только я неисправимо глуп.

170 (44)

У каждого есть почва под ногой,
Лишь подо мной — текучая вода.
Один во власти вздыбившихся волн,
Во власти ветра — где остановлюсь?

171 (45)

Полезностью здесь каждый наделен,
И только я и глуп, и неучен.
Но, не похожий на других людей,
Я Истины, как матери, ищу.

172 (150)

Да, Истина настолько велика,
Что кажется — ее и вовсе нет.
Но потому она и велика,
Что кажется — ее и вовсе нет.
Иначе мелочью была б она.

173 (151)

Я три сокровища ношу с собой,
Они сопутствуют судьбе моей.
Так, сострадание всего важней.
Умеренность — второй огромный клад,
А третий клад — смирение мое.

174 (152)

Отвагу сострадание дает,
Умеренность — размах и широту.
Смирение возносит высоко —
На самую большую высоту.

175 (153)

Без сострадания отвага — зло,

Азак без умеренности — широта,
И без смиренья тоже только смерть.

176 (154)

В походе милосердный победит
И в обороне выигрывает бой.
Поможет Небо и спасет его,
Зла состраданье сохранит его.

177 (40)

Чего все смертные боятся,
Нельзя и мне не побояться.

178 (95)

Что людям говорили до меня,
Тому и я теперь людей учу:
«Акто только грубой силою силён,
От грубой силы должен умереть».
И в этом суть ученья моего.

179 (116)

Я знаниями и мудростью высок.
За Истиной ее путем иду
И только сбиться не хочу с пути.
Путь Истины удобен и широк,
Но большинство тропинку предпочтет.

180 (158)

Мои слова совсем легко понять,
Исполнить их — не менее легко.
Но миру не под силу их понять,
И их исполнить тоже не легко.
В ученьи этом есть и здравый смысл,
И к поведенью руководство есть,
И я нашел, что их легко понять,
Но понимающий меня гоним,
И на груди я прячу от вельмож
Под рубище сокровища мои.

Перевод закончен
24 февраля 1971 г.
в Рио-де-Жанейро.

ПРОШЛОЕ: ЗАРИСОВКИ ГОЛОС ОЧЕВИДЦА СТАРОГО ХАРБИНА

Г. МЕЛИХОВ

Строительный бум

Период с начала 1901 до января 1904 г., то есть до начала русско-японской войны, был временем чрезвычайно интенсивного роста Харбина.

Описание города в июле 1902 г. дал харбинский старожил П. В. Шкуркин. Но сначала несколько слов об авторе. Павел Васильевич Шкуркин был колоритнейшей фигурой в Харбине. Высокого роста, могучий в плечах, с густой всеобразной бородой «под Хорвата», он везде привлекал к себе внимание. «Настоящий китаевед, красочный человек, — рассказывал мне о нем Владимир Дмитриевич Казакевич. — На праздники всегда надевал военную форму пограничных войск. Был консультантом по китайским делам у Д. Л. Хорвата. Когда он в конце 20-х годов уехал в США, то писал оттуда, что американские школьники бегают за ним по улицам и кричат: «Санта-Клаус!» («Дед Мороз!»). Павел Васильевич был большим знатоком китайского языка и преподавал его в коммерческих училищах; являлся автором очень большого числа интересных исторических и этнографических статей и книг, в частности: «Город Хулань-чэн» (Никольск-Уссурийск, 1903), «По Востоку. Очерки истории, быта и торговли...» (Харбин, 1916), «Хунхузы. Этнографические рассказы» (Харбин, 1924, с портретом автора), «Китайские легенды» (Харбин, 1921), «Картины из древней истории Китая» (Харбин, 1927).

«Харбин так быстро растет, — писал П. В. Шкуркин, — что через 10 лет никто в нем не узнает те поселки, разделенные огромными пустырями, каким он теперь представляется».

Харбин состоит из 4 частей:

Старый город. Это китайский городок с низкой кирпичной стеной бывшего когда-то укрепления, занятый теперь штабом пограничной стражи, разными управлениями, русско-китайским банком и т. п. учреждениями, которые все помещаются в фанзах... С одной стороны укрепления стали быстро расти дома русской постройки — но вдруг остановились, когда выяснилось, что настоящий-то город будет не здесь. Почти все новые дома заняты магазинами, есть несколько гостиниц, кафе-шантанов и других увеселительных заведений. На улицах — электрическое освещение.

За этим поселком расстилается верст на пять покинутое китайцами поле, за ним — Новый город или официально: Город Сунгари.

Прежде всего бросается в глаза небольшая деревянная, очень красивая церковь в квази-древнерусском стиле. Затем глазам открывается обширная покатошь, вся заваленная грудами кирпича и других строительных материалов; слева стоит временный вокзал в виде паровозного сарая, а около него группируется масса кирпичных домов (я видел № 468) железнодорожной архитектуры, крытых в большинстве черепицей, иногда с грубой подделкой под китайский вкус. Китайцы смотрят и говорят: «Наше начальство приказало русским строить дома по-китайски, да они не умеют». Здесь растет действительно целый город. Не одна железная дорога и учреждения, но и масса частных лиц приступают к постройке домов на сданных в аренду на 80 лет участках земли.

Но в настоящий момент работы почти прекратились: холера разогнала несколько тысяч рабочих, копошившихся здесь всего несколько дней назад.

Далее — низкое мокрое место шириною в две версты, за которым находится так называемая Пристань. Это целый городок, состоящий из двух половин, тесно

Продолжение. Начало см.: ПДВ. — 1990. — № 2.

связанных между собой: китайской старой, и русской — по берегу Сунгари — новой. Все эти три поселка связаны железной дорогой, но вокзала на Пристани нет. Поезд только товарный.

По другую сторону высокой железнодорожной насыпи на берегу реки расположен чисто китайский поселок (так называемый Восьмой участок). На Пристани отведены огромные места для дипломатических представительств каждой из трех маньчжурских провинций. Как бы специально для парализования русского влияния в Маньчжурии...»

Несколько подробнее об этом «Восьмом участке». П. В. Шкуркин не прав, утверждая, что это был только китайский поселок: Он, видимо, несколько смешивает его с Фуцзяняем. Тут жили и русские. Но главное, что здесь было сосредоточение всех железнодорожных путей и складов КВЖД в районе Харбина. Смешанное китайско-русское население Мостового поселка (второе название данного района) в большинстве являлось рабочими и служащими дороги.

П. В. Шкуркин упоминает в этом отрывке и о холере. Действительно, в 1902 г. из Южной Маньчжурии в Харбин партия китайских рабочих занесла жесточайшую холерную эпидемию. В городе с ней боролась группа железнодорожных врачей. Один из них, Эрнст Карлович Маурах, проведя целую ночь у постели больного, заразился холерой и умер.

В городе Инкоу — очаге эпидемии, косившей здесь русских и китайцев, самоотверженную борьбу с холерой вел русский врач Ростислав Петрович Ростошинский. Высшее медицинское образование он получил в Москве. Работал земским врачом (за они были универсалы!); терапевт, он вместе с тем был и превосходным хирургом. В Маньчжурию приехал в 1899 г. и после Инкоу более 13 лет проработал на станции Ханьдаохэцзы. В 1915 г. Ростислав Петрович оставил службу и уехал в Россию, где и умер. В Ханьдаохэцзы открылась русская гимназия, и в 1906 г. сюда приехала на работу его дочь Ольга Ростиславовна. Она окончила женский медицинский институт в Петербурге и помогла отцу во врачебной работе. В 1908 г. вышла замуж за поручика Заамурской железнодорожной бригады Федора Алексеевича Янченко. В конце 1913 г. семья переехала в Харбин (их дети: Михаил (1913 г. р.), Ростислав (1914 г. р.) и Ольга (1915 г. р.)

Вместе с Ростиславом Петровичем в Ханьдаохэцзы долгое время работал друг семьи Ростошинских, доктор Мигдисов Степан Каспарович. Интересна его биография. В 10-летнем возрасте он по собственной инициативе ушел из армянского села к русским, совершенно не зная русского языка! Сумел получить высшее медицинское образование в России. Позднее работал в Харбине санитарным врачом и на вскрытиях. Умер в Харбине в 1933 г. от заражения крови.

В начале октября 1902 г. в Харбин во время своей поездки по Дальнему Востоку прибыл С. Ю. Витте — творец и создатель идеи о строительстве КВЖД. Приезд С. Ю. Витте имел для дороги важное значение, так как министр одобрил все сделанное строителями и разрешил ряд накопившихся здесь к этому времени практических вопросов. В частности, это касалось отдачи в аренду частным лицам земельных участков, принадлежащих КВЖД.

В своем докладе царю С. Ю. Витте справедливо предсказал городу блестящую будущность.

Работам по застройке и благоустройству Нового города администрация КВЖД уделяла в этот период главное внимание, благодаря чему работы далеко опережали развитие в районе Пристани.

На постройках бок о бок с русскими рабочими и техниками трудились целые армии продолжавших прибывать из Китая рабочих — каменщиков, плотников, землекопов, разнорабочих, — число их достигло 15 тыс. человек.

Масштабы строительства были огромные. Воздвигались прежде всего квартиры для рабочих и служащих, большое число административных зданий. Начиная с 1901 г. ежегодно строилось жилых домов площадью до 22 750 м². Одновременно велась постройка таких крупных объектов как комплексы зданий Управления дороги, Мужского и Женского коммерческих училищ, Железнодорожной гостиницы, а также Почтово-телеграфной конторы, школы для мальчиков и девочек. Общественного собрания, строилась Центральная больница.

Ранее других здесь, на Вокзальном проспекте, поднялось красивое здание Русско-китайского банка (в начале 1903 г.).

В каких условиях осуществлялось строительство?

Для иллюстрации можно привести воспоминания техника Е. П. Ярилова, одного из сотрудников сначала инженера Левтеева, а затем Обломовского.

«В Старом Харбине, — рассказывал он, — в Техническом отделе вырабатывались проекты зданий и пересылались нам для исполнения даже еще не вполне просохшими от чернил...

Большое внимание уделялось строительству обширных кварталов жилых домов для железнодорожников. Если начать с домов старших служащих, то для них в самом центре Нового города, близ строящегося здания Управления, возводились коттеджи, обычно двухэтажные, с надворными постройками и службами. Участки под них выделялись больше по размерам — до 0,5 га. Усадьбы тотчас же благоустраивались и озеленялись. На них, по желанию владельца, разбивались фруктовый сад или цветники, за которыми ухаживали специалисты, находившиеся на службе дороги. Дома эти имели все современные удобства и были телефонизированы. Работы по озеленению усадеб и улиц осуществлялись специальным крупным питомником КВЖД, заложенным по краю новгородной возвышенности вдоль левого берега реки Модягюки. Работами по благоустройству города руководил инженер Борис Александрович Ринек. Работы эти были организованы столь хорошо, что скоро весь Новый город утопал в зелени.

Мало чем уступали домам высших служащих жилища рядовых железнодорожников. Это были тоже в большинстве своем кирпичные коттеджи, одноэтажные, с верандами, на одну, чаще на две просторные квартиры, каждая со своим двором, полисадником, службами, ледником, сараями, отдельной летней кухней, садом».

Сколько же вообще было русского населения в городе в 1902—1903 гг.? По итогам первой в истории Харбина однодневной переписи, проведенной 15 мая 1903 г., в «усадьбе Старый Харбин» проживало (русских и китайцев) — 4 688 человек, в Новом городе — 23 040, на Пристани — 16 848 человек. Итого — население полосы отчуждения Харбина (не считая Фуцзядяня) составило 44 576 человек (38 983 муж. и 5 593 жен.).

Из этого числа: русских подданных было 15 579 человек, китайских — 28 338, японцев — 462, прочих — 200 человек. Так что трудно сказать, был ли Харбин в то время больше китайским или русским городом. Население Нового города, как мы видим, уже превышало число жителей Пристани почти на одну четверть. Русских в районе Порт-Артура-Дальнего было свыше 17 тыс., а всего в Маньчжурии проживало уже около 83 тыс. русских поселенцев...

В июле 1903 г. произошло знаменательное событие в истории КВЖД: дорога перешла в эксплуатацию, хотя и с большим числом недоделок, оцененных в 57 млн. руб. Туннель через Б. Хинган еще не был вполне готов. Во главе дороги был поставлен управляющий КВЖД — полковник Д. Л. Хорват.

Хорват Дмитрий Леонидович (род. 25 июля 1859 г. в городе — Кременчуг, ум. 16 мая 1937 г. в Пекине) выходец из старинной русской дворянской семьи. Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию. Был откомандирован на постройку Закаспийской ж. д. в Средней Азии. Стремился практически изучить железнодорожное дело и последовательно занимал должности десятника пути, помощника машиниста на паровозе, помощника начальника дистанции, инженера для поручений, начальника дистанции. Проявил выдающиеся организаторские способности и быстро выдвинулся на руководящую работу.

В 1895 г. был назначен на должность начальника Уссурийской ж. д., строил ее и в 1899 г. был снова переведен на Закаспийскую ж. д. в качестве ее начальника. В 1903 г. получил назначение управляющим Китайско-Восточной ж. д. и проработал на этой должности бессменно около 16 лет. Проявил себя искусным администратором обширной полосы отчуждения дороги, получившей при нем название «Счастливая Хорватия». Пользовался он чрезвычайным уважением и со стороны китайских властей, и местного населения, при жизни поставившего в его честь в октябре 1915 г. памятник-obelisk в сквере напротив Железнодорожного собрания на Большом проспекте.

Памятник этот состоял из гранитного пьедестала, на котором установлен кусок обтесанной с двух сторон скалы, высотой немногим более 2 м и шириною 1,7 м. Обелиск венчали два дракона. На одной его стороне, обращенной на восток, была сделана надпись на китайском языке, а на противоположной — на русском. На обеих

сторонах высечена фамилия Д. Л. Хорвата. Сама надпись начиналась словами: «Сношения Европы с Азией существуют издавна, но характер этих отношений был чисто официальный... С постройкой дороги, когда великий русский государь десять лет тому назад поставил во главе гражданской и военной власти на Дальнем Востоке генерала Хорвата, обе нации соединились здесь в одну».

Далее в надписи говорилось: «Такие прославленные государственные люди, как Бисмарк и Линкольн, не знали слов великого философа: «умение ладить с соседями — великий дар» — и, придерживаясь эгоистического принципа «благо нации», впадали в большую ошибку. Генерал Хорват воспринял слова философа и поступал «осторожно, справедливо и беспристрастно», придерживаясь не эгоистического, а альтруистического принципа, благодаря чему при нем «не только люди, но и животные находили защиту и покровительство». Надпись заканчивалась словами: «Настоящий памятник поставлен генералу Хорвату, дабы добрая память о нем жила вечно среди китайского населения и чтобы память о нем передавалась из поколения в поколение».

В отношениях с русским населением Д. Л. Хорвата характеризовали простота и демократизм. Мой дед Георгий Яковлевич вспоминал о нем так: «Управляющий КВЖД Д. Л. Хорват — простой, доступный человек, подлинный демократ. Во время инспекторских поездок мог остановиться на любом отделении дорожного мастера или вафельного старосты, выпить у него чаю, поговорить о жизни, распросить про условия работы. Требовал, чтобы у каждого линейного служащего было свое хозяйство и корова обязательно! Давал возможность дельным работникам приобретать этих коров. Женат был на Камилле Альбертовне Бенуа — из семьи художников Бенуа и тоже художнице, очень милой, простой женщине. Камилла Альбертовна была в Харбине неутомимой благотворительницей».

Хорват постоянно жил в своей огромной усадьбе в Старом Харбине, приобретенной им у А. И. Юговича, хотя имел в Новом городе двухэтажный особняк и участок № 1049 по Главной улице. Ежедневно на своей нарядной коляске полковник отправлялся в Управление. Ездил пунктуально, по нему можно было сверять часы. Без четверти 9 (занятия в Управлении начинались в 9 час. утра) от сквера на Садовой раздавался мерный топот копыт и показывалась коляска управляющего с кучером на облучке. У будущего здания харбинского Политехнического института она сворачивала на Правленскую, выезжала на Большой проспект и подкатывала к главному подъезду Управления. Всегда в одно и то же время и по одному и тому же маршруту...

Дом на Главной улице и участок № 1049, пожалуй, наиболее памятен для всех харбинцев. Здесь в 1907—1910 гг. временно размещалось Железнодорожное собрание с его библиотекой; с 1911 г. — пребывало Российское генеральное консульство. В 1918 г. — находился Штаб российских охранных войск (ген. Плешков). В этом же 1918 г. полтора месяца над зданием развевался российский морской Андреевский флаг — большая редкость для Харбина. Здесь в течение этих полутора месяцев, до своего отъезда в Сибирь, имел резиденцию адмирал А. В. Колчак, назначенный главноначальствующим всех российских войск в полосе отчуждения КВЖД.

После восстановления дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой в 1924 г. сюда в середине 20-х переехало с Гириной улицы Генеральное консульство СССР в Маньчжурии (1924—1962). Тысячи и десятки тысяч русских людей, оказавшихся в это время по разным причинам в Китае, приходили и приезжали сюда для того, чтобы возбудить ходатайство о получении советского гражданства, сделать запрос о судьбе своих родных и близких в Советской России. Этот дом помнит события 1927 г., когда советское генеральное консульство в Харбине подверглось провокационному налету белокуитайской полиции Чжан Сюэяна, события советско-китайского конфликта 1929 г.; помнит варварскую блокаду советского представительства японскими властями марионетчного Маньчжоу-го во время организованных японской эскадрильей конфликтов у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. И, наконец, после освобождения Северо-Восточного Китая Советской Армией в августе 1945 г. десятки тысяч русских людей, проживавших в Харбине, именно здесь получали в 1946 г. свои советские паспорта...

Занятое благоустройством Нового города, Строительное управление развитию Пристаней внимания уделяло мало. Ее судьба в этот период была всецело предопределена частной инициативой. Пристань застраивалась очень разнокалиберными — из каменных, и деревянными, и саманными постройками, а чаще всего — фанзами

и бараками. Каменные двух- и трехэтажные дома были пока редкостью и служили предметом особой гордости горожан.

Источником энергии и огромного потенциала Пристанн была река Сунгари, по которой в Харбин поступал непрерывный поток различных грузов и товаров. Именно отсюда, с берега первые поперечные улицы вели вглубь поселка, к Новому городу.

В марте 1902 г. была завершена постройка и освящен первый на Пристанн православный храм Благовещения, принадлежавший Российской Духовной миссии в Пекине. Но это был, конечно, еще не тот величественный каменный храм Благовещения, составлявший одно из украшений Харбина в 1926—1960 гг. Это было низкое и длинное баракообразное здание, но с очень красивой колокольней, расположенное на самом берегу Сунгари, рядом с первой Маньчжурской мельницей.

В сентябре — октябре 1901 г. и в начале 1902 г. работа по расчистке поперечных улиц Пристанн была продолжена и в июне 1902 г. часть новых участков была отдана с торгов в долгосрочную аренду частным владельцам. Всего было продано (отдано в аренду) 255 земельных участков, в том числе 194 — на Пристанн, а остальные распределены поровну между Старым и Новым городом. Эти первые торги стимулировали дальнейшую застройку Пристанн. На приобретенных участках люди стали быстро отстраиваться, возводить жилые дома, лавки и магазины. Участков не хватало. Потребовалось проведение аналогичной разбивки улиц и участков между Китайской и Артиллерийской. Эта работа была проделана М. Л. Казаркиным. Улицы эти тоже не получили собственных названий, а только номерные обозначения (от № 1 до № 9). После этого, чтобы не вызывать путаницы, улицы между Китайской и Новогородней, как разбитые ранее, стали называться Старопристанскими (1-я Старопристанская, 2-я и т. д.), а улицы между Китайской и Артиллерийской — Новопристанскими или, что еще более выразительно и точно — Ново-строющимися улицами Пристанн (1-я, 2-я и т. п.). С 1901 г. началось оживленное движение по 13-й Старопристанской улице и она ранее других получила постоянное название «Мостовая». Не потому, что она была покрыта какой-то мостовой. Отнюдь нет. Улица эта долгое время оставалась такой же незамощенной, как и другие улицы Пристанн и даже отличалась феноменальной грязью; просто она представляла собой в то время единственный и кратчайший путь, связывающий Фуцзянь и Мостовой поселок с районом Пристанн.

На 7-й Старопристанской в июле 1901 г. был построен первый в Харбине японский буддийский храм «Нисихон гантэра», предопределивший тем самым будущее название этой улицы — Японская.

В зиму 1901/1902 гг. на Пристанн произошло первое тяжкое преступление — жестокое убийство и грабёж; были убиты сразу 7 человек, в том числе женщины. Преступники были пойманы; троих повесили, остальных отправили на каторгу.

Вскоре в полосе отчуждения была учреждена русская полиция. Ее начальником назначили сотника М. Л. Казаркина. Он заложил первый камень тюрьмы на 1-й Ново-строющейся улице (будущей Коммерческой), по существу в самом центре города, где она так и осталась навсегда.

Наплыв населения, среди которого, прямо скажем, были люди разные, привел к ряду правонарушений и даже тяжелых преступлений. Особенно возросло число краж. В «Харбинском вестнике» в отделе хроники часто появлялись сообщения такого рода: «Ночью 15 июля в Старом Харбине у штабс-ротмистра И. неизвестными злоумышленниками через разобранную стену плетня были выведены 3 коровы, которые были найдены чинами полиции за 8 верст от Харбина». Или: «В магазине Эльвангер в Старом Харбине был украден из сених кипящий самовар. Мальчик, смотревший за ним, отлучился за тряпкой, которой хотел обтереть самовар, прежде чем внести его в комнаты». Или: «В ночь на 22 мая около ресторана «Золотой Якорь» (это на Полицейской улице) собралась толпа народа. На крики явилась полиция, которой было заявлено, что в ресторане воры, по всем вероятностям, забравшиеся туда из-под тротуара. Чинами полиции освидетельствована была небольшая яма под тротуаром, в которой кроме ошенившейся собаки со щенятами никаких злоумышленников обнаружено не было».

Имели место, однако, дела и по-настоящему серьезные. Так, в ночь на 20-е августа 1903 г. из магазина Чурина в Старом Харбине было похищено ювелирных изделий и часов на сумму более чем 6 тыс. рублей. Вор спрятался в магазине днем, и,

оставшись один, сделал свое дело. Одну пятую часть этой суммы фирма объявила вознаграждением тому, кто найдет похищенное. Обещанная награда оживила деятельность многих доморощенных харбинских пинкертонов, чьи усилия, впрочем, кажется, не дали никаких результатов.

В целом, в 1902—1903 гг. полиция в Харбине, оставаясь непрофессиональной, работала неважно. Увеличивающееся число жалоб заставило управляющего дорогой проверить в ночь с 20 на 21 августа 1903 г. работу полиции. Результаты проверки оказались просто плачевными. И вскоре было официально создано Полицейское управление КВЖД; заведовать им стал подполковник А. И. Заремба. 17 ноября был издан приказ о реорганизации всей полицейской службы.

В 1903 г. в Харбине появился телефон. Его первые 178 номеров были поставлены в Управление дороги и в магазинах крупнейших харбинских фирм, часто указывавших в своих рекламных объявлениях не свой адрес, а номер телефона. По-видимому, наличие телефона само по себе служило наилучшей рекламой.

Несколько слов о харбинском городском транспорте в эти годы. Колоритнейшими фигурами в эту пору были харбинские извозчики. Русские, в форменной одежде, на русских пролетках, иногда запряженных парой лошадей, они доминировали на улицах города. В условиях первоначального бездорожья и малого числа экипажей первые харбинские извозчики получали профессорские гонорары — до 25 золотых рублей в час. Бдительное око Строительного управления разглядело беспорядок в этом деле и приняло свои меры. Была введена такса за проезд и приняты кое-какие дополнительные меры. Так был назначен полицией осмотр всех извозчиков. Им вменили тип одежды: пристанским извозчикам — красная рубаха, плисовая безрукавка и картуз; извозчикам Нового города — синяя рубаха; Старого города — белая рубаха (и, конечно, тоже безрукавки и картузы). Зимой извозчики должны быть в суконных армяках темно-синего цвета, в черной папахе. Для езды во всех частях города устанавливалась строгая такса и требовать более таковой извозчику строго воспрещалось. Для всех экипажей устанавливались определенные стоянки. Вечером на каждом экипаже должен был обязательно зажигаться фонарь.

В августе 1903 г. в «Харбинском Вестнике» была помещена корреспонденция о желательности организации в городе omnibusного сообщения. И, представьте себе, оказывается уже с 30 ноября, с 6 час. утра до 6, а затем и до 9 час. вечера по городу стали ходить конные omnibusы для перевозки пассажиров. Они курсировали от Пристани до вокзала и Управления КВЖД. После 7 час. вечера omnibusы предлагались желающим для катания, напрокат. В Харбине осуществлялось движение не только на конных omnibusах, но и на автомобилях — «на моторах», как в ту пору говорили. Автомобили уже в эти годы (конец 1902—1903 г.) харбинцам были хорошо знакомы. В «Харбинском вестнике» от 27 июля 1903 г. внимание горожан привлекла критическая заметка о том, что некоторые владельцы автомобилей позволяют себе чересчур быструю езду по городу. Этого нужно избегать, писала газета, ввиду легко могущих произойти несчастных случаев. Любопытно, какова же была эта «быстрая езда»? Теоретически, автомашины французской марки «Роже» могли развивать скорость до 25—30 км в час, но харбинские мостовые (или, вернее, отсутствие их)! Что действительно интересно, так это то что автомобили в Харбине того времени, принадлежавшие инженеру-механику Владимиру Алексеевичу Туркину, уже использовались как такси! Были разработаны (тем же Управлением КВЖД) правила их эксплуатации.

И тем не менее лучшим средством сообщения между частями города оставалась железная дорога. Внутригородское железнодорожное сообщение совершенствовалось. Летом 1903 г. для удобства пассажиров расписание утренних и дневных поездов приурочивалось ко времени начала и окончания работы на дороге; вечерние же и ночные поезда подавались ко времени начала и окончания спектаклей в театрах (!).

Спектаклей в театрах?! Неужели на них бывало столько харбинцев, что это оправдывало подачу специальных поездов к театральному разъезду?

Да, музыкально-театральная жизнь Харбина этого периода была необычайно разнообразна. Конец 1900—1902 гг. были богаты театральными новосельями. К началу 1903 г. в разных частях города работало несколько театров, дававших свои представления как в будние, так и только в воскресные и праздничные дни.

Летом наибольшей популярностью пользовался выстроенный в Общественном

(«Хилковском») саду на Пристани Летний театр, в котором играл коллектив комической оперы и оперетты. Здесь одна за другой шли такие оперетты, как «Хаджи Мурат», музыка Деккер-Шенка, «Нищий студент», «Гейша», «Орфей в аду», «Мартын Рулоко» К. Целлера и другие. На сцене этого городского сада в самом начале 1900-х годов в хоре пела Надежда Плевницкая; позднее, в ореоле своей славы она приехала в Харбин снова. Среди актеров был А. З. Бураковский, автор книги «Театральные воспоминания за 50 лет», — куплетист, любимый артист местной публики.

Это была главная сценическая площадка Харбина, но зрительский успех с нею делил еще один пристанский летний театр-сад. Он назывался сначала «Менделеевский сад», но вскоре сменил хозяина и стал называться сад-театр «Буфф».

С обоими этими театрами успешно конкурировал театр Гамартели в Новом городе в гостинице «Гранд Отель». Это была пока единственная в Харбине сценическая площадка, где давали представления и в зимний сезон. Здесь шла драма и комедия в исполнении большой группы московских артистов под управлением А. А. Иванова (режиссер И. М. Арнольдов). В сезон 1903 г. с успехом прошли «Мещане», «Идиот», «Бой бабочек», «Гибель Содома», «Без солнца». Были поставлены «Монна Ванна» Мориса Метерлинка, вторая часть трилогии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович», состоялся концерт известного русского народного певца Александра Петровича Карагеоргиевича и его певческой капеллы (женский хор, хор мальчиков и взрослых певцов). Вся труппа выступала в боярских костюмах XVI и XVII вв. Еще один театр Гамартели был в Старом Харбине, при его гостинице. Сюда в октябре 1903 г. прибыла талантливая «малороссийская» (как тогда говорили) труппа в составе 50 человек, под руководством К. П. Мирославского. Это была одна из первых украинских театральных трупп, работавших в Сибири и на Дальнем Востоке с 1896 г.

В 1903 г. было спроектировано новое просторное Железнодорожное собрание на Большом проспекте. Но вскоре разразилась русско-японская война, и все постройки новых общественных зданий были в Харбине прекращены.

Более удачно складывалась судьба Коммерческого собрания на Пристани. В 1903 г. здесь открылся театр, устраивались семейные танцевальные вечера, балы-маскарады. Члены комитета поставили вопрос об организации при Собрании кружка любителей музыкального и драматического искусства. Под разными названиями этот кружок просуществовал при собрании до 1955 г.

Популярным в то время на Пристани был также концертный зал при гостинице «Золотой якорь», ставивший на своей сцене эстраду. В Городском саду на Пристани работал также китайский театр, появился первый в Харбине цирк Боровского.

Однако не все харбинцы посещали театры. Многие были сторонниками более простых и примитивных удовольствий — в шести харбинских кафешантанах, увеселительных садах и ресторанах «с шансонеткою», открытых все 24 часа в сутки. Все эти предприятия процветали и не давали покоя администрации дороги. На заседаниях ее отмечалось «безобразно большое» количество этих увеселительных заведений — «одно из самых больных мест нашей жизни». В них, действительно, «веселились» и гуляли всюду. Да и было, когда гулять: в начале нашего века у русских насчитывалось 98 праздников в году на 267 рабочих дней. Еще больше их было в сельской местности, где к этому числу в каждой деревне добавлялись свои собственные праздники (православных — до 120—140). При этом на время сельскохозяйственных работ, с апреля до октября, приходилось 74—77 праздников.

Праздновал Харбин и праздники особого рода, связанные с торжественными днями Китайской империи. Например, ежегодно 5 августа отмечался день рождения его величества китайского богдыхана. В этот день устраивался китайскими властями прием, на котором обязательно присутствовало все русское начальство округа и Дороги. В 1903 г. этот прием устраивал генерал Чжоу Мянъ. Приемные залы были убраны по-китайски и по-русски. Гостям из-за жары и духоты предлагались прохладительные напитки и изящные веера, служившие одновременно и меню; на них по-русски и по-китайски были напечатаны названия экзотических кушаний, которые будут предложены гостям. Играл оркестр пограничной стражи. Обед был устроен на крытой веранде. В начале его агент КВЖД Ладыгин произнес изысканно составленный, со знанием тонкого китайского этикета, тост-здравницу в честь императора и генерала Чжоу — разумеется, на китайском языке. Н. М. Чичагов предложил

первый тост за здоровье богдыхана; Чжоу — за российского царя.

К услугам харбинцев был целый ряд других приятных и общедоступных развлечений. Была чрезвычайно развита художественная самодеятельность, в которой принимали участие многие служащие дороги. Устраивались спектакли и концерты любителей, домашние концерты в семьях, семейные танцевальные вечера. Важную роль занимало чтение. В городе в этот период было три книжных магазина (не считая чуринского и книжного ларя на Харбинском вокзале), два общественных клуба-читальни, куда петербургская почта и пресса приходили на 15-й день. Читальни получали 33 журнала и 17 газет из Центральной России.

Первой русской газетой в Харбине был «Харбинский листок ежедневных телеграмм и объявлений», начавший выходить в свет с 1901 г. Его редактором-издателем был П. В. Ровенский, опытный сибирский журналист, сотрудник многих местных газет, бывший политический ссыльный.

Словом, город и его хозяйство очень быстро менялись, совершенствовались, модернизировались.

К началу русско-японской войны 1904—1905 гг. в итоге 5 лет строительного бума Харбин представлял собой уже значительный торгово-промышленный центр и сыграл важную роль в этой войне как тыл русских армий в Маньчжурии.

Продолжение следует

СИС: СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Японские женщины против конкурса красоты

Инициативная группа женского объединения города Сакай (префектура Осака) решила направить главам правительств 34 стран письма с протестом против организации в городе Осаке всемирного конкурса красоты. По мнению представительниц инициативной группы, «судить женщин по их внешнему виду, цвету кожи и формам — это нарушение прав человека и покушение на дружбу между народами». Активистки женского объединения призвали местные власти всячески воздерживаться от подобных состязаний, поскольку они приводят к деградации личности женщины.

«Толкачи» на перроне

Администрация сеульского метро приняла решение нанять 130 человек для работы в качестве «толкачей» на 20 станциях столичной подземки. Три линии метро южнокорейской столицы, ежедневно переносящие до трех млн. пассажиров, смогут обслужить еще большее число сеульцев при помощи специальных работников, которые будут силой заталкивать максимально возможное количество пассажиров в вагоны метро. Подобные «услуги» практиковались уже в 70-е годы в таиландской подземке.

МУЗЕЙ ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАЕВ

ВЕРНУТЬ ЗЕМЛЕ ЗЕМНУЮ КРАСОТУ

(китайский дворик
и европейский дом)

П. ПРИХОДЬКО

Все части целого обдумай не спеша.
Та только истинно картина хороша,
В которой видим связь, совместность
и возможность:
Противоречие не противоположность
Жак Делиль

«Садово-парковое искусство определяется философией своего времени и само оказывает влияние на философию, на эстетические представления, на поэзию, живопись, педагогику...» — писал академик Д. С. Лихачев в своей статье «Делиль — учитель садоводства», который «в каких-то отношениях ставит человека даже выше Творца природы: Бог создал мир, а человек его украсил, улучшил, но улучшил, следуя ее законам... и при этом он просит человека помочь природе выявить самое себя».

Многовековое садовое искусство Китая сильно повлияло на мировое паркостроительство и способствовало становлению пейзажного стиля в Европе, (особенно в XVIII в.), господствующего и в наши дни. Природность и естественность ландшафтного искусства отвечают запросам и идеалам восприятия природы современным человеком, умеющим хранить в памяти культуру прошлых дней.

В китайском ландшафтном искусстве предельно выражается единение человека с природой, которое можно найти во всех господствовавших в Китае религиях, философии, а также в поэзии и живописи. Освещенная нежностью любовь к родной природе — горам, лесам, рекам и озерам — приводила к воссозданию местного пейзажа в искусственно созданных садах и парках. Пагоды или целый ансамбль сооружений в архитектуре Китая всегда стремились так вписать в местный ландшафт, чтобы он сливался с окружающей красотой, следуя заветам даосизма, конфуцианства или буддизма.

Вода, одна из пяти первоначальных стихий, с давних времен считается святыней в Китае, поэтому в ландшафтном искусстве широко практикуется устройство озер или мелких водоемов с естественными береговыми очертаниями. Стиль «фэн-шуй» (ветер-вода) в геомантике особенно четко выражает отношение к окружающей природе, влияние пейзажа на красоту сооружений, которая должна дарить счастье их обитателям.

Приходько Петр Иванович, кандидат архитектуры, доцент, член ВАКИТ, автор готовящейся к изданию книги «Ландшафтная композиция садово-парковых ансамблей Китая, Вьетнама и Японии».

Эстетическое совершенство китайских садов отличается многообразием декоративных форм, вносящих оживление в природу. При выборе участка для сада определенного размера тщательно изучается рельеф местности, наличие воды или ее источников, подчеркиваются красивые места и прикрываются недостатки с большим художественным вкусом. Китайские садовники стараются компоновать красивые элементы даров природы в гармоничные композиции, усиливая их воздействие производными неожиданными контрастами.

В садах ставят декоративные беседки и павильоны так, чтобы одни использовались утром для созерцания восхода солнца, другие — в полдень, укрывая от зноя, третьи — в часы вечерней прохлады для наслаждения картинами заката солнца или света луны.

Сад Чжочжэньюань. Озерная часть сада.
В центре — «Беседка ароматного лотоса вокруг».

При посадке деревьев китайцы используют все особенности деревьев: формы крон, цвет листьев и стволов, время цветения, перемежая развесистую крону пирамидальной, темно-зеленую окраску — светлой. Между высокими высаживаются цветущие в разное время низкорослые деревья и декоративные кустарники. Сосне как вечнозеленому дереву отводится особо почетное место в китайском саду.

Помимо пользы и декоративности, при разбивке парков и садов в Китае учитывают и символику. Персиковое дерево, например, как символ бессмертия каждый хочет иметь перед своим домом. Траву лин-чжи, символизирующую то же, кладут в пасть благородного оленя, чучело которого часто можно встретить на газонах парков среди кипарисов или изображенным на гобеленах, украшающих жилища. Цаплю и аиста, обещающих долгую жизнь, можно найти повсюду.

Среди сохранившихся в КНР малых садов-усадеб, наиболее совершенных по форме, особое впечатление оставляют сады на юге Китая в городе Сучжоу, стиливые особенности которых оказали сильнейшее влияние на сады и парки в других районах страны, а также на восточные дворники Японии и европейских стран.

В планировке и композиции этих садов проявилось мастерство и мудрость многих поколений китайских садоводов, архитекторов и поэтов, оставивших миру ценнейшее культурное наследие национального колорита.

Главной особенностью садов Сучжоу как и других китайских малых садов (ранее принадлежавших имущей верхушке Китая), является кажущаяся величественность окружающей их девственной природы при абсолютно-малых площадях усадеб. Они, как правило, были защищены от посторонних высокими стенами, которые не пропускали внутрь городской шум и пыль.

Благодаря мастерству планировки: правильно высчитанной масштабности, учету особенностей местности, умелому размещению искусственных водоемов, горок, беседок, террас, павильонов, башенок, ажурных ограждений, мостиков, камней и извилистых дорожек — на небольших участках в уменьшенных масштабах созданы картины подлинных больших ландшафтов Китая. В малых дворниках, как и в больших парках, диктует главный принцип китайского ландшафтного искусства — «пейзажа, взятого взаймы». Многочисленные повороты в пути следования посетителя создают особое впечатление пространственного размаха. Углубляясь в такой сад, всюду можно наблюдать частую смену картин, как бы взятых с натуры. Относительно ограниченное пространство сада становится бескрайним.

Это впечатление усиливается также применением ажурных стен и галерей, делящих сад на множество частей, не позволяющих сразу окинуть взором всю усадьбу.

*Убрав иль просто скрыв заметную ограду,
Еще добавим мы очарованья саду.*

Иногда, чтобы пройти от одного места до другого, расположенного буквально в нескольких шагах, но отделенного стеной, требуется миновать множество изгибов и поворотов, что и создает впечатление довольно большого расстояния между двумя ближайшими точками.

Таковую же роль, как и стены, галереи, играют искусственные горки, по которым извиляются и кружат многочисленные тропинки. Вроде бы дошел до ее конца, но она неожиданно делает поворот, и перед глазами раскрывается новая картина.

Крытые галереи самых разнообразных форм: прямые, дугообразные, зигзагообразные и другие, учитывая рельеф местности, проходят по всему саду, то поднимаясь на возвышенность, то спускаясь на равнину и еще ниже — на низменные места или к водной поверхности. Описывая применение такого же принципа в устройстве европейских садов. Делиль писал в XVIII в.:

*Где то подъем, то спуск — и услаждает глаз
Пейзаж, что по пути меняется не раз.*

Галереи соединяют большинство садовых сооружений в Китае, что позволяет использовать их для прогулок при любой погоде.

Одноэтажные, самое большое — двухэтажные павильоны и беседки, чаще остекленные, в отличие от садов северо-востока и центра Китая окрашиваются неяркими красками. Простые и спокойные тона взаимно сочетаются, прекрасно гармонируя с цветом светлого неба и мягкими очертаниями южных гор в садах Сучжоу. Колонны почти всегда выделяются красным цветом. Внутренняя отделка и обстановка интерьеров изысканная, но простая.

Перед павильонами располагаются пруды и водоемы, непременно с ароматными лотосами, или разбиваются цветники хризантем, а также устанавливаются причудливой формы дикие камни — *хуши*, покрытые мхами и лишайниками.

В садах Сучжоу много старых деревьев, могучих и огромных, которые так и просятся на картину; скал, покрытых мхами и травой; зеркальную гладь прудов украшают беседки.

*И все, что живопись могла в Природе взять,
Садовник, поспеши обратно ей отдать.*

Древние садовники и архитекторы придавали каждому холмику, ложбине, беседке и павильону художественную форму, заимствуя лучшее из картин окружающей природы, художественно и творчески обогащая их. Именно в этом в полной мере и отображается самобытный стиль садовой архитектуры южного Китая.

庭州園林

Беседка в саду
Литания-Жорд, Остаюсь послушать

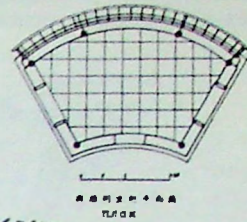
Павильон в саду
Литания-Жорд, Остаюсь послушать

Создатели парков в Китае непременно заботились о том, чтобы созданные ими пейзажи были прекрасными в любое время года, суток и при любой погоде, чтобы посетители всегда имели возможность гулять по саду или любоваться им, сидя в беседке, павильоне, устроившись у ажурной стены, среди скал на горке или расположившись под плакучими ивами у пруда с ароматными лотосами.

К. Ш. Н.

Главный павильон
Ихэюань
Юйшунь парк-дворцовый. Веранда для свидания
Китай павильон с Ичэньшунь

Комп.

В ненастную погоду из беседок и крытых галерей, внимая шуму дождя, также можно любоваться окружающим пейзажем сквозь дождевую пелену. Это навеивает особое настроение, которое поддерживается и поэтическими названиями павильонов и беседок. В саду Чжочжэньюань павильон «Лютингэ» получил свое название со слов древнего поэта: «Остаюсь возле увядших лотосов послушать шум дождя...». «Веранда для свидания», «Беседка ожидания инея» и другие также располагают к определенному настроению.

В яркий солнечный день можно любоваться цветами, расписными мостиками и прозрачной водой прудов, в зеркальной глади которых четко отражаются стены белых павильонов, обрамленных густой зеленью. Порывы ветра улаждают слух шумом сосен и шорохом бамбука, а весной дорожки и воду покрывают опавшие лепестки цветов сливы — *мэй-хуа*.

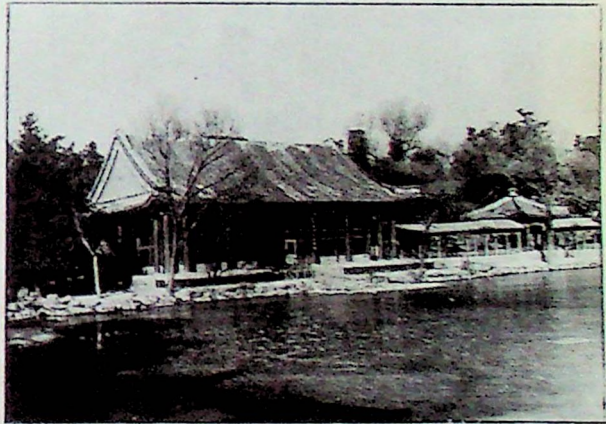
Сады-усадыбы Сучжоу, сохранившиеся до наших дней, обладают каждый своими специфическими особенностями. Так, в основу планировки сада Чжочжэньюань были положены водные пространства, занимающие три пятых всей территории, главные сооружения сада построены у самой воды, а направление водного потока почти всюду согласуется с рельефом местности.

Сад Лююань (Оставленный или забытый сад) отличается множественным разнообразием сооружений, встречающихся на каждом шагу. Другие сады Сучжоу, а их в городе и окрестностях насчитывается более 170, также имеют свои особенности. Все эти сады-усадыбы, созданные в период с X по XVI в. н. э., отличаются различной топографией, разбиты на разные по величине территории с эстетическим использованием местных природных условий по принципу «разделения пространства». Этот принцип сочетался с достижениями архитектуры и способами производства работ в те времена.

В композициях больших парков в Китае используются малые сады как фрагменты большого парка, такие, например, как сад Сецююань (Сад забав) в парке Ихэюань в Пекине, который, как и сады Сучжоу, стал сегодня излюбленным местом отдыха трудящихся.

Разнообразие и богатство горных ландшафтов привело к широкому использованию камней в садово-парковом искусстве, которые стали неотъемлемым и обязательным элементом пейзажных садов, ландшафтных парков и маленьких китайских двориков.

Из литературных источников известно, что впервые камни стали применяться для украшения садов и парков в эпоху Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). В последующие сто-

Парк Ихэюань. «Сад занятных устройств...»
«Отдаленный погруженный зал».

летия использование камней в садово-парковом искусстве постоянно расширялось, а композиции из камней «умудрялись» и совершенствовались.

В составлении причудливых каменных композиций китайцы являются непревзойденными мастерами. Композиции из камней возведены в самостоятельное искусство, а мастеров-художников можно встретить и сегодня в разных уголках Китая.

Разные формы садовых камней

Камни для садовых композиций преимущественно синих тонов, с фактурой, сильно избитой морскими волнами, в виде ноздреватой пемзы, раньше привозили с Южно-Китайского моря. Сегодня их можно увидеть не только в садах, но и в китайской живописи — на картинах и гравюрах, где мастерски изображаются скалы и камни самых причудливых форм и очертаний. Камням в гармоничном сочетании с архитектурными сооружениями, насаждениями, водоемами придавалось и символическое значение в соответствии с религиозными и философскими учениями.

Фактура камня зависит от того, где он находился и каким влияниям подвергался. Так, *тайхуши*, экземпляр, взятый из речного потока с Сучжоу, будет иметь одну форму, камень, подверженный ветрам на вершине горы, — другую. Иногда камень может напоминать целую горную гряду из вершин различной высоты — такая живописная каменная композиция особенно ценится в садово-парковом искусстве Китая.

Принципы ландшафтных композиций китайских малых садов применялись и в современном Китае при строительстве парков Цзычжюань и Таожаньтин в Пекине, парка Хуагуаньюнгуан у озера Сиху в Ханчжоу, сада Янпугун в Шанхае и других.

Эстетика китайского сада ярко выражена и в миниатюрных пейзажах, создаваемых из карликовых деревьев, растений, малых форм архитектуры, камушков и воды. Часто такой китайский садик или дворик размещается в вазе, сосуде, просто на красивой подставке, украшая как китайские, так и европейские интерьеры.

Огромно значение взаимного влияния Востока и Запада в общечеловеческой цивилизации. С давних времен по Великому шелковому пути к людям двух полушарий — восточного и западного — шли не только караваны товаров (хотя и они — яркие проявления и носители обеих культур), но вместе и параллельно с этим многие века происходил

бесценный обмен из запасников общей культуры человечества. Так, созданные позднее восточных европейские сады и парки впитали в себя и принципы их создания на Востоке. А в западной поэзии, в «Садах» Делиля мы читаем:

*В Китае множество пленительных явлений,
Картин, разительных противоположений,
.....в садах встречает взор
И злато куполов, и пестрых стен фарфор,
И странное божищ, чертогов устроенье,
Которых пышный блеск приводит в удивленье.*

В Европе же особой пышностью сады и парки отличались в позапрошлом, XVIII веке. Даже в поэзии ландшафтные парки приобрели тогда особую идейную сторону: поэты становились садовниками, а садоводы обретали литературные таланты, чтобы проповедовать в прозе, стихах, сатирических эссе и критических статьях ландшафтное садовое искусство.

Лизаус. Именье поэта У. Шенстона.

В это время Европа стала особо ценить национальные культуры — китайскую, турецкую, арабскую, испанскую, а ее садовое искусство приобрело язык символов с прибавлением языка чувств.

Полного своего развития ландшафтный стиль в садах достиг в эпоху Предромантизма и Романтизма, когда особенно стал развиваться интерес к различным, по преимуществу ориентальным странам — их архитектуре и растениям.

Многие в это время писали о садах прозой (в 1770—1780 гг. — сочинения образованных меценатов, владельцев имений принца де Линя, У. Чемберса, маркиза де Жирардена, французских архитекторов Мореля, Ватле, английского теоретика-садовода Томаса Вейтли и некоторых других). В конце XVIII в. в связи с возросшим интересом к садово-парковому искусству латинская поэма Рапена «Сады» (1665 г.) неоднократно переводилась на французский язык (1773, 1787 гг.)

В 1782 г. появилась поэма Делиля «Сады», который к этому времени прочно взошел на французский Парнас, и даже Вольтер лестно отзывался о его поэтических трудах. Поэма имела огромный успех, она переводилась на многие языки мира, непосредственно откликаясь на поголовное увлечение устройством парков — королевских, княжеских, по-

мещичьих. Даже люди, более скромные по достатку и общественному положению, со страстью занимались украшением и благоустройством садов и садиков вокруг своих домов.

Выход поэмы «Сады» был приурочен к празднику в Трианоне, когда граф и графиня Северные путешествовали по Европе. Под этими псевдонимами скрывались наследник русского престола Павел Петрович и его супруга. Парадокс истории, но именно этот «владыка» разрушил позже то, о чем с таким восторгом говорил русский переводчик «Садов» А. Ф. Воейков, найдя красочные эпитеты деяниям Петра, написав о нем, что он «Россию превратил в великолепный сад...».

Отрывки перевода поэмы «Сады» начали появляться на русском языке в периодической печати России еще до войны 1812 года. Воейков, начав перевод в 1806 г. и закончив его в 1815 г., сам дополнительно написал стихи о садах России того времени, считая, что автор поэмы сделал это слабо, не зная темы.

Посвятив садам Царского Села лишь несколько холодных стихов, выражающих скорбь по поводу разорения садов при Павле I, Воейков с большим чувством описывает дорогое москвичам (будучи сам москвичом) подмосковное Архангельское:

*Во всех родилась страсть изящная к садам:
В Архангельском* сады, чертоги и аллеи,
Как бы творение могучей некой Феи,
За диво бы почли и в Англии самой...*

Сад Коломенского дворца:

*На берегу Москвы обширный сад, густой.
Лип, вишен, яблонь лес, где часто в летний зной,
Любя прохладу вод и тени древ густые,
Честолюбивая покоилась София**.*

Завершается этот экскурс восторженным описанием подмосковного Савинского (деревня сенатора И. В. Лопухина), которому автор посвятил стихов вдвое (!) больше, чем всем царскосельским паркам, вместе взятым:

*В деревню поспешим под кров уединенный,
Туда, где Лопухин с Природой жизнь ведет...
Не знаешь, в сад вошел, чему дивиться,
Куда скорей спешить, над чем остановиться.*

Сколько удивительной красоты сотворил на Земле Человек за тысячелетия своей культуры, но он же ее и рушил, калечил, топтал, не замечал, не хранил, сам наказав себя сегодня пустотой, разрухой и другими картинами экологического кризиса. Может ли еще сегодня красота спасти мир? Попробуем снова задуматься над этим, обращаясь к сочинениям Де-Лилия, где он надеется:

*Земля, быть может, ждет,
Что хоть когда-нибудь спаситель к ней придет...—*

и советует:

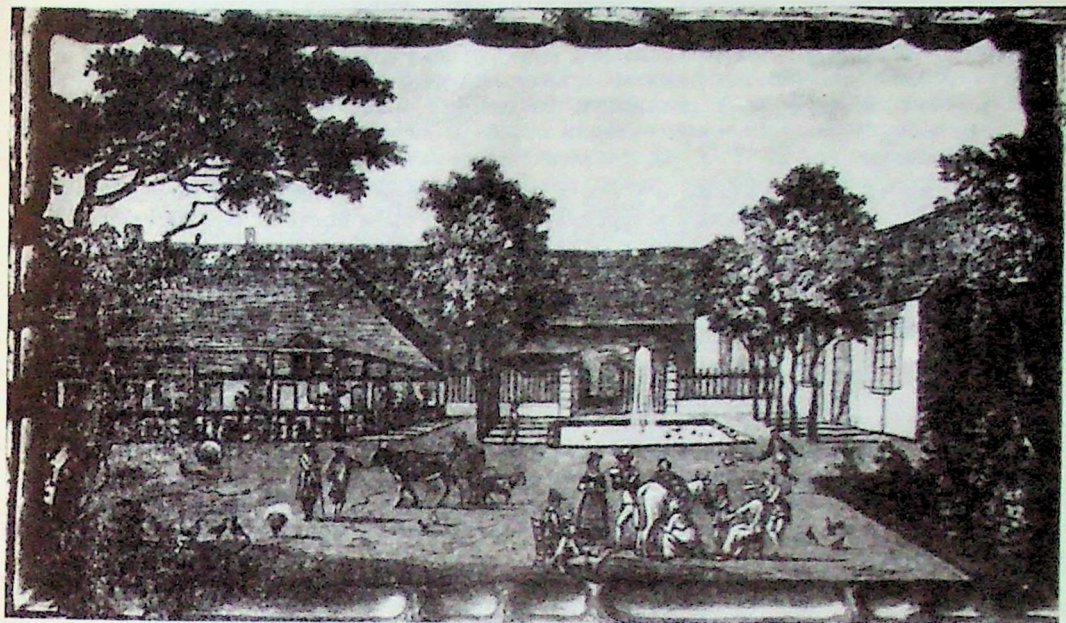
*Знакомы вам невидимые нити
Меж миром неживым и вами? Протяните
Их от своей души к реке, полям, лесам,
Внемлите чутко их неслышным голосам,
И вы поймете все, что вам они сказали...*

* А. Ф. Воейков сам делает здесь сноску: «в 17 верстах от Москвы, принадлежащее князю Н. А. Голицыну».

** В селе Софьино, в 40 верстах от Москвы по Коломенской дороге (теперь — Москва).

«Я воспользовался привилегией, некогда данной поэтам, — даром предвидения — и описал факты не как имеющие место сейчас, а как могущие осуществиться в будущем», — писал Делиль в своем предисловии к «Садам».

Нынешнему поколению людей, серьезно встревоженному назревшими глобальными проблемами, все чаще приходится задумываться над словами своих предшественников-гуманистов о том, что красота может спасти мир так же, как маленький китайский дворик и сегодня может украсить большой европейский дом.

Павильон «Фантазия» в саду д'Аркура

СЕКРЕТЫ ДРЕВНИХ ВРАЧЕВАТЕЛЕЙ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

А. ЮРКЕВИЧ

В последние годы за рубежом и у нас в стране быстро растет число энтузиастов традиционных оздоровительных и терапевтических систем Востока. Бум массового интереса к необычным методам лечения и оздоровления, помимо естественного любопытства, обусловлен разочарованием в возможностях современной медицины, не избавившей человека от угрозы тяжелых недугов. Идеализация «мудрости Востока» заставляет миллионы людей искать в ней панацею от всех опасностей для физического и психического здоровья.

Повысился интерес нашей науки, а также практической медицины к восточным способам врачевания. Немалую роль в этом сыграли реальные успехи акупунктуры и развитие хозрасчетных форм медобслуживания: экзотические приемы борьбы за здоровье советского человека приносят верный, если не терапевтический, то финансовый, успех.

Приобщение к данной области знания и практики неизбежно сопровождается ломкой стереотипов мышления, препятствовавших ее освоению. В числе таких стереотипов — отношение к изучению восточной медицины как к почти исключительной прерогативе медицинской науки.

Оно основывалось на восприятии восточных терапевтических систем как аналогов западной медицины с некоторыми специфическими, хотя и любопытными, но малонаучными представлениями о строении и функционировании организма, зато со значительным набором довольно эффективных приемов лечения, накопленных за долгую историю медицинской практики. Такая установка побуждала не придавать большого значения мудрствованиям восточных «мистиков» и искать анатомические, физиологические эквиваленты парафизиологических структур, рассматриваемых средневековыми медицинскими теориями. Весьма относительный успех подобных исследований подтолкнул ряд представителей медицины к углубленному изучению восточных взглядов на лечение, что заставило обратиться к помощи ориенталистики.

До сих пор репрезентантом восточной медицины в специальной учебно-методической и популярной литературе выступает теоретический и практический набор, ставший общим для Восточной, Центральной и Юго-Восточной Азии, но сложившийся некогда в Китае. Однако в каждой стране лечебные и оздоровительные системы неизбежно приобретали свои особенности. Еще более различаются медицинские традиции, базирующиеся на качественно разных теоретических основаниях, — китайская, индийская, арабская и прочие. Определение восточноазиатской, точнее — китайской, медицины как «восточной» дезориентировало не только дилетантов, но и специалистов в области медицины и естественных наук. Во многом по этой причине сколько-нибудь широкое изучение конкретных региональных форм восточной медицины, и прежде всего доминирующей традиции — китайской, в нашей стране началось лишь в конце 70-х — начале 80-х годов, намного позже, нежели на Западе.

Одно из самых перспективных направлений научного поиска в этой области было в значительной мере задано работами выдающихся представителей мировой синологии — М. Гранэ и Дж. Нидэма. Первый поставил вопрос о методологических основаниях традиционного знания в Китае; второй положил начало планомерному изучению традиционной науки Восточной Азии. В 70-е годы, существенно изменив первоначальную концепцию, Дж. Нидэм солидаризировался со своим помощником и научным оппонентом Н. Сивиним в следующем положении: китайская традиционная наука отнюдь не является

неким неразвитым прототипом современной, но представляет собой самостоятельную и оригинальную теоретическую систему. Она сформировалась под воздействием целого ряда исторических факторов как локальный вариант развития мировой науки со специфическими «критериями научности». Хотя концепции Дж. Нидэма и Н. Сивина оспариваются во многих важных деталях другими авторитетными учеными, приведенные выше положения в той или иной мере разделяют большинство исследователей культуры Китая.

Советский китаевед А. И. Кобзев, опираясь на критический анализ концепций Дж. Нидэма, Н. Сивина, М. Гранз, привлекая результаты изысканий других зарубежных и отечественных синологов, пришел к выводу, который еще десяток лет назад прозвучал еретически: «место науки логики... как всеобщей познавательной модели (органа) в Китае занимала нумерология, то есть формализованная теоретическая система, элементами которой являются математические и математикоподобные объекты — числовые комплексы и геометрические структуры, связанные, однако, между собой главным образом не по законам математики, а как-то иначе — символически, ассоциативно, фактуально, эстетически, мнемонически, суггестивно и т. д.»¹ С. В. Зинин определяет нумерологию как «теорию, оперирующую объектами... между которыми могут устанавливаться отношения, определяемые ассоциированными с ними символами или классификационными схемами. В сферу нумерологии попадают также теории «у син» и «синь ян», ицинистика»², то есть универсальные классификационные схемы «пяти элементов (стихий)» и полярных космических сил, а также отрасль традиционной китайской науки — изучение «Книги перемен» («И цзин», «Чжоу и»). Несмотря на разные определения самого теоретического феномена нумерологии, его исследователи сходятся на том, что он играл важнейшую роль в систематизации и «познавательном оформлении» (А. И. Кобзев) традиционного знания в Китае. Схемы и классификационные матрицы, восходящие к «Книге перемен», присутствуют в древних и средневековых трактатах в явном и скрытом виде, оформляя описания процессов и явлений, количественно и структурно организуя текст.

Подобные схемы сполна представлены и в теории китайской медицины, где они служат для описания процессов, протекающих в организме, в их связи с временными и климатическими циклами.

Применяемые в нумерологических построениях ряды символов — «небесные стволы (или пни)», «земные ветви», триграммы и гексаграммы, для которых предусмотрены различные стандартные порядки, соотносятся со схемами «пяти элементов» и позволяют формулировать правила лечения и диагностики. Не умозрительна и не случайна применяемая в китайской медицине схема «восьми дворцов», которые строятся из 64 гексаграмм, расположенных в порядке Фуси³, и соотносены с «пятью элементами» и триграммами. Соответствие «меридианов» тела определенным триграммам позволяет по неким правилам выбрать «меридиан», на который следует воздействовать с целью нормализации функций другого «меридиана». Например, если лечение проводится весной, то «больной меридиан» триграммы Сюнь будет сопряжен с «меридианом» Кунь, так как вместе обозначающие их триграммы составляют гексаграмму Шэн, принадлежащую «дворцу» триграммы Чжэнь и элемента «дерево», соответствующего весне. В этом случае, как и во многих других, применение нумерологических схем в рамках теории у юнь — лю ци («пять трансформаций» — «шесть ци») позволяет установить связи «хронобиологических» циклов с изменением состояния природной среды, исходя из закономерностей взаимодействия «пяти элементов». Определяющее звено этой теоретической системы — дихотомия «хозяин — гость». Первый классификатор означает ритм, не меняющийся по дням, месяцам, сезонам или годам; «гостем» считается ритм, который может меняться, например, климатические характеристики того или иного года, опережения и запаздывания в смене сезонов и т. п. Вероятность заболевания тех или иных систем организма зависит от соотношений природных ритмов, определяемых по нумерологическим правилам. Операции с нумерологическими схемами позволяют также выявлять наиболее активные в каждые полчаса акупунктурные точки — по определению А. И. Фалева, «окна» в общую структуру гомеостаза в текущий момент⁴.

Даже простое перечисление областей и форм применения нумерологии в китайской медицине составило бы не один толстенный справочник. В этой связи для многих читателей журнала может в ином свете предстать статья А. И. Кобзева в № 3 за 1989 год. Решение даже, казалось бы, сугубо академического вопроса о первичности того или иного порядка триграмм и гексаграмм — Фуси или Вэнь-вана, а также соответствующая

система доказательств теснейшим образом примыкают к решению и насущных практических задач, в частности использования достижений китайской медицины, и фундаментальных культурологических проблем. Если более математизированный, простой и логичный порядок Фуси был создан значительно позже во многом загадочного порядка Вэнь-вана, то можно сделать вывод о наличии исторической тенденции к рационализации традиционной методологии, к приданию ей характеристик, более удобных для «познавательного оформления» накопленного знания. Другие ученые ищут возможности подтверждения китайской традиции считать порядок Фуси более древним; соответственно, он приписан мифическому основателю китайской цивилизации, предшествовавшему легендарному создателю династии Чжоу Вэнь-вану. Не вдаваясь в подробности этой сложной проблемы, вокруг которой ломают копыя выдающиеся представители синологии и целые отряды дилетантов, отметим лишь, что первая гипотеза представляется более логичной. Во всяком случае, она позволяет объяснить преимущественное применение нумерологических схем в тех областях знания, где требуется максимально системное изложение эмпирического опыта, и второстепенная их роль, даже их игнорирование там, где необходима апелляция к обыденной логике и эмоциям, обоснование политических, идеологических и эстетических доктрин.

Освоение прикладных нумерологических методик всеми врачами нашей страны, претендующими на владение восточными способами лечения, позволит сделать громадный шаг вперед по сравнению с существующим ныне положением дел: пока большинство иглотерапевтов довольствуется весьма упрощенным и кратким изложением «теории восточной медицины» в отечественной учебно-методической литературе. Однако увлеченность «материалистичной» четкостью правил лечения и диагностики, сложившихся в позднее средневековье и новое время в системы, ныне считающиеся классическими, может обречь наших специалистов на вечный фельдшерский статус в иерархии врачебного мастерства в сфере восточной медицины. Такие правила, изложенные в современной литературе, в том числе китайской, японской, корейской, вьетнамской и т. п., несут на себе печать рационализирующего подхода, с учебной или идеологической целью отсекающего подчас существенные противоречия и «неясности», сводя богатство традиционного опыта к упрощенному нормативному комплекту.

Между тем этот комплект в китайской медицине является результатом сложного синтеза нередко противоборствовавших доктрин и установок. Более двух тысяч лет он протекал в русле взаимодействия различных философских концепций, в том числе пришедших из других регионов, а также теории и практики симпатической магии, «демонологической» медицины, симптоматической фармакотерапии, религиозной медицины разных даосских и буддийских школ, конфуцианского врачевания (жу и), связанного с представлениями о человеческом теле как образе социума⁵. В ходе этого процесса положения и концепции, не вписывавшиеся в рамки определяющих теоретических тенденций, серьезно трансформировались или просто отбрасывались. Давно отринутые как «ненаучные» с точки зрения определенной системы взглядов, некоторые традиционные представления подчас своеобразно мстят за себя, проявляясь во внешнем нарушении логики текста средневековых и даже современных работ по медицине, либо в загадочных манипуляциях врача из восточной страны, не соответствующих общепринятым нормативам.

Их применение чаще всего должно серьезно корректироваться не по нумерологическим принципам. Любые нумерологические расчеты дают лишь приближенную стратегию решения. Сама «Книга перемен» «возникла как текст вокруг древнейшей практики гадания»⁶ — представленные в ней конструкции и их прототипы были предназначены для поиска соответствий между макро- и микрокосмом, которые следовало истолковывать и уточнять с привлечением дополнительной эмпирической информации. Разумеется, медицинские расчеты куда точнее мантических, но и они учитывают лишь основные выведенные опытным путем закономерности. Правила коррекции таких расчетов могут быть почерпнуты из живого опыта восточных врачей. Однако осмысление этих правил, базирующихся на традиционных представлениях, вряд ли возможно без знания конкретных параметров той или иной региональной формы медицины. Тем более такое знание необходимо для адекватного прочтения нумерологических построений, символика которых в разных текстах может быть основана на реалиях китайской, тибетской и иных культур.

Понимание древних и средневековых медицинских текстов практически невозможно без знания основ «символического языка» определенной культуры, без ясного представления об истории становления конкретной региональной медицинской традиции, об ее

формальных и содержательных методологических основах в разные периоды.

Однако это обстоятельство в медицинских кругах не всеми рассматривается как очевидное. Стереотип самодостаточности естественнонаучных знаний оказался чрезвычайно живуч, хотя и принял новые формы. Признавая ныне стандартные нумерологические конструкции в качестве элемента диагностических и рецептурных расчетов, официальная медицина склонна усматривать в усвоении нормативного набора схем и принципов вкупе с врачебным опытом верный путь к овладению секретами «восточной медицины вообще». Об этом свидетельствует отечественная литература по данной тематике⁷.

В то же время переводы главным образом китайских трактатов по медицине и смежным с ней областям знания все в большем числе поступают в продажу, организованную хозяйственными центрами, клубами, кооперативами по непомерным ценам. Часто эти переводы весьма неточны, а лучшие из них, как правило, представляют собой интерпретации в духе «нормативных» схем без необходимых примечаний и комментариев. Переводчики нередко упускают из вида, что имеют дело с историческими памятниками. Их адекватный перевод требует учета факторов, которые непременно принимает во внимание выполняющий ту же работу исследователь-историк: присутствие в тексте часто в трансформированной форме философских и научных доктрин, ход их предшествовавшей эволюции; возможные значения одних и тех же терминов в разном контексте, трактовку этих терминов течениями философской и научной мысли в разные эпохи, возможные уровни толкования одних и тех же описаний; исторический фон создания тех или иных трактатов, определяющий их образный строй, не всегда явную связь сравнений и тезисов с конкретной идеологической ситуацией; предшествовавшую письменную традицию, проявляющуюся в виде «литературных намеков», прямых и скрытых цитат, нередко переосмысленных; адресат текста, связь изложения с различными пластами «книжной» и народной, светской и религиозной культуры; особенности письменного языка определенной эпохи и т. п.

Это, как правило, игнорируется и потребителями переводов, что нередко приводит к попыткам отыскать в темной комнате ту самую черную кошку, которая там заведомо отсутствует.

Примером могут служить поиски непосредственных описаний физиологических процессов и подробных инструкций по медитации в средневековых трактатах, затрагивающих проблемы «внутренней алхимии» и «достижения бессмертия», без учета предназначения этих текстов и различных уровней их восприятия. Чаше всего такие сочинения вообще не могли и не должны были служить массовым руководством к действию. Например, врач и алхимик IV в. Гэ Хун достаточно прозрачно намекал на недопустимость доступа профанов к эзотерическому знанию, хотя и создал своего рода энциклопедию, характеризующую основные разделы такого знания, — «Баопу-цзы»⁸. В текстах более поздних и пространных «внутреннеалхимических» процессы описывались в терминах «внешней алхимии», как приготовление «пилюли бессмертия», и одновременно как процесс литургии — богослужения, символизирующего слияние с Дао — мирозаконом. При этом совпадение трех уровней изложения — 1) «внешних» манипуляций с минералами и соединениями металлов, на практике обычно кончавшихся отравлением желавших отведать чудодейственный эликсир; 2) операций с «внутренними» материалами для создания «бессмертного зародыша»; 3) единство этих процессов с литургией — было главной целью, перед которой отступала точность описания психосоматических процессов. Поэтому их реставрация по «внутреннеалхимическим» текстам, как показывают работы популяризатора такого подхода Ч. Лука (Лу Куаньюя)⁹, грешит явными натяжками и домысливанием недостающих в описании звеньев. Условности и лакуны объяснимы, если учесть эзотеричность даосской религиозной традиции, в том числе медитативной — ее секреты во всей их полноте передавались лишь немногочисленным доверенным ученикам при личном контакте с наставником. Подробные сведения в трактате были бы бесполезны, даже вредны для профанов и не нужны посвященным. Назначение «внутреннеалхимических» текстов — обоснование соответствующей практики, введение в ее теоретические основы и формирование на вербальном уровне установок, которые должны были помочь адепту ощущать процесс «слияния с Дао» в ходе собственно медитации.

Признание «физиологической» точности такого рода описаний равнозначно вере в способность средневековых даосов обретать физическое бессмертие. Однако история свидетельствует, что все крупнейшие теоретики в этой области благополучно скончались. Так что, хотя «внутреннеалхимические» трактаты представляют несомненный интерес

и с точки зрения медицины, обращение к даосским трудам, посвященным достижению долголетия, в практическом плане представляется более перспективным, в том числе в смысле адекватности описаний психосоматических процессов. Однако и здесь придется делать поправку на эзотеричность даосской практики, «интериоризованность» литургии, нацеленность медитации на внутреннее моделирование космических процессов.

Большинству читателей подобные тексты могли давать лишь ассоциативные контуры общей установки, в процессе медитации играющей роль подсознательного алгоритма психического процесса, обязательно уточняемого воздействием на адепта со стороны наставника. Схожую функцию имеют выполненные в традиционном ключе графические схемы, призванные отразить особенности китайских «гимнастик», в том числе комплексов ушу. Будучи нередко весьма примитивными, они очерчивают лишь общий абрис психического и физического действия, представляя собой также мнемонические формулы, которые облегчают усвоение начинающими базовых принципов того или иного стиля. Традиционное оформление подобных схем, большинство которых появилось уже в нашем столетии, вследствие особого отношения народов Восточной Азии к своему культурному наследию дает также эффект «безграничного доверия» к методике, что способствует овладению ею. Однако многие энтузиасты в таких графических конструкциях ищут физиологические и «энергетические» откровения, универсальные ключи к своему телу и психике.

Западных и наших медиков подводит также отношение к понятиям традиционного знания как к терминам науки сегодняшней, которые имеют четко фиксированные одно — два значения. Дело в том, что термины традиционной китайской философии, составляющие основу общенаучной терминологии, «не суть термины в узком смысле слова, то есть они не однозначны, поскольку во всех языках незаимствованные и «литературные» слова, выражающие наиболее общие понятия, как правило, многозначны», а китайский философский лексикон «в широком смысле практически совпадает с естественным языком (в его письменно-литературном варианте — *вэньяне*)». «Значение философского термина становилось функцией того или иного сочетания его с другими терминами... Поэтому в различных сочетаниях он мог обозначать различные, порой даже противоположные явления»¹⁰. Термины могли по-разному истолковываться представителями тех или иных философских и научных течений в разные периоды и приобретать особые значения в сочетании со специфическими понятиями определенных областей знания.

В качестве примера возьмем одну из основополагающих категорий традиционной китайской науки — *ци*. Оптимальный перевод этого слова — «пневма» обоснован А. И. Кобзевым¹¹. По его определению, данная категория выражает идею континуальной, динамической, пространственно-временной, духовно-материальной и витально-энергетической субстанции. Это понятие осмыслялось главным образом на трех уровнях: космическом, антропологическом и психологическом.

В первом случае «пневма» выступает как универсальный наполнитель вселенной — динамичный, духовно-материальный, энергетический. Существует мнение, что понятие *ци*, по крайней мере в его космическом и антропологическом значениях, пришло в Китай из Индии. Один из его предполагаемых аналогов — прана, «космическая энергия», проявление «дыхания космоса». Не углубляясь в детали, отметим лишь, что понятие прана, вероятно, может быть отождествлено только с одной из ипостасей «пневмы» — «изначальной», *юань ци*. «Изначальная *ци*» трактовалась как первосубстанция мирового закона Дао в его пространственно-временном единстве, то есть в известном смысле как синоним Дао. Уже в III в. до н. э. последняя категория была отождествлена также с «Великим пределом» (*Тайцзи*), начальной точкой космогенеза, по одну сторону которого — «хаос» (*хунь дунь*), выражающий высшую гармонию и иногда отождествляемый с собственно «Великим пределом», либо «небытие/отсутствие» (*ю*), толковавшееся как полный антагонист «бытия/присутствия» (*ю*) или его потенция; по другую — «оформление» и развитие феноменального мира. В «изначальной пневме», выступающей субстантивированным выражением «Великого предела», гармонично слиты в «одно» возможности любых качественных и относительных характеристик, по ходу процесса космогенеза обусловливаемые взаимодействием смешанных в *юань ци* трех начал — «духа»-*шэнь*, «семян»-*цзин* и «пневмы»-*ци*. Это единство иногда определяется термином *хунь юань* («смешанные первоначала»), ассоциировавшимся с «хаосом» — *хунь дунь*. В дальнейшем «дух»-*шэнь* обеспечивает функционирование «тонких», «духовных» субстанций, а «семя»-*цзин* — возможность «порождения» вещей. Оба этих первоначала могут трактоваться как ре-

зультаты «уточнения» ци и проявляются в пневменной форме — *шэнь ци* и *цзин ци*. В ходе разветвления мировых трансформаций под воздействием сил *инь* и *ян ци*, сгущаясь и рассеиваясь, оформляется в вещи, различные ее трансмутации непрерывно взаимодействуют, а ее «изначальность», «гармоничность» растворена во вселенной, или потенциально присутствует в мире и может актуализироваться в том или ином месте при возникновении соответствующих условий.

Здесь изложена обобщенная трактовка понятия ци относительно общепринятой в позднесредневековой китайской науке схемы космогенеза, формы которой могли различаться. Даже это упрощенное изложение дает возможность охарактеризовать ци как «панматерию» (Г. Э. Горохова), и как собственно материю, либо «поле» (Фэн Ци), «энергию» (П. Будон) и ее носитель, в то же время — носитель информации¹².

Космологическая конкретизация понятия ци в силу господства в китайской науке идеи изоморфизма, подобия космоса, социума и человека легла в основу толкования момента зачатия как аналога начала космогенеза, а «пневмы» — как строительного материала и одновременно динамичного наполнителя человеческого тела. В последнем смысле — своеобразного двойника «жизненных духов», представления о которых характерны для западноевропейской науки средневековья. Причем циркуляция ци в организме связана с кровотоком и обменными процессами: формулировка *ци сюэ* («пневма и кровь») стандартна для медицинских текстов, а инверсия бинорма — *сюэ ци* означает просто кровь. Нормализация их потоков, хотя и движущихся по разным руслам, — одна из основных практических целей китайской медицины. Множество трансформаций ци, трактующихся и как субстанции, генерируемые различными органами, и как функции этих органов, взаимодействуют по законам *инь—ян* и «пяти элементов». В организме «дух-шэнь» и «семя»-*цзин* функционируют в «пневменной» форме как основы соответственно психической и физиологической деятельности, обуславливая функции друг друга. Считается, что они могут быть получены из окружающей среды — из воздуха, пищи и питья вследствие «разлитости» во вселенной «изначальной ци», извлекаться из нее, генерироваться, накапливаться различными системами организма и служить для образования внутреннего аналога *юань ци* — так называемой истинной ци, *чжэнь ци*. В широком смысле под этим понятием часто подразумевается вселенская «изначальная ци»; в более узком — совокупность здоровых жизненных сил организма, в том числе присутствующих в нем изначально, а также результат определенных усилий по воссозданию практического единства *хунь юань* в теле человека — локальное «возвращение к Великому пределу».

Представления о «материальности», или субматериальности, и одновременно функциональности «пневмы», возможность получать «внешнюю ци» главным образом с вдыхаемым воздухом, а также этимологическое значение иероглифа ци («пар над кипящим» (жертвенным) рисом) — соответственно «газ», «воздух») обусловили трактовку ци как дыхания (си, или хуси, букв. «выдох и вдох»). Данное толкование характерно прежде всего для течений даосизма, занятых поисками путей к продлению жизни, и заимствовано медицинским направлением его практики. Причем в определенной сфере даосской традиции трактовка «дыхания» — ци была в значительной степени буквальной, связанной, видимо, в большей мере с архаическими представлениями о «воздушной» субстантивации «выплывания (старого, испорченного) и набирания (нового, здорового)» — *ту на* (практике, упоминавшейся в трактате IV в. до н. э. «Чжуан-цзы» и впоследствии давшей название даосским дыхательным упражнениям), нежели с философской идеей праны. Согласно индийской традиции, прана извлекается из воздуха (как и «изначальная ци»), но не отождествляется с ним: в отличие от выдыхаемой ци, прана не может быть «испорченной». Однако трактовка последнего понятия как процесса и функции вполне могла сказаться на осмыслении категории ци.

Ее отождествление с дыханием как физиологическим процессом ныне представлено в китайской спортивно-методической литературе по ушу, а также в книгах по цигун, изданных на Западе и в Гонконге¹³. Однако ограниченность этой трактовки ци, а практики цигун как дыхательной гимнастики подчеркивается многими зарубежными специалистами, в том числе китайскими¹⁴. Они считают основным элементом цигун приемы психорегуляции. Соединенные с дыхательными и, нередко, с физическими упражнениями, которые сами могут быть катализаторами достижения определенных состояний сознания, они призваны повысить совокупную эффективность этих действий и стимулировать определенные физиологические процессы.

Базой теоретической установки, обосновывающей приемы психофизиологического регулирования в цигун, является психологический аспект конкретизации понятия *ци*: «пневма» рассматривается как «проявление психического центра — «сердца», управляемого «волей» (*чжи*) и управляющее чувствами (*цин*)» (А. И. Кобзев). Поэтому считается возможным посредством «воли», «мысли-идеи» (*и*), объективирующихся в движении «духовной» трансформации *ци* — *шэнь ци*, управлять потоками «ци и крови» в организме.

Многообразие ипостасей и функций *ци* большинством современных интерпретаторов сводится к понятию «энергия», или «биоэнергия». Но, во-первых, такое сужение значения не всегда можно признать корректным хотя бы по формальным соображениям. Это вытекает даже из приведенных выше общих сведений, оставивших «за кадром» множество конкретных толкований. Во-вторых, однозначность трактовки китайского термина может привести к ошибкам при обращении к традиционным текстам по медицине. Примечательно, что в современных популярных работах по медицине и цигун, изданных в Китае, не всегда совпадают определения *ци* — поиски доступных формулировок заставляют авторов выводить на первый план только одно из значений этого многопланового понятия, иногда сбывая с толку читателей, знакомых с другими определениями.

Не менее широка смысловая гамма упоминавшихся выше терминов *шэнь* и *цзин*. Иероглиф *шэнь* может означать просто духов — божеств, потусторонние силы — это характерно для текстов, созданных в русле «демонологической» медицины или под ее влиянием. «Дух» мог трактоваться и как жизненное начало, приводящее в движение организм, то есть брать на себя часть семантического спектра термина *цзин* (в некоторых философских текстах *шэнь ци* рассматривалась как производная от *цзин ци*).

Цзин, в свою очередь, толковалось и как качество — «утонченность», «эссенциальность», либо как «семя/душа» — субстантивированное начало, обуславливающее формирование мозга, соответственно, в известной мере и психические функции. Под «утонченной пневмой» — *цзин ци* могли пониматься «материальная» первооснова мира, либо кровь и секреторные жидкости и (или) их функции и т. п. Так что применяемый также в отношении категорий *шэнь* и *цзин* термин «энергия» не всегда корректен. Тем более он вряд ли уместен в переводе. Китайская культура вообще не знала такого понятия и приняла его аналоги только с проникновением в Китай западной науки. Для создателей традиционных текстов, в том числе по медицине, *ци* означало *ци*, *шэнь* — именно *шэнь*, а семантические поля этих и других категорий очерчивались представлениями авторов о предмете описания, то есть некими исторически обусловленными идеологическими и культурными рамками. Их выявление, как и определение контекстуальных значений термина требует специальных знаний.

Подход к толкованию древних и средневековых китайских текстов с позиций усредненных трактовок принципов и схем «восточной медицины» обречен на неудачу также потому, что во времена создания этих текстов некоторые из известных ныне синкретических представлений могли еще не сложиться.

Так, правило, согласно которому терапевтическому воздействию подвергается зона, противоположная пораженной, «больной» меридиан соответствует «внутренней», а подвергающийся воздействию — «внешней» триграмме определенной гексаграммы, могло быть сформулировано как принцип «тело/субстанция — функция/акциденция» (ти — юн) только после III в. н. э., когда соответствующая философская оппозиция была введена мыслителем школы сюаньсюэ Ван Би.

В разные эпохи в текстах, написанных под преобладающим влиянием той или иной философской школы, спектр преимущественных значений одних и тех же слов и словосочетаний мог быть неодинаков. Например, понятие «пневма ян» (ян ци) в трактате «Хуанди нэйцзин» (III—II вв. до н. э.) выражает главным образом функциональные характеристики человека в отличие от «функционально-материальных» образований инь¹⁵, в средневековых «внутреннеалхимических» трактатах означает преимущественно субстантивацию духовного начала и высшую степень «очищенности» *ци*, в современной китайской литературе — материально-энергетическую субстанцию с условно «положительным» зарядом.

Менялись представления и о распределении витально-энергетических субстанций в организме. До Гэ Хуна «дух»-*шэнь* обычно находил пристанище, в соответствии с учением «Хуанди нэйцзин», в сердце, а область *даньтянь* обнаруживалась только одна, но уже с IV в. «дух» уверенно угнездился в голове — верхнем *даньтянь*, а самих таких областей — «резервуаров жизненной энергии» стало принято насчитывать.

Приведенные примеры отражают историко-культурные рубежи формирования синкретических концепций, во многом определенные воздействием на медицинскую теорию со стороны различных философских течений: так, в случае с «Хуанди нэйцзин» — школы Сун Цзяня и Инь Вэня (III в. до н. э.), а применительно к «внутреннеалхимическим» писаниям — идей религиозного даосизма, испытавшего заметное буддийское влияние.

К сожалению, ознакомлению наших медиков с востоковедческой литературой препятствует как малодоступность фундаментальных научных сочинений на иностранных языках, так и малотиражность работ советских ученых. К тому же представителям медицины не всегда понятны терминология, язык описаний, принятые в востоковедных трудах.

Становится все более очевидной необходимость целенаправленной популяризации вопросов методологии китайской науки, связи медицинских теорий с философией и другими разделами традиционного знания; изложены сведения об истории формирования синкретических концепций китайской медицины, отдельных ее составляющих, о взаимоотношениях между ними в разные эпохи, об историческом взаимодействии китайской и западной лечебно-оздоровительных традиций. В трудах советских синологов А. И. Кобзева, В. В. Малявина, С. В. Зинина, Е. А. Торчинова, Г. Э. Гороховой, Е. Б. Поршневой и других содержатся сведения, имеющие прямое отношение к очерченной здесь проблеме, в том числе рассматриваются концепции ведущих зарубежных китаеведов.

Н. Сивин относит историко-научные исследования к «проблеме интеллектуальной ответственности» ученого за поиск ответа на вопрос о том, как прежде осуществлялось единство науки и культуры¹⁶. Определение представляется удачным: анализ прошлого дает ориентиры на будущее. Не будет ошибкой распространение формулировки Сивина на историко-культурные изыскания, а также, признание того факта, что своей моральной стороной «проблема ответственности» обращена и к организаторам популяризации научного знания.

¹ Кобзев А. И. Методология китайской классической философии (нумерология и прото-логика) / Автореферат докт. дисс.— М.: 1988.— С. 21.

² Зинин С. В. Построение гексаграмм «И цзина». — Проблема человека в традиционных китайских учениях. М., 1983.— С. 21.

³ Подробнее об этом см. Проблемы Дальнего Востока.— 1989.— № 3.— С. 175—189.

⁴ См.: Фалев А. И. Методологические принципы поддержания баланса в организме в традиционной китайской медицине.— XVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». («ОГК»).— С. 1. М., 1988.

⁵ In Sivin N. Preface.— Chinese Science: Explanation of an Ancient Tradition. Cambridge (mass.).— L., 1973.— P. 31—36; Unshuld P. U. Medical ethics in emperial China: A Study in Historical Anthropology.— Berkeley etc.— 1979.

⁶ См.: Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1957. С. 47.

⁷ Гаваа Лувсан. Традиционные и современные аспекты восточной рефлексотерапии.— М., 1983.

⁸ Торчинов Е. А. Учение Гэ Хуна о Дао: человек и природа.— Проблема человека в традиционных китайских учениях.— М., 1983.— С. 49.

⁹ Luk Charles (Lu K'uan Yü). The Secrets of Chinese Meditation. L., 1964; Taoist Yoga. Alchemy and Immortality. L., 1970.

¹⁰ Кобзев А. И. Особенности философской и научной методологии в традиционном Китае.— Этика и ритуал в традиционном Китае.— М., 1988.— С. 20—21.

¹¹ Его же. О понимании личности в китайской и европейской культурах // «Народы Азии и Африки». — 1979.— № 5.

¹² См.: Горохова Г. Э. Универсализм раннего даосизма.— Дао и даосизм в Китае.— М., 1982; Фэн Ци. Луи Чжунго чуньтун чжэсюэ ды тэдянь-Об особенностях традиционной китайской философии. // Сюэшу юэкань.— 1983.— № 7; Baudon P. La représentation du corps dans la pensée et la médecine Chinoise.— Anthropologica.— Ottawa, 1979.— Vol. 21, № 1.

¹³ См.: Ушу / Учебное пособие для факультетов и кафедр ушу институтов физкультуры (на кит. яз.).— Т. 1.— Пекин, 1987; Therapeutical Chinese Breathing Exercises. Hong Kong, 1985.

¹⁴ Zhang Mingwu, Sun Xingyan, Chinese Gigong Therapy. Linan, 1987.

¹⁵ Ван Дэминь. Цун цзуго исюэ юй гудай чжэсюэ ды гуаньси кань Чжунго чжэсюэ ши ды тэдянь-Взгляд на особенности истории китайской философии с точки зрения связи между отечественной медициной и древней философией. // Сюэшу юэкань.— 1983.— № 6.— С. 12.

¹⁶ Sivin N. Foreword.— Parkert M. The Theoretical Foundations of Chinese medicine: Systems of Correspondence.— Cambridge (Mass.).— L.— 1974.— P. 13.

ШКОЛА КАРАТЭ

*Ю. Е. БУГАЕВ, член каратэ-клуба «Звезда»
(Московская ассоциация боевых искусств)*

Каратэ, один из древнейших видов восточных единоборств, вновь приобрел все права гражданства в нашей стране. Официально в СССР каратэ было разрешено с 1978 по 1983 г., после чего федерация каратэ была распущена. Роспуску предшествовало появление в Уголовном и Административном кодексах РСФСР статей, определяющих ответственность «за нарушение правил обучения каратэ» и т. п. С созданием в конце 1989 г. общественно-государственной Всесоюзной ассоциации боевых искусств (ВАБИ) и общественного Союза организаций боевых искусств СССР (СОБИ), культивирующих, помимо ушу, таэквондо, дзюдо и каратэ, многочисленные поклонники этого вида восточных единоборств вновь получили легальную возможность заниматься им в клубах и школах, созданных и создаваемых при ВАБИ и СОБИ. В то же время ощущается острая нехватка учебных пособий, методических разработок, инструкций для самостоятельных занятий по каратэ; зачастую отсутствует элементарное представление об особенностях этого вида единоборств, его возможностях для физического и духовного совершенствования человека.

Открывая «Школу каратэ», наш журнал, не претендуя на создание всеобъемлющего учебного курса по каратэ — это первоочередная задача ВАБИ и СОБИ, предполагает в ряде номеров познакомить читателей с основными принципами, положенными в основу обучения каратэ, со своеобразием спортивного каратэ и каратэ, применяемого в целях самозащиты — self defence karate; с требованиями к тренировкам и самим занятиям; а также с некоторыми приемами из self defence karate, которые, при достаточном усвоении, могут оказаться полезными в экстремальной ситуации. Каждый выпуск нашей «школы» будет заканчиваться небольшим словариком терминов, используемых в спортивном каратэ и ставших по сути интернациональными. Употребление их инструкторами — неяпонцами привело к значительному искажению оригинального звучания, что мы и постараемся исправить публикацией словарика.

Немного истории. Хотя искусство самообороны насчитывает столько же лет, сколько существует человечество, родословную каратэ можно проследить от окинавского рукопашного боя (по-японски окинава-тэ — окинавская рука). Эта система самообороны восходит к древнему китайскому боевому искусству. С окинава-тэ впервые столкнулись, к своему ужасу, непобедимые самураи, усмирившие крестьянские восстания XIV в. на острове Окинава. Распространившись с Окинавы на другие острова Японского архипелага, каратэ вобрало в себя различные элементы кэндо (фехтование на мечах), дзюдо, дзюдзюцу и других видов боевых искусств. Основателем современного каратэ считается Гитин Фунакоси (1869—1957), уроженец Окинавы, начавший с 11 лет постигать секреты грозного искусства под руководством двух искуснейших мастеров. В 1917 и 1922 гг. Г. Фунакоси при содействии министерства образования организовал семинары — демонстрации своего стиля борьбы, способствовавшие быстрому распространению современного каратэ по всей Японии. Известные университеты приглашали Г. Фунакоси для обучения студенческих команд каратистов. После войны Г. Фунакоси стал шефом-инструктором созданной в 1948 г. Японской ассоциации каратэ. Сейчас в мире существуют десятки школ и течений каратэ, отличающихся друг от друга арсеналом приемов и стилем их исполнения, специальными комплексами упражнений — ката.

По технике ведения поединка и системе обучения школы каратэ делятся на «контактные» и «неконтактные». Советские клубы преимущественно «неконтактные», то есть в процессе обучения и во время состязаний соперники лишь имитируют удары, не касаясь или слегка касаясь друг друга.

Каратэ (прямой перевод «пустая рука») представляет собой систему самозащиты, предполагающую эффективное использование человеком своего тела. Эта система

включает в себя технику блокировки и расстраивания атаки противника и контратаки путем нанесения ударов ногами и руками. Современное каратэ развивается через совершенствование и рационализацию этих базовых технических приемов. На них же опираются три «ипостаси» сегодняшнего каратэ: физическая культура, спорт, самозащита. Кстати, японские школы каратэ выделяют также и «конструирующие характер» аспекты каратэ, среди которых уважение к сопернику и высшему по мастерству — кардинальный принцип. Максимумы, которые доводят до занимающихся в этих школах, можно суммировать в пяти словах: характер, искренность, усилие, этикет, самоконтроль.

Базисная техника каратэ — боевые стойки, передвижения, удары и блокировка руками и ногами — отрабатывается в сочетании с правильной постановкой дыхания. Общеизвестно, что максимальная концентрация силы в определенной точке руки или ноги достигается лишь в момент удара (момент соприкосновения с телом противника или какой-либо другой преградой). Этому помогает резкий, концентрированный выдох, усиливаемый криком. Постановке дыхания уделяется большое внимание на тренировках. Считается, что овладение основами дыхания, как и занятия каратэ вообще, оказывают благотворное влияние на дух и тело занимающегося независимо от возраста, комплекции, физической силы и пола. Хотелось бы предупредить с самого начала: овладение только лишь базисной техникой каратэ требует многолетнего напряженного труда, постоянных тренировок, поддержания своего физического состояния в хорошей форме, безусловного отказа от табака, алкоголя и пр. В школах Японской ассоциации каратэ базисному курсу отводится от полутора до двух-трех лет, после чего оттачиваются различные комбинации приемов нападения и защиты, число которых не поддается учету. Перед спортсменом безграничное поле для совершенствования своего мастерства, по которому можно идти всю жизнь. Все вышесказанное относится в первую очередь к спортивному каратэ, когда занимающийся преследует цель достижения значительных результатов в этом виде спорта, получения соответствующего разряда (дана), права ношения пояса и кимоно определенного цвета.

Проще и, одновременно, сложнее обстоит дело с каратэ, изучаемым и применяемым в целях самозащиты (для краткости назовем его — боевое каратэ). Проще — так как не надо утруждать себя изнурительной растяжкой (шпагат и т. п.), необходимой для выполнения ударов в голову и верхнюю половину корпуса партнера (удары ниже пояса в спортивном каратэ не засчитываются, возможно дисквалификация спортсмена), достаточно ударить в пах или поразить коленную чашечку. Сложнее, так как перед вами не товарищ-спортсмен, а враг, и ваша нерасторопность или ошибка может обойтись дороже, чем потеря очка.

Оставив проблемы спортивного каратэ спортивным клубам и школам ВАБИ и СОБИ, обратимся к каратэ боевому, определенные навыки которого могут оказаться бесполезными в нашей повседневной жизни, заметно посуровевшей в последнее время. Только предварим наши занятия своего рода заповедью каратистов: если есть малейшая возможность, не уронив достоинства избежать конфликта, используя ее. Каратист никогда не провоцирует насилие, но если схватка неизбежна, он должен победить. На могиле Г. Фунакоси начертано: «Каратэ и агрессия несовместимы».

1. СКРЫТЫЕ (НЕЯВНЫЕ) БОЕВЫЕ СТОЙКИ

Стараясь предотвратить конфликт, контролируйте внешние проявления агрессивности. Принятие явно боевой позы показывает, что вы отбросили мысли об умеренности и приготовились противостоять физическому насилию (это зачастую ускоряет его применение). Чтобы не демонстрировать своей готовности к бою и в тоже время быть готовым к отражению нападения, вы становитесь в одну из скрытых боевых стоек.

Вариант 1 (Рис. 1, 2)

Ноги на ширине плеч, слегка согнуты в коленях. Вес равномерно распределен на обе ноги. Если вы не левша, то обычно бьете правой рукой. В этом случае правая рука расположена, как показано на рис. 1, внутренней стороной открытой ладони вниз. Пальцы левой руки накрывают ладонь правой. Если противник

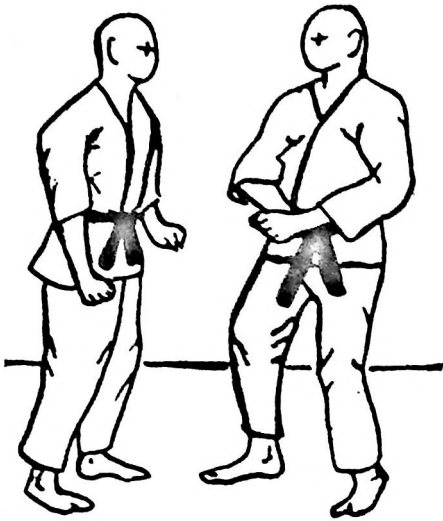

Рис. 1

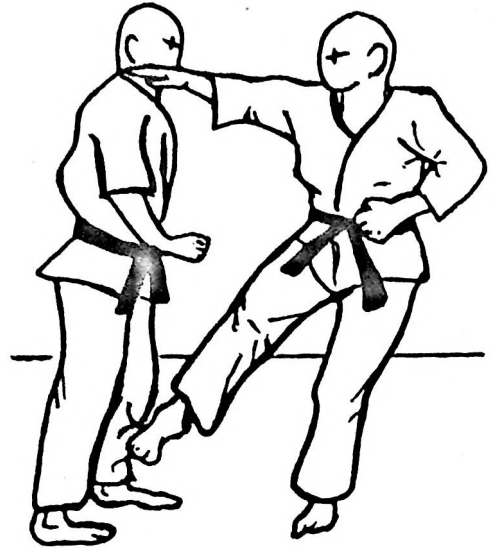

Рис. 2

явно идет на обострение, начинайте атаку, резко вскрикнув и нанеся удары ребром ладони по шее и внешним ребром стопы по голени (рис. 2). Особенности: одновременно с выбросом вперед и вверх правой руки левая резко отводится назад, на бедро, создавая тем самым «эффект пружины», добавляющий скорость и мощь правой руке.

Вариант 2 (Рис. 3, 4)

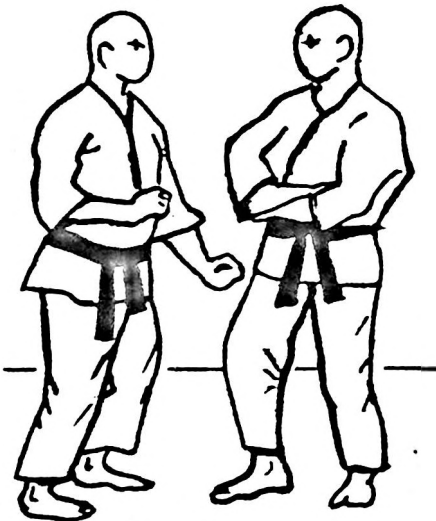

Рис. 3

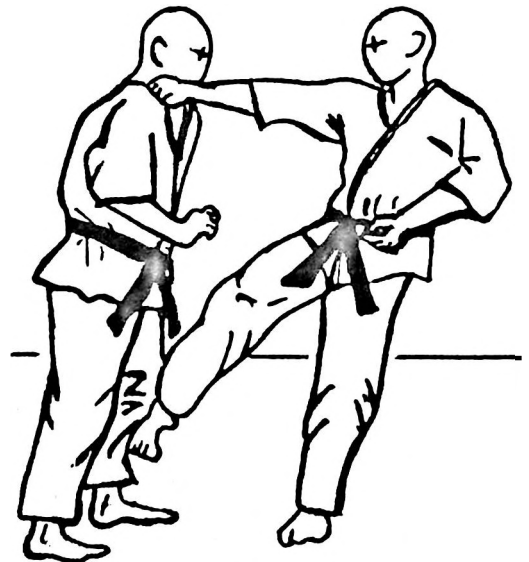

Рис. 4

Руки скрещены на груди, сжатые кулаки скрыты предплечьями. Эффект пружины достигается выбросом правого кулака вперед с резким реверсом (отводом назад) левой руки. Удар наносится боковой поверхностью кулака по шее, одновременно ребром стопы по голени.

II. ОЧЕВИДНАЯ БОЕВАЯ СТОЙКА

Если ваши миротворческие усилия безрезультатны (противник не внимает увещанию, пьян, разгневан, просто любитель подраться), надо принять очевидную боевую стойку, ясно говорящую о вашем намерении и возможности защитить себя, а также обеспечивающую вам преимущественную позицию для обороны и атаки.

На рис. 5 изображена одна из основных боевых стоек для самозащиты. Ноги в позиции «Т» со слегка согнутыми коленями для лучшей устойчивости. Одна рука (здесь — правая) на уровне подбородка с открытой ладонью для рубящего блока и контрудара, вторая лежит на бедре, сжата в кулак — блокирует удары снизу и контратакует в среднюю часть корпуса противника.

Если же вы не хотите раньше времени раскрыть свою тактику обороны и знакомство с приемами каратэ (элемент внезапности), используйте обычную боксерскую стойку, как показано на рис. 6 (фигура слева). Правая фигура демонстрирует вариант базовой задней боевой стойки (кокуцу-дати), при которой основной вес приходится на согнутую заднюю ногу (позиция «Т»), передняя нога лишь слегка касается поверхности, ей можно легко и быстро ударить или блокировать удар. Потренируйтесь дома перед большим зеркалом в принятии явных и скрытых боевых стоек, нанесении предупреждающих ударов рукой и ногой с напряжением мышц всего тела и возможно большей скоростью. После имитации удара возвращайтесь в исходное положение медленно, снимая напряжение и готовясь повторить атаку.

Рис. 5

Словарик каратиста

1. сэнсэй — учитель (зд. инструктор)
2. рэй — приветствие, поклон
3. додзё — тренировочный зал
4. суварэ — сесть!
5. татэ — встать!
6. хадзимэ — начинай!
7. ямэ — прекратить (закончить)!
8. маварэ — поворот кругом!
9. курикаэ — сменить! (стойку, руку, ногу и т. п.)
10. сэйрэцу — построиться!
11. миги — правый
12. хидари — левый
13. маэ — вперед, перед собой
14. усиро — назад
15. ура — задняя (оборотная) сторона
16. маваси — зд. по дуге, окружности
17. кумитэ — спарринг
18. дзю-кумитэ — свободный спарринг
19. кихон-кумитэ — базовый спарринг
20. ката — комплекс специальных упражнений

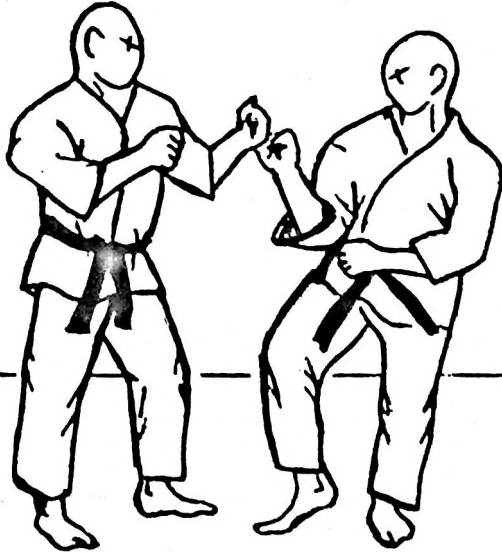

Рис. 6

(продолжение следует)

ГАО МАН

Три года тому назад по приезде в Ленинград, хотя срок моего пребывания в этом прекрасном городе на берегах Невы был очень краток, а расстояние от города до поселка Комарово весьма далеким, я решился посетить могилу Анны Ахматовой, чтобы оплакать эту одинокую душу. Такси мчалось около двух часов, иногда вдоль железной дороги, иногда вдоль моря. Летний день был непостоянен, ясное небо то и дело заволакивалось облачностью, так что нельзя было понять, подыгрывала ли сама природа моему настроению или же, наоборот, мое настроение менялось вслед набегавшим тучам?

Машина свернула с шоссе в сосновую рощу и стала петлять по извилистой узкой дорожке. Шофер оглядывался то направо, то налево, и, наконец, затормозил у широких дощатых ворот. Если бы не мои проводники, пианистка Евгения Пономарева и художник Цзян Шилунь, да если бы не усердные розыски шофера, то мне, чужестранцу, найти это место было бы очень трудно, и даже нашедши его, было бы трудно догадаться, что это кладбище.

В густой тени под сенью деревьев мы шли медленно в полной тишине. Направо побегала прямая песчаная дорожка. Если на ней остановиться и поглядеть наверх, то можно увидеть бескрайнее небо. В конце дорожки, метрах в пятидесяти, низкая стенка из серого камня, а перед нею — мощеная камнем площадка, в уголке ее — земляной могильный холмик, на котором водружен огромный черный крест. Здесь Ахматова покоится вечным сном.

Так я в конце концов пришел к ее могиле. Сердце мое гулко колотилось. Я пристально вглядывался в беломраморный портрет на стенке. Крутой, выступающий нос, собранные в высокую прическу волосы, ровная челка, длинная шея, задумчивый взор... Это молодая Ахматова, ставшая на этой могиле новой планетой Ахматова. Я положил перед ее изображением букетик красных гвоздик. Нет, это не просто букет красных цветов — это алое сердце одного из китайцев.

— Прошу принять знак уважения... Прошу... — про себя шептал я.

Подошел незнакомый старик, дотронулся до моей руки и сказал хриплым, дрожащим голосом:

— Спасибо Вам, Вы, наверно, первый почтивший ее китаец... — в голосе его звучали слезы. — Хотите, я провожу вас?

Кто же он такой?

— Наверное, он поклонник поэзии Ахматовой, — сказала мне Евгения. — У могилы поэта часто бывают такие люди. Они добровольно помогают тем, кто приходит сюда почтить память.

Я был полон признательности к этому человеку, но только мне хотелось бы побыть в тишине одному.

Имя Ахматовой впервые донеслось до Китая в поношениях. В 1927 году в Шанхае общество «Творчество» издало книгу «Русская литература», в которой было написано: «Когда мы читаем контрреволюционных писателей, особенно поэтические сборники поэтов, то почти повсюду натываемся на боженку, как будто без бога стихи написать невозможно. Ахматова, Цветаева, ...Гиппиус — все эти поэтессы, не закрывая рта, твердят: Боже! Боже! Боже! Однако, бог на небесах не разрешит земных вопросов, не возвратит утраченное имущество!» Упомянутая здесь Ахматова — та самая Ахматова, чье имя теперя

прославлено и в родных и в дальних краях. Автор той книги тогда только что возвратился из Москвы, где близко узнал советскую революционную литературу. В то время Ахматова уже издала четыре поэтических сборника: «Вечер» (1912), «Четки» (1914), «Белая стая» (1917), «Подорожник» (1921) и «Аппо Domini» (1922). В стихах действительно изобилует девическая грусть, есть и религиозный плач, оценка автором книги этих поэтов не выходит за пределы распространенной тогда в СССР точки зрения; возможно, крайне левацкая политика советского РАПП в литературе и искусстве повлияла на этого нашего революционного писателя.

В те годы на китайский язык была переведена и неоднократно переиздавалась книга советского профессора П. Когана «Литература великого десятилетия», получившая широкое распространение среди прогрессивной литературной общественности нашей страны. Коган не слишком-то ценил поэзию Ахматовой и считал, что важнейшим содержанием ее поэзии является непосредственное восприятие мира, тихая молитва и примиренчество.

В 1929 году молодой двадцатипятилетний литератор Ли Иман впервые перевел на китайский язык с немецкого перевода два стихотворения Ахматовой: «Все расхищено, предано, продано» и «И праведник шел...». Так ахматовская поэзия впервые встретила с китайским читателем. Хотя переводы обоих стихотворений и редактировались Го Можо, но из-за двойного перевода они далеко отошли от оригинала. Однако оценка поэты переводчиком и редактором была сравнительно справедливой и объективной: «Ее творения показывают, что этот талантливый лирический поэт обладает вкусом к классической чистоте и к обусловленному ею словоупотреблению. Ее скромные и сдержанные поэтические строки изобилуют метафорами. Революция ее не запугала, она по-прежнему живет в советской республике». Тогда бывший муж Ахматовой был расстрелян как «контрреволюционный элемент», а ее собственное творчество подверглось хуле рапповцев, ей пришлось пережить тяжкие жизненные невзгоды, но ей никогда не приходила мысль покинуть родину. Она была готова разделить со своим народом и радость и горе, но горя ей выпало больше.

С тех пор свыше двадцати лет китайский читатель не получал известий об Ахматовой, что связано было с тем дурным обращением, которому ее подвергали в СССР. В действительности, она не переставала писать, она через собственные страдания описывала муки народные.

В 1946 году ЦК ВКП(б) опубликовал постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», одновременно был опубликован доклад Жданова. И постановление, и доклад в необычайно резких выражениях, доходивших до личных нападок, с указанием имен критиковали Ахматову и Зощенко. Во всех освобожденных районах нашей страны партийная печать опубликовала перевод этого постановления на самом видном месте. Дух этого постановления оказал сковывающее воздействие на мышление многих работников литературы и искусства нашей страны. Вот почему в течение длительного времени в воображении наших читателей Ахматова предстала в отвратительном образе «монахини и блудницы, сочетающей молитвы со стенаниями разврата». Через сорок лет, когда я в 1987 году ходил в больницу навещать больного Цао Цзинхуа и читал стихи Ахматовой, он всегда именовал ее «декадентской поэтессой». Я не раз объяснял ему подлинные обстоятельства ее творчества, старец кивал головой, говорил — А, понял, понял...

Но при следующей встрече, когда разговор заходил об Ахматовой, он вновь повторял свои прежние утверждения. Постановление ЦК ВКП(б) прочно запечатлелось в его памяти, и изменить его мнение было нельзя.

В октябре 1988 года Политбюро ЦК КПСС по просьбе ленинградских писателей официально отменило это постановление, поскольку оно «искажает ленинские принципы руководства творческой интеллигенцией, а прославленные советские писатели подверглись бесосновательной, грубой, жестокой критике». Как жаль, что старый Цао Цзинхуа уже никогда не узнает эту новость.

Когда я в 1946 году работал в Харбине, я тоже переводил это постановление. Вот с каких пор я в долгу, не выразимом словами, перед заслуженной поэтессой. С того времени я бездумно, как попугай, повторял чужие слова, а оригинальных произведений Ахматовой не читал вовсе; тем не менее, я полагал, что она «декадентствующая поэтесса», — и так до конца 70-х годов.

После «культурной революции» политика открытых дверей, проводимая партией, позволила мне прочитать оригинальные произведения Ахматовой в двух томах, и они потрясли меня.

Ахматова раннего периода действительно высказывала откровенно интимные помыслы молодой девушки, но была ли она человеком, интересующимся только своей личной судьбой? Ее слова отражали женскую жажду эмоционального освобождения. Это означает глубокие потрясения в жесткой общественной психологии, сознании и повседневной жизни современного человека. Осознать такое нелегко. В те времена ее поэзия не могла стать главным течением в революционной поэзии, но ее никак не следует изгонять за пределы поэзии революционной эпохи.

Чтобы женщина, длительное время ведшая замкнутую жизнь в кругу буржуазных литераторов, правильно поняла великие исторические перемены и дала на них верный ответ — на это требуется время, и надо, чтобы она была плотью от плоти народа. Последовавшие события показали, что Ахматова — искренняя, любящая свою родину деятельница искусств. Она алкала постигнуть перемены в жизни родины, понять любовь и ненависть народа. В ее послереволюционном творчестве, хотя оно и не вышло за рамки узкой основной темы, все же явились политические стихотворения, чрезвычайно заслуживающие внимания, которые раскрывают ее душу, ее чаяния, ее рост. В 1917 году она написала:

*Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.*

Это стихотворение делает ясным пройденный Ахматовой в молодости путь: мириадами нитей была она связана с теми, кто эмигрировал за границу, кто звал ее уехать вместе, но она не послушалась зова, она осталась.

Через пять лет она снова публикует стихотворение с политическим смыслом: «Не с теми я, кто бросил землю...», написанное еще более открыто, чем и отделила себя резкой гранью от тех людей, кто в силу разнообразных причин не смог уехать, остался на родине, но питал враждебность к советской власти. Стихотворение опосредованно дает понять, что она готова разделить с народом и радости, и невзгоды, согласна добровольно принять удары судьбы, и предстоящие на завтра испытания встречает преисполненная надеждой:

*И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесследней,
Надменнее и проще нас.*

Важнейшей лирической поэмой с политическим содержанием у Ахматовой является Requiem, законченный в 1935—1940 годах. В этой поэме через чувства, возникавшие при посещении сына в тюрьме, она обзревает судьбы родины и личную судьбу, одновременно бичуя преступные нарушения законности, и выражает материнское горе в эпоху социализма.

*Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.*

Уже в первом разделе поэмы можно прочувствовать мощь ее композиции и немислимый трагизм воззвания. Какой волнующий голос, как сильно выразил он печаль судьбы народ-

ной! Я осознал, что это взгляд женщины на жестокий мир. Она выросла вровень с эпохой, сохраняя свой характер и свои понятия, и через беспощадное самовыражение показала правду своей эпохи.

После десятилетней смуты я читал и переводил поэтические творения Ахматовой. Одновременно со мной на севере и на юге нашей страны тоже трудились другие переводчики. Издательства и литературные журналы разных городов опубликовали немало переводов из Ахматовой, и так постепенно у нас сложилась настоящая волна переводов ее стихотворений. Шанхайский новый журнал «Вайго вэнь» в своем втором номере за 1979 год первым опубликовал подборку из 14 стихотворений Ахматовой в переводе многих переводчиков. Среди переведенных «Молитва», «Памяти 19 июля 1914 года», «Клятва», «Мужество», «Победа», «Памяти друга», «Родная земля» и др.

В 1981 году вновь организованное в провинции Гуанси издательство «Лицзян чубаньшэ» составило сборник «Западной лирики», в который вошли «Столько просьб у любимой всегда» в переводе Дай Цзуна, а также «От любви твоей загадочный», «Ты всегда таинственный и новый», «Проплывают льдины, звеня», «Кое-как удалось разлучиться...» в переводах Чжан Шао.

В 1982 году в номере четвертом нашего старейшего журнала, посвященного иностранной литературе, «Шицзе вэньсюэ» я опубликовал перевод статьи Ахматовой «Амедео Модильяни», а в шестом номере — ее стихотворения «Памяти поэта» и «Вот она, плодоносная осень!..» В том же году в Ухани в провинциальном журнале «Чанцзян вэнь» я опубликовал подборку переводов ее стихов, в которую кроме нового перевода «Вот она, плодоносная осень!..» вошли «Клятва», «Эхо» и «Сжала руки под темной вуалью...»

В 1983 году я во вновь созданном неперидическом журнале «Вайго ши» издательства «Жэньминь вэньсюэ» опубликовал переводы почти двадцати коротких стихотворений и цикла из семи стихотворений «Полуночные стихи», к которым предпослал большую вступительную статью. В этом же году в издающемся союзом китайских писателей журнале «Шикань» во втором номере было помещено стихотворение «Не с теми я, кто бросил землю...»

В том же году созданный в Пекинском педагогическом университете новый журнал «Сулянь вэньсюэ» в третьем номере опубликовал в переводе Нин Сы два коротких стихотворения.

В 1984 году Хунаньское издательство издало книгу «Избранная советская лирика», в которую вошли пять стихотворений Ахматовой в переводе Ван Шоужэня.

В 1984 году издательство «Вайго вэньсюэ чубаньшэ» выпустило составленную мною книгу «Современная советская поэзия. Избранное», в которую вошли произведения 31 поэта и где стихи Ахматовой заняли важное место.

В этом же году основанный восемью институтами и университетами новый журнал «Э Су вэньсюэ» в № 4 напечатал двенадцать стихотворений Ахматовой в переводе Нин Сы.

Кроме вышеупомянутых мест: Пекина, Шанхая, Уханя, Гуанси и других, в остальных провинциях тоже публиковались поэтические произведения Ахматовой: в Шаньдуне (издательство «Вэнь»), Шанси (журнал «Байхуа чжоу»), в Хэнани (журнал «Хуанхэ»), в Гуандуне (журнал «Ихай»), Сычуани (журнал «Синсин»), Шэньяне (журнал «Чуньфэн ицун»), Цзянси («Избранная мировая лирика»)... Иными словами, в нашей стране от центра до провинций, практически всех, все периодические издания, посвященные иностранной литературе, опубликовали произведения Ахматовой. Еще более радостно, что ежегодно все новые и новые переводчики публикуют новые переводы ее стихотворений. Качество переводов стихов Ахматовой непрерывно повышается.

К настоящему времени в нашей стране увидели свет три сборника переводов стихотворений Ахматовой.

Самым ранним был сборник переводов Чэнь Яоцю из Сянтаньского университета. Он составил сборник из стихотворений Ахматовой, Цветаевой и Инбер, который был издан «Хунань жэньминь чубаньшэ» в серии «Шихуань илинь цуншу». В книгу вошли свыше восьмидесяти стихотворений Ахматовой и «Поэма без героя». Переводчик писал: «Ахматова — лирический поэт с трагической мелодией. В ее стихах пылкие и искренние чувства, отчаяние перемежается порывами веселья, во мраке сверкает свет; парадоксальная мысль, противоречивая психология и изысканные эмоции выражены в ясных, «материально-ощутимых» образах и отливаются в донельзя короткие стихи. Поэтому, читая ее стихи,

как бы берешь в руки многогранный кристалл, который прозрачен, с какой бы стороны на него ни взглянешь, и ни с какой точки зрения не затуманишь его взор... Ахматова упорно добивалась предельной простоты лирического языка и до конца жизни стремилась добиться наивысшей точности этого языка. У нее несчетное число строчек, напоминающих сложные ассоциации в словах «Птицы садятся на ночлег на деревья у пруда, монах стучится в ворота при свете луны» или «Ветер весенний одевает зеленью берега Цзяннани».

В том же году примерно через месяц сборник переводов Дай Цзуна был выпущен издательством «Сычуань взньи чубаньшэ». Всего в него вошло семьдесят коротких стихотворений. Переводчик дал такую оценку Ахматовой: «Всем известно, что Ахматова вышла из семьи разорившихся дворян, сделалась поэтом в России в начале XX века и является поэтом, исповедующим творческий принцип «искусства для искусства» в качестве кредо, но, когда окончился ее жизненный путь и она сошла с поэтической трибуны, то обрела славу «выдающегося советского поэта». Это означает, что как поэт, хотя она и заблуждалась на своем долгом и непрямом творческом пути и впадала в ересь, сбивалась на окольные дороги, но под воздействием советской власти и патриотических чувств, она непроизвольно покинула башню из слоновой кости и была принята народом в свои объятия».

Однако это ничуть не означает, что у Ахматовой в ее поэтическом творчестве позднего периода не было ошибок, или же, что в раннем периоде ее творчества вообще нет ничего достойного. Поэт в раннем периоде далеко отстоит от реальной борьбы, она поглощена гравюрно-точным изображением переживаний женской души и при этом своей поэзией донесла чувство глубокой любви к родине; в позднем периоде ее поэзия пронизана волнующими, исполненными патриотизма стихами, но настроения одиночества и потерянности, подобно привидению, по-прежнему продолжали являться в ее стихах. И говорить нечего, что Ахматова — сложный поэт, противоречивый поэт. Мировая слава, которой она пользуется, не отменяет заблуждений и идейной пошлости многих ее стихотворений, но точно так же невозможно из-за возникавших в ее творчестве заблуждений отрицать ее лучшие стихотворения и ее художественное совершенство.»

В 1987 году издательство «Лицзян» выпустило книгу стихотворений в совместном переводе Ван Шоужэня и Ли Хуа, в которую вошло около двухсот коротких стихотворений Ахматовой. Оценивая своеобразие ахматовского творчества, переводчик Ван Шоужэнь писал: «Стихи Ахматовой обнажают душевную жизнь женщины в ее идейном и эмоциональном аспектах; они чрезвычайно смелые. Ахматова мастерски выбирает общепринятые, понятные, но не стереотипные образы и меткие сравнения... Изящество замысла, одухотворенность формы — это тоже одна из своеобразных отличительных черт творчества Ахматовой... Язык стихотворений Ахматовой предельно отточен, в наикратчайшем стихотворении из нескольких строк вмещается ряд подъемов и спадов и множество тонких переливов смысла. Ей всегда было присуще намерение избегать литературных красот, она стремилась в языке к прозаизированным формам, простым, чистым, общепринятым и легко понятным формам повседневной жизни...»

К столетнему юбилею со дня рождения Ахматовой я составил для издательства «Вайго взньсюэ» сборник ее стихов и прозы, в который, помимо коротких стихотворений, включил также поэтические циклы «В Царском Селе», «Разрыв», «Ветер войны», «Луна в зените», «Шиповник цветет», «Северные элегии», «Путем всея земли». Вошла в книгу и ахматовская проза, т. е. «Слово о Пушкине». «Пушкин и невское взморье», «Все было подвластно ему», «Воспоминания об Ал. Блоке», «Амедео Модильяни» и заметки воспоминаний об О. Мандельштаме.

Знаменитая поэма Ахматовой «Реквием» в нашей стране уже появилась в трех переводах: совместном переводе Чжао Мина и Ли Жаня, переводе Е Ли и в моем. Что же касается повторных переводов других кратких стихотворений, то их несчетное множество. И каждый переводчик в меру своего понимания и способностей старается поэтическим языком передать блеск оригинала этого великого поэта.

Недавно в Пекине начал издаваться еще один новый журнал: «Жэньшэн цысюнь». В память столетнего юбилея поэта я опубликовал в начальном номере журнала за март 1989 года письма Ахматовой к С. В. Штейну, написанные ею в юности. Эти письма переведены из одного из западных изданий. Насколько мне известно, эти письма в СССР до сих пор еще не публиковались.

13 мая 1989 года «Жэньминь жибао» опубликовала мою статью «Ахматова и китайская литература». Статья короткая, в ней я пересказал одну из автобиографий Ахматовой,

изложил несправедливые обвинения Жданова против поэта и упомянул о ее заслуге в переводе «Лисао» Цюй Юаня на русский язык.

Китайские читатели почитают Ахматову не только потому, что она выдающаяся, ни с кем не сравнимая поэтесса, но и потому, что она замечательный переводчик древней классической поэзии нашей страны. Первый русский перевод поэмы Цюй Юаня «Лисао» вышел из ее рук, это была ее поэтическая обработка перевода, выполненного Н. Федоренко.

Мне известно, что видный советский китаевед Н. Федоренко потратил много трудов, чтобы опубликовать перевод «Лисао» на русский язык. Когда в мае 1989 года он был в Пекине, я попросил его рассказать об этом. По его словам, в начале пятидесятых годов советское издательство Гослитиздат собиралось издать произведения Цюй Юаня. Он был одним из составителей книги. Кого же из поэтов пригласить для участия в этой работе? Редактор издательства М. Виташевская порекомендовала Ахматову. Н. Федоренко очень обрадовался. Затем он встретился по этому поводу с Ахматовой в издательстве. Н. Федоренко вытащил свой перевод «Лисао» на русский язык, выполненный дословно, строка за строкой, и попросил Ахматову обработать перевод поэтически. Сначала она не соглашалась принять на себя столь сложную обязанность. Она говорила, что одно или два небольших стихотворения не составили бы труда, но «Лисао» — это поэма, прославленная в истории трагическая песнь, и она опасается повредить оригиналу. Неоднократные просьбы Н. Федоренко убедили ее еще раз подумать над предложением. Она потребовала вспомогательных материалов для чтения. Через короткое время они встретились вновь. Н. Федоренко говорит, что, хотя и на этот раз окончательное согласие не было еще дано, но он уже ясно ощутил, что она испытывает воздействие большой притягательной силы поэмы. Н. Федоренко посещал ее, представляя все новые и новые материалы, но ей все казалось недостаточно. Она задавала ему несчетное множество вопросов: по истории китайской поэзии, эволюции китайского стихосложения, литературной композиции, структуре поэтической строки и т. п. Н. Федоренко говорил: «На многие вопросы я не смог ответить, но я старался в меру своих возможностей удовлетворить ее интерес». Н. Федоренко понимал, что если Ахматова сможет поэтически обработать это знаменитое произведение, то переводу суждена вечная жизнь. Н. Федоренко говорит, что в конце концов она пригласила его в себе, чтобы совместно определить окончательный текст перевода. Она декламировала окончательный вариант строки, а он должен был следить по оригиналу. Иногда она комментировала внесенные ею поправки, а иногда интересовалась совпадают ли исправленные ею строки со смыслом оригинала? Н. Федоренко рассказывал, что она вводила образные сравнения, и считала, что произведение напоминает узорный ковер, в котором то появляется местечко сшитое более грубыми нитями, и там требуется привнести тонкость, а то возникает местечко с потускневшими раскрасками и там требуется усилить яркость тонов.

— Рукой мастера, кладущей последний мазок, она исправляла узорные нити в моем переводе. Она заново расположила строки в нем, — Н. Федоренко, блеснув глазами, взмахнул рукой. — И вот мой перевод вдруг приобрел блеск.

После раздумья Н. Федоренко добавил:

— Она одна владела такой способностью. Вот откуда взялся такой перевод. Я даже думаю, что такой перевод не стыдно сравнить с великим оригиналом «Лисао».

Вспоминая прошлое, Н. Федоренко сказал мне, что он в свое время предлагал Ахматовой вообще переписать заново его перевод, но она с ним не согласилась и сказала:

— Так не годится. Разве можно позволять мне в своем переводе произвольно подменять подлинник? Может быть вы хотите, чтобы я тоже написала «Скорбь изгнанника»?

— Сотрудничая с Ахматовой, — рассказывал Н. Федоренко, — я понял очень важную вещь. Она считала, что одно-единственное неуместное слово в поэтической строке способно разрушить гармонию и мир, созданный искусством мастера.

В 1954 году русский перевод «Лисао» впервые вышел в свет и с тех пор советский народ познакомился с высокохудожественным переводом великого произведения Цюй Юаня.

Уже после Ахматовой, ленинградский поэт А. Гитович тоже перевел «Лисао». Когда Ахматова получила его перевод, она послала ему поздравительную телеграмму: «Спокойна за великую поэму «Лисао». Перевод выше всяких похвал». Какие сердечные слова! Какая трогательная оценка! Она чистосердечно радуется успеху коллеги, радуется росту признания подлинника. В этом полностью выявилось величие Ахматовой, ее душа Поэта.

Кроме Цюй Юаня, Ахматова переводила еще стихи Ли Бая и Ли Шаньиня. Перевод вовсе не был ее главным занятием. Ее главные достижения — в собственном творчестве.

Она обратилась к переводам, когда была вынуждена прервать творческую деятельность, но тем самым она установила эмоциональную связь с народом нашей страны. «Лиса» в те годы, когда Ахматова переживала за свою страну и свой народ, затронула в ней сердечные струны, поэтому столь содержательна эмоциональная сторона перевода и он звучит своим голосом.

5 мая 1955 года она говорила писательнице Лидии Чуковской:

— Сегодня в Китае «День Поэзии», Праздник Дракона. Китайцы бросают в реку рис в честь Цюй Юаня, который утонул¹.

Сказанные ею слова означают, что Цюй Юань жил в ее душе. Почему же она не подумала, что она сама тоже способна жить в душах людей?!

Еще при жизни Ахматова написала в «Реквиеме»:

А если когда-нибудь в этой стране

Воздвигнуть задумают памятник мне...

Так она хотела, чтобы его воздвигли не на морском берегу в ее родных местах, и не в Царском Селе, где прошли ее юные годы, а перед воротами ленинградской тюрьмы, поскольку там, навещая своего безвинно арестованного сына, она отстояла триста часов.

Я вспоминаю стенку из серого камня на могиле Ахматовой. Разве же это не символ тюрьмы?! Я вспоминаю, как люди рвали из рук друг у друга сборник ее стихов, как декламировали ее знаменитые стихотворения. Разве же это не самый верный знак памяти о ней?! Может быть, настанет день, когда перед воротами ленинградской тюрьмы действительно поставят ей памятник. Однако, я уже сейчас могу утешить дух Поэта: потомки Яньди и Хуанди восстановили у себя ее доброе имя и в душах своих утвердили памятник ей по достоинству и справедливости!

*Перевод с китайского языка
А. Н. ЖЕЛОХОВЦЕВА*

¹Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой.— М.: Книга, 1989. (Время и судьбы). Кн. I. 1938—1941.—271 с., 1 л. портр.

«УЧИТЕЛЬ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ПОКОЛЕНИЙ»

*С. БЕЛОУСОВ,
Л. ПЕРЕЛОМОВ,
В. ФЕОКТИСТОВ*

«Каждая эпоха творит своего Конфуция» — этот афоризм у Цзегана — недавно получил еще одно подтверждение. Как уже писалось в журнале «Проблемы Дальнего Востока»¹, с 7 по 10 октября 1989 г. в Пекине и Цюйфу (КНР) состоялся Международный симпозиум, посвященный 2540-летию со дня рождения крупнейшего древнекитайского мыслителя Конфуция (551—479 гг. до н. э.) — одного из четырех «носителей всемирно-исторического сознания», имя которого немецкий философ-экзистенциалист К. Ясперс (1883—1969) в книге «О детерминирующих личностях» поставил в один ряд с именами Сократа, Будды и Христа. Симпозиум был организован Китайским Фондом Конфуция (КНР) под эгидой ЮНЕСКО и проходил под рабочим названием «Историческое место Конфуция и конфуцианской школы и их влияние на современное общество».

В симпозиуме приняло участие около 300 человек: ряд крупнейших представителей мировой общественности, в том числе 200 ведущих ученых-обществоведов КНР из всех наиболее крупных гуманитарных университетов и институтов страны, около 30 тайваньских специалистов и примерно 80 зарубежных китайцев, бизнесменов и журналистов из 14 стран Европы, Америки, Азии и Австралии. Наиболее многочисленными были делегации из Южной Кореи (36 чел.), СССР (10), Сингапура (7), Японии (6), Гонконга (6)².

Организация столь представительного

форума на родине великого мыслителя была обусловлена рядом причин, кроющихся в феномене самобытности политической культуры Китая. Всякий раз, когда руководство КНР сталкивается с серьезными проблемами, затрагивающими интересы не только партии, но и всего общества, оно обращается к прошедшей проверке веками формуле «древность — на службу современности». Несмотря на экономические успехи, достигнутые Китаем в результате реформ последнего десятилетия, в обществе все более явно ощущался вакуум между партией и народом. Назревала потребность выработки такой идеологической платформы, которая способствовала бы ликвидации этого вакуума. По существу речь шла о поисках и создании новой общегосударственной идейно-политической доктрины, которая помогла бы достичь не только внутреннего консенсуса, сплотить нацию, все слои и категории населения внутри страны, но и объединить до известной степени всех этнических китайцев, независимо от места их проживания, социального статуса и политической ориентации. Такой объединяющей фигурой и выразителем основополагающих идей новой доктрины мог стать только Конфуций — великий мыслитель прошлого, чей авторитет среди китайцев был непререкаем на протяжении многих столетий, и в определенной степени остается таковым и сегодня. Не случайно неформальный лидер КНР и инициатор экономических реформ Дэн Сяопин избрал символом построения

Белюсов Сергей Романович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР;

Переломов Леонард Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ АН СССР;

Феоктистов Виталий Федорович, кандидат философских наук, заведующий сектором ИДВ АН СССР.

«социализма с китайской спецификой» раннюю социальную утопию Конфуция «сяо кан» («общество малого благоденствия»)¹.

Почетный президент Фонда Конфуция Гу Му, отмечая масштаб и значение бессмертного наследия Конфуция в формировании мировой культуры, его изначальной и неизменной приверженности актуальным ныне идеям «мира» и «гармонии», доктрине «срединного пути», «равновесия в мире» и стабильности в обществе, отметил и такой волнующий всех вопрос, как взаимовлияние и взаимообогащение культур. В отношении Китая Гу Му развил распространенный уже тезис об объективной необходимости адаптации и рациональном применении национальной традиционной культуры в современных условиях как основе национального возрождения и строительства нового общества. Главным в учении Конфуция, по мнению Гу Му, является принцип гармоничности развития индивидуума и социума, взаимоотношений человека с природой. Опираясь именно на конфуцианскую интерпретацию идей гармонии, можно «поддерживать экологический баланс в мире».

Генеральный директор ЮНЕСКО Г. Тэйлор, выступая на торжественной церемонии открытия, подчеркнул «планетарное» значение гуманистического, конструктивного потенциала конфуцианского учения, которое во многих, и весьма существенных аспектах «обогастило сокровищницу человеческой мысли», поскольку неизменно подчеркивало, что повышение уровня нравственного сознания (само-сознания) происходит отнюдь не стихийно, а направляется, помимо морального консенсуса всех членов общества, некоей высшей силой, регулирующей как межличностные и корпоративные, так и межсоциальные и даже межнациональные связи.

Этот лейтмотив — о космополитической актуальности основополагающих этико-политических и просветительских идей Конфуция и конфуцианства вообще — прозвучал и в беседе Генерального секретаря ЦК КПК Цзянь Цзэминя с членами 14-ти зарубежных делегаций. Цзянь Цзэминь выразил также несогласие с по сей день встречающимся определением учения Конфуция как «религиозного»; это — нравственное учение, лишенное элементов культа и ауры некой таинственности. В конфуцианской духовной тради-

ции велико значение «взглядов на сознание», которые носят «вполне научный характер», и, разумеется, этической концепции «самосовершенствования» — приблизительного аналога того, что стало категорическим императивом учения И. Канта и было выражено в формуле «мораль — это самоограничение, практикуемое разумным существом». Цзянь Цзэминь упомянул педагогические постулаты и нравственно-воспитательные идеи Конфуция, которые можно и нужно в первую очередь использовать в деле воспитания молодого поколения.

Одна, может быть, главная, причина сегодняшнего столь пристального внимания к конфуцианству — стремление каким-то образом сблизить марксистскую идеологическую доктрину со специфической национальной мыслью, основами глубоко интегрированных в сознание китайцев элементов традиционной идеологии. Этот тезис широко обсуждался, в частности, на Международном симпозиуме по конфуцианству в Сан-Августине (Бонн, ФРГ) в ноябре 1988 г. Часть участников симпозиума утверждала, что нынешняя политика «критического восприятия» конфуцианской традиции в КНР «фактически направлена не на возрождение и развитие конфуцианского общества, но на прагматическое использование определенных аспектов конфуцианства для развития марксистско-ленинского общества»; другие называли марксизм в Китае «псевдонимом конфуцианства, вынужденного скрывать свое настоящее имя». Так, Тан Ицзе изложил новую интерпретацию понятия «китаизация марксизма», подразумевая постепенную ассимиляцию марксизма китайской традиционной культурой; другой ученый, Цинь Гуантао, выступая на симпозиуме по конфуцианству в Сингапуре (сентябрь 1988 г.), отстаивал идею «конфуцианизации марксизма» в современном китайском обществе¹. На нынешнем симпозиуме истории этого вопроса был посвящен доклад американского синоведа Гун Чунъю «Вклад Ли Дачжао в начальное сращение марксизма и конфуцианства в период «движения 4 мая» (1916—1921)»². В целом очень многие авторы в КНР (Хуан Ханьцзянь, Гун Чжэбин, Цзянь Тиншэн, Шэнь Чжунцзюнь и др.) говорят сегодня о национальной самобытности и исключительности философского сознания, особо подчеркивая, что национальному своеобразию философии должно быть отведено соответствующее,

весьма заметное место в методологии изучения истории и процесса развития марксистской философии.

Профессор Северо-Западного университета Чжан Цичжи (Сиань, КНР) отмечал, что «крупнейшие политические фигуры современности никогда не игнорировали традиционные моральные концепции конфуцианства», считая (в зависимости от обстоятельств) возможным, желательным или необходимым их рациональное использование в новых условиях. Подобный подход был характерен как для Сунь Ятсена, так и Мао Цзэдуна. Последний, например, ратовал за то, что «каждый должен быть строг по отношению к самому себе и великодушен в отношении других», «открыто признавать правоту других и исправлять свои собственные ошибки». По словам Чжан Цичжи, Мао Цзэдун всегда культивировал и пропагандировал конфуцианский дух «постоянной неустанной учебы» и считал необходимым «не стыдиться задавать вопросы и учиться у чьих-либо последователей».

Схожие тезисы прозвучали в выступлении Цай Фанлу (Сычуаньское отделение АОН КНР), который утверждал, что «в процессе революции и строительства в Китае пролетарские революционеры и теоретики, такие, как Мао Цзэдун и Лю Шаоци, трансформировали конфуцианскую концепцию «приоритета общественных интересов» в концепции, в большей степени соответствующие задачам нового периода истории»: Мао не только «развил принцип самопожертвования и альтруистического отношения к другим без мыслей о себе», но также подчеркивал, что «необходимо уделять внимание как государственным, так и частным, индивидуальным интересам». В то же время в прошлом, с точки зрения автора, «чрезмерный акцент конфуцианской доктрины на общественных интересах и подавление индивидуальной инициативы позволяло феодальным правителям нивелировать значение позитивных элементов учения и превращало традиционные ценности в духовные оковы простого народа».

Бу Цзиньчжи (Ин-т истории АОН КНР), напротив, считает, что конфуцианский постулат об активном участии в политике людей способных, независимо от происхождения, реализация социальной мобильности и доктрины «благородного правительства», согласно которой «добродетельные и компетентные должны вы-

двигаться и назначаться на должности» (Мэи-цзы) и, в конечном счете, секуляризация конфуцианства — все это стало «центральной характеристикой традиционной китайской культуры и позволило Китаю избежать рутинного религиозного правления и засилия церкви, что было столь обычно для средневековой Европы».

Анализировались многие аспекты учения Конфуция — в том числе его понятийный аппарат. Почетный советник Фонда Конфуция проф. Чжоу Гучэн предложил новую трактовку термина «жэнь», чаще всего переводимого у нас, да и во всем мире, как «гуманность»⁶. Графически этот иероглиф состоит из двух элементов: «человек» и «два». Чжоу Гучэн предположил, что первоначально иероглиф «жэнь» состоял из двух одинаковых элементов: «человек» и «человек». Цитируя известное изречение из «Лунь юя»: «Правитель должен быть правителем; сановник — сановником; отец — отцом; сын — сыном», Чжоу Гучэн обратил внимание аудитории на то, что смысл фразы передан простым повторением иероглифов. Подобный метод передачи мысли был довольно распространен в древности. Поэтому, считает автор, термин «жэнь» надо понимать как «человек должен быть человеком»⁷.

Материалы западных синологов строились, как правило, по методу «история — политика», «государство и народ», «правитель и народ». Представители Запада выразили свое негативное отношение к методам подавления студенческих выступлений. Наиболее характерным в этом отношении был доклад одного из крупнейших американских синологов проф. Уильяма Т. де Бари «Конфуцианская традиция публичных дискуссий». Американский ученый начал с событий 167 г. н. э. — именно в период правления Ханьской династии, когда конфуцианство стало официальной государственной идеологией, студенты и ученые выступили с резким протестом против беззакония и произвола коррумпированных придворных чиновников и евнухов. Идея активного соучастия ученых в управлении путем открытого высказывания своего мнения по тем или иным политическим проблемам наиболее полно была отражена в трудах Хуан Цзунси (1610—1695) и Фан Дуншу (1772—1851). По их мнению, конфуцианские учебные заведения и школы должны служить народу в двух направлениях: во-первых, заниматься просвети-

тельством, обеспечивать всеобщее образование, нравственное воспитание и самосовершенствование всех членов общества; во-вторых, представлять собой организации, выражающие общественное мнение. Отсутствие или недостаточная реализация подобной традиции ведут к утрате стабильности в государстве, невозможности как выражать, так и учитывать общественное мнение⁸.

Во многом аналогичные проблемы рассматривались в докладе представителя Фонда Конрада Аденауэра (ФРГ) д-ра Э. Викерта «Проблема взаимоотношений между правителем и народом у Конфуция и его ранних последователей».

На симпозиуме были представлены и с интересом встречены доклады проф. А. Бомы (США) «Конфуцианский прагматизм»; проф. Канаю Осаму (Япония) «Чему учил Конфуций?»; к. филос. н. В. Ф. Феоктистова (ИДВ АН СССР) «О материалистических тенденциях в раннем конфуцианстве»; д. и. н. Л. С. Переломова (ИДВ АН СССР) «Органы общественного самоуправления и их место в конфуцианском учении о государстве»; к. и. н. С. Р. Белоусова (ИДВ АН СССР) «Синтез культур Востока и Запада в интерпретации китайских либералов»; М. Маринова (НРБ) «Религия как регулирующий принцип в конфуцианском учении»; к. филол. н. И. И. Семененко (ИСАА при МГУ, СССР) «Конфуций в исторических источниках» и др.⁹

Активное участие в работе симпозиума приняли тайваньские, японские и сингапурские ученые, которые в целом были согласны, что конфуцианство может и должно играть самую заметную роль в стимулировании экономического развития стран Восточной Азии и утверждении социальной мобильности в регионе.

Проф. Чэнь Гало (Педагогический ун-т, Тайвань) зачитывал доклад профессора Чэнь Лифу (Почетного президента Тайваньского ин-та Конфуция и Мэнцзы) «Связь между педагогическими идеями конфуцианской школы и экономическим развитием Тайваня». В докладе говорилось, что исследование мысли человечества, гуманитарных проблем в значительной степени игнорировалось в ущерб проблемам экономического развития. Поэтому молодое поколение, может быть и удовлетворенное материальными условиями жизни, слишком ограничено в своем духовном развитии. Автор утверждал, что, хотя сегодня конфуциан-

ская мысль «переживает период возрождения и утверждения, она тем не менее еще не завоевала широкой общественной поддержки»¹⁰.

Особенно выделялись своей активностью на Симпозиуме южнокорейские ученые, чьи доклады отличались как масштабностью, так и тематическим разнообразием: от компаративистского анализа воззрений Конфуция и Сократа (правда, давно уже и плодотворно разработанная тема в мировой, прежде всего западной синологии) до подробного исследования биографии ранних последователей конфуцианства в Корее.

В ходе оживленной и плодотворной дискуссии на заседании англоязычной секции (в городе Цюйфу) южнокорейские синологи информировали участников, что на сегодняшний день в Южной Корее существует более 300 действующих конфуцианских храмов, выходит огромное количество специальных периодических изданий и публикаций по конфуцианской проблематике. Отвечая на вопрос западных коллег — наблюдается ли в стране соперничество между конфуцианством и христианством, южнокорейские коллеги подчеркнули, что как это ни парадоксально, в Южной Корее, несмотря на обилие храмов, соблюдение ритуальных церемоний и т. п., конфуцианство отнюдь не рассматривается как религиозное учение и потому соперничество начисто отсутствует; более того, многие из тех, кто считает себя последователями Конфуция и посещает конфуцианские храмы, одновременно принимает крещение, считает себя и расценивается другими как христианин. В этой связи проф. де Бари упомянул еще об одном парадоксе аналогично порядка, отметив, что очень многие (если не подавляющее большинство) так называемые неомарксисты Южной Кореи, настроенные весьма радикально и нигилистически, относятся к конфуцианству с ярко выраженным пиететом. В завершении дискуссии большинство ее участников (кроме представителей КНР) согласилось с тем, что после того как крупнейший средневековый интерпретатор конфуцианства Ван Янмин (Ван Шоужэнь) стал полноправным членом конфуцианского пантеона в Китае, Южная Корея поддерживала и поддерживает статус «самой конфуцианской страны мира» — поскольку там учение Конфуция сохранялось и сохраняется в своем исконном, первоначальном виде.

* * *

Международный Симпозиум, посвященный 2540-летию со дня рождения Конфуция, стал убедительным свидетельством того факта, что зарубежная синология, в первую очередь современное китайское обществоведение, историко-философская наука КНР в последнее время все настойчивее обращается к всестороннему анализу традиционной мысли Китая, его самобытных идейно-политических, социально-исторических и экономических доктрин и институтов как к необходимому методу и средству изучения и осмысления тех сложных и противоречивых процессов, происходящих сегодня в китайском обществе. Ретроспекция и рациональное толкование традиции «снимает» многие, казалось бы, трудноразрешимые и труднообъяснимые вопросы, связанные с реформами в КНР, позволяет дать им действительно адекватную оценку.

¹ См.: Белоусов С. Р. Конфуцианство и модернизация Китая // Проблемы Дальнего Востока.— 1989.— № 5.— С. 104.

² In: Confucianism: Still a Subject of Interest // Beijing Review.— 1989.— Vol. 32.— № 51.— P. 17—21.

³ На внешний мир китайцы переводят это понятие как «достижение уровня средней зажиточности».

⁴ См.: Белоусов С. Р. Конфуцианство и модернизация Китая, С. 110, 114.

⁵ Gong Chong—Wu. Li Dazhao's Contribution to the Initial Marriage of Marxism and Confucianism during the May Fourth Period (1916—1921).— Кун-цзы яньчэн лян цянъ убай сыши чжоунянь цзинянь юй сюешу таолуньхуэй луньвэнь тияо — Сборник

докладов научной конференции, посвященной 2540-летию со дня рождения Конфуция (07.10.1989 — 10.10.1989).— Т. 1.— Пекин., 1989.— С. 107—111.

⁶ Адекватный перевод этого центрального конфуцианского термина и понятия давно дискутируется, но безрезультатно — унифицированный перевод до сих пор отсутствует. В последнее время, правда, многие западные, прежде всего западногерманские (О. Вегель и др.) синологи, против перевода «жэнь» как «гуманности», поскольку, с их точки зрения, подобное прочтение сразу переносит европейского, в частности немецкого, читателя в «мир Веймара», а отнюдь не Китая и изначально препятствует адекватному пониманию конфуцианства. Взамен предлагается описательный перевод (корреспондирующий с известной библейской формулой) — «отношение к другим, как к самому себе».

⁷ Чжоу Гучэн. Новое толкование конфуцианства.— Кун-цзы яньчэн...— Т. 2.— Пекин, 1989.— С. 391.

⁸ W. T. de Bary. The Confucian Tradition of Public Discussion.— Кун-цзы яньчэн... Т. 1.— С. 15—25.

⁹ Bahm A. J. Confucian Pragmatism.— Кун-цзы яньчэн... Т. 1.— С. 86—92; Kanaya Osamu. What did Confucius Learn.— Кун-цзы яньчэн... Т. 1.— С. 72—85; Perelomov L. S. Community Governing Bodies and Their Place in Confucian Teaching on the State.— Кун-цзы яньчэн... Т. 1.— С. 3—9; Belousov S. R. Synthesis of Oriental and Western Cultures as Interpreted by Chinese Liberals.— Кун-цзы яньчэн... Т. 1.— С. 219—235; Marinov M. Religion as Regulative Principle in Confucius' Teaching.— Кун-цзы яньчэн... Т. 1.— С. 61—67; Semenkó I. I. The Master Stood Over the Stream of Time.— Кун-цзы яньчэн... Т. 1.— С. 43—46.

¹⁰ Чэнь Лифу. Жуцзя цзяюкой сысян юй во Тайвань цзинцзи фацжань чжи гуанси — Связь между воспитательными идеями конфуцианской школы и экономическим развитием Тайваня.— Кун-цзы яньчэн... Т. 1.— С. 241—244.

ЯПОНСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ: ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

В. ФЕДЯИНОВ

Развитие начавшегося несколько лет назад процесса форсированной поляризации сил в рабочем движении Японии в конце 1989 г. привело к кардинальной трансформации всей структуры профсоюзного фронта этой страны. 21 ноября в результате слияния Всеяпонской федерации профсоюзов частного сектора (Рэнго) и профсоюзов государственных и муниципальных предприятий из самораспустившегося в этот же день Генерального совета профсоюзов Японии (Сохё) образовался крупнейший за всю историю японского рабочего движения национальный профцентр — Японская конфедерация профсоюзов (Нихон родокумиай сорэнгокай — официальное сокращение также Рэнго, однако во избежание путаницы мы будем здесь пользоваться ее русской аббревиатурой — ЯКП). В состав конфедерации вошли 78 отраслевых профсоюзов общей численностью почти 8 млн. членов, что составляет около 65,4 % всех организованных в профсоюзы рабочих и служащих Японии. Также 21 ноября на базе тесно сотрудничавшего с Коммунистической партией Японии Совета связи профсоюзов за единый фронт (Тоицу росокон) было оформлено создание еще одного всеяпонского профобъединения — Национальной Федерации профсоюзов (Дзэнкоку родокумиай сорэнго — Дзэнрорэн), консолидировавшей в своих рядах 27 профсоюзов с числом членов до 1,4 млн. человек. 9 декабря было объявлено о формировании третьего всеяпонского профцентра — Национального совета связи профсоюзов (Дзэнкоку родокумиай рэнраку кёгикай — Дзэнрокё), почти 400 тыс. членов, который объединил ряд профсоюзов, ориентирующихся на левое крыло Социалистической партии Японии.

Это означает, что к настоящему времени организационная структура японского профсоюзного движения, сложившаяся в

послевоенный период, оказалась полностью трансформирована. На смену прежним объединениям трудящихся, включая созданный еще в 1950 г. и известный своими боевыми традициями Сохё, пришли новые организации, весьма отличающиеся от существовавших ранее и друг от друга основополагающими установками. С определенной долей условности нынешнюю структуру можно представить в виде двух неравных потоков — правого, образуемого ЯКП, и левого, формируемого Дзэнрорэн и Дзэнрокё. Свыше 2 млн. рабочих и служащих являются членами «нейтральных» профсоюзов, не входящих ни в один из трех национальных профцентров.

Процесс формирования нынешней организационной структуры японских профсоюзов был достаточно длительным, он прошел несколько этапов и неизменно сопровождался противоборством между отдельными потоками рабочего движения. Первые попытки добиться слияния профсоюзов частного и государственно-муниципального секторов, реализованные сегодня с образованием ЯКП, относятся еще к концу 60-х — началу 70-х годов. Практически на протяжении всех последующих лет инициатива в этом принадлежала тред-юнионистским силам, выступавшим за объединение рабочего фронта через учреждение первоначально общей организации профсоюзов частных предприятий с последующим присоединением к ней профсоюзов государственно-муниципального сектора. Подобный подход встречал противодействие левого крыла профдвижения, усматривавшего в нем стремление изолировать и тем самым ослабить наиболее организованные и дееспособные отряды трудящихся, прежде всего Сохё.

В 80-е годы указанная линия получила практическое воплощение в создании Все-

японского совета профсоюзов частного сектора (Дзэнмин рокё, декабрь 1982 г.), на базе которого по прошествии пяти лет была образована Рэнго, насчитывавшая 62 отраслевых профсоюза, почти 5 550 тыс. членов. Это стало возможным в результате самоликвидации двух из четырех действовавших тогда в Японии национальных профцентров — Домэй и Тюрицу рорэн; по прошествии года был распущен и третий — Синсамбэцу. В результате в 1988 г. в Японии сложилась «двухполюсная» структура профсоюзов, представленная Сохё и Рэнго, объединявшими абсолютное большинство профсоюзов государственных и частных предприятий соответственно¹. Как отмечалось выше, их слияние в ноябре прошлого года сопровождалось появлением двух новых национальных профобъединений — Дзэнроэн и Дзэнрокё. Дело в том, что левые силы в рабочем движении, в полной мере осознавая важность его консолидации и активно выступая за это, вместе с тем сочли необходимым пойти на создание отдельных профсоюзных центров, руководствуясь стремлением сохранить «классовые традиции» японского профсоюзного фронта в противовес «соглашательской» платформе ЯКП.

Разумеется, появление Японской конфедерации профсоюзов стало возможным благодаря тому, что инициаторы слияния профсоюзов частного и государственно-муниципального секторов встретили понимание со стороны Сохё. Еще на состоявшемся в июле 1982 г. его 66 съезде был одобрен документ «Программа единства рабочего фронта», в котором отмечалось, что существование в профсоюзном движении Японии нескольких разрозненных потоков не позволяет в достаточной степени обеспечивать жизненные интересы и права трудящихся страны, и на этом основании делался вывод о настоятельной необходимости активизировать усилия по достижению «общего единства», то есть созданию «нового национального центра»². Эта тема в дальнейшем обсуждалась и конкретизировалась практически на всех очередных съездах Сохё.

79 съезд (1988) одобрил линию на роспуск Сохё не позднее 1990 г. и слияние его с Рэнго, которая со своей стороны еще при создании провозгласила курс на углубление взаимопонимания и укрепление сотрудничества с профсоюзами государственных и муниципальных предприятий с целью сформировать

совместно с ними в 1989 г. сверхкрупный всеяпонский профцентр. Противники слияния Сохё с Рэнго — делегаты от профсоюзов, входящих в Тоицу росокон, и от организаций, связанных с левым крылом Социалистической партии — пытались воспрепятствовать принятию съездом Сохё такого решения, расценив его как фактическую капитуляцию здоровых сил в рабочем движении перед соглашателями, однако не смогли получить и трети голосов.

Конкретные сроки роспуска Сохё — ноябрь 1989 г. — были утверждены на его 81 съезде, прошедшем за два месяца до этого; одновременно делегаты высказались за вступление создававшегося объединения профсоюзов государственных и частных предприятий в Международную конфедерацию свободных профсоюзов. На практике это означало одобрение на центральном уровне соответствующих резолюций, принятых на состоявшихся летом прошлого года съездах отраслевых профсоюзов — членов Сохё. На последнем чрезвычайном 82 съезде Генерального совета профсоюзов (21 ноября 1989 г.), официально оформившем его роспуск, было принято обращение «К рабочим, к народу», в котором отмечается изначальная нацеленность Сохё на достижение единства всего рабочего фронта Японии, подчеркивается намерение и в рамках ЯКП продолжать борьбу «в защиту прав и интересов всех людей труда, за продвижение дела всеобщего мира и разоружения». Формирование Японской конфедерации профсоюзов объявляется «историческим событием», а 21 ноября — «историческим днем»³.

С целью обеспечить поддержку СПЯ со стороны профсоюзов и после роспуска Сохё, неизменно являвшегося ее главной опорой, 81 съезд этого профобъединения постановил создать Центр Сохё (его учредили 38 профсоюзов численностью примерно 3,5 млн. членов). Аналогичные организации были образованы и при ликвидации Домэй и Тюрицу рорэн для оказания помощи соответственно Партии демократического социализма (ПДС) и СПЯ. Центр Сохё определяется как временное образование, которое на определенном этапе в будущем должно будет прекратить свое существование. В документах съезда указывается, что это произойдет либо после объединения СПЯ и ПДС, как партий, опирающихся преимущественно на профсоюзы, либо после то-

го, как социалисты смогут наладить прочные прямые связи с отраслевыми профсоюзами и региональными профорганизациями⁴.

Появлению ЯКП предшествовал достаточно продолжительный период консультаций между Сохё и Рэнго на различных уровнях с целью согласования целого ряда принципиальных и рабочих вопросов, касавшихся характера будущего национального профцентра — его программы, устава, отношения к международным профсоюзным и рабочим объединениям, создания отделений на местах и т. д. Достаточно сказать, что с февраля 1988 г. состоялось почти 20 официальных встреч высших руководителей двух организаций. Весьма красноречиво, что уже на первой такой встрече в числе других обсуждался вопрос об отношении формирувавшемуся суперцентру к сотрудничающему с КПЯ Совету связи профсоюзов за единый фронт. Стороны заняли в его отношении обструкционистскую позицию, что в дальнейшем нашло отражение в документах Японской конфедерации профсоюзов. Тогда же было условлено прилагать согласованные усилия в направлении «общего единства» с учетом мнения каждого из партнеров относительно сроков учреждения конфедерации, а уже на восьмой встрече в рамках проводившихся консультаций (декабрь 1988 г.) их участники договорились форсировать подготовку объединительного съезда, предполагая провести его уже осенью 1989 г.⁵.

На учредительном съезде ЯКП были без каких-либо поправок и дополнений одобрены предложенные проекты основных документов конфедерации, избрано ее руководство. В качестве программы утвержден «Путь Японской конфедерации профсоюзов» (Рэнго-но синро).

Ознакомление с материалами съезда показывает их большое сходство с документами Всеяпонской федерации профсоюзов частного сектора, которыми она в течение двух лет руководствовалась в своей деятельности.

В принятых съездом документах ЯКП определяется как «не зависящая от правительства, политических партий и предприятий, самостоятельная организация, выступающая за укрепление и расширение свободного и демократического рабочего движения...» В числе ее наиболее важных целей называются обеспечение «гуманной раскрепощенной жизни», что непосред-

венно связывается с повышением заработной платы и сокращением рабочего времени, с улучшением условий труда, и построение «дееспособного общества благосостояния» на путях гарантирования полной занятости, стабилизации цен, «комплексного улучшения жизни». Здесь же провозглашается линия на уравнивание женщин в правах с мужчинами. В этом контексте ставится задача добиваться «совершенствования и укрепления» в Японии рабочего движения посредством активизации деятельности в центре, на местах и непосредственно на производстве и вовлечения неорганизованных трудящихся в профсоюзы. Утверждается также, что ЯКП как член МКСП будет способствовать развитию международного рабочего движения.

В качестве одной из основных целей конфедерации объявляется содействие с ее стороны формированию в Японии новой политической силы, способной осуществлять управление государством: в этой связи ЯКП высказывается за «здоровую» парламентскую демократию, при которой была бы возможна смена власти. Вопрос об отношениях с партиями ставится так же, как и в программе Рэнго: конфедерация будет готова сотрудничать с теми из них, которые выдвигают общий с ней цели, политические установки и требования. При этом разъясняется, что каждая членская организация ЯКП имеет право самостоятельно решать вопрос о поддержке политических партий.

В документе «Путь ЯКП» подчеркивается необходимость строгого соблюдения независимости профсоюзов, утверждения таких отношений между трудом и капиталом, которые строились бы на принципах равноправия и предполагали взаимное уважение самостоятельности сторон. Одновременно весьма категорично указывается, что в рамках рабочего движения конфедерация будет давать жесткий отпор «раскольническим махинациям», «решительно реагировать» на действия организаций, «односторонне квалифицирующих наши усилия по достижению единства как перестройку с правых позиций». При этом в качестве «примера» указывается на Тоицу росокон⁶.

Создание в японском рабочем движении нынешней «трехполосной» структуры свидетельствует о принципиальной трансформации самого характера этого движения, о наступлении нового этапа его развития. Это связано в первую очередь

с роспуском мощного национального профобъединения — Генерального совета профсоюзов, который насчитывал более 4 млн. членов и на протяжении почти 40 лет настойчиво и последовательно выступал в защиту экономических и политических интересов трудящихся. Здесь, правда, необходимо оговориться, что в 80-е годы профсоюзы, сотрудничающие с КПЯ и левым крылом СПЯ, во многом справедливо упрекали Сохё в прогрессирующей сдаче им своих позиций под нажимом тред-юнионистского течения, в усилении соглашательских моментов в его деятельности. Эта критика имела целью воспрепятствовать сближению Сохё с правореформистской Домэй и сохранить его как крупнейший прогрессивный отряд рабочего фронта Японии. Когда же несколько лет назад стало ясно, что Сохё определенно пойдет на самоликвидацию и объединение с Рэнго, сторонники КПЯ и левых группировок СПЯ в профсоюзах взяли курс на форсированную консолидацию сил с целью формирования новых профцентров. Так одновременно с ЯКП появились Дзэнрорэн и Дзэнрокё.

По мнению левых сил, образование ЯКП означает весьма серьезный отход вправо японского рабочего фронта, фактический переход большей его части, включая известные своей боевитостью профсоюзы государственного сектора, на позиции сотрудничества труда и капитала. Эти силы считают, что включение в документы конфедерации указаний на «массовые действия» и забастовки как на средство борьбы за повышение жизненного уровня трудящихся является не более, чем декларацией, своего рода данью традициям японского профсоюзного движения, а на практике же деятельность нового профцентра будет строиться едва ли не исключительно на принципах соглашательства с руководителями компаний. В подтверждение таких оценок ссылаются, в частности, на высказывания о ЯКП руководящих деятелей правящей Либерально-демократической партии и лидеров делового мира, приветствовавших появление нового профцентра и выразивших готовность сотрудничать с ним.

Представляется, что коренную перестройку японского рабочего движения следует рассматривать в непосредственной связи с нынешней социально-экономической и политической ситуацией в Японии. По всей вероятности, давние и настойчивые попытки правого крыла профсоюзного

фронта добиться объединения большинства профсоюзов частных и государственно-муниципальных предприятий не дали бы результата и на этот раз, как случилось в прошлом, если бы не сложились благоприятствующие этому объективные внутренние условия.

Хотя в Японии «качество жизни» имеет существенные изъяны и определенно ниже, чем в Западной Европе и США, нельзя тем не менее не видеть, что уже в течение многих лет в стране обеспечивается постепенное возрастание жизненного уровня, связанное с поддержанием достаточно высоких и устойчивых темпов экономического роста. Это облегчает идеологическую обработку рабочих и служащих, распространение среди них идей классового мира, гармонии интересов всех слоев и групп общества. На таком фоне происходит снижение накала «весенних наступлений» трудящихся, быстрое сокращение числа и сужение масштабов забастовок. Более умеренными становятся подходы оппозиционных политических партий (кроме КПЯ) к таким принципиально важным вопросам, как существование «сил самообороны», японо-американского «договора безопасности» и др. Во внутривополитической жизни страны происходят усиление консервативных тенденций, общее поправление общественного сознания. Принимая решение о самоликвидации, Сохё учитывал также популярность среди трудящихся лозунга о единстве профсоюзных рядов.

С учетом перечисленных обстоятельств, хотя, вероятно, и с некоторой натяжкой, можно считать, что слияние профсоюзов частного и государственного секторов явилось реакцией на те реалии, которые существуют в современной Японии. Другими словами, было бы неправильно представлять дело таким образом, будто это произошло едва ли не по желанию нескольких отдельных организаций или даже какой-то небольшой группы лиц. Вместе с тем этого события могло бы и не произойти, если бы руководство Сохё проявило стремление, опираясь на поддержку левого крыла профцентра, до конца отстаивать классовые принципы рабочего движения.

Ознакомление с документами ЯКП подводит к выводу, что основное место в ее деятельности будут занимать экономические вопросы, хотя, конечно, она не отказывается участвовать и в политической жизни. Как можно понять, в качестве главного способа решения экономических вопросов мыслится проведение «равно-

правных» переговоров с предпринимателями. Обращает на себя внимание настойчивое подчеркивание в материалах учредительного съезда конфедерации и в заявлениях ее руководителей «чисто профсоюзного», «деидеологизированного» характера нового профцентра. Судя по всему, Японская конфедерация профсоюзов станет неотъемлемым элементом общественной структуры современной Японии (подобно АФТ — КПП в США) с ее статусом «великой экономической державы».

При анализе характера ЯКП, содержания и методов ее деятельности важно учитывать также состав конфедерации. Было бы неправомерно полагать, что она уже в первые годы своего существования превратится в монолитное, однородное объединение — этого нельзя было сказать даже о Сохё. Вряд ли можно сомневаться, что и в рамках ЯКП отношения между членами существовавших до недавнего времени профцентров будут в известной степени двуединными: сотрудничество в интересах решения общих задач, с одной стороны, и определенное соперничество в борьбе за лидерство в организации — с другой. Вхождение в конфедерацию большинства отраслевых профсоюзов из самораспустившихся профобъединений не означает их немедленного и полного отказа от своих прежних позиций. И уж во всяком случае было бы неоправданным упрощением считать, что лицо Японской конфедерации профсоюзов будет определяться лишь членами бывшей Домэй: на деле, разумеется, будет иметь место гораздо более сложное взаимодействие сил, предполагающее учет партнерами взглядов и подходов друг друга, взаимную готовность к компромиссам.

Как можно понять, острая конкуренция между отдельными «блоками» имела место, в частности, при определении кандидатов на высшие руководящие должности в ЯКП, и этот вопрос был решен непосредственно перед учредительным съездом на компромиссной основе: посты председателя (Акира Ямагиси), его первого заместителя (Мицухару Варасина) и генерального секретаря (Сэйго Ямада) заняли представители соответственно Сохё, Тюрицу рорэн и Домэй. Вероятно не без влияния радикального крыла конфедерации ее руководители объявили о своем намерении провести в текущем году «весеннее наступление» профсоюзов с требованием повысить зарплату на 7—8%. Ожидается, что это явится своего рода «лакмусовой бумажкой», которая во мно-

гом позволит судить о соотношении сил в суперцентре на нынешнем этапе.

В обстановке, сложившейся сейчас в рабочем фронте Японии, иногда высказываются предположения о возможности установления отношений сотрудничества между левыми Дзэнрорэн и Дзэнрокё в борьбе за обеспечение классовых интересов трудящихся с перспективой оформления в дальнейшем их организационного единства. Близость подходов двух организаций к ряду принципиальных вопросов профсоюзного движения в сочетании с их резко критическим отношением к линии ЯКП объективно создает предпосылки для налаживания между ними определенного взаимодействия. Готовность к этому неоднократно высказывалась обеими сторонами еще до появления Дзэнрорэн и Дзэнрокё и подтверждалась уже после этого. В то же время перспектива их объединения, во всяком случае в ближайшее время, представляется маловероятной, если учесть хотя бы существование в течение всего последнего десятилетия напряженных отношений между Коммунистической и Социалистической партиями. К тому же необходимо иметь в виду, что Дзэнрорэн значительно превосходит Дзэнрокё как по числу членов, так и по своему организационному потенциалу. Поэтому на практике их слияние могло бы трактоваться как «поглощение» одного партнера другим.

Дзэнрокё сегодня, похоже, представляет собой несколько своеобразное профобъединение-центр, откуда и его название — «совет связи». Один из главных организаторов и руководителей совета, видный деятель японского рабочего движения Акира Иваи характеризует его цели как широкую организацию совместной борьбы отраслевых профсоюзов, местных профорганизаций и т. д. При этом за ними признается право одновременно состоять и в других объединениях⁷.

Коренная реорганизация профсоюзного движения может оказать существенное влияние на расстановку политических сил в Японии. Хотя при роспуске прежних профцентров на их базе и были учреждены организации для оказания поддержки СПЯ и ПДС, вероятно следует ожидать постепенного размывания сложившихся за предшествующие десятилетия «блоковых» связей между профсоюзами и политическими партиями. В этом смысле показательно, что все оппозиционные партии (кроме КПЯ) выразили готовность

активно и широко взаимодействовать с Японской конфедерацией профсоюзов.

Нетрудно предположить, что за этими заявлениями стоят вполне определенные побудительные мотивы: они продиктованы искренним и понятным стремлением каждой из партий попытаться хотя бы в какой-то мере превратить мощную ЯКП в своего союзника, в первую очередь заручиться ее поддержкой в борьбе за электрорат.

В отличие от СПЯ и ПДС партия Комэйто, никогда не пользовавшаяся сколько-нибудь значительным влиянием в рабочем движении, судя по всему расценила появление в конце 1987 г. Рэнго как благоприятный шанс для укрепления своих позиций в профсоюзах и попыталась кое-что сделать для этого. Затем, однако, руководство Комэйто, похоже, пришло к выводу, что, по крайней мере в ближайшие годы, на ощутимые результаты рассчитывать нет оснований, и в силу этого заметно ослабило свою активность в этом направлении.

Намерение ЯКП добиваться создания в Японии новой политической силы, способной противостоять правящей Либерально-демократической партии в борьбе за власть, предполагается реализовать путем консолидации оппозиционных партий (без участия КПЯ). В этой связи председатель конфедерации А. Ямагиси обратился к СПЯ, ПДС, Комэйто и Социал-демократическому союзу с призывом по примеру профсоюзов приложить усилия по преодолению существующих между ними разногласий и налаживанию тесного взаимодействия в целях прихода к руководству страной. Он, в частности, предложил этим четырем партиям совместно выдвинуть на досрочных выборах в палату представителей парламента не менее 280 кандидатов (всего в ней 512 мест) с тем, чтобы нанести поражение либерал-демократам, лишить их большинства¹. Это открывало бы перспективу формирования оппозицией коалиционного правительства, поскольку в результате состоявшихся в июле прошлого года парламентских выборов ей удалось добиться превосходства над ЛДП в палате советников.

Однако центристы — Комэйто и ПДС — не идут при подготовке к выборам в палату представителей на сотрудничество с СПЯ как на двусторонней основе, так и в рамках выработанного ЯКП плана выдвижения совместных кандидатов четырьмя оппозиционными партиями. Судя по всему,

центристы, верные своей тактике лавирования между СПЯ и ЛДП, хотели бы обеспечить себе свободу маневра после выборов в палату советников с тем, чтобы иметь возможность безболезненно определить линию поведения в зависимости от их результатов.

Можно сказать, что первые месяцы деятельности Японской конфедерации профсоюзов подтвердили, что претворение в жизнь ее идеи формирования в Японии новой крупной политической партии будет сопряжено с большими трудностями. Ведь это предполагает, что вслед за коренной перестройкой рабочего движения произойдут радикальные изменения и в политической структуре страны. А это, естественно, длительный и многоплановый процесс с большим количеством участников, интересы и намерения которых могут серьезно различаться.

Нынешняя перегруппировка сил в рабочем движении Японии явилась важным событием в жизни этой страны, она будет оказывать существенное влияние не только на отношения между трудом и капиталом, но и на внутривнутриполитическую ситуацию в целом. Представляется, что основное содержание произошедших изменений определяется укреплением позиций тех сил в профсоюзном лагере, которые во многом близки к социал-демократическому течению в политике. С одной стороны, это служит свидетельством нарастания в Японии консервативных тенденций, а с другой — выступает как один из весомых стимуляторов данного процесса. Левому крылу японской оппозиции потребуются в максимальной степени консолидировать свои ряды, чтобы активно влиять на развитие событий в профсоюзном движении.

¹ Подробнее см.: Проблемы Дальнего Востока. — 1988. — № 4. — С. 54—64.

² См.: Сякайсюги. — 1984. — № 227. — С. 122—133.

³ См.: Сохэ дай 82-кай риндзи (кай-сан) тайкай. — 1989. — 21 ноября.

⁴ См.: Сохэ дай 81-кай тэйки тайкай. Гнансё. — 1989. — 21—22 сентября.

⁵ См.: Росэн тонцу сирёсю. 1989.

⁶ См.: Тонцу тайкай гнансё. — 1989. — 21 ноября. — С. 3—10.

⁷ См.: Акира Иван. Хитосудзи-но мити: 50 нэн. — Токно, 1989. — С. 149.

⁸ См.: Джапан таймс. — 1989. — 3 декабря; Асахи — 1989. — 22 ноября (веч.).

НИС АЗИИ: УГЛУБЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ

Ю. ЧЕРЕВКО

В 80-х годах многие ученые стали поддерживать мнение, что XXI в. будет веком Азии. Такое заключение основывается на оценках развития мирового капиталистического хозяйства на современном этапе, на быстром возрастании роли азиатско-тихоокеанского региона в мире. При этом обращается внимание на лучшие показатели экономического развития Японии в сравнении с другими передовыми капиталистическими странами, но особо выделяется сенсационный экономический рост так называемых новых индустриальных стран Азии, к которым относят страны и территории с ВВП на душу населения свыше 1100 долл. и с долей обрабатывающей промышленности в ВВП более 20 %. Это «четыре молодых тигра» или «четыре малых дракона»: Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур.

Темпы их экономического развития за последние 20 лет в 2—4 раза превышали темпы экономического роста других стран. В 1986 г. рост ВВП «четверки» составил 10,4 %, а Японии — 2,5 %¹. В 1987 г. в Южной Корее рост ВВП составил 12,2 %, на Тайване — 11,2, в Гонконге — 13,6, в Сингапуре — 8,8, а в Японии — 3,7 %².

Темпы роста внешней торговли «четверки» в 1980—1986 гг. в десять раз превосходили темпы роста мировой торговли и в среднем составляли 8,2 % в год. В результате доля НИС Азии в мировой торговле выросла с 1,5 % в 1965 г. до 6,3 % в 1986 г.³ Экспорт «четверки» вырос не только количественно, но и изменился качественно, возросла его техноёмкость и повысилась конкурентоспособность товаров. По объёму экспорта НИС Азии заняли третье место в мире после Японии и США. При этом промышленные товары составили в нем в 1986 г. свыше 90 %⁴. Для сравнения укажем, что в странах АСЕАН в 1986 г. на нефть и первичные товары приходилось 63,4 % всего экспорта⁵.

Впечатляющий экономический рост НИС Азии стал возможен благодаря комплексу причин и факторов и не в последнюю очередь за счет выбора стратегии развития. Не обладая богатыми природными ресурсами и имея узкий внутренний рынок, НИС Азии стали на путь индустриализации, опирающейся на экспорт. При этом они воспользовались преференциальными тарифами, предоставленными им развитыми странами. Их становлению в качестве крупных торговых партнеров США и Японии содействовал также низкий курс национальных валют по отношению к доллару. Доля НИС Азии на рынке США выросла с 18,8 % в 1965 г. до 37,0 % в 1986 г.⁶ Только с 1980 по 1987 г. экспорт «малых драконов» в США вырос с 19 млрд. до 61,3 млрд. долл., то есть в 3,2 раза⁷. По расчетам японских экономистов, рост ВВП НИС Азии обеспечивался главным образом за счет роста экспорта в США. Так, рост ВВП НИС Азии в 1986 г. на 10,4 % на 56,2 % был обусловлен расширением экспорта в США⁸.

Торговые отношения НИС Азии и США характеризуются быстрым ростом дефицита США, который с 1980 по 1987 г. увеличился с 3,4 до 37,1 млрд. долл., т. е. почти в 11 раз. Если в 1980 г. на НИС Азии приходилось 12,7 % торгового дефицита США, то в 1987 г. — уже 22,2 %⁹. Стремясь ослабить наплыв товаров из стран «четверки» на американский рынок и сократить дефицит в торговле с ними, США в январе 1988 г. пригрозили отме-

Черевко Юлия Михайловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИВ АН СССР.

лишь преференциальные тарифы для этих стран. И хотя американская сторона заявила, что эти меры не следует расценивать как санкции против указанных стран и что это якобы лишь признание значительных достижений «четверки» в экономическом развитии и роста их конкурентоспособности на внешних рынках, на самом деле такой шаг, по мнению специалистов, напоминает введение санкций, так как согласно действующему в США законодательству система налоговых преференций автоматически перестает действовать в отношении тех стран, в которых ВВП на душу населения превышает 8,5 тыс. долл. Однако ни одна из НИС Азии в 1987 г. еще не достигла этого показателя¹⁰.

Угроза США исключить из числа развивающихся стран НИС Азии вызвала бурю протестов со стороны последних. На заседании ГАТТ 2 февраля 1988 г. посол Сингапура Си Чак Мун заявил, что 96 % экспорта США в Сингапур поступает беспошлинно, а Сингапур направляет в США лишь 76 % своего экспорта. Исключение Сингапура из числа стран, пользующихся льготами развивающихся, сократит объем сингапурских товаров, поступающих в США беспошлинно, до 45 %, указал Си Чак Мун¹¹. Представитель Гонконга в ГАТТ Митчел Карлзэнд подчеркнул, что стоимость товаров США, поступающих в Гонконг без пошлины, составляет 3 млрд. долл., а гонконгских товаров, беспошлинно ввозимых в США, — лишь 1,4 млрд. долл.¹²

Проблема несбалансированности торговли НИС Азии с США обостряется, и встает вопрос о диверсификации экспорта «малых драконов». Представляется, что в такой ситуации еще более возрастет экспорт в Японию. Но уже и в настоящее время Япония выступает как второй крупный торговый партнер «четверки», который поглощает значительную долю экспорта последней. С 1980 по 1987 г. экспорт НИС Азии в Японию вырос с 7366,2 млн. до 18 826,7 млн. долл., то есть в два с половиной раза¹³. Однако развитие торговых отношений «малых драконов» с Японией отличается от развития их отношений с США. Экспорт НИС Азии в Японию долгие годы удерживается на уровне 10—11 % от общего объема их экспорта. Так, в 1970 г. его доля составляла 11,8 %, в 1980 — 10,1 и в 1987 г. — 11,5 %¹⁴.

Что касается импорта НИС Азии из Японии, то за 1980—1986 гг. он вырос с 19 180,7 млн. до 30 063,4 млн. долл., то есть в полтора раза. При этом если в 1980 г. на НИС Азии приходилось 14,8 % всего японского экспорта, то в 1987 г. уже 17,2 %¹⁵. В результате «четверка» стала для Японии вторым по значению экспортным рынком после США. Следует подчеркнуть, что если в торговле с США НИС Азии имеют положительное сальдо, то в торговле с Японией — огромный дефицит, который за 1980—1987 гг. составил свыше 112 млрд. долл.¹⁶

Торгово-экономические отношения Японии с НИС Азии характеризуются возникновением и развитием новых тенденций. Во-первых, изменилась структура экспорта Японии в НИС Азии за счет резкого роста экспорта средств производства. Например, в 1976—1986 гг. доля машин и оборудования в экспорте Японии в НИС Азии выросла с 37,3 до 45,6 %¹⁷, увеличилась доля электро- и электронных изделий и уменьшилась — химических товаров, стали, текстиля. Это способствовало ускорению индустриализации стран «четверки».

Во-вторых, увеличился импорт готовых товаров из НИС Азии. Так, в 1986 г. импорт Японией готовой продукции только из трех НИС Азии (без Сингапура) вырос на 37,6 % по сравнению с 1985 г., а в 1987 г. — на 49,4 % по сравнению с 1986 г.¹⁸ В 1986 г. ввоз готовых товаров в Японию из этих трех НИС Азии составлял 13,6 % всего японского импорта готовых товаров, в том числе из Южной Кореи — 7,0, с Тайваня — 4,9 %¹⁹.

В результате изменения техноёмкости экспорта НИС Азии они сами превратились в поставщиков машин и оборудования в Японию. В 1986 г. 10,4 % их экспорта в Японию приходилось на машины и оборудование²⁰. В структуре экспорта НИС Азии в Японию выросла также доля стали и химических товаров. В 1987 г. особенно вырос ввоз в Японию из этих стран электротоваров и бытовой электроники. Так, японский импорт телевизоров из НИС Азии в 1987 г. вырос в 16 раз по сравнению с 1986 г., видеомагнитофонов — в 9 раз, велосипедов — в 3,6 раза²¹.

В-третьих, возросла конкурентоспособность товаров НИС Азии. Этому способствовали такие факторы, как наличие сравнительно дешевой и в то же время квалифицированной рабочей силы в этих странах; государственное стимулирование экспорта, например снижением цен на материалы и оборудование, используемые для производства экспортной продукции; протекционизм в торговле на основе таможенных пошлин и квотирования

импорта и другие меры. В результате повышения международной конкурентоспособности стран «четверки» отношения между ними и Японией в области разделения труда меняются от вертикального разделения к горизонтальному.

Вертикальная специализация заключалась в обмене сырьевых товаров на промышленные изделия. При горизонтальном разделении труда осуществляется взаимный экспорт готовых изделий. Часто это разделение носит внутритраслевой характер при специализации на производстве определенных видов продукции. Например, Япония экспортирует в Южную Корею преимущественно специальные стали высокого класса, а Южная Корея вывозит в Японию обычную сталь. Начиная с лета 1981 г., когда в Южной Корее вступил в строй второй стан горячей прокатки стали в Пхохане, Южная Корея стала крупным конкурентом Японии на рынке стали. В мае 1987 г. вступил в строй завод в Кванджу производственной мощностью 2,7 млн. т стали в год, что значительно укрепило позиции южнокорейских производителей стали. В ЮВА цены на листовую сталь из Южной Кореи в 1987 г. были на 10 % ниже, чем на аналогичную японскую сталь на базе СИФ (включая стоимость транспорта и страхование).

Планы долгосрочной рационализации, разработанные в «Син Ниппон сэйтэцу», «Ниппон кокан», «Сумитомо киндзоку когё» и других японских сталелитейных компаниях, ставят целью достичь ценовой конкурентоспособности с южнокорейскими производителями, но это весьма трудная задача. Достичь успеха японские компании, видимо, могут главным образом за счет новых технологий в производстве специальных сталей, и это углубит горизонтальное разделение труда.

Важно отметить, что разделение труда на основе специализации распространяется не только на отдельные товары, но и на целые отрасли производства. Так, например, к настоящему времени Япония фактически «передала» Южной Корее трудоемкие производственные процессы — производство тканей, пряжи, одежды, органических химических соединений, текстильных машин — и перешла к импорту этих товаров из нее. Между Японией и НИС Азии идет процесс разделения труда при дифференциации товаров по степени техноёмкости. Например, Япония становится экспортером высокотехнологичных электронных приборов промышленного назначения, таких, как компьютеры и оборудование связи, импортером бытовых электротоваров.

В АТР зарождается также новая система разделения труда на основе предприятий, созданных многонациональными компаниями, выпускающих «многонациональные товары». Например, легковые автомобили, экспортированные в 1988 г. из Таиланда в Канаду, были созданы на основе деталей и блоков, произведенных субподрядными предприятиями стран Азии. Так, шасси для автомобиля изготовлялись в Таиланде, двигатель — в Японии, коробка передач — на Филиппинах, электрооборудование — в Австралии, двери — в Малайзии, приемник — в Сингапуре.

Повышение конкурентоспособности товаров стран «четверки» привело к расширению их сбыта в Японии, США и других странах. Японские потребители стали все чаще отдавать предпочтение товарам, произведенным в НИС Азии, более дешевым и не уступающим по качеству товарам местного производства. Так, почти 90 % импортируемой Японией одежды производится в Южной Корее, на Тайване и в Гонконге. Треть калькуляторов, продаваемых на японском рынке, поставляется из стран «четверки», 10 % японского рынка видеомагнитофонов и цветных телевизоров захватили южнокорейские компании²². Около 80 % цветной фотопленки, продаваемой в Японии под торговыми марками японских компаний, импортировано из Южной Кореи²³. На японский рынок стали поступать южнокорейские автомобили. 13 августа 1988 г. компания «Хёндэ» поставила в порт Нагоя 150 автомобилей «Пони эксел» с двигателем 1500 см³, которые будут продаваться через бытовую сеть «Мицубиси дзидося».

В чем же причина успехов НИС Азии на японском рынке? Успех в первую очередь объясняется низкими ценами, которые на 30—40 % ниже японских на аналогичные товары при высоком качестве и отлаженном послепродажном обслуживании. Сбыт ряда товаров стран «четверки» на японском рынке часто облегчается тем, что они, несмотря на заинтересованность японских потребителей, уже не производятся в Японии, например телевизоры с экраном в 14 дюймов. В значительной мере японский рынок открылся также в результате повышения в последние годы курса иены, приведшего к удешевлению ввозимых в Японию товаров. Еще одной из причин расширения потока товаров из стран «четверки» в Японию является то, что предприниматели НИС широко используют соглашения OEM (Original Equipment Manufacturer) с японскими компаниями. В случае

импорта на основе этой системы ввозимые в Японию товары продаются под торговой маркой японских фирм.

Что касается конкуренции между Японией и НИС Азии на американском рынке, то здесь страны «четверки» уже опережают Японию по ряду товаров и быстро догоняют ее по общему объему поставок. Удельный вес Японии в американском импорте промышленных изделий увеличился с 21,6 % в 1970 г. до 28,2 % в 1986 г., то есть в 1,3 раза, а доля НИС Азии за эти же годы выросла с 6,8 до 15,9 %, то есть в 2,3 раза²⁴. «Четверка» в настоящее время значительно превосходит Японию по поставкам на американский рынок товаров повседневного спроса и быстро догоняет ее и по таким товарам, как бытовые электроприборы, бумага, резиновые изделия, оптическое оборудование для научных целей, сталь и другие товары²⁵. При сокращении поставок на американский рынок полупроводников из Японии наблюдается быстрый рост экспорта в США южнокорейских полупроводников²⁶.

В последнее время на рынке США компании НИС Азии начинают конкурировать с японскими производителями субкомпактных автомобилей, на долю которых приходится 20 % рынка США. Южнокорейская компания «Хёндэ» успешно продает на американском рынке свыше 250 тыс. «Пони эксел» ежегодно²⁷, поскольку их цена ниже цены аналогичной японской модели.

На Тайване японские автомобильные компании, заключая соглашения с местными компаниями, превращают Тайвань в крупную базу по производству субкомпактных автомобилей для всего мира. Этому способствуют также и меры тайваньских властей, направленные на либерализацию автомобильной промышленности, в частности ослабление в регулировании инвестиций зарубежных фирм на Тайване. С июня 1985 г. японской компании «Ниссан дзидося» стало принадлежать 25 % акций в компании «Ю Лунг мотор». Другому автомобильному гиганту Японии, «Тоёта дзидося», принадлежит 22 % акционерного капитала тайваньской компании «Кио Дзуй моторс». Японская компания «Фудзи дзюкогё» совместно с ведущим производителем мотоциклов на Тайване «Тайван веспа» создала смешанную компанию по производству субкомпактных автомобилей и грузовиков, в которой ей принадлежит 35 % акций. Японские участники ориентируют производство на совместных тайваньских предприятиях на экспорт.

Не только автомобилестроительные японские компании, но и компании других отраслей начали переводить производство в связанные с ними компании в НИС Азии. Мощным стимулом, активизирующим этот процесс, стало начавшееся с конца 1985 г. стремительное повышение курса иены, что ослабило позиции японского экспорта и привело к росту стоимости рабочей силы в Японии относительно других стран. Число японских компаний обрабатывающей промышленности, перемещающих свои производственные базы за границу, в том числе в НИС Азии, резко растет. Помощник заведующего отделом по международным экономическим делам ДЖЕТРО Такао Кобаяси подчеркивал вынужденность этой акции: «Если японские компании обрабатывающей промышленности не переведут свои производственные базы за рубеж, они не смогут выжить в конкуренции с НИС Азии»²⁸. Этот процесс идет. Так, компания «Кэнон» почти 20 % своего общего производства калькуляторов сосредоточила на фирме «Тайвань электроникс» и планирует передать этой компании 80 % всего производства. Президент компании «Кэнон» Рюдзабуро Каку, объясняя причину наращивания производства на Тайване, подчеркнул, что «на Тайване и в других зонах уровень технологии заметно вырос, в то время как стоимость компонентов на 30 % ниже, чем в Японии»²⁹.

Есть много других подобных примеров. Компания «Маусита дэнки когё» начала производство в Южной Корее и на Тайване кондиционеров. Она намерена перевести в НИС Азии производство всех видов аудиоаппаратуры стоимостью менее 100 долл. Большинство японских компаний — производителей компьютеров намерены передать выпуск периферийного оборудования своим филиалам в Южной Корее и на Тайване. Крупные заводы переводят в НИС Азии компании «Айва» и «Акаи дэнки». «Тосиба» совместно с южнокорейской компанией «Самсун» создала в Южной Корее компанию по производству частей для видеомагнитофонов и компанию по сборке магнитофонов. Переносом производственной базы в Южную Корею руководство «Тосибы» надеется поднять конкурентоспособность³⁰. Японская компания «Ёкогава дэнки» совместно с южнокорейской компанией строит в городе Инчоне завод, который будет производить в год 50 тыс. единиц контрольного электронного оборудования для нефтехимической и сталелитейной промышленности и 25 тыс. магнитофонов для промышленных целей. В течение

полтора лет в Инчон планируется перевести все линии для производства этих изделий, имеющиеся в настоящее время на предприятиях компании в Японии. В Сингапуре, который всего несколько лет тому назад был преимущественно местом сборочных операций, в настоящее время зарубежными компаниями налажено производство промышленных товаров высокой технологией, поставляемых на мировые рынки. Дочерняя компания фирмы «Сони» производит здесь компоненты для видеокассет и компакт-диск плееров. Компания «Фудзицу» на новом заводе компании «Фудзицу (Сингапур) ПТИ» производит цифровые телекоммуникационные системы и печатные устройства³¹. Один из ведущих японских производителей телефаксов «Мацусита график комьюнкетийн систем» в созданной в Сингапуре своей дочерней компании предполагает в 1990 г. производить 20 % всех телефаксов, выпускаемых компанией, и обеспечивать этим 40 % всего экспорта³².

Трудно даже подсчитать, сколько японских компаний в последние годы перевели производство деталей и компонентов в НИС Азии. В экспортно-промышленных зонах (ЭПЗ) в этих странах особенно резко возрастает производство деталей для электро- и электронного оборудования. Это приводит к более тесной интеграции экономики стран «четверки» с японской, поскольку рост инвестиций начинает способствовать активизации двусторонней торговли. Тайвань и Южная Корея вовлекаются в японскую субподрядную систему по линии изготовления комплектующих изделий, и загрузка их весьма высока. Некоторые заводы в ЭПЗ НИС Азии работают в три смены, 24 часа в сутки³³.

Следствием перевода японского производства в НИС Азии явился рост японских инвестиций в этих странах после 1985 г. Так, в 1986 фин. г. японские инвестиции в странах «четверки» выросли на 113,2 % по сравнению с 1985 фин. г. и составили 1530 млн. долл., а в 1987 фин. г. они выросли еще на 94 % в сравнении с предыдущим годом и достигли 2580 млн. долл.³⁴ В целом японские инвестиции в НИС Азии выросли с 1007,1 млн. в начале 70-х годов до 11 754 млн. долл. на 1 апреля 1988 г., то есть в 11,7 раза.

Основным мотивом переноса японских трудоемких предприятий в страны Азии до 70-х годов были более низкие издержки производства в этих странах из-за более низкой заработной платы рабочих. Со второй половины 70-х годов и особенно после повышения курса иены главным стимулом переноса становится стремление использовать преимущества системы преференциальных тарифов, которые имеют развивающиеся страны при поставках товаров в развитые страны. Росту японских инвестиций в НИС Азии способствовало также улучшение инвестиционного климата в странах «четверки». Так, в Южной Корее из 339 отраслей производства, в которых запрещались или ограничивались иностранные инвестиции, в октябре 1985 г. были либерализованы 102 производства, связанные с изготовлением автомобильных деталей, а в декабре 1986 г. еще 27 отраслей. Только с октября 1985 по декабрь 1986 г. уровень либерализации поднялся с 66,1 до 79 %³⁵.

В последнее время к крупным фирмам, переносящим производство в НИС, подключаются мелкие и средние компании, для которых проникновение за рубеж — это вопрос выживания³⁶. С 1985 по 1986 г. прямые инвестиции японских мелких и средних предприятий за рубежом выросли почти в 2 раза. Число случаев прямых инвестиций, осуществленных мелкими и средними компаниями Японии в промышленность азиатских стран, за это же время выросло со 145 до 258³⁷. С другой стороны, расширяется и число стран, привлекающих внимание японских деловых кругов. Здесь можно выделить Таиланд и Малайзию, которые, несмотря на то что по целому ряду экономических показателей — промышленный потенциал, уровень образования — не достигли уровня стран «четверки», тем не менее являются наиболее экономически развитыми среди стран АСЕАН.

Эти страны становятся предпочтительнее стран «четверки» в связи с повышением, особенно в 1986 г., курса валют последних, роста в них издержек производства из-за увеличения зарплаты. За вторую половину 1986 и за 1987 г. японские инвестиции в Таиланде были равны инвестициям за предшествующие 20 лет. Инвестиции японских компаний в Малайзии в первой половине 1987 г. выросли в 6 раз по сравнению с тем же периодом предыдущего года³⁸. Эта тенденция обусловлена также проводимой правительствами Таиланда и Малайзии политикой поощрения иностранных инвестиций. Так, в Таиланде с целью форсирования притока иностранного капитала снижена доля обязательного экспорта для предприятий, ориентирующихся на экспорт, с 80 % производимой продукции в течение двух лет после ввода в строй предприятий до 50 %, упрощена процедура отмены таможенных пошлин на импорт сырья для производства экспортных

товаров, создавались экспортно-производственные зоны, приводилась в порядок инфраструктура.

В 1987 г. 204 японские фирмы обратились за разрешением на инвестирование к тайландскому Совету по инвестициям и две трети из них создали смешанные компании с тайландскими фирмами. При этом в Таиланд начинают переводиться предприятия из «четверки». «Мы пришли к выводу, что не сможем больше продолжать производство на Тайване и в других НИС Азии», — заявил, например, представитель корпорации «Юнидэн», ведущего экспортера коммуникационного оборудования. Эта компания переводит свои основные заводы с Тайваня и из Гонконга в КНР и на Филиппины. Компания «Шарп» в свою очередь планирует начать производство в Таиланде холодильников, кондиционеров, аудиоаппаратуры¹⁹.

Отмечая эту тенденцию, следует указать, что сами НИС Азии становятся активными инвесторами за рубежом. До 1984 г. их инвестиции направлялись главным образом в разработку природных ресурсов в других странах Азии. Но в последнее время, когда у стран «четверки» стали возникать трудности с экспортом товаров в США и страны Карибского бассейна, они начали расширять свои инвестиции в этих странах. Так, в 1984 г. Южная Корея создала заводы по производству цветных телевизоров в США и текстильные фабрики в ряде стран Карибского бассейна. По данным на конец 1985 г., Южная Корея инвестировала 626,4 млн. долл. за рубежом, в том числе 146,9 млн. долл., или 23,4 %, в странах ЮВА¹⁰. Инвестиции Тайваня в Таиланде с первой половины 1986 по первую половину 1987 г. выросли со 148 до 546 млн. бат. Инвестиции Тайваня в Малайзии в течение того же периода выросли с 2,1 млрд. до 34,6 млрд. мал. долл.

Одной из новых тенденций в экономических отношениях Японии с НИС Азии является расширение предоставления Японией технологий. Японские предприниматели, опасаясь усиления конкурентоспособности стран «четверки», долгое время не торопились делиться с ними самой новейшей наукоемкой технологией. Об этом свидетельствовало, в частности, заключенное между Японией и Южной Кореей в 1984 г. соглашение о научно-техническом сотрудничестве, из которого были исключены некоторые важные отрасли — судостроение, компьютеры пятого поколения, новые материалы. В течение длительного времени в НИС Азии из Японии передавалась «отработанная технология». Однако представляется, что в последние 2—3 года положение стало несколько меняться. Некоторые японские компании уже начали передавать южнокорейским фирмам ноу-хау для производства таких высокотехнологичных изделий, как полупроводники, оптическое волокно, компакт-диски, и некоторых других. Можно привести ряд примеров передачи самой передовой технологии из Японии в Южную Корею.

Передача японской технологии и японские инвестиции наряду с технологиями и инвестициями других стран способствовали повышению технологического уровня стран «четверки», расширению их экспорта, особенно экспорта электро- и электронных товаров и автомобилей. Например, по экспорту электро- и электронных товаров НИС Азии в 1986 г. заняли третье место в мире после Японии и США и на их долю приходилось 13,4 % мирового экспорта. Среди стран первой дюжины по экспорту этих товаров Тайвань занимал шестое место, Южная Корея — седьмое, Сингапур — восьмое и Гонконг — двенадцатое место¹¹. Передача технологий НИС Азии нередко оказывает негативное влияние на конкурентоспособность японских производителей. Например, японские автомобилестроители теряют долю рынка в Канаде, которую захватывают южнокорейские машины «Пони эксел», созданные с помощью технологий, переданных японской компанией «Мицубиси дзидося». Уменьшилась также доля на американском рынке микроволнового бытового оборудования в пользу товаров южнокорейской компании «Самсун электроникс», изготавливаемых по технологии поставленной компанией «Маусунита». Оказав технологическую помощь в становлении металлургической промышленности НИС Азии, японская сталелитейная промышленность не только потеряла позиции на ряде экспортных рынков, но и уступила НИС Азии огромную часть внутреннего рынка Японии.

Некоторые экономисты полагают, что активный баланс Японии в торговле с «четверкой» сойдет на нет в течение 5—7 лет. Другие предсказывают, что дело дойдет даже до дефицита Японии в торговле с ними. Сами страны «четверки» ставят перед собой задачу сократить дефицит в торговле с Японией. Например, Южная Корея планирует сократить его с нынешних 5 млрд. до 1,5 млрд. долл. к 1992 г. за счет увеличения экспорта ключевых видов продукции, таких, как электроника, текстиль, сталь, обувь, и сокращения импорта

из Японии, обеспечив налаживание собственного производства товаров 147 наименований, импортируемых в настоящее время из Японии¹².

Отвечая на вопрос о том, как будут складываться отношения между Японией и НИС, вице-президент южнокорейской корпорации «Хёндэ» Донг Юн Ким предсказывает, что это будут взаимодополняемые связи, при которых Южная Корея станет экспортировать такие товары, которые сможет производить конкурентоспособными, и импортировать такие, которые не сможет¹³. Некоторые японские экономисты выражают беспокойство по поводу негативного влияния расширения производства в НИС на обрабатывающую промышленность Японии, а также в связи с деиндустриализацией Японии. Высказываются даже опасения, что чрезмерный импорт из НИС может привести к депрессии в японской экономике¹⁴. Однако есть и оппоненты, которые в своих работах убеждают в том, что слишком рано беспокоиться по поводу деиндустриализации, что приток импорта из НИС и других азиатских стран способствует стабилизации цен, сдерживает инфляцию. Действительно, согласно обследованию института Номура, средняя цена на импортируемые потребительские товары в Японии упала с 1985 г. на 25 % преимущественно из-за притока более дешевых товаров из НИС и повышения курса иены. Это касается и других статей импорта. Так, разница в цене между японским и южнокорейским цементом, которая составляла 3 тыс. иен за тонну в начале 1988 г., к августу уменьшилась до 2 тыс. иен, так как японские производители, чтобы выжить, были вынуждены пойти на снижение цен. Предполагается дальнейшее сокращение разрыва в цене до 1500 иен¹⁵.

В «Белой книге по торговле» за 1988 г. правительством Японии ставится задача активной либерализации рынка страны, указывается на необходимость расширения импорта из стран «четверки», подчеркивается, что Япония должна вносить вклад в развитие азиатского региона посредством предоставления технологии и капитала. Выход из проблем, возникающих в отношениях Японии с НИС Азии, японские ученые видят в перестройке структуры экономики страны на путях развития высокотехнологичных новейших отраслей и производств с высокой добавочной стоимостью.

* * *

Итак, мы рассмотрели некоторые новые тенденции во взаимоотношениях НИС Азии с Японией и США в последние годы. Какие выводы можно сделать?

Во-первых, НИС Азии, ориентируя свое производство на экспорт, становятся полноправными конкурентами ведущих капиталистических стран АТР (США и Японии) на внутренних рынках последних, что вызывает противоречия между этими тремя «полюсами» международного обмена в регионе. Однако противоречия все чаще разрешаются на путях углубления интеграции и перехода от вертикального разделения труда к горизонтальному, к взаимному обмену готовыми изделиями. В процесс экономической интеграции втягиваются и другие страны региона, наиболее активно Таиланд и Малайзия. Об ускорении процесса интеграции свидетельствует и то, что к международному разделению труда подключаются мелкие и средние фирмы.

Во-вторых, можно ожидать выравнивания взаимного обмена. К сбалансированности его в денежном выражении стремятся все участники процесса интеграции, во всяком случае на макроуровне.

В-третьих, из трех экономических «полюсов» АТР наиболее динамично развиваются НИС и Япония, поэтому от характера складывающейся системы отношений на этой стороне треугольника во многом будет зависеть экономическая обстановка в регионе.

¹ Цусэ хакусё, 1988.— Белая книга по торговле. 1988: Общая часть.— Токио.— С. 210.

² Там же.— Комментарий.— С. 46.

³ Там же.— С. 47.

⁴ Там же.— Общая часть.— С. 217.

⁵ Там же.

⁶ Там же.— Комментарий.— С. 47.

⁷ Подсчитано по: Цусэ хакусё, 1981: Часть специальная.— Токио: Цусэ хакусё, 1988: Часть специальная.

- ⁸ Цусэ хакусё, 1988: Общая часть.— С. 228.
- ⁹ Japan Economic Journal.— 1988.— 7 May.— P. 22; 18 June.— P. 4; 12 November.— P. 5.
- ¹⁰ ВВП на душу населения в 1987 г. в Южной Корее составил 2813 долл., в Сингапуре достиг 7500 долл.
- ¹¹ In: Korea Business Review. — February 1988. — P. 6.
- ¹² Ibidem.
- ¹³ Подсчитано по: Цусэ хакусё, 1986: Часть специальная. — Токио. — С. 300. Japan Economic Journal. — 1988. — 12 March. — P. 2; 16 April. — P. 1.
- ¹⁴ Цусэ хакусё, 1988: Общая часть. — С. 278.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Подсчитано по: Japan Economic Journal.— 1988.— 16 April.— P. 6; 12 November.— P. 5.
- ¹⁷ Цусэ хакусё, 1988: Общая часть. — С. 277.
- ¹⁸ Focus Japan. — July 1987. — IS-A; Japan Economic Journal. — 1988. — 2 July. — P. 15.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ Подсчитано по: Цусэ хакусё, 1988: Общая часть.— С. 277.
- ²¹ Japan Economic Journal. — 1988. — 2 July. — P. 15; 12 March. — P. 1.
- ²² Ibid. — 12 November. — P. 15.
- ²³ Ibid. — 12 March. — P. 3.
- ²⁴ Подсчитано по: Цусэ хакусё, 1986: Общая часть. — С. 282; Цусэ хакусё, 1988: Общая часть. — С. 220.
- ²⁵ Цусэ хакусё, 1986: Общая часть. — С. 282.
- ²⁶ Japan Economic Journal. — 1988. — 9 April. — P. 4.
- ²⁷ Ibid. — 27 August. — P. 2.
- ²⁸ Ibid. — 18 June. — P. 3.
- ²⁹ Ibid. — 1986. — 11 October. — P. 11.
- ³⁰ Ibid. — 1988. — 26 March. — P. 20.
- ³¹ Ibid. — 20 August. — P. 7.
- ³² Ibid. — 1987. — 3 October. — P. 5.
- ³³ Ibid. — 1986. — 9 August. — P. 10.
- ³⁴ Цусэ хакусё, 1988: Общая часть. — С. 233.
- ³⁵ Цусэ хакусё, 1987: Общая часть. — С. 269—270.
- ³⁶ Тоё кэйдзай токэй гэппо. — 1986. — № 11. — С. 5.
- ³⁷ Цусэ хакусё, 1987: Общая часть. — С. 272.
- ³⁸ Тоа. — 1987. — № 11. — С. 22.
- ³⁹ Japan Economic Journal. — 1988. — 4 June. — P. 1.
- ⁴⁰ Кэйдзай кёрёку-но гэндзё то мондайтэн. — Токио, 1986. — С. 132.
- ⁴¹ Цусэ хакусё, 1988: Комментарий. — С. 50.
- ⁴² Mainichi Daily News. — 1987. — 4 November.
- ⁴³ Japan Economic Journal. — 1988. — 5 March. — P. 7.
- ⁴⁴ Ibid. — 12 November. — P. 5.
- ⁴⁵ Ibidem.

И. КОВЫНЕВА

Н а днях в редакции раздался телефонный звонок. Звонили ученики одной из московских школ:

— Мы всем классом выписываем и читаем Ваш журнал. Нас прежде всего интересует все об ушу. Печатайте, пожалуйста, об этом в каждом номере.

В письмах читателей, приходящих в редакцию, также содержатся многочисленные просьбы регулярно публиковать материалы об ушу и других восточных единоборствах, причем не только об их философских и теоретических основах, но и о методиках и мастерах боевого искусства Востока.

Многие просят нас выслать им какую-нибудь литературу по этой тематике. К сожалению, редакция не располагает возможностью обеспечивать читателей интересующими их материалами и предлагает адреса методологических и спортивных центров традиционных боевых искусств Дальнего Востока:

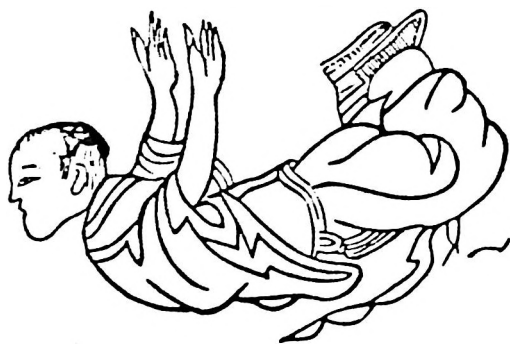
1. 105023, Москва, ул. Малая Семеновская, 13а. Московская ассоциация боевых искусств. Учебно-методический центр «Ориенталь».

2. 107005, Москва, Елизаветинский проезд, 10. Научно-практический центр нетрадиционных методов оздоровления при ЦНИИС Госкомспорта СССР. Тел. 261-52-15

3. 117218 Москва, ул. Красикова, 27, Центр изучения оздоровительных систем Дальнего Востока. Тел. 124-09-10,

Любителям китайской гимнастики предлагаем несколько упражнений серии «Тигр» даосской йоги. Первое упражнение, по всей видимости, заимствовано или возникло под влиянием индийской йоги.

В Китае тигра считают царем зверей и символом мужского начала в природе. По приданию он живет 1000 лет. В возрасте 500 лет тигр становится мудрым. Его клыки используют в качестве талисманов. Полагают, что если посыпать больного пеплом тигриной кожи, то наступит его полное исцеление.

1. Голодный тигр нападает на жертву;
Описание.

Лечь на живот. Руки и ноги одновременно рывком поднимать вверх 3—5 раз. Упражнение предназначено для выведения песка из почек.

2. «Тигр радуется лунному свету»
Без описания

3. «Тигр выходит из клетки»

Описание.

Ходить на четвереньках вперед и назад по 12 раз в каждую сторону.

С помощью этого упражнения разрабатываются мышцы и суставы всего тела. Внутренние органы «радуются своему освобождению». Налаживается циркуляция крови.

4. «Растягивание сухожилий»

Описание.

Руками ухватиться за пальцы ног. Делать наклоны вправо и влево по 12 раз.

СИС: СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Новые книги по цигун

С 1990 года в Пекине на китайском языке начинает выходить серия «Китайский цигун», где в общедоступной форме будут изложены его практические и теоретические основы.

Серия включает научные исследования древних форм цигун, толкования и рекомендации по цигун, описанные в древних трактатах, исторические и документальные источники, а также результаты клинических исследований, исследования цигун за рубежом и параспихологический опыт.

Уже издано две книги: «Три взгляда на осознание действительности» Ши Пина и «Ощущение Ци в организме человека — метод Ю» Яо Чжэньсян. Всего в серию войдет более 30 книг.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КИТАЙ И ВНЕШНИЙ МИР

Е. П. Бажанов. Китай и внешний мир.—
М.: Международные отношения, 1990.— 351 с.

Давно наш читатель не имел возможности познакомиться с достаточно аргументированной работой по китайской внешней политике последнего десятилетия. Давно назрела необходимость с позиций нового мышления, освободившись от шор догматизма и конфронтационности, рассказать читательской аудитории об эволюции внешнеполитических концепций китайского руководства и претворении их в жизнь в условиях осуществляемых в Китае реформ, на трудных, порой мучительных, поворотах в развитии экономической и политической ситуации в стране.

Автор рецензируемой работы ведет читателя со времен героических и в равной мере трагических событий антияпонской и гражданской войны (30—40-е годы), когда развитие внешних связей еще не находившейся у власти КПК положило начало формированию определенных внешнеполитических концепций, положенных впоследствии в основу внешнеполитических доктрин нового государства — Китайской Народной Республики.

Книга состоит из трех глав, в которых оправданно — с точки зрения структуры и содержания — дается проблемно-хронологическое изложение темы: I гл. в 30—70-е годы, II гл. в 1982—1985 гг., III гл. — 1985—1988 г. Уже при чтении предисловия читатель попадает в атмосферу деловой жизни современной провинции Гуандун, где, возможно, более широко, нежели в ином уголке Китая, открыто окно (специальная экономическая зона — СЭЗ — Шэньчжэнь) во внешний мир. Здесь еще, казалось, совсем недавно, в конце 70-х годов ютился небольшой поселок с 30 тыс. человек и десятком-другим мелких лавок, но теперь... Поражают глаз лес небоскребов, роскошные витрины магазинов, нарядно одетая публика. Шэньчжэнь сравнивают ныне с наиболее процветающими городами Азии. Здесь — утверждают нередко со страниц западной прессы — «азиатская Бразилия», «город XXI века», «витрина Китая» и т. д. Автор, оценивая опыт Шэньчжэнь и опираясь на свои личные впечатления, — а это одна из важных достоинств работы, — стремится раскрыть

суть важнейших преобразований в КНР, позволивших Китаю привлечь иностранный капитал, новую для страны технологию, содействовать внедрению в экономическую жизнь современных навыков производства. Практически все тихоокеанское побережье страны было вовлечено в осуществление открытой политики.

Е. Бажанов вполне оправданно — и на весьма интересном материале — рассказывает о роли китайских эмигрантов (хуацяо) в модернизации КНР (с. 7—10). Возможно, тема о вкладе патриотически настроенных хуацяо в развитие современного Китая заслуживает и большего внимания, нежели ей, видимо, из-за издательских ограничений, уделено в работе.

Е. Бажанов решил критически осмыслить опыт взаимоотношений между социалистическими странами в 60—70-е годы и назвал даже один из разделов книги: «Есть ли почва для конфликтов в социалистическом мире?». Он стремится с реалистических позиций оценить трагические страницы как в истории России, так и Китая, когда ради удовлетворения эгоистических амбиций представителями руководящих кругов той и другой стороны приносились в жертву интересы великих соседних народов. Сталин и Мао, Хрущев и Мао — трения, противостояние между лидерами — тема, вызывающая безусловно интерес читателей, нашла свое отражение и на страницах книги.

Автор книги горит желанием порвать с идеологическими догматами прошлого и ему, надо сказать, это нередко удается, о чем свидетельствуют оригинальные размышления в ряде глав работы. Вместе с тем невольно остаются вопросы, которые возникают при чтении как книги Е. Бажанова, так и других такого же рода изданий. Можно ли, например, говорить сегодня о социалистическом мире как о некоей общности государства, определяемой географическими рамками? Не проявляется ли ныне социалистическая идеология (под чем можно символически подразумевать социалистический мир, социалистическую нравственность) вне географических рамок, внутри различных общественных структур? Могла ли политика КНР, как и Советского Союза, где отсутствовали демократические институты, не действовали по существу механизмы демократического управления отражать общественные интересы в целом, а не только политикоформирующих кругов общества? Эти и другие подобные вопросы еще ждут своего ответа.

Попытки политического руководства любого государства экспортировать свои идеи, свой образ мысли во внешний мир безусловно имеют свои исторические предпосылки. Своеобразный мессианизм проявился во внешнеполитических установках как СССР, так и КНР на разжигание классовой борьбы; автор справедливо обращается к истории взаимоотношений между Комин-

тарном и КПК, между Москвой и Гоминьданом, он приводит в качестве важного аргумента точку зрения китайских исследователей, в частности, из одной из статей с претенциозным наименованием «Просчеты и ошибки в руководящих идеях Коминтерна» (с. 31). Но в то же время Е. Бажанов отмечает и иную позицию китайских историков, указывающих на большой вклад Коминтерна в развитие революционного движения в стране. Весьма противоречивое взаимодействие революций в России и Китае до последнего времени по существу игнорировалось нашими авторами, стремившимися изобразить деятельность Коминтерна лишь в радужных тонах. Реалии сегодняшней жизни, знакомство с ранее недоступными архивами стимулируют поиск осмысления диалектики развития революционного движения в России и в Китае прежде всего с позиций необходимости восстановления исторической правды, даже если эта правда воспринимается коммунистами как слишком горькая. И главное, как представляется, для исследователя не «ошибки», «просчеты», а выявление истоков, исторических предпосылок тех деформаций, которые имели место как в СССР, так и в КНР в последующие годы.

Е. П. Бажанов при написании работы опирался на личные наблюдения, беседы и интервью с китайскими политическими деятелями, учеными, дипломатами, журналистами, хозяйственными работниками и простыми людьми, использовал разнообразие и редкие письменные китайские источники, в том числе рассекреченные официальные документы, архивные материалы, мемуары бывших лидеров и т. д. Автор привлекает также материалы из архивов МИД СССР, воспоминания лиц, причастных к выработке политики СССР на китайском направлении, включая Н. С. Хру-

щева и А. А. Громыко. Использован широкий круг оригинальных и ранее не фигурировавших в нашей историографии документов и материалов зарубежного происхождения.

«Подвести черту под прошлым, открыть путь в будущее» — изречение, ставшее уже довольно известным и относящимся к советско-китайским отношениям. Такого рода изречение может позволить себе политик, но не историк. Е. Бажанов ведет поиск как историк, стремясь ответить на многие не теряющие своей актуальности вопросы: в чем просчеты советской внешней политики, которые способствовали стратегическому сближению Пекина с Вашингтоном в 70-х годах? Почему в 80-х годах Китай, наконец, отказался от взаимодействия с Западом против СССР и пошел на нормализацию китайско-советских отношений? Затрагиваются в работе и трагические события в Пекине в июне 1989 г., которые привели к срыву в сотрудничестве КНР с ведущими государствами Запада, с целым рядом развивающихся стран. В заключении содержится развернутый прогноз дальнейшей эволюции китайской внешней политики. Бросающийся в глаза недостаток книги — разноречивый стиль изложения материала. Но этот недостаток не умаляет научно-познавательного уровня рецензируемой работы.

В целом книга «Китай и внешний мир» — заметное явление в нашей научной жизни, позволившее раскрыть «новые белые пятна» в нашем понимании международных отношений, истории великого восточного соседа Китая.

*В. ВОРОНЦОВ,
доктор исторических наук*

ОТ ДИБАО ДО «ЖЭНЬМИНЬ ЖИБАО»

Г. И. Сергеев. От дибАО до «Жэньминь жибао»: путь в 1200 лет. (История средств массовой коммуникации Китая). — М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1989. — 225 с. ил., факс.

Одно из ярких впечатлений, которое советский человек увозит из Китая, — газетно-журнальное изобилие, царящее в этой стране. Нашей «Союзпечати» (если бы только

ей!) до китайской пока далековато. Издания детские и взрослые, фривольные и научные, дорогие, красочно изданные и отпечатанные наскоро на дешевой бумаге, издания утренние и вечерние, полу-, еже- и двухмесячники, переводные, политические, учебные — короче, на все — на все вкусы. Если еще покрутить ручку телевизора или радиоприемника, «попутешествовать» по многочисленным программам, становится окончательно ясно, что «бум» последнего десятилетия не обошел стороной китайские средства массовой коммуникации (СМК). Поражает динамика роста: от 182 газет в 1976 году, которые к тому же, по признаниям китайской стороны, «все были на одно лицо», до почти 2,5 тысяч! Сегодня в Китае издается 6,3 тысячи журналов, ведут передачу 386 радиостанций и 366 телестудий. Настоящий «информационный взрыв»!

Но в отличие от перемен, скажем, в экономике, привлекающих пристальное внима-

ние Китаеведов, перемены в сфере СМК только становятся предметом углубленного исследования. Рецензируемая книга помогает восполнить образовавшийся пробел. Автор ставит перед собой задачу еще более широкую — дать детальный исторический очерк становления и развития СМК, выявить основные тенденции китайской журналистики с тем, чтобы лучше понять ее сегодняшней день.

Китай — страна традиций. Любопытно проследить вместе с автором «родственные черты» между протогазетами и протолистовками, использовавшимися в древние времена для распространения и отстаивания зачастую «крамольных» взглядов, и сегодняшними дацзыбао и «самиздатской» литературой, между «летучей» народной журналистикой и современными «новостями из неофициальных источников» («сяодао сяоси»), между возникшими с незапамятных времен устными формами пропаганды, такими, как анекдот, народная песня, театральное представление, и требованиями, раздающимися сегодня, перестроить методы подачи материалов на телевидении и радиовещании в сторону большей диалогичности и наглядности.

Традиционна для Китая и проблема «свободы печати», вокруг которой в наши дни ломается столько копий. Еще Лян Цичао, указывает автор, писал, что сила или слабость государства зависят от того, насколько, говоря современным языком, открыто и беспрепятственно функционирует система СМК. «Если артерии закупорены, — писал Лян Цичао, — человек заболевает. Если культура не распространяется свободно, (народ) находится в невежестве».

Известен огромный вклад прессы в перестройку, развернувшуюся в нашей стране. В Китае же СМК играют, пожалуй, «вторичную роль» в процессе реформ. Употребляя выражение Лян Цичао, в «артериях» то и дело возникают тромбы, грозящие для общества серьезными осложнениями.

В монографии дан перечень проблем, которые, по мнению ведущих китайских теоретиков и практиков СМК, требуют незамедлительного разрешения. Их основная суть — более широкая реализация принципа «открытости» («кайфан»), близкого по своей сущности к принятому у нас принципу гласности, создание — в чем-то в противовес, в чем-то в дополнение — к партийным изданиям

т. н. «народных». (Любопытно, что авторство последней идеи приписывают Лю Шаоци, предлагавшему еще в мае 1956 года превратить агентство Синьхуа из государственного в народное, с целью придания большей гибкости и живости в работе.)

Наконец, в целях демократизации и ослабления централизованного контроля над СМК ведущие китайские специалисты в области журналистики предлагают ввести систему личной ответственности главных редакторов по аналогии с крупными промышленными предприятиями, где уже введена система личной ответственности директоров и управляющих. Это не ослабило бы, по их мнению, общий партийный контроль в сфере идеологии и общественного сознания, а лишь ограничило бы его. СМК в результате освободились бы от мелочной опеки, сковывающей и омертвляющей особенно чувствительные к этому массовые информационные процессы.

Таковы назревшие новации, стоявшие в повестке дня китайских СМК к 1987—1988 гг. — периоду, когда автор, находясь в научной командировке на факультете журналистики Народного университета Китая, собирал материал для своего исследования. Общеизвестные события 1989 года подтвердили содержащийся в монографии вывод о существенном отставании в сфере массовой коммуникации Китая, о том, что промедление с перестройкой СМК снижает шансы создания в обществе эффективной «системы диалогов» население — власть.

Опыт китайской стороны в развитии средств массовой коммуникации должен помочь нам не только удовлетворить чисто страноведческие интересы, но и более объемно осмыслить вклад советской печати, радио и телевидения в социально-политические процессы, происходящие в нашей стране.

Это, на наш взгляд, представляет еще одну несомненную ценность рецензируемой работы, ставшей первым в советском Китае введении комплексным исследованием более чем тысячелетней истории китайской журналистики.

*Н. РУСАНОВ,
кандидат исторических наук*

ОПЫТ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ КНР

Л. И. Молодцова. Особенности формирования промышленной системы КНР (1949—1985) Главная редакция восточной культуры издательства «Наука».— М., 1988.— 280 с.

Одной из наиболее характерных черт хозяйственной политики в странах, поставивших целью обеспечение экономической самостоятельности, в послевоенный период стало стимулирование национальной промышленности, поиск форм ее преобразования и развития. В этом контексте опыт КНР, безусловно, заслуживает особого внимания — масштабы сдвигов, их влияние на внутренние социально-экономические структуры, специфические черты и в то же время наличие общности с подобными процессами в ряде других стран «третьего мира» позволяют отчетливо проследить ход индустриализации в преимущественно аграрной стране.

Трансформация отсталой промышленности, носящая в послевоенный период глобальные черты, внесла много нового в мировой опыт экономического развития, поставила ряд новых проблем, отчетливо, показала невозможность и даже опасность попыток чрезмерной генерализации какой-либо одной модели. Вместе с тем стала очевидной ошибочность преувеличения местных условий, особенностей в качестве основы для проведения социально-экономической политики. Индустриализация в «третьем мире» вследствие того, что в этот процесс одновременно были втянуты десятки стран, оказала заметное влияние на мирохозяйственные связи, во многом изменила взаимоотношения в рамках всемирного хозяйства, усилив взаимодействие и взаимозависимость различных государств. Очевидно, что индустриализация в КНР с учетом огромных масштабов населения, территории, природных ресурсов стала важным фактором в этом процессе.

Хозяйственная реформа в КНР, начавшаяся в 80-е годы, способствовала ускорению развития (если в 1973—1980 гг. рост ВВП в Китае в среднем составлял 5,4 % в год, то в 1980—1987 гг. он увеличился до 10,3 %), во многом предвосхитила изменения в социально-экономической политике ряда государств «третьего мира». Опыт Китая в преобразовании промышленности дает материал, причем далеко не всегда положительный, для сопоставления концепций развития, как в целом, так и в промышленности в частности, для разработки основных направлений

хозяйственного механизма, адекватного поставленным задачам.

При чтении обширной, насыщенной богатым фактическим материалом книги Л. И. Молодцовой прежде всего отчетливо представляются огромные трудности построения современной промышленности, обеспечения новых соотношений между обрабатывающими и добывающими отраслями, сельским хозяйством и промышленностью в экономически отсталой стране. В рецензируемой работе основной упор сделан на анализе промышленного развития КНР в годы 5-й и 6-й пятилеток, однако проведенное в первом разделе исследование показывает, что причины многих сбоев в промышленности закладывались в предшествующий период, особенно во время «большого скачка».

Представляется, что среди множества проблем, определяющих характер развития промышленности, первостепенной является роль государства и проводимой им политики. Едва ли будет преувеличением сказать, что в процессе индустриализации КНР и бесспорные достижения, и не менее очевидные срывы неизменно определялись государственной экономической политикой. Эта политика в свою очередь формировалась при решающем влиянии политической идеологии, определявшей направления, задачи и методы ее осуществления, не всегда учитывающие трудные реалии хозяйства.

Одним из таких направлений, во многом определивших дальнейшее развитие промышленности, стало быстрое увеличение государственной собственности в этом секторе. Л. И. Молодцова последовательно показывает, как на первоначальном этапе развития КНР шло нарастание числа государственных предприятий и повышение доли госсектора в общем объеме промышленного производства с 26,2 % в 1949 г. до 41,5 % к 1952 г. (с. 9). В отраслевом разрезе это выглядело еще внушительней: 80 % производственных фондов тяжелой промышленности принадлежало государству, в легкой промышленности — 30 %. Такие высокие темпы обобществления (огосударствления) не могли породить заметного разрыва между масштабами собственности и возможностями ее производительного использования. Однако примат идеологических соображений, политический утопизм, характерный для взглядов многих государственных деятелей, и не только в КНР, привели к тому, что за короткий срок в промышленности была фактически осуществлена ликвидация частной собственности. Приведа данные о ходе процесса обобществления, автор делает вполне обоснованный вывод, что поглощение массы мелких предприятий автоматически вело к ужесточению регламентации сверху, делало всю систему государственного руководства строго регламентированной, усиливало подчинение по вертикали, ослабляя, а подчас и ликвидируя другие производственные связи. Очевидно, в книге

это подкреплено многочисленными примерами, что в огромной стране при существенных различиях в исходных условиях разных регионов Китая высокий уровень централизации затруднял развитие промышленности.

Важное значение приобретала активность государства в планировании. Идея достижения и поддержания высоких темпов индустриализации, этой доминанты хозяйственной политики, требовала мобилизации всех ресурсов и их централизованного распределения в форме планирования, носящего директивный характер. Однако довольно скоро практика доказала невозможность руководства промышленностью из единого центра, что породило стремление снизить уровень принятия решений, вовлечь в этот процесс низовые административные инстанции. Это направление в период «большого скачка» стало, как показано в работе, материальным воплощением идеи «идти на двух ногах», то есть попыток укрепить местную промышленность, создать относительную самостоятельность районов с достаточно развитой промышленностью. Выражу попутно несогласие с мнением автора, что в силу ряда обстоятельств в условиях «большого скачка» был спровоцирован массовый перелив рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, занятость в которой возросла на 15 млн. человек (с. 37). Замечу, что урбанизация и заметный рост занятости в промышленности типичны для индустриализации любой страны.

Насколько такой курс на самообеспеченность районов отвечал интересам страны? В работе не дано однозначного ответа, и представляется, что это отражает сложность самой индустриализации. Соединение таких противоречивых начал, как сохранение за центром контроля за основными промышленными показателями и попытки активизировать деятельность на местах, вовлечь местные ресурсы в рамках «двойных плановых показателей», обязательных сверху и встречных снизу, привело, по сути, к потере ориентации и дальнейшему ослаблению производственных связей, не говоря уже о потере качества, поскольку ориентация была взята на количественные показатели (с. 81).

Представляется важным вывод Л. И. Молодцовой о том, что в рамках концепции опоры на собственные силы получили распространение попытки автаркии, самообеспеченности, возможности автономного существования районов, в том числе на случай войны. Создалась экономическая ситуация, для которой было характерно «сочетание жесткого администрирования и фактически слабого экономического контроля» (с. 80).

В ходе анализа изменений промышленной системы КНР закономерно встает вопрос: насколько развитие в ходе индустриализации в отсталой стране может быть пропорциональным? Л. И. Молодцова считает, что теории «решающего звена», «активного балансирования» подорвали осуществление сба-

лансированного развития в 50—60-е годы. Представляется, что такое развитие едва ли возможно, во всяком случае, мировой опыт его не знает. Современное промышленное развитие показывает, что существуют отрасли прорыва, которые достигают более высоких темпов; становятся передовым звеном в структуре промышленности и традиционные отрасли, которые осваивают новую технику вторым эшелонном, постепенно осваивают авангардные технологии. Можно и нужно говорить о пропорциональности в развитии отдельных отраслей промышленности и более широко — отраслей хозяйства, например об определенном соотношении в уровнях аграрного и индустриального секторов, о недопустимости резкого отрыва какой-либо одной отрасли от остальных.

Исследование промышленной системы КНР позволило Л. И. Молодцовой показать наряду с заметными успехами в расширении промышленной базы страны очевидную повторяемость ошибок в курсе на форсированное развитие этого сектора в ущерб другим и непоследовательность в их преодолении. Видимо, это коренится в неизменяемости или слабой подвижности производственных отношений и медленном развитии производительных сил. На протяжении всего исследуемого в книге периода показано, и это представляется безусловной удачей автора, как в разных формах преломляется постулат «политика — командная сила» (см., напр., с. 57), неизменно ведя к нарастанию хозяйственных трудностей.

Маятник экономической политики качается от всеобъемлющей централизации и единообразия форм собственности, сведения их к одной — государственной собственности — до рассредоточения до уровня местных административных органов, но стремление замкнуть руководство на центр сохраняется. Во всех хозяйственных экспериментах присутствует преувеличение «особости» страны — черта, интересно прослеженная в книге на примере ряда концепций, которые здесь невозможно подробно разобрать (см., напр., главу 6). И все же поставим вопрос: насколько оправдан в экономической политике упор на особость? Очевидно, что на экономической политике, формах развития сказываются историческая и иная специфика каждой страны. Попытки не принимать их во внимание приводят к негативным результатам. Вместе с тем существуют закономерности развития хозяйства, в том числе промышленности, которые в общих чертах присущи любой стране. В этом отношении полезна приведенная на с. 114 таблица, где на базе оценок, имеющих в китайской экономической литературе, сопоставлены общие закономерности социалистической экономики и китайская специфика. При внимательном рассмотрении можно сказать, что как общие закономерности, так и специфика достаточно условны и во многом повторяют черты, присущие разным социально-экономическим системам.

В последние годы в советской и зарубежной экономической литературе активно обсуждается вопрос о необходимости и целесообразности высоких темпов роста промышленности, в первую очередь тяжелой, что характерно для становления промышленной базы КНР. Весьма впечатляют приведенные в книге данные — доля тяжелой промышленности, за исключением 1-й пятилетки, составляла около 50 % всех капиталовложений, сокращаясь в годы преодоления кризисных явлений и повышаясь при очередном подстегивании экономического роста (с. 153). Представляется, что такая закономерность свидетельствует об искусственном характере стимулирования тяжелой промышленности, низкой экономической эффективности курса. Его последствия рельефно сказались на всей экономике КНР — консервация средств в незавершенном строительстве, отставание ввода в действие производственных мощностей и их старение, перепроизводство отдельных видов продукции при остром общем товарном дефиците. Л. И. Молодцова показала, что рост тяжелой промышленности дал положительные результаты — освоение новых видов продукции, расширение промышленной базы в отсталых районах, — но отрыв от нужд других отраслей хозяйства, ограничение роста отраслей группы Б неизбежно привели к стагнации рынка, падению заинтересованности непосредственных производителей в результатах своего труда.

Весь этот комплекс условий явился объективной основой пересмотра хозяйственной политики, обозначившейся с начала 80-х годов. Здесь, на наш взгляд, важно отметить, что такой пересмотр начался в КНР с сельского хозяйства, стремления поднять уровень продукции аграрного сектора и снять остроту продовольственной проблемы, чтобы на этой основе ввести экономические методы регулирования в промышленности прежде всего за счет поддержки предприятий, повышения их заинтересованности в росте производства.

Ряд постановлений Госсовета КНР ориентировал промышленные предприятия на рост их самостоятельности. Сформулированные, как всегда, в качестве новых, лаконичных призывов, они содержат такие здравые положения, как необходимость повышения качества использования всех скрытых резервов, осуществления технической реконструкции. Насколько назрели эти перемены, свидетельствуют приведенные в книге показатели обследования 1981—1982 гг.: из 26 тыс. видов машиностроительной продукции 12 тыс. не отвечало необходимым требованиям качества, 4 тыс. было крайне низкого качества, более 60 % продукции машиностроения относилось к техническому уровню 40—50-х годов, менее 5 % соответствовало мировым стандартам 70-х годов (с. 229). Л. И. Молодцова на основе второй промышленной переписи 1986 г. приводит основные черты новой оценки типа

предприятий и их места в системе промышленности по формам собственности и характеру планирования. В числе первых результатов хозяйственной реформы наряду с увеличением продукции имели место, как отмечает автор, распыление средств предприятий для капитальных вложений, резкий рост зарплаты и усиление инфляционных тенденций, незначительное повышение эффективности производства и производительности труда. Эти последствия были в известной мере предсказуемы, поскольку переход от преимущественно командной модели развития к экономической неизбежно связан с перекосами. Интенсивные методы развития промышленности, использование авангардных технологий и повышение на этой основе качества продукции могут быть освоены промышленностью КНР лишь выборочно, то есть в отдельных отраслях, прежде всего вследствие трудоизбыточного характера экономики. Это означает, что выход на внешний рынок, экспортная модель индустриализации не могут быть осуществлены, и закономерен достаточно длительный период ориентации на внутренний рынок, накопления средств за счет мобилизации внутренних ресурсов. Очевидно, что сверхвысокие темпы развития промышленности — пройденный этап хозяйственной политики. Переход от количественных к качественным показателям не может быть осуществлен в рамках скачкообразного развития, без подтягивания остальных отраслей и соблюдения определенных соотношений в уровнях их роста.

В работе собран и обобщен огромный фактический материал, использован широкий круг национальных источников. Подчас создается впечатление, что это довлеет над автором, не оставляет времени для выводов и обобщений. И еще одно критическое замечание — опущен такой важный аспект, как встроенность промышленности КНР в мирохозяйственные связи, воздействие мирового научно-технического прогресса на ее развитие. В известной мере это отражает сложившееся положение, периферийно-ту промышленность страны, но отметить эту черту необходимо, особенно с учетом возрастающей взаимозависимости в мировом масштабе. В целом же читателю предложено глубокое исследование, которое содержит всесторонний анализ трудной и актуальной проблемы развития.

*Е. А. БРАГИНА,
доктор экономических наук,
ведущий исследователь Центра
развивающихся стран
ИМЭМО АН СССР*

ПАМЯТИ В. Д. ТИХОМИРОВА

Владимир Дмитриевич Тихомиров скончался 16 декабря 1989 г. Это печальная весть для многих его друзей и коллег как у нас в стране, так и за рубежом.

В. Д. Тихомиров был одним из ведущих корееведов страны. Он внес огромный вклад в изучение новой и новейшей истории Кореи. Его многочисленные труды по проблемам Корейского полуострова пользуются широкой известностью в СССР и во многих зарубежных странах.

В. Д. Тихомиров пришел с практической работы в Институт востоковедения АН СССР в 1969 г. За несколько месяцев он подготовил и защитил кандидатскую, а затем, спустя несколько лет, и докторскую диссертацию. Его отличала не только широта эрудиции, но и глубина научного подхода к исследуемым проблемам.

Владимир Дмитриевич Тихомиров ушел из жизни внезапно, полный творческих сил и планов на будущее. Всего за несколько месяцев до смерти он был назначен заведующим отделом комплексных проблем международных отношений, в котором раньше возглавлял сектор региональных проблем и был руководителем исследований по международным проблемам в азиатско-тихоокеанском регионе.

В. Д. Тихомиров был чутким и внимательным к своим коллегам и сотрудникам и глубоко интеллигентным человеком.

Светлая память о Владимире Дмитриевиче сохранится в наших сердцах.

*Сотрудники Институтов
востоковедения и Дальнего
Востока АН СССР*

ПАМЯТИ Б. Г. ГРЕБЕННИКОВА

20 февраля 1990 года после тяжелой болезни скончался бывший заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», член Союза журналистов СССР Борис Георгиевич Гребенников. Борис Георгиевич прожил напряженную трудовую жизнь.

Он родился 18 ноября 1921 года в г. Сочи. Во время войны был ополченцем в районе Новороссийска — Туапсе. В 1945 г. поступил на Восточный факультет Ленинградского государственного университета. В период учебы находился в двухгодичной командировке в Китае. В 1953 г. закончил учебу по специальности историка-китаеведа и в течение года работал переводчиком в Отделе Китая НИКИ МВТ СССР.

Свыше тридцати лет он посвятил себя редакторской работе — в журналах «Международная жизнь», «Современный Восток», «Внешняя торговля».

С августа 1981 года до ухода на пенсию в октябре 1988 года работал в редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» заместителем главного редактора. Будучи членом редколлегии журнала, прилагал много усилий для улучшения содержания журнала.

Бориса Георгиевича всегда отличали большое трудолюбие, доброжелательность в отношениях с сотрудниками, квалифицированный подход к работе. Он хорошо знал проблемы мировой экономики, вопросы внешней и внутренней политики КНР, был связан с широким кругом авторов, упорно работал с начинающими авторами.

Трудовая деятельность Бориса Георгиевича была отмечена в 1975 году Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, а в 1980 году — медалью «За трудовые заслуги».

Борис Георгиевич Гребенников навсегда останется в памяти друзей и коллег из редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока», издательства «Прогресс», ИВД АН СССР скромным, трудолюбивым и отзывчивым товарищем.

*Сотрудники редакции журнала
«Проблемы Дальнего Востока»*

НОВЫЕ КНИГИ

Бянь Чжичжун. Секреты молодости и долголетия. Авторез. пер. с кит.— М.: Мол. гвардия, 1989.— 111 с.— 3 р. 100 000 экз.— При участии и по заказу РКФ «Коллаж».

Тененбаум В. Э., Носачев Л. В. Японско-русский и русско-японский авиационно-космический словарь: Ок. 60 000 терминов / Под ред. Л. В. Носачева.— М.: Рус. яз., 1989.— 774 с.— 9 р. 30 к. 4900 экз.

Исаев М. П. Внешняя политика стран Индокитая.— М.: Наука, 1989.— 248 с.— 2 р. 30 к. 1350 экз.

Маслов Г. М. Феодальный Вьетнам.— XIV — нач. XV в.— М.: Наука, 1989.— 191 с.— 1 р. 50 к. 1150 экз.

Попов Г. В., Сагоян О. А., Диденко В. В. У-шу. Путь к здоровью и гармонии.— М.: СП «Интерпринт». Хозрасчетное предприятие «Путь». 1989.— 128 с., ил.— 3 р. 50 к. 100 000 экз.

Бухарин: человек, политик, ученый / Под общ. ред. В. В. Журавлева; Сост. А. Н. Солопов.— М.: Политиздат, 1990.— 414 с.— 1 р. 10 к. 100 000 экз.

Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет.— М.: Наука, 1990.— 168 с.— 2 р. 50 к. 1500 экз.

Мудрость веков: Древняя тадж. медицина о сохранении здоровья.— Кишинев: Молд. отд-ние Кинофонда СССР, Фирма «Cordcordia», 1989.— 215 с.— 3 р. 100 000 экз.

Намикоши Т. Шицу / Пер. с англ.— Переизд.— Минск: Беларусь, 1989.— 64 с.— 70 к. 200 000 экз.

Строй уйгурского языка / Отв. ред. Г. С. Садвакасов.— Алма-Ата: Наука, 1989.— 471 с.— 7 р. 30 к. 1000 экз.

«Дух Ямато» в прошлом и настоящем: Сб. / Отв. ред. Л. Д. Гришелева, И. А. Латышев; Сост. А. А. Долин.— М.: Наука, 1989.— 212 с., ил.— 1 р. 20 к. 6400 экз.

Феномен у-шу (Авт.— сост. А. М. Банников.— Краснодар: Ред.— изд. отдел упр. изд-в, полиграфии и кн. торговли Краснодар. крайисполкома, 1989.— 60 с., ил.— 3 р. 5000 экз.

Сад плененных сердец: Классич. любовная проза Востока / Пер. с араб., перс., санскрита, урду, малайск., кит., япон; Сост. В. Н. Брагинского; Ил. Р. В. Халилова.— М.: Правда, 1989.— 606 с., ил.— 3 р. 30 к. 300 000 экз.

Царь-дерево: Современ. кит. повести / Пер. с кит.; Сост. А. Н. Желуховцев.— М.: Радуга, 1989.— 544 с.— 3 р. 50 к. 50 000 экз.

Ерохова

05.90 А 01329 Формат 70×100^{1/16}
урная. Усл. печ. л. 18,2 Усл. кр.-отт. 37,0
Заказ 152 Цена 70 коп.

Издательство «Прогресс»
в СССР по делам издательств,
Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17.
кий полиграфический комбинат
СССР по печати
кой области